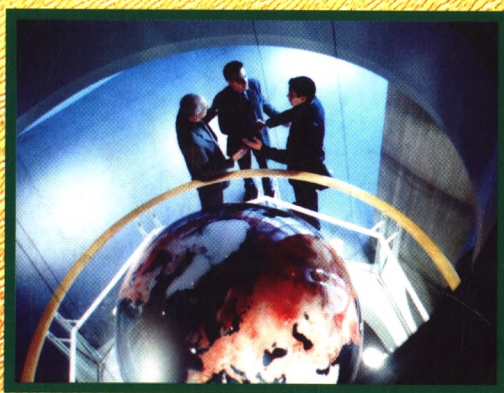

86. У/О/ФЗ
401

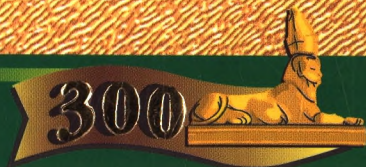
УЧЕБНОЕ // ПОСОБИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Под редакцией
С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова

 ПИТЕР®

УЧЕБНОЕ

ПОСОБИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Под редакцией
С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова**

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности (направлению подготовки)
ВПО 030201 (020200) и 030200 (520900) «Политология»

Издательская программа

300 лучших учебников для высшей школы

осуществляется при поддержке Министерства образования РФ

ПИТЕР®

**Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск**

2007

ББК 66.4(0)Зя7

УДК 327(075)

М64

Рецензенты:

С. М. Виноградова, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;

В. С. Максимова, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Петрозаводского государственного университета.

М64 **Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. — СПб.: Питер, 2007. — 448 с. — (Серия «Учебное пособие»).**

ISBN 978-5-469-00447-9

5-469-00447-3

В данном учебном пособии рассматриваются актуальные вопросы теории и практики современных международных отношений и мировой политики. Авторы анализируют основные теоретические концепции международных отношений, проблемы современной мировой политики, а также проблемы международных отношений в контексте внешней политики нынешней России. Особое внимание уделено характеристике ситуаций, складывающихся в разных регионах мира, и перспективам развития отношений России со странами Западной и Восточной Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки, государствами СНГ.

Учебное пособие предназначено студентам высших учебных заведений, изучающим курсы, предусмотренные государственными стандартами, по следующим специальностям и направлениям: «Политология» («Мировая политика и международные отношения»); «Связи с общественностью» («Современные международные отношения»); «Международные отношения» и «Регионоведение» («Основы теории международных отношений»); «Социология» («Социология международных отношений»).

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности (направлению подготовки) ВПО 030201 (020200) и 030200 (520900) «Политология».

ББК 66.4(0)Зя7

УДК 327(075)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца.

ИМЕНИ БАСИЛА СТЕФАНИКА
НАУКОВА БИБЛИОТЕКА

ISBN 978-5-469-00447-9

ИНВ. №

©ООО «Питер Пресс», 2007

Оглавление

Предисловие	10	
Часть I. Теоретические концепции международных отношений		
Глава I. Мировая политика и международные отношения как объект изучения		14
§ 1. Соотношение категорий «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика»	14	
§ 2. Теория международных отношений в структуре социально-гуманитарных наук	20	
§ 3. Методы изучения международных отношений	28	
Контрольные вопросы и задания	32	
Литература	32	
Глава II. Проблемы международных отношений и внешней политики в истории социально-политической мысли		34
§ 1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Древнего мира	34	
§ 2. Формирование и развитие реалистических представлений о международных отношениях в политической мысли эпохи Возрождения и Нового времени	36	
§ 3. Генезис либеральной концепции международной политики	39	
§ 4. Марксизм и международные отношения	47	
Примечания	48	
Контрольные вопросы и задания	49	
Литература	49	
Глава III. Геополитические концепции международных отношений		51
§ 1. Генезис геополитики	51	
§ 2. Германская школа геополитики	54	

§ 3. Британская школа геополитики	56
§ 4. Североамериканская школа геополитики	60
Примечания	65
Контрольные вопросы и задания	66
Литература	66
Глава IV. Теоретические исследования международных отношений в политической науке 40–60-х гг. XX в.	68
§ 1. Политический идеализм в теории и практике международных отношений	68
§ 2. Политический реализм в США	70
§ 3. Политический реализм в Западной Европе	76
§ 4. Модернистские концепции международных отношений	78
Примечания	84
Контрольные вопросы и задания	84
Литература	84
Глава V. Развитие теории международных отношений в 70–90-е гг. XX в.	86
§ 1. Неолиберальные концепции международных отношений	86
§ 2. Становление неореализма	89
§ 3. Постмодернистские и неомарксистские концепции международных отношений	95
§ 4. Теоретические концепции международной интеграции	102
§ 5. Формирование теории международных режимов	107
Примечания	109
Контрольные вопросы и задания	109
Литература	110
Глава VI. Теоретические дискуссии по проблемам международных отношений после окончания холодной войны	111
§ 1. Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы	111
§ 2. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона	112
§ 3. Геополитические концепции З. Бжезинского	117
§ 4. Мир-системный анализ И. Валлерстайна	119
Примечания	125
Контрольные вопросы и задания	126
Литература	126

Глава VII. Система и структура международных отношений	128
§ 1. Виды и уровни международных отношений	128
§ 2. Теоретические модели международных систем	130
§ 3. Эволюция системы международных отношений после окончания холодной войны	136
Примечания	140
Контрольные вопросы и задания	140
Литература	141
Глава VIII. Теоретические основы изучения и урегулирования международных конфликтов	143
§ 1. Сущность и типология международных конфликтов	143
§ 2. Структура и процесс развития международных конфликтов	144
§ 3. Пути мирного урегулирования международных конфликтов	148
Контрольные вопросы и задания	151
Литература	151
Часть II. Актуальные проблемы мирового политического процесса	
Глава IX. Глобализация как основная тенденция развития мирового политического процесса	154
§ 1. Теоретические дискуссии по вопросам глобализации	154
§ 2. Мировая политика и мировая экономика в условиях глобализации	160
§ 3. Глобализация и судьба национального государства	164
§ 4. Политические движения и организации в условиях глобализации	168
§ 5. Этнополитические процессы в современном мире	172
Примечания	177
Контрольные вопросы и задания	179
Литература	179
Глава X. Страны и регионы современного мира в условиях глобализации	180
§ 1. Третий мир в условиях глобализации	180
§ 2. Глобализация и проблемы современной России	186
§ 3. Перспективы глобализации	189
Примечания	196

Контрольные вопросы и задания	196
Литература	197
Глава XI. Проблемы международной безопасности в современном мире	198
§ 1. Основные теоретические подходы к обеспечению международной безопасности	198
§ 2. Военно-политические аспекты международной безопасности	202
§ 3. Проблемы противодействия терроризму в современном мире	210
Примечания	216
Контрольные вопросы и задания	216
Литература	217
Глава XII. Политика и право в международных отношениях	218
§ 1. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений	218
§ 2. Международное право как социальный институт	223
§ 3. Нормы и принципы международного права	227
§ 4. Международное право в современном мире	231
Примечания	238
Контрольные вопросы и задания	238
Литература	239
Глава XIII. Международные организации в мировом политическом процессе	240
§ 1. Сущность и типология международных организаций	240
§ 2. Возникновение, структура и принципы деятельности ООН	248
§ 3. ООН в современном мире	258
Примечания	263
Контрольные вопросы и задания	264
Литература	265
Глава XIV. Внешняя политика и дипломатия	266
§ 1. Теоретические концепции внешней политики	266
§ 2. Теория и практика принятия внешнеполитических решений	269
§ 3. Дипломатия и дипломатическая служба	278

Примечания	284	
Контрольные вопросы и задания	285	
Литература	285	
Часть III. Внешняя политика России и современные международные отношения		
Глава XV. Внешняя политика Российской Федерации в современных условиях		288
§ 1. Внешнеполитический потенциал и национально- государственные интересы современной России	288	
§ 2. Политическая система и внешняя политика Российской Федерации	290	
§ 3. Основные направления и приоритеты внешнеполитического курса Российской Федерации ...	298	
Примечания	304	
Контрольные вопросы и задания	304	
Литература	304	
Глава XVI. Внешняя политика США и российско- американские отношения		306
§ 1. Основные тенденции развития российско-американских отношений после окончания холодной войны	306	
§ 2. Итоги и перспективы российско-американских отношений	317	
Примечания	323	
Контрольные вопросы и задания	323	
Литература	324	
Глава XVII. Россия и Западная Европа в современных международных отношениях		326
§ 1. Россия, НАТО и проблемы европейской безопасности ...	327	
§ 2. Россия и Европейский союз	334	
Примечания	342	
Контрольные вопросы и задания	343	
Литература	343	
Глава XVIII. Постсоветское пространство во внешней политике современной России		345
§ 1. Проблемы и перспективы развития СНГ	345	

§ 2. Отношения России с Украиной, Белоруссией и Молдовой	348
§ 3. Россия и постсоветские государства Кавказа и Центральной Азии	356
Примечания	363
Контрольные вопросы и задания	364
Литература	365
Глава XIX. Россия и посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы	366
§ 1. Историческое наследие и современное состояние отношений России с восточноевропейскими странами	366
§ 2. Проблемы формирования новой модели взаимоотношений России со странами Центральной и Восточной Европы ..	377
Примечания	380
Контрольные вопросы и задания	380
Литература	380
Глава XX. Внешняя политика России и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе	382
§ 1. Россия и интеграционные процессы в Азиатско- Тихоокеанском регионе	382
§ 2. Внешняя политика КНР и российско-китайские отношения	386
§ 3. Россия и Япония	391
§ 4. Россия и проблемы Корейского полуострова	397
§ 5. Отношения России со странами Юго-Восточной и Южной Азии	402
Примечания	407
Контрольные вопросы и задания	408
Литература	408
Глава XXI. Внешняя политика России и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке	410
§ 1. Россия и проблемы ближневосточного урегулирования	410
§ 2. Отношения России с арабскими странами	414
§ 3. Россия и Турция	420
§ 4. Россия и Иран	423
Примечания	426

Контрольные вопросы и задания	426
Литература	427
Глава XXII. Отношения России со странами Африки и Латинской Америки	428
§ 1. Россия и Африка	428
§ 2. Россия и Латинская Америка	435
Примечания	442
Контрольные вопросы и задания	442
Литература	443

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX и XXI вв. в мире происходят радикальные изменения. После окончания холодной войны преобладающей тенденцией мирового развития стала глобализация. Процесс глобализации обусловлен технологическими сдвигами, изменениями в области транспортных и информационных коммуникаций. Начавшись в экономической сфере, глобализация охватила практически все сферы общественной жизни. В современном мире, с одной стороны, возрастает взаимозависимость различных стран и регионов, исчезают разделявшие их барьеры, с другой стороны, усиливается разрыв между богатыми и бедными государствами, обостряются социально-экономические, этнокультурные и политические противоречия внутри государств. Угрозы, с которыми сталкивалось человечество в годы холодной войны, отошли на задний план, но не исчезли вовсе. В то же время появились новые проблемы, поэтому обеспечение всеобщей безопасности требует новых подходов и нового уровня межгосударственного взаимодействия. В такой международной ситуации Россия после распада СССР заново формировала свою внешнюю политику и искала место в современном мире.

Этот поиск был непростым, сопровождался ошибками и даже неудачами на международной арене. Внутри страны проблемы международных отношений и внешней политики находились в центре острых дискуссий. В ходе таких дискуссий часто обнаруживался дефицит знаний по проблемам международной политики у многих представителей российской общественности и российской политической элиты. Кроме прочего, это можно объяснить и тем, что в советский период единственной теоретико-методологической основой изучения международных отношений был марксизм-ленинизм. По мере того как авторитет коммунистической идеологии падал, прежние представления о мировых политических процессах размывались и в российском общественном сознании возникал вакуум, заполнявшийся различными случайными и зачастую ненаучными концепциями.

Подготовка специалистов в области политологии, социологии, международных отношений, регионоведения, начавшаяся во многих высших учебных заведениях страны, должна была восполнить недостаток знаний по проблемам мировой политики и международных

отношений. Учебные планы этих специальностей предусматривают изучение вопросов теории и практики современных международных отношений. Подобные учебные курсы стали изучаться также на исторических и других гуманитарных факультетах вузов. Существенным препятствием в подготовке такого рода специалистов поначалу было недостаточное число учебных пособий по проблемам международных отношений. В последнее время ситуация изменилась к лучшему. Появились учебники и учебные пособия П. А. Цыганкова, М. М. Лебедевой, Н. А. Косолапова и других авторов, коллективные издания. Однако работ, которые одновременно охватывали бы разнообразные аспекты теории международных отношений, практические проблемы международной политики, внешнеполитической деятельности России и ее отношений с различными странами и регионами современного мира все же недостаточно.

Предлагаемое учебное пособие написано с учетом опыта преподавания курса «Мировая политика и международные отношения», а также других общих и специальных курсов для студентов Санкт-Петербургского государственного университета, высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Северо-Запада Российской Федерации.

Учебное пособие состоит из трех частей. В части I проанализированы основные теоретические концепции международных отношений. Рассмотрен процесс зарождения и развития представлений о международной политике в истории социально-политической мысли. Дается обзор ведущих школ и направлений геополитики. Анализируются этапы развития теории международных отношений. Дается обзор теоретических дискуссий по проблемам международных отношений после окончания холодной войны. Характеризуются система и структура современных международных отношений.

В части II пособия представлен анализ проблем современной мировой политики. Раскрывается сущность процессов глобализации, показывается противоречивость его последствий для различных регионов мира. Дается характеристика глобальных проблем современности и возможных путей их решения. Анализируются традиционный и современный подходы к обеспечению международной безопасности. Рассматриваются проблемы правового регулирования международных отношений и роль международных организаций в мировом политическом процессе.

В части III анализируются основные проблемы международных отношений в контексте внешней политики современной России. Характеризуется ситуация, складывающаяся в различных регионах мира.

Анализируются проблемы и перспективы развития отношений России со странами Западной и Восточной Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки, государствами СНГ.

Учебное пособие может быть использовано для изучения учебных курсов, предусмотренных государственными стандартами по следующим специальностям и направлениям: «Политология» («Мировая политика и международные отношения»); «Связи с общественностью» («Современные международные отношения»); «Международные отношения» («Основы теории международных отношений» и «Современная внешняя политика Российской Федерации в контексте нового миропорядка»); «Регионоведение» («Основы теории международных отношений»); «Социология» («Социология международных отношений»); «Конфликтология» («Глобальные международные конфликты и мирные стратегии»).

Учебное пособие подготовлено авторским коллективом кафедры международных политических процессов философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Общее руководство и научное редактирование осуществлено доктором политических наук, профессором *С. А. Ланцовым*. Отдельные главы и параграфы написаны следующими авторами:

- ◆ предисловие, главы I–VIII, XI, XII, XIV, XV, XVIII, а также § 2, 3, 5 главы XX, § 1 главы XXI написаны доктором политических наук, профессором *С. А. Ланцовым*;
- ◆ главы IX, X, XVI, XVII — доктором политических наук, профессором *В. А. Ачкасовым*;
- ◆ главы XIII и XXII — доктором философских наук, профессором *Д. З. Мутагировым*;
- ◆ глава XIX — кандидатом политических наук, доцентом *А. В. Яхловым*;
- ◆ § 2–4 главы XXI — кандидатом исторических наук *Г. Г. Исаевым*;
- ◆ § 1, 4 главы XX — магистром политологии *И. С. Ланко*.

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава I

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

---

§ 1. Соотношение категорий «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика»

Социально-гуманитарные науки, изучающие мировые политические процессы, в качестве объекта исследования рассматривают общественные явления, которые последние столетия принято обозначать термином «международные отношения». При более детальном определении предметной области этих наук невозможно обойтись без таких категорий, как «внешняя политика», «международная политика», «мировая политика». Содержание этих категорий, их взаимосвязь и соотношение по-разному понимаются и раскрываются в отечественной и зарубежной литературе. Поэтому следует специально рассмотреть этот вопрос.

Центральное, системообразующее место среди всех вышеназванных категорий принадлежит категории «международные отношения». Анализируя данную категорию, следует иметь в виду, что сам феномен международных отношений не является раз и навсегда застывшим, а постоянно меняется, эволюционирует. Сегодня он не такой, каким был 200 и тем более 2 тыс. лет тому назад, а через 100 лет будет совсем иным, чем в наши дни. На динамику международных отношений оказывает существенное влияние внешняя среда — внесоциальная и социальная. Под *внесоциальной средой* системы международных отношений принято понимать то, что существовало до появления человека и человеческого общества. Это природа в ее первоначальном, не затронутом внешним воздействием виде, представляющая объект изучения геологии, географии, метеорологии, экологии и т. д. Там, где влияние внесоциальной среды на международные отношения особенно заметно, на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин возникают особые, пограничные науки, например геополитика.

По сравнению с темпами развития общества изменение природной среды происходит крайне медленно. Очертания материков и континен-

тов, морей и океанов, расположение рек и горных хребтов остались такими же, как 2–3 тыс. лет назад. Но сегодня сама внесоциальная среда испытывается воздействием технического и технологического прогресса и, в свою очередь, меняясь, оказывает влияние на международные отношения. Очевидно, что изменение климата или истощение того или иного природного ресурса не может не отразиться на экономике и на повседневной жизни людей, а тем самым — и на отношениях между странами и народами.

Воздействие социальной среды на международные отношения гораздо глубже и динамичнее. *Социальной средой* называется все, что появилось вместе с человеком, и то, что определяет жизнь общества. Это экономика, политика, техника, технология, идеология, культура, религия и т. д. Авторы известной работы о воздействии внешней среды на международные отношения супруги Герберт и Маргарет Спруты привели множество интересных конкретных примеров подобного воздействия. В отличие от XX в., когда многие международные проблемы было возможно решать путем переговоров с использованием технических средств без личных контактов между политическими лидерами разных стран, Александр Македонский не мог сделать то же самое, позвонив персидскому царю Дарию по телефону, ввиду отсутствия такового. Гитлер, личные убеждения которого допускали использование любых чудовищных средств уничтожения человека, так и не стал обладателем ядерного оружия. Нетрудно себе представить, какими могли быть итоги Второй мировой войны, если бы «урановый проект» в Германии был доведен до конца. Особое влияние на эволюцию международных отношений в последнее столетие оказало развитие транспортных и информационных технологий.

Вернемся теперь к исходному пункту нашего разговора. Итак, термин «международные отношения» является русскоязычным эквивалентом термина *international relations*. Он был введен в оборот английским философом Дж. Бентамом на рубеже XVIII–XIX вв. Появление данного термина в тот период не случайно, поскольку именно рубеж XVIII–XIX столетий стал важным этапом в эволюции самого феномена международных отношений. К тому времени в Западной Европе окончательно сложилась система суверенных национальных государств. На смену отношениям между царствующими монархами и правящими династиями пришли отношения между государственно организованными народами-нациями. Недаром в западной традиции понятия «нация» и «государство» являются синонимами. Параллельно с формированием наций завершился процесс становления граждан-

ского общества, подчинившего себе и преобразовавшего в соответствии со своими потребностями государство.

Тогда же оформилась и та модель международных отношений, которая до недавнего времени считалась эталонной и само собой разумеющейся. В соответствии с ней гражданское общество каждой страны наделяло государство всеми полномочиями в области обеспечения национальной безопасности и внешних сношений. Правительство одного государства в соответствии с этими полномочиями вступало в официальные связи с правительством другого государства, и именно по этому каналу осуществлялось большинство связей не только между государственными структурами, но и между различными субъектами гражданского общества этих стран. Конечно, частные связи, неопосредованные государством, существовали всегда, но неразвитость транспортных и информационных коммуникаций сильно ограничивала их возможности. Большие расстояния требовали много времени и ресурсов, а государство в отличие от частных субъектов могло себе это позволить, и в значительной степени именно государство монополизировало сферу внешних сношений, на долгие времена оставаясь единственным международным актором¹.

Развитие социальной сферы, прогресс транспортных и информационных коммуникаций отразились на экономике и политике. Число взаимосвязей, прежде всего между частными субъектами, в наиболее развитых странах стремительно увеличивалось, причем государство уже не могло и не стремилось их полностью контролировать. Значительно возросли число и роль международных организаций, как правительственных, так и неправительственных, получивших возможность стать в один ряд с государствами как международными акторами. Эти процессы дали основание специалистам говорить о переходе от международных (*international*) к транснациональным (*transnational*) отношениям и даже о «смерти национальных государств» (см. главу V). Представляется, что переход к новому типу отношений еще не произошел; такой переход скорее проявляется как тенденция в наиболее экономически и технологически развитой части современного мира. Но эта тенденция объективно детерминирована и в итоге приведет к «международным отношениям» совсем иного типа, чем те, которые господствовали последние два с половиной столетия.

Но и привычный для нас классический тип международных отношений не был первым и единственным в истории. Ему предшествовали несколько более ранних типов, сложившихся в различные историче-

¹ Актер — участник, субъект международных отношений.

ские эпохи. Очевидно, уже на ранних стадиях развития человеческого общества между первобытными племенами складывались определенные отношения. Древние племена соперничали между собой по поводу территории или других ресурсов или, наоборот, сотрудничали в какой-либо форме. Эти взаимоотношения до появления первых государств не имели политического характера. С возникновением же государств стали складываться новые типы отношений: между государственно неорганизованными племенами и древнейшими государствами, а также между древнейшими государствами. Примеров отношений первого типа в истории немало, достаточно вспомнить многовековую борьбу Западной Римской империи с германскими племенами или Византийской империи со славянскими.

Межгосударственные же отношения встречаются в древности гораздо реже, поскольку государства формировались не одновременно и не во всех регионах мира. Постепенно, по мере распространения государственных форм организации, межгосударственный тип отношений между территориально обособленными социумами стал доминирующим, а затем и единственным. Однако это были не классические международные отношения, которые сложились в эпоху национальных государств. В традиционных социумах государство и общество часто существуют параллельно, почти не пересекаясь во времени и пространстве. Патриархальный крестьянин не отдавал себе отчета в том, в каком государстве он живет, и тем более не задумывался, какие отношения у этого государства с внешним миром. В традиционном государстве сфера публичной политики была ограничена чрезвычайно узким кругом правящей элиты. А в вопросах внешней политики этот круг, за редким исключением, сужался до одного человека — монарха, персонифицировавшего всю государственную власть в своем лице. Практически все межгосударственные отношения Средневековья выглядели как межличностные отношения между монархами. Воевали между собой не народы, а короли, цари, князья и императоры. Вступали в соглашения, принимали на себя обязательства не государства, а те, кто себя с ними отождествляли.

Современные международные отношения имеют сложную внутреннюю структуру, о которой речь пойдет далее (см. главу VII). Центральное системообразующее место в этой структуре принадлежит международным политическим отношениям. Они зародились вместе с появлением самой политики как общественного явления и основного политического института — государства. Эти отношения складывались в результате реального взаимодействия различных

внешнеполитической линии, основанной на их собственных (национальных) интересах.

Международные политические отношения можно рассматривать и как международную политику — одну из основных сфер мира политических процессов и отношений. Субъектами международной политики изначально выступали государства, коалиции государств, а последние сто с лишним лет также и международные межправительственные организации. В центре международной политики находится борьба государств за власть, т. е. способность в максимальной степени влиять на поведение других международных субъектов в соответствии со своими собственными интересами. Из этого вытекает основная дилемма международных политических отношений — межгосударственный конфликт или межгосударственное сотрудничество. В прошлом она часто выступала в виде главной международной проблемы — проблемы войны или мира.

Международная политика формировалась и функционировала в локальных и региональных рамках; вплоть до 2-й половины XIX в. ее глобального уровня не существовало. В Древнем мире параллельно разворачивались конфликты в Европе, Азии, Африке, но они не были взаимосвязаны из-за огромных расстояний между государствами и регионами. Появление глобального уровня международной политики, охватившего все пространство земного шара, связано с завершением процесса превращения мира в единое целое. Начало ему было положено эпохой великих географических открытий, а закончился он в результате революционных технологических и экономических сдвигов в середине XIX столетия. После изобретения парового двигателя и электрических средств связи (телеграф, телефон) появилась возможность преодолевать гигантские расстояния и перемещать огромные объемы грузов, моментально передавать информацию. Развитие транспортных и информационных коммуникаций повлекло за собой экономические, социальные, а затем и политические изменения. Первым и главным следствием революции в области производства, транспорта и связи стало формирование единого мирового хозяйства, в котором колебание экономической конъюнктуры в одной части земного шара сразу же отзывается в других, самых отдаленных его частях.

На базе сложившейся мировой экономики началось формирование и мировой политики. Об этом свидетельствовало и то, что вслед за мировыми экономическими кризисами пришли мировые войны — вооруженные конфликты невиданных и немислимых ранее масштабов.

Термины «мировая политика» и «международная политика» многими авторами употребляются как синонимы. Представляется, что это неверно, мировая политика — это не просто международная политика глобального масштаба. Появление мировой политики стало качественно новым этапом развития всей политической сферы. Мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем, стоящих в ее центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках.

Традиционные для международной политики проблемы межгосударственных конфликтов и межгосударственного сотрудничества дополнились проблемами выбора путей и целей экономического, социального и политического развития мира. Возникшие во 2-й половине XIX в. на базе глобальных политических идеологий (либерализм, консерватизм, социализм и т. д.) международные политические движения стали предлагать свои варианты общественного устройства, а также средств и способов их достижения. Эти движения институционализировались на мировой политической арене как сеть международных неправительственных организаций, тесно связанных с многочисленными партиями, организациями и движениями в отдельных национальных государствах. Граница, разделявшая внутреннюю и внешнюю политику, становилась все более проницаемой, пока в конце XX в. не стала совсем условной. К этому времени особую актуальность для мировой политики приобрели проблемы, получившие определение глобальных проблем современности: экологическая, демографическая, энергетическая, продовольственная и др.

Появление новых проблем в мировом развитии вызвало к жизни множество общественных движений на национальном уровне и новые неправительственные организации на международной арене. Хотя большинство из них при создании не имели политического характера, сложившиеся обстоятельства способствовали их включению в мировой политический процесс, тем самым расширяя число его субъектов.

Мировая политика зародилась и выросла на фундаменте международных отношений и представляет с ними единый и неразрывный комплекс. Однако полного тождества между обеими частями этого комплекса нет. Мировая политика включает и международную политику, но не сводится к ней, она шире по своей проблематике и по числу задействованных в ней субъектов. Международные политические отношения, являясь ведущим и системообразующим элементом структуры международных отношений, не охватывают данную структуру в целом. Международные экономические отношения, входящие

в ту же самую структуру, складываются в рамках мировой экономики, которая выступает по отношению к мировой политике в качестве внешней среды. Таким образом, взаимосвязь мировой политики и международных отношений весьма сложна и динамична. Это следует учитывать при определении предмета исследования научных дисциплин, изучающих международные проблемы. Для теории международных отношений как одной из важнейшей из них предмет исследования может быть определен следующим образом:

- ◆ изучение закономерностей международных отношений как целостной системы;
- ◆ анализ международной политики и внешней политики отдельных государств;
- ◆ анализ динамики и тенденций развития мирового политического процесса и основных направлений деятельности его ведущих субъектов;
- ◆ комплексное исследование отдельных вопросов мировой политики.

Такое широкое предметное поле и определяет место и роль теории международных отношений в структуре современного гуманитарного знания.

§ 2. Теория международных отношений в структуре социально-гуманитарных наук

Теория международных отношений относится к числу сравнительно молодых обществоведческих дисциплин, хотя ее истоки можно найти в социально-политической мысли прошлых столетий и даже тысячелетий. Поскольку предметная область теории международных отношений — это сфера политики, постольку данная наука относится к области политического знания, более того, до недавнего времени она рассматривалась как один из разделов политической науки.

На начальном этапе развития в современной политологии международной проблематике не уделялось значительного внимания. В работах М. Вебера, Г. Моски, В. Парето и других классиков политической науки рубежа XIX–XX вв. практически нет рассуждений о международных отношениях того периода. Такое положение можно объяснить условиями, в которых происходило становление политологии.

В середине XIX в. в политическом развитии ведущих стран Западной Европы и Северной Америки произошли серьезные сдвиги. Там сформировались политические системы современного типа, вклю-

чавшие наряду с государством политические партии, разнообразные группы интересов и другие, новые для того времени институты. Одновременно в этих странах окончательно утвердилась парламентская демократия. Избирательный процесс приобрел регулярный и систематический характер. Сфера публичной политики радикально изменилась, а у ее субъектов сформировались запросы на такие политические знания, которые невозможно было получить традиционным для философии или юридических наук путем. Необходимо было готовить кадры для обслуживания политического процесса, для работы в государственных и партийных структурах. Для удовлетворения этих потребностей в ряде университетов создали кафедры и институты политических наук.

Однако в отличие от внутренней политики формирование внешней продолжалось прежним путем, резко ограничивавшим число субъектов, причастных к принятию внешнеполитических решений. При этом лица, принимающие такие решения, прежде всего использовали собственный опыт и интуицию, лишь в небольшой степени опираясь на исторические и международно-правовые знания. Необходимости в специальном анализе международной политики ни в конце XIX в., ни в начале XX в. не ощущалось. Таким образом, «социальный заказ», вызвавший к жизни политическую науку, требовал исследования только проблем внутренней политики и оставлял «за скобками» проблемы международных отношений.

Первая мировая война изменила ситуацию. Эта война приобрела размеры, которые ранее невозможно было представить, и привела к чудовищным жертвам и разрушениям. Между тем накануне Первой мировой войны мало кто понимал, что международная политика начала XX в. существенно отличается от международной политики середины XIX в., не говоря уже о более ранних периодах. Судя по многочисленным мемуарам, многие государственные деятели находились в плену устаревших представлений и суждений и не до конца предвидели последствия принимаемых ими решений.

Итоги и результаты войны подтолкнули политическое и научное сообщество к мысли о необходимости внимательного изучения международных отношений, для того чтобы в будущем не допустить ошибок, следствием которых стала бы подобная катастрофа. Не случайно термин «теория международных отношений» возник сразу же после окончания Первой мировой войны. Этот термин был впервые использован в 1919 г. в Уэллсском университете в Эйберсвите (Великобритания), где одну из вновь созданных кафедр называли кафедрой

истории и теории международных отношений. В 1920–1930-е гг. похожие названия можно было встретить и в некоторых других университетах Запада. Однако, несмотря на появление термина, теория международных отношений как учебная и научная дисциплина в те годы реально так и не сложилась. Отчасти это было связано с трудностями научно-методического характера, но в большей степени — с ситуацией, сложившейся в области социально-гуманитарных наук, и в частности в политологии, в межвоенный период.

Первая мировая война дезорганизовала внутреннюю экономическую и политическую жизнь тех западноевропейских стран, которые в ней участвовали. Естественно, военное время было не лучшим периодом для развития наук, тем более социально-гуманитарного профиля. Но и окончание мировой войны не означало для многих государств Европы наступления стабильности. Кризисные явления, вызванные войной, охватили всю Европу. Едва последствия войны стали преодолеваться, начался мировой экономический кризис. Он явился причиной серьезных политических сдвигов в странах Европы. Если непосредственно после окончания войны в них развернулись процессы демократизации, то затем вектор политического развития повернулся в обратную сторону. В ряде европейских стран устанавливаются авторитарные и тоталитарные политические режимы, количество демократических государств резко сокращается. Во 2-й половине 1930-х гг. к таковым можно было отнести лишь североευропейские страны, Великобританию, Францию, а в Восточной Европе — лишь Чехословакию.

Любая диктатура несовместима со свободой научного творчества, особенно в области гуманитарных наук, а тем более в политологии. Развитие политической науки в Европе затормозилось, а в некоторых странах и вовсе было остановлено. Достаточно вспомнить, что фашизм одержал победу в Германии и Италии, которые в начале XX столетия занимали лидирующее положение в сфере социально-политических исследований. В 1930-е гг., накануне Второй мировой войны, шла массовая миграция ученых разного профиля из европейских стран в США, среди эмигрантов обществоведы, в том числе политологи, составляли немалую часть. По этим причинам в межвоенный период центр мировой политической науки переместился на североамериканский континент. А в США для развития политологии сохранялись благоприятные условия.

Политологические центры возникли практически во всех ведущих американских университетах. Поскольку в условиях бесконеч-

ных избирательных кампаний существует большой спрос на их научное и методологическое обеспечение, большое место в деятельности американских политологов занимают прикладные, эмпирические исследования. Ведущую роль в американской политической науке межвоенного периода играли ученые Чикагской школы — Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, Г. Госnell. По мнению одного из самых известных современных американских политологов Г. Алмонда, заслуга представителей Чикагской школы состояла в том, что они на примере конкретных эмпирических исследований обосновали вывод о необходимости использования в политологии междисциплинарного подхода, количественных методов, повышения организационного уровня научной работы.

Начало Второй мировой войны и вступление в нее США обусловили повышение роли американской политологии в подготовке и принятии важнейших политических решений как по внутренним, так и по международным проблемам. Требования военного времени привели к резкому повышению спроса на политологическую экспертизу, что, в свою очередь, стало причиной бурного развития сети академических центров и институтов политологического профиля в послевоенные десятилетия.

По окончании Второй мировой войны созданная в рамках системы ООН специализированная организация по вопросам культуры и образования — ЮНЕСКО — провела ряд мероприятий по конституированию политологии в качестве международно признанной научной дисциплины. С этой целью в 1948 г. в Париже состоялся международный политологический коллоквиум, на котором были определены содержание и структура политической науки. В частности, она должна была включать следующие вопросы: 1) политическую теорию (теорию политики и историю политических идей); 2) теорию политических институтов; 3) раздел, изучающий деятельность партий, групп, общественное мнение; 4) теорию международных отношений (исследование международной политики, международных организаций, международного права). Наличие международного права в предметном поле теории международных отношений было связано с тем, что эта наука только начинала свое становление и полной ясности о ее задачах и научно-методических рамках еще не было.

Начиная с 40-х гг. XX в. теория международных отношений развивается в общем русле политической науки. Организационные структуры для преподавательской деятельности и научных исследований в области международной политики формировались в рамках инсти-

тутов, факультетов или иных подразделений общеполитологического характера. Хотя истоки теории международных отношений восходят к истории западноевропейской политической мысли, в качестве самостоятельной дисциплины она конституировалась в США, что и предопределило длительное доминирование американской школы в данном научном сообществе. Даже названия основных направлений теории международных отношений (идеализм, реализм, неолиберализм, нео-реализм) появились на американской почве и отразили американскую специфику. Почти все наиболее авторитетные специалисты в области теории международных отношений: Г. Моргентау, Дж. Розенау, Дж. Модельски, М. Каплан, К. Дойч, К. Уолтц, Р. Гилпин, Р. Кеохейн, Дж. Най и многие другие представляют американскую политическую науку. Постепенно теория международных отношений как научная и учебная дисциплина получила распространение в странах Западной Европы и других регионах.

В Советском Союзе, отделенном «железным занавесом» от большей части остального мира, общественные науки могли существовать только на идеологической и методологической базе марксизма-ленинизма. Это касалось как их содержания, так и структуры, которая обязательно должна была отражать структуру самого марксистского учения, сложившегося еще в 1-й половине XIX в. Поэтому общественные науки, сформировавшиеся в более поздний период, не имели в СССР официального статуса, даже если опирались на марксизм-ленинизм. Например, социология была признана лишь прикладной дисциплиной, и только в самом конце советской эпохи ЦК КПСС наделил ее правами общественной науки и санкционировал создание социологических факультетов и отделений в ряде высших учебных заведений страны. Сфера же политического знания была закреплена за историей КПСС и научным коммунизмом.

Правда, с 1960-х гг., со времен хрущевской «оттепели», положение в советском обществоведении понемногу менялось. Активизация внешней политики Советского Союза как одной из двух сверхдержав биполярного мира требовала более интенсивного и, насколько это допускалось коммунистической идеологией, объективного изучения зарубежных стран и регионов. С этой целью в системе Академии наук СССР были созданы несколько новых научно-исследовательских центров с международной тематикой: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт Дальнего Востока, Институт Африки, Институт международного рабочего движения

(ныне Институт сравнительной политологии). Вместе с ранее существовавшими Институтом философии, Институтом истории, Институтом государства и права, Институтом востоковедения они получили несколько большую свободу научных исследований, особенно по так называемой закрытой тематике.

Перестройка идеологической деятельности и пропаганды, которая во времена Сталина имела крайне примитивный характер, привела к появлению новых форм «критики буржуазной идеологии и ревизионизма». Если раньше вся критика сводилась к площадной брани, то теперь требовалось опровергнуть доводы «классового врага» научнообразными аргументами. Эти требования в какой-то мере способствовали тому, что советская общественность получила возможность ознакомиться с работами западных ученых, в том числе и политологов. Исследования иностранных авторов стали поступать в «спехраны» крупных научных библиотек Москвы и Ленинграда.

Некоторая либерализация духовной жизни советского общества, начавшаяся в годы правления Н. Хрущева, продолжалась и в период, впоследствии названный «застоем». Некоторые советские ученые и публицисты пытались придать отечественному обществоведению схожесть с мировыми стандартами, если не по содержанию, то хотя бы по форме. В частности, Ф. Бурлацкий добивался официального признания политической науки, правда отмечая ее «марксистско-ленинский» характер. Группа сотрудников ИМЭМО во главе с академиками Н. И. Иноземцевым и Е. М. Примаковым готовила объемное издание под названием «Теория международных отношений». Но партийные инстанции так и не одобрили этой инициативы. Удалось лишь создать небольшие исследовательские группы в ИМЭМО и других научных учреждениях, которые пытались заниматься теоретическим анализом международных отношений под прикрытием задачи «разоблачения буржуазной идеологии» или апологетики «ленинской миролюбивой политики КПСС». В Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) читался учебный курс «Основы теории международных отношений», но он совпадал с учебными курсами, изучавшимися в западных университетах, лишь по своему названию.

Падение коммунистического режима и идеологической монополии марксизма-ленинизма радикально изменили ситуацию. Однако влияние новой ситуации в постсоветской России на положение теории международных отношений было противоречивым. С одной стороны, исчезли идеологические и политические препятствия для ее

развития, с другой — экономические потрясения переходного периода негативно сказались на работе научных и учебных учреждений. Крушение коммунистической идеологии образовало идейный вакуум, который стал заполняться самыми разными теориями и концепциями. В связи с актуальностью проблем внешней политики России, ее роли и места в современном мире особую популярность приобрели различные геополитические концепции. В то же время основные положения теории международных отношений оставались малоизвестными даже в среде политической элиты и политологическом сообществе.

Только к концу 1990-х гг. интерес к теории международных отношений стал возрастать. Появились новые научно-теоретические и учебно-методические работы по данной проблематике. Этому способствовали и радикальные сдвиги в области гуманитарного образования, которое перестроилось в соответствии с принятыми в мире стандартами. Сегодня во многих университетах России осуществляется обучение по специальностям «Политология», «Социология», «Международные отношения», «Регионоведение», «Связи с общественностью». Учебные планы всех этих специальностей и направлений включают учебные курсы по теории международных отношений.

Объективно возрастает и практическое значение теории международных отношений, поскольку актуальными остаются вопросы о месте нашей страны в формирующейся системе международных отношений, о перспективах ее развития в условиях глобализации, о приоритетах и основных направлениях российской внешней политики.

Хотя отечественная школа теории международных отношений по мировым меркам является очень молодой, она сталкивается с теми же проблемами, которые стоят перед этой наукой и в странах, где она зародилась. Одна из таких проблем — определение места теории международных отношений в структуре современных наук об обществе. Некоторые российские авторы вслед за своими западными коллегами выдвигают тезис о том, что произошло размежевание теории международных отношений и политической науки. Более того, высказывается мнение о существовании отдельной науки о международных отношениях. С одной стороны, представления об обособлении области изучения международных отношений от политологии имеют под собой объективную основу институционального характера. Если в 1950-е гг. международная проблематика разрабатывалась внутри общеполитологических структур, то в последние десяти-

летия наблюдается организационное усложнение данных структур, появление отдельных подразделений, занимающихся исследованием международной политики. Сегодня и на Западе подготовка политологов и специалистов в области международных отношений и дипломатии часто осуществляется раздельно, в России же так было принято изначально. Очевидно, тезис о существовании отдельной науки — теории международных отношений — стал отражением такой тенденции, поскольку традиционно всем фундаментальным наукам соответствует отдельный учебно-научный комплекс. Например, такие науки, как биология, физика, химия, история и т. д., изучаются в рамках соответствующих факультетов университетов, по ним готовят специалистов для научной и практической деятельности.

С другой стороны, подготовка специалистов в области международных отношений имеет свою специфику, которая заключается в изучении большого количества дисциплин, например иностранных языков. К тому же в современном мире международные отношения отнюдь не сводятся к отношениям политическим, следовательно, специалист в этой сфере — это не всегда политолог. Международные отношения обладают сложной внутренней структурой и исследуются не отдельной наукой, а целым набором научных дисциплин. Каждая из них связана со своей «материнской» сферой научного знания: международное право — составная часть юридической науки; история международных отношений — составная часть исторической науки; мировая экономика и международные экономические отношения — часть экономической науки. Теория международных отношений, как было отмечено, рассматривалась в этом ряду как составная часть политической науки. Можно ли говорить о принципиальном изменении такого положения? На наш взгляд, лишь отчасти. Сегодня наука развивается динамично, во всех областях научного знания происходят перемены, объем научных знаний возрастает, увеличивается число исследовательских проблем и направлений. Вследствие этого внутри наук обособляются отдельные субдисциплины, которые могут стать полностью самостоятельными, возникают пограничные области знания. Сфера политических исследований не является исключением.

В последние годы в рамках политологии наряду с ранее существовавшими появляются новые разделы, такие как сравнительная политология, этнополология, экополитология и т. д. Кроме политологии развиваются и другие науки о политике: политическая философия, политическая социология, политическая антропология, политическая психология, политическая история, политическая география. Место

теории международных отношений, на наш взгляд, — между этими относительно самостоятельными политическими науками и одним из разделов политологии, каковой, собственно, она и была в момент рождения и на первых этапах своего развития. Процесс превращения теории международных отношений в самостоятельную науку еще не завершился, о чем свидетельствует и вышеупомянутая дискуссия.

§ 3. Методы изучения международных отношений

Для изучения международных отношений применяют большинство общенаучных методов и методик, которыми пользуются и в исследованиях иных общественных явлений. В то же время для анализа международных отношений существуют и особые, специальные методологические подходы, обусловленные тем, что мировые политические процессы обладают своей спецификой, отличаются от политических процессов, разворачивающихся в рамках отдельных государств.

Значительное место в исследовании мировой политики и международных отношений принадлежит методу наблюдения. Прежде всего мы видим, а затем оцениваем события, происходящие в сфере международной политики. В последнее время специалисты все чаще прибегают к *инструментальному наблюдению*, которое осуществляется с помощью технических средств. Например, наиболее важные явления международной жизни, такие как встречи лидеров государств, международные конференции, деятельность международных организаций, международные конфликты, переговоры по их урегулированию, мы можем наблюдать в записи (на видеопленке), в телевизионных передачах.

Интересный материал для анализа дает *включенное наблюдение*, т. е. наблюдение, которое ведут непосредственные участники событий или лица, находящиеся внутри изучаемых структур. Результатом такого наблюдения являются мемуары известных политиков и дипломатов, позволяющие получать информацию по проблемам международных отношений, анализировать ее, делать выводы теоретического и прикладного характера. Мемуары представляют собой важнейший источник для изучения истории международных отношений.

Более фундаментальны и информативны *аналитические исследования*, выполненные на основе собственного дипломатического и политического опыта. К их числу можно отнести, например, работы известного в прошлом американского политического деятеля Генри Киссинджера, занимавшего в 1970–1980-е гг. ответственные посты в администрации США.

Важную информацию о внешней политике государств, о мотивах принятия внешнеполитических решений в той или иной международной ситуации можно получить, изучая соответствующие документы. *Метод изучения документов* играет наибольшую роль в исследовании истории международных отношений, но для изучения текущих, актуальных проблем международной политики его применение ограничено. Дело заключается в том, что информация о внешней политике и международных отношениях часто относится к сфере государственной тайны и документы, содержащие подобную информацию, доступны ограниченному кругу лиц, особенно если речь идет о документах и материалах иностранного государства. Работа с большинством таких документов становится возможной только по прошествии времени, часто через десятки лет, т. е. тогда, когда они представляют интерес в основном для историков.

Если доступные документы не дают возможности адекватно оценить намерения, цели, предсказать возможные решения и действия участников внешнеполитического процесса, специалисты могут применять *контент-анализ* (анализ содержания). Так называют метод анализа и оценки текстов. Этот метод был разработан американскими социологами и использован в 1939–1940 гг. для анализа речей руководителей нацистской Германии, опубликованных в печати и передаваемых по радио. С невероятной точностью американские специалисты предсказали время нападения на СССР, место и порядок проведения многих военных операций, выявили секретные идеологические установки германского фашизма. Метод контент-анализа использовался специальными учреждениями США в целях разведки. Только в конце 1950-х гг. он стал применяться широко и приобрел статус методологии изучения общественных явлений.

При проведении контент-анализа в тексте документа, статьи, книги выделяются некоторые ключевые понятия или смысловые единицы с последующим подсчетом частоты употребления этих единиц в соотношении друг с другом, а также с общим объемом информации. В международном политическом процессе такой единицей выступает внешнеполитическая идея, значимая тема или ценность, политическое событие или лицо, т. е. ключевые понятия из внешнеполитической жизни. В тексте она может быть выражена одним словом или устойчивым сочетанием слов. Контент-анализ позволяет делать вывод о возможных внешнеполитических решениях и действиях тех международных акторов, которые стали объектом исследования. Сегодня

ограниченный круг профессионалов использует и более сложные методики контент-анализа.

В изучении международных отношений находит применение и метод *ивент-анализа* (анализ событий), в основе которого — отслеживание динамики событий на международной арене с целью определения главных тенденций развития политической ситуации в отдельных странах, регионах и в мире в целом. Американский исследователь Е. Азар применил ивент-анализ, рассматривая международные конфликты. На основе собранного банка данных, который включал около полумиллиона событий, происшедших в течение 30 лет и в той или иной степени затрагивавших 135 государств, он сделал интересные выводы о механизмах развития конфликтных ситуаций и закономерностях политического поведения в условиях международного конфликта. Как показывают зарубежные исследования, при помощи ивент-анализа можно успешно изучать международные переговоры. В этом случае в центре внимания находится динамика поведения участников переговорного процесса, интенсивность выдвижения предложений, динамика взаимных уступок и т. д.

В 50–60-х гг. XX в. в рамках модернистского направления для изучения международных отношений стали широко применять методологические подходы, заимствованные из других социально-гуманитарных наук. В частности, *метод когнитивного картирования* вначале был апробирован в рамках когнитивной психологии — одного из направлений современной психологической науки. Когнитивные психологи исследуют особенности и динамику формирования знаний и представлений человека об окружающем его мире. На основе этого объясняется и прогнозируется поведение личности в различных ситуациях. Базовое понятие в методологии когнитивного картирования — когнитивная карта, являющаяся графическим изображением содержащейся в сознании человека стратегии получения, обработки и хранения информации и составляющая фундамент представлений человека о его прошлом, настоящем и возможном будущем.

В исследованиях международных отношений когнитивное картирование используется для того, чтобы определить, как тот или иной лидер видит политическую проблему и, следовательно, какие решения он может принять в той или иной международной ситуации. При составлении когнитивной карты сначала выявляют основные понятия, которыми оперирует политический лидер, затем находят причинно-следственные связи между ними, далее рассматривают и оценивают значение этих связей. Составленная когнитивная карта

подвергается дополнительному анализу, после чего делаются выводы о том, является ли для данного лидера приоритетной внутренняя или внешняя политика, насколько значимы для него общечеловеческие моральные ценности, каково соотношение положительных и отрицательных эмоций в восприятии конкретных международных политических ситуаций.

Недостаток когнитивного картирования заключается в трудоемкости этого метода, поэтому в практике его применяют редко.

Еще одним методом, сначала разработанным в рамках других наук, а затем нашедшим свое применение в исследовании международных отношений, стал *метод системного моделирования*. Это метод изучения объекта на основе конструирования познавательного образа, обладающего формальным сходством с самим объектом и отражающего его качества. Метод системного моделирования требует от исследователя специальных математических знаний. Примером метода моделирования может быть модель перспектив мирового развития Форрестера, включающая 114 взаимосвязанных уравнений. Следует отметить, что увлечение математическими подходами не всегда приносит положительный результат. Это показал опыт американской и западноевропейской политической науки. С одной стороны, весьма сложно выразить сущностные характеристики международных процессов и ситуаций математическим языком, т. е. качество измерять количеством. С другой стороны, на результатах сотрудничества ученых, представляющих разные направления науки, сказывается слабое знание математических наук политологами и не менее слабая политологическая подготовка представителей точных наук.

Тем не менее стремительное развитие информационных технологий и электронно-вычислительной техники расширяет возможности использования математических подходов и количественных методов в изучении мировой политики и международных отношений. Определенные успехи в этой области были достигнуты уже в 1960–1970-е гг., например создание аналитических моделей «Баланс сил» и «Дипломатическая игра». В конце 1960-х гг. появилась информационно-поисковая система GASSON, которая основывалась на информационном банке, содержащем сведения о 27 международных конфликтах. Каждый такой конфликт локального характера описывался с помощью однотипных факторов, характерных для трех фаз его протекания: предвоенной, военной, послевоенной. К первой фазе относилось 119, ко второй — 110, а к третьей — 178 факторов. В свою очередь, все эти факторы сводились к одиннадцати категориям. В каждом

конкретном конфликте отмечалось наличие или отсутствие соответствующих факторов и влияние этого обстоятельства на обострение или ослабление напряженности в отношениях международных акторов, втянутых в конфликтную ситуацию. Каждый новый конфликт можно было анализировать на основе этих факторов и по аналогии находить подобную конфликтную ситуацию. Эта схожесть позволяла делать прогнозы относительно возможных сценариев развития событий в новом конфликте. Следует отметить, что прогностические методы исследований международных отношений в современных условиях имеют весьма большое значение.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы эволюции международных отношений.
2. Какие проблемы традиционно стояли и стоят в центре международной политики?
3. Как соотносятся между собой понятия «международная политика» и «мировая политика»?
4. Дайте определение предмета исследования теории международных отношений.
5. Является ли теория международных отношений частью политологии или самостоятельной научной дисциплиной?
6. В какой степени при изучении международных отношений можно использовать методологические подходы различных гуманитарных и естественных наук?

Литература

- Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001.
- Косолапов Н. А. Международные отношения: эпистемология и методы исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3.
- Косолапов Н. А. Теоретические исследования международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2.
- Косолапов Н. А. Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4.
- Косолапов Н. А. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5.

- Кукулка Ю.* Проблемы теории международных отношений. М., 1980.
- Латцов С. А.* Введение в специальность «Политология»: Конспект лекций. СПб., 2000.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Международные отношения как объект изучения. М., 1993.
- Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.
- Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.
- Цыганков П. А.* Международные отношения. М., 1996.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.

Глава II

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

---

§ 1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Древнего мира

Вместе с появлением государства и обособлением политической сферы от других сфер жизнедеятельности общества возникает и феномен международных отношений, а сама политика разделяется на внутреннюю и внешнюю. Эти процессы находят свое отражение в политической мысли Древнего мира. Поскольку сначала межгосударственные отношения были нерегулярными, а внешнеполитическая деятельность выглядела с точки зрения современных критериев весьма примитивно, то и внешнеполитическая мысль древности оставалась неразвитой и фрагментарной. Можно назвать лишь отдельные исключения из этого правила. К таким исключениям относятся внешнеполитические концепции Древнего Китая, которые оказывали значительное влияние на отношения этой самобытной страны с другими народами и государствами на протяжении многих веков.

В китайской политической мысли наиболее четко выделяются два течения — **конфуцианство** и **легизм**. Придерживаясь противоположных представлений о принципах и методах осуществления внешней политики, оба направления исходили из китаецентристской модели мира. И это неудивительно, если вспомнить, что окружавшие Китай народы в большинстве своем стояли на более низкой ступени развития. Центральной проблемой внешней политики Китая на протяжении многих столетий была проблема отношений с окружавшими Поднебесную варварами. Каждое из двух основных направлений древнекитайской политической мысли стремилось обосновать свой подход к этим отношениям. Для конфуцианства было характерно представление об этическом превосходстве китайцев над неполноценными варварами, окружавшими «Срединное царство». Отсюда логически вытекала доктрина о мессианской роли Китая, его духовной обязанности просвещения своих соседей. С точки зрения конфуцианства не могло быть и речи об обратном влиянии варваров на Китай, идея

взаимобогащения разных культур была для него чужда. Конфуцианский подход оправдывал изоляционистские тенденции во внешней политике традиционного Китая.

В противоположность конфуцианству легизм ориентировался на более активный характер внешней политики. Первоначально ранние легисты придерживались в отношении варваров тех же взглядов, что и ранние конфуцианцы, но затем их позиции изменились. Под воздействием реальных условий легисты признали возможность и необходимость заимствования у чужестранцев элементов бытовой культуры или военного искусства, например техники ведения конного боя, если окружающие народы превосходили в этом китайцев.

Такая перемена взглядов вытекала из общей социально-философской и социально-политической концепции легизма. Его сторонники полагали, что по своей природе человек завистлив, алчен и честолюбив, поэтому искусство управления обществом со стороны правителя заключается в умении воздействовать на эти качества и направлять усилия людей на два «полезных занятия» — земледелие и войну. Всякое государство и его правители должны в соответствии с концепцией легизма стремиться к своей выгоде, а значит, укреплять свое могущество, опираясь на экономический и военный потенциал.

Будучи прагматиками, легисты допускали возможность заимствования чужого опыта, если это шло на пользу их государству. Одновременно легисты считали необходимым ведение агрессивных войн, о чем свидетельствует их теория прямо пропорциональной зависимости могущества государства от военных успехов. «С древнейших времен вплоть до нынешнего дня ни разу не случилось, чтобы кто-либо достиг владычества в Поднебесной, не одержав побед», — говорилось в наиболее важном теоретическом первоисточнике легизма «Книге правителя области Шан» [1]. В этой же работе указывался и «рецепт» достижения государственного могущества: «Когда посещаешь какую-либо страну и знакомишься, как управляют ею, то видишь, что могущественно то государство, в котором активно используется военная сила, поэтому обычно народ ненавидит войну; тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной» [2]. Поскольку легизм делал ставку на насилие и принуждение как наиболее эффективные средства управления людьми, постольку и во внешнеполитической сфере легисты ориентировались прежде всего на силовые методы.

Сходный взгляд на роль силового фактора в международных отношениях продемонстрировал древнегреческий мыслитель Фукидид

в своей «Истории Пелопонесской войны». Фукидид также предполагал, что в основе политики государства лежат не столько действия конкретных личностей, сколько объективные и не зависящие от воли людей интересы. Отношения между отдельными государствами по своей природе конфликтны, поскольку каждое руководствуется собственными интересами, а они не могут во всем и всегда полностью совпадать. Война обусловлена конфликтностью международных отношений и представляет собой неизбежное явление. Поэтому каждое государство стремится обеспечить свою безопасность и накапливает необходимую для этого силу. Взгляд, в соответствии с которым главными детерминантами внешней политики являются интересы и сила, впоследствии получил название **реалистического**. В связи с этим многие наши современники видят в Фукидиде предтечу школы политического реализма.

В античные времена зародился и противоположный реалистическому взгляд на перспективы международных отношений. Если реалисты полагают, что конфликты и войны в принципе не устранимы из жизни народов, то их оппоненты возлагают надежду на изменение природы международных отношений и преодоление межгосударственной разобщенности, на создание единого для всех народов универсального центра, способного обеспечить всеобщий мир и безопасность. Истоки таких представлений можно найти в Древней Греции, у философов-стоиков в их идеале «космополиса», т. е. государства, власть которого распространяется на весь мир. Эта же идея была развита древнеримским мыслителем Цицероном, обосновавшим необходимость общих для всех народов универсальных норм международного права, которые играют роль регулятора отношений между ними. Такие взгляды на международную политику нашли продолжение в концептуальных подходах, сложившихся в гораздо более поздние периоды развития политической мысли.

§ 2. Формирование и развитие реалистических представлений о международных отношениях в политической мысли эпохи Возрождения и Нового времени

Более или менее систематизированные представления о внешней политике и международных отношениях стали формироваться лишь в эпоху Возрождения. Одним из первых мыслителей этой исторической эпохи, обратившихся к исследованию международных отношений,

стал Никколо Макиавелли. Его же можно считать и продолжателем реалистической традиции в подходе к проблемам международной политики. Считая войну неизбежной спутницей человеческой истории по причине изначальной склонности людей к применению силы и испорченности общественных нравов, Н. Макиавелли полагал, что достижение всеобщего мира между народами невозможно. Главная задача государства во внешнеполитической деятельности — это эффективная защита своих интересов. А интерес и выгода — мотивы, лежащие в основе любой политики на международной арене.

Н. Макиавелли отбрасывает моральные нормы не только во внутренней, но и во внешней (международной) политике. «Опыт нашего времени показывает, — пишет он, — что великие дела творили как раз князья, которые мало считались с обещаниями, хитростью умели “кружить людям головы” и одолевали тех, “кто полагался на честность”» [3]. Приводя в качестве примера деятельность одного из таких князей, Макиавелли отмечал: «Храни он верность и мир, не раз лишился бы и славы, и государства» [4]. Следовательно, «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда отпадут причины, побудившие его дать обещание» [5]. Отталкиваясь от такого представления о «разумном правителе», мыслитель полагал, что государства не должны быть связаны никакими ограничениями при принятии решений о начале войны. Его определение справедливых и несправедливых войн отличается крайним релятивизмом: «Война справедлива для тех, для кого она необходима» [6]. В войне государство может преследовать две основные цели: завоевания и сохранение своей свободы. Завоевания же необходимы для того, «чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна» [7].

В мирное урегулирование конфликтных ситуаций между государствами Н. Макиавелли не верил, полагая, что только сила является реальным фактором политики. Он считал, что каждое государство должно стремиться к усилению, поскольку именно это даст возможность ему достичь внешнеполитических целей. Делая ставку на силу, Н. Макиавелли предлагал отбросить не только моральные нормы, но и право. Лишь не останавливаясь перед насилием и обманом, можно добиться политического успеха в отношениях с другими государствами. Одновременно с этим, будучи горячим сторонником объединения и освобождения своей страны, итальянский мыслитель высказался в пользу закрепления права народов на объединение и свободу от вмешательства извне, что можно считать одним из первых приме-

ров провозглашения международно-правового принципа права наций на самоопределение.

Непреходящее значение для теории международных отношений сохраняет наследие Томаса Гоббса (1588–1679). В основу подхода английского философа к определению и пониманию сущности межгосударственных отношений легла его общая социально-политическая концепция, в которой человек трактуется как существо эгоистическое, обладающее бессознательным стремлением к власти, господству над другими людьми и материальному обогащению. Как следствие естественным состоянием человеческих взаимоотношений является «война всех против всех и каждого против каждого». Сохранение естественного состояния представляет угрозу для существования человеческого общества, так как таит в себе опасность самоуничтожения. Для того чтобы этого избежать, люди должны заключать общественный договор. На основе такого договора и возникает государство (Левиафан), которому в обмен на гарантии безопасности, мира и спокойствия люди добровольно уступают часть своих прав и свобод. Отношения между людьми упорядочиваются в рамках «гражданского состояния», но отношения между государствами сохраняют «естественный» характер. Суверенные государства не связаны никакими ограничениями, и единственным регулятором их взаимоотношений остается сила. По мнению Т. Гоббса, государства — это «военные лагеря», которые защищаются «друг от друга с помощью солдат и оружия» [8].

Хотя с морально-этической позиции Т. Гоббс осуждал войны, видя в них «корень всякого несчастья и всех зол» [9], из его концепции вытекало признание неизбежности этого явления до тех пор, пока сохраняется «естественное» состояние международных отношений. Согласно взглядам английского философа, лишь создание мирового правительства, стоящего над властью отдельных государств, способно покончить с войнами между народами. Однако сам Гоббс в такую перспективу не верил. Он был первым, кто теоретически обосновал анархический характер отношений между государствами. До сих пор сторонники реалистической парадигмы в теории международных отношений исходят из этих выводов.

Наиболее ярким представителем реалистического подхода к международной политике в эпоху Нового времени был великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). Он полагал, что нормы права в международных отношениях не способствуют предотвращению конфликтов, а, напротив, порождают разногласия между государствами. Договорные нормы «допускают столько толкований, что при самом точном определении всех возможных аспектов

отношений всегда еще остается неисчислимо множество таких, по поводу которых могут вспыхнуть споры» [10]. Причем даже «если одна сторона осуществляет предоставленное ей право в тех пределах, которые ей даны, она обязательно затронет какое-либо право, закрепленное за другой стороной» [11]. По мнению Гегеля, войны — составная часть правового регулирования международных отношений. Именно война решает, «какое право должно уступить... другому праву, должна установить не истинность права той или другой стороны, ибо истинны права обеих сторон», а какое право из двух обречено на уступки [12].

Для Гегеля международное право является не системой положений, направленных на поддержание согласия между участниками международного общения, а совокупностью норм, «обеспечивающих» возникновение конфликтов между государствами. Поэтому сила здесь обретает статус ключевого момента регулирования международных отношений, изменяя правовые ситуации в соответствии с представлениями государств о своих выгодах и правах. Немецкий философ писал, что «право может отстоять себя, только опираясь на силу» [13].

Гегель не считал возможным учитывать требования морали в международных отношениях. Он полагал, что «благо государства имеет совершенно другое оправдание, чем благо отдельного лица», следовательно, деятельность государства не должна опираться на «моральные заповеди» [14].

Гегель не поддерживал идею международного сотрудничества. Более того, философ характеризовал мирное время как время, когда особый размах приобретают многие «отрицательные» явления социальных отношений [15], а особые интересы государств порождают борьбу между ними. Он отрицал также идею совершенствования международного сотрудничества и создания международного парламента. Взгляды Гегеля были использованы в XX в. при формировании основных концептуальных положений школы политического реализма. До сих пор некоторые из данных положений находят свое выражение в трудах наследников этой школы.

§ 3. Генезис либеральной концепции международной политики

Идеи, впоследствии охарактеризованные как либеральная доктрина международной политики, окончательно сформировались к началу XIX в. Однако их истоки можно найти на более ранних этапах разви-

тия политической мысли. Эта доктрина исходила из возможности замены силового регулирования отношений между государствами на морально-правовое регулирование при возрастающей роли системы международных институтов. С самого начала либеральный подход зарождался в полемике с представителями реалистического направления исследований внешней политики и международных отношений. В частности, в эпоху Возрождения прямой противоположностью взглядам Н. Макиавелли была внешнеполитическая концепция голландского гуманиста Эразма Роттердамского. Э. Роттердамский провозглашал ограничение применения силы в международных отношениях, полагая, что внешнюю политику следует подчинить социальным нормам, учитывающим интересы народов. Практически это означало бы соизмерение монархами своих политических планов и решений с интересами страны в вопросах войны и мира. Поскольку народ, как правило, ненавидит войну, то государь, прислушивающийся к его мнению, будет всегда прилагать усилия для сохранения мира. Именно мир, а не насилие и война является, с точки зрения Э. Роттердамского, высшей ценностью человеческой культуры. Великий гуманист рассматривал борьбу с угрозой мирному развитию как основную внешнеполитическую задачу государства, выступал за широкое международное сотрудничество в деле сохранения мира.

Э. Роттердамский призывал придать стабильный характер территориальным отношениям между государствами. «Надо найти средства к тому, — писал он, — чтобы границы государств перестали подвергаться изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к войне» [16]. Для стабилизации границ Э. Роттердамский предлагал ограничить права верховной власти по распоряжению подконтрольными ей территориями. Он считал целесообразным запретить государям продавать и уступать часть своих владений, как если бы речь шла о частных поместьях.

Голландский мыслитель понимал, какое значение для сохранения мира имеет расширение международных связей. Особенно это касается делового сотрудничества и торговли, поскольку взаимная выгода объединяет народы точно так же, как она объединяет членов одной семьи. Э. Роттердамский придавал большое значение моральным нормам как регуляторам внешнеполитической деятельности, ставил нравственные законы выше государственных интересов. Но, будучи сторонником мира между народами, он в то же время не был полным пацифистом, признавая оправданность и обоснованность оборонительных войн.

Важную роль в разработке проблем международной политики сыграл другой голландский мыслитель — Гуго Гроций (1583–1645). Он известен прежде всего как автор капитального труда «О праве войны и мира», не утратившего своего значения до сегодняшнего дня. В этом труде подчеркивается, что международные отношения опираются на выполнение государствами своих обязательств. И особое значение уделяется обязательствам, связанным с применением силы. Г. Гроций полагал, что возможность войны должна быть регламентирована правилами международной жизни, что война не может быть предметом произвольного решения со стороны любого отдельного государства.

Во-первых, государства не должны применять силу для изменения политических ситуаций. В этом случае, по мнению голландского гуманиста, обращение к насилию является преступлением. Примером такого преступления был назван поход А. Македонского на персов. Во-вторых, решение о начале военных действий должно быть обосновано, причем не каждое правонарушение может служить оправданием для применения силы. «Ясно, что войны не следует начинать из-за любого рода правонарушений, ибо не за всякую вину... законы определяют соответствующее наказание» [17]. В-третьих, даже в тех случаях, когда какое-то государство допустит серьезное нарушение правил международной жизни и это может быть поводом к войне, нельзя немедленно обращаться к военным действиям. Следует прежде всего попытаться использовать непосредственные переговоры либо с помощью посредника предпринять меры для урегулирования конфликта.

Большое внимание Г. Гроций уделял исследованию проблемы справедливых и несправедливых войн. Он отрицал войны, направленные на порабощение народов, считал, что войны, предпринятые для того, чтобы «повелевать даже отдаленнейшими и неведомыми еще донные племенами», несправедливы [18]. Осуждал Г. Гроций и применение силы против государства, со стороны которого исходит лишь гипотетическая военная угроза. Само по себе «опасение мощи соседей» не порождает права на упреждающее применение силы. В резкой форме критиковал мыслитель и войны, ведущиеся государствами «ради собственной выгоды». Он видел в подобных войнах грубое нарушение правил международной жизни, считая, что они способны разрушить «человеческое общество и взаимное общение людей» [19]. С этих же позиций им рассматривались и захватнические войны, ведущиеся ради присоединения территории других народов.

Кроме вышеназванных Г. Гроций признавал несправедливыми войны в целях распространения христианства, войны против отсталых народов, а также войны против государств, отказавшихся заключить предложенный им договор. Выступая против несправедливых войн, он в то же время доказывал, что «не всякая война противоречит естественному праву». Мыслитель не сомневался в справедливости войн для отражения нападения и защиты территориальных пределов страны. С его точки зрения, оправдано применение силы в отношении стран и народов, допускавших насилие над послами, а также против тех, кто занимается морским разбоем.

Однако уже тогда, стремясь обеспечить условия для международного взаимодействия, Г. Гроций понимал недостаточность призывов следовать разумным правилам, поэтому выдвигал крайне важный в политическом аспекте принцип борьбы за сохранение мира. Он утвердительно высказывался в вопросе о том, обязан ли один народ защищать от насилия другой. В целом суждения Г. Гроция приводят к мысли о необходимости коллективных усилий для поддержания мира, тесного международного сотрудничества и взаимопомощи. Мыслитель приветствовал заключение международных союзов, имеющих справедливые цели.

Взгляды Гуго Гроция отражали реалии его времени и современному читателю могут представляться не всегда последовательными. Например, он утверждал, что войны не запрещаются ни естественным правом, ни правом народов, ни божественными законами и могут выполнять позитивную функцию принуждения в отношении того, кого нельзя принудить в судебном порядке. Не признавал мыслитель справедливыми и войны народов за свою независимость и свободу. Гроций выступал и против создания всемирного государства, полагая, что такая организация не будет эффективной. Но голландский гуманист подчеркнул и понял главное: человеческое общество должно продвигаться к миру и согласию, а политическая деятельность должна осуществляться в соответствии с правилами, отражающими интересы народов.

Сторонником мирных отношений между государствами был и Эмерик Крюсе, живший в 1-й половине XVII в. во Франции. Рассматривая человеческое общество как единое целое, французский мыслитель считал, что «все нации взаимно связаны естественными и нерушимыми узами» [20]. Поэтому целью политики должно быть сохранение и расширение согласия между народами. Основу же для расширения

такого согласия Э. Крюсе видел в помощи и содействии между соседними народами при разрешении стоящих перед ними проблем. «Когда дом вашего соседа охвачен огнем или разрушается, — писал он, — это причина для страха или сострадания, поскольку человеческое общество является одним телом, все члены которого находятся в гармонии таким способом, что нельзя ослабить один, не затронув другой орган» [21].

Весьма важную роль в деле сближения народов Э. Крюсе отводил международной торговле, полагая, что торговля позволяет людям улучшать благополучие и в этом отношении купец более полезен, чем солдат. В связи с этим он призывал к строительству дорог, установлению единой системы мер и весов, единой денежной системы.

Французский мыслитель был сторонником создания постоянной международной организации на основе договора между государствами, которая координировала бы их действия. Причем государства — члены этой организации должны оказывать одинаковое влияние на решения, принимаемые ею, вне зависимости от их размеров и места расположения. Он предлагал пригласить принять участие в работе международной организации на равных правах государства Европы, Азии и Африки, фактически выдвинув идею создания универсальной международной организации [22]. Для разрешения спорных международных вопросов Э. Крюсе предлагал сформировать совет с правом давать рекомендации государствам по поводу того, как следует действовать в указанных ситуациях. И государства, по его мнению, обязаны учитывать эти рекомендации.

Сторонником создания международной организации с широкими полномочиями был и другой французский мыслитель — Шарль Ирине де Сен-Пьер (1658–1743). Он предлагал предоставить этой организации право принуждать государства «подчиняться общему суждению об участии в каких-либо действиях», учредить «судебный трибунал» для принятия обязательных для членов организации постановлений и создать армию для предотвращения попыток сопротивления союзу со стороны отдельных государств [23]. Такую жесткую систему контроля Сен-Пьер объяснял коллективным характером решений, которые принимаются союзом государств.

Весьма высоко оценивал французский политический мыслитель роль международного права в регулировании отношений между государствами. Он разработал своеобразную систему требований, вы-

полнение которых, по его мнению, обеспечило бы сохранение мира. Сен-Пьер предложил:

- ◆ гарантировать государствам неприкосновенность их территориальных владений;
- ◆ пересмотреть издавна существовавшее «право» государств на применение силы;
- ◆ в целях мирного урегулирования разногласий между государствами использовать решения международных инстанций и «судебного трибунала»;
- ◆ ограничить вмешательство одних государств в дела других государств;
- ◆ не допускать заключения отдельных союзов, противоречащих интересам всего сообщества государств.

Государства — нарушители вышеизложенного перечня правил должны признаваться «врагами общества» и нести ответственность, в том числе и имущественную, за ведение военных действий.

Окончательное формирование либерального взгляда на международные отношения связано с именами Иммануила Канта и Джереми Бентама. В противоположность Гегелю его предшественник немецкий философ И. Кант (1723–1804) отдавал приоритет моральному и правовому фактору в политике. Вопросы войны и мира он стремился решать с позиций защиты прав и интересов людей. Война, по его мнению, противоречит нравственному определению роли человека как существа, обладающего абсолютной ценностью. В то же время война — результат несоблюдения этических правил, поэтому для ее искоренения международная политика государств должна следовать требованиям и нормам морали. Очень образно И. Кант писал о том, что политика как особая область деятельности государства только тогда «достигнет, хотя и медленно, ступени, где она будет непременно блистать», когда встанет «на колени перед правом» [24].

Кант верил в благотворное влияние права на отношения между государствами и предложил проект договора об установлении мира между народами [25]. В первой статье проекта он предлагал обязать государства к проведению открытой, честной, миролюбивой политики, не оставляющей тайных оснований для новых войн. Во второй статье философ высказался за право народов самостоятельно избирать путь своего развития, за суверенное равенство государств. В третьей статье он предлагал ликвидировать постоянные армии, угрожающие другим государствам, а оборону страны поручить людям, прошед-

шим военное обучение добровольно. В следующих статьях Кант ратовал за отказ от насильственного вмешательства «в политическое устройство и правление других государств», рассматривая насилие как серьезную угрозу международному миру, а также предлагал закрепить в качестве международных обязательств ряд мер, направленных на обеспечение политического сотрудничества государств. Подводя итоги первой части проекта, он сделал весьма важный вывод о том, что некоторые положения данного проекта должны выполняться при любых обстоятельствах.

Во втором разделе своего проекта И. Кант приводит «окончательные статьи договора о вечном мире», предлагая установить в каждом государстве республиканское правление, а также регулировать отношения между государствами, основываясь на федерализме свободных государств, имея в виду «союз народов», а не «государство народов».

Этому немецкому философу принадлежит заслуга не только выдвигания идеи мира, но и постановки практической задачи достижения мира как одной из важнейших политических задач человечества.

Английской политической мысли современная политология обязана самим термином «международные отношения». Его ввел в научный оборот один из видных представителей английского либерализма Дж. Бентам (1748–1832). Главную цель деятельности всякого государства он видел в достижении благополучия и счастья людей. Исходя из этой предпосылки Дж. Бентам отмечал несоответствие характера международных отношений того времени и задач каждого из государств-участников. Основную причину такого несоответствия мыслитель усматривал в постоянно возникающих международных конфликтах и войнах и стремился найти оптимальные рецепты избавления от этих зол.

Так же как и многие мыслители до него, Дж. Бентам считал фундаментальной основой внешней политики государственный интерес и выгоду. Но в отличие, например, от Н. Макиавелли он полагал безнравственным игнорировать интересы других участников межгосударственных отношений. По сути дела, Дж. Бентам, выдвинул положение о том, что объективные интересы любой нации в большинстве случаев заключаются в предотвращении войн и конфликтов. Эскалация же конфликтов и войн свидетельствует о забвении объективных национальных интересов. Так происходит либо тогда, когда политические решения принимаются из личных или групповых эгоистиче-

ских интересов, либо тогда, когда ошибочные политические решения являются следствием случайных настроений и амбициозных притязаний. Поэтому Бентам высказывался за изменение процедуры принятия политических решений. В частности, призывал к открытому обсуждению вопросов текущей политики. Английский мыслитель придерживался и той точки зрения, что парламентский контроль над монархами в вопросах войны и мира позволит избежать развязывания военных действий вопреки воле нации.

Дж. Бентам осуждал тех политиков и мыслителей, которые не находили связи между нравственными нормами и внешнеполитической практикой; в противоположность им он видел в морали один из возможных регуляторов международных отношений. В качестве другого регулятора им рассматривалось право. Международное право Бентам представлял как совокупность норм, ограничивающих применение силы и произвол в отношениях между государствами. Философ был безусловным сторонником правового равенства всех народов и государств, он один из первых осудил практику колониализма. Тогда, когда крупнейшие державы мира стремились обзавестись новыми колониальными владениями за пределами европейского континента, он полагал, что настало время отказаться от колоний, а не приобретать их, поскольку в действительности они являются лишь бременем, а не источником прибыли для своих метрополий.

Размышления о путях сохранения и упрочения мира привели Бентама к выводу о том, что необходимо не только простое расширение сотрудничества между государствами, но и изменение характера самого этого сотрудничества. В 1786–1789 гг. он выдвинул план создания универсальной международной организации. Основными элементами предполагаемой международной организации должны были стать: конгресс, общий суд и коллективные вооруженные силы. В компетенцию конгресса, который представлял бы на равноправной основе все объединившиеся в организации государства, входили бы обсуждение наиболее важных международных вопросов и выработка рекомендаций по их решению. Спорные проблемы предполагалось решать с помощью общего суда, а для выполнения его решений использовать коллективные вооруженные силы. Многие идеи Дж. Бентама опередили свое время и были осуществлены значительно позднее. Они нашли свое выражение в том направлении теории международных отношений, которое в XX в. получило название политического идеализма.

§ 4. Марксизм и международные отношения

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на международную политику имели некоторое сходство с воззрениями немецких классических философов. Так же как и И. Кант, основоположники марксизма считали возможным достижение вечного мира, но путь к нему лежал, по их мнению, не через моральное совершенствование, а через классовую борьбу и революцию. Уничтожение частной собственности и классов должно было стать условием распространения простых нравственных норм, характерных для отношений между частными лицами, на отношения между народами. Но пока эта цель не достигнута, К. Маркс и Ф. Энгельс вслед за Г. Гегелем считали войны и конфликты между государствами неизбежными и неустранимыми. Марксистское понимание проблем мировой политики и международных отношений базировалось на идеях экономического детерминизма. Сама мировая политика с точки зрения марксизма могла появиться только после формирования мирового рынка. Буржуазия отдельных стран посредством контроля над этим рынком превращается в космополитическую силу, становится господствующим классом в мировом масштабе. Одновременно и социальный антипод буржуазии — пролетариат — превращается в некую интернациональную общность, не имеющую собственного отечества, но имеющую общие классовые интересы во всех странах. Пролетарская революция, призванная положить конец господству капитала, приобретает, таким образом, всемирный характер. Мировая революция призвана покончить не только с социальными, но и с национальными антагонизмами, превратить все человечество в единую общность, не знающую ни классовых различий, ни государственных границ. Классовая борьба, по мнению классиков марксизма, является движущей силой политического процесса не только на уровне отдельных стран, но и в сфере международных отношений. Национальный же суверенитет и государственные интересы — второстепенные, преходящие факторы.

В. Ленин в целом придерживался тех же взглядов на международную политику, что и основоположники марксизма, но дополнил их новыми положениями. Прежде всего это касалось его теории империализма. В соответствии с постулатами этой теории для последней стадии капитализма характерно господство монополий и финансовой олигархии внутри отдельных стран, усиление внешней экспансии, стремление к территориальному переделу мира. В. Ленин считал, что империалистическая политика имеет сугубо экономическую природу и неизбежно ведет к мировым политическим кризисам, войнам

и революциям. Поддерживая марксистскую доктрину мировой революции, В. Ленин внес в нее некоторые коррективы. Но, как К. Маркс и Ф. Энгельс, он игнорировал национально-государственные интересы. Эта позиция отчетливо проявилась после прихода большевиков к власти, когда их внешняя (а в значительной степени — и внутренняя) политика осуществлялась в расчете на скорую победу мировой революции. Вследствие этого ни В. Ленин, ни его соратники не были особенно озабочены государственными интересами самой России, рассматривая ее лишь как плацдарм мировой революции. Впоследствии внешняя политика советского государства приобрела более прагматический характер, но окончательно избавиться от идеологизированного подхода к международным отношениям руководители СССР не смогли вплоть до середины 1980-х гг. Попытка уйти от такого подхода, предпринятая под флагом «нового политического мышления», обернулась для внешней политики СССР, а затем и России гигантской катастрофой.

Примечания

1. Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан) / Пер., вступит. статья и коммент. Л. Переломова. М., 1968. С. 211.
2. Там же.
3. *Макиавелли Н.* Соч. М., 1934. Т. 1. С. 286.
4. Там же. С. 289.
5. Там же. С. 287.
6. *Макиавелли Н.* Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 415.
7. *Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973. С. 218.
8. *Гоббс Т.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 369.
9. Там же. С. 56.
10. *Гегель Г.* Политические произведения. М., 1978. С. 137.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 140.
14. *Гегель Г.* Соч. Т. 7. С. 352.
15. Там же. С. 345, 353.
16. *Роттердамский Э.* Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 55.
17. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 479.
18. Там же. С. 530.

19. Там же. С. 68.
20. Трактаты о вечном мире / Сост. И. Андреева, А. Гулыга. СПб., 2003. С. 60.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. С. 136.
24. *Кант И.* Соч. Т. 4. С. 302.
25. *Кант И.* Соч. Т. 6. С. 260–287.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем различия между конфуцианством и легизмом во взглядах на международные отношения и каково влияние обоих направлений на внешнюю политику Китая с древних времен до наших дней?
2. Почему Фукидид считается родоначальником реалистического направления в изучении международных отношений?
3. В чем причина нигилистического отношения Макиавелли к морали в политике, в том числе международной?
4. Какое значение имеет положение Гоббса о «естественном состоянии» международных отношений для обоснования «реалистического» взгляда на международную политику?
5. Почему Г. Гегель скептически оценивал роль права как регулятора международных отношений?
6. В чем сущность либеральной концепции международных отношений?
7. Какие меры Э. Роттердамский и Г. Гроций предлагали для обеспечения международной безопасности?
8. Дайте характеристику проектов создания универсальной международной организации в истории политической мысли.
9. Назовите основные положения плана достижения «вечного мира» И. Канта.
10. Каково значение идей Дж. Бентама для теории и практики международных отношений?

Литература

- Белкин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. М., 1990.
- Ермошин В. В.* Проблемы войны и мира в политико-правовых учениях Нового времени. М., 1989.

- Косолапов Н. А.* Теоретические исследования международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 1.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб, 2000.
- Новиков Г. Н.* Теории международных отношений. Иркутск, 1996.
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова.* М., 2002.
- Трактаты о вечном мире / Сост. И. Андреева, А. Гулыга.* СПб., 2003.
- Цыганков П. А.* Международные отношения. М., 1996.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.

Глава III

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

---

§ 1. Генезис геополитики

На рубеже XIX и XX вв. формируется новое направление в изучении мировой политики и международных отношений — **геополитическое**. Появление такого направления в конце прошлого столетия было обусловлено усилением роли пространственного фактора в мировой политике, «уплотнением» земного пространства. Геополитика не возникла на голом месте, а продолжила и развила идеи географического детерминизма, существовавшие в различных социально-политических концепциях на протяжении многих веков. Значение географических условий для внешней и внутренней политики государств отмечали еще древнегреческие мыслители Платон, Аристотель, Полибий. Эта традиция нашла свое продолжение и в римской политической мысли у Цицерона и особенно Страбона.

В Новое время одним из первых обратил внимание на связь географии и политики французский политический мыслитель Жан Боден (1530–1596). Он высказал суждение о том, что развитие суверенного государства и его мощь прямо зависят от природных условий. Продолжая эту традицию, соотечественник Ж. Бодена Шарль Монтескье (1689–1755) посвятил исследованию влияния климата и топографии на особенности государственного устройства и политику многих стран Европы и Азии целый раздел своего известного труда «О духе законов». Французский мыслитель даже сделал вывод о том, что законы каждого государства должны соответствовать его физико-географическим условиям.

Идеи географического детерминизма получили распространение в политической мысли не только Франции, но и других стран, например Германии и России. Сама же геополитика в своем развитии прошла несколько этапов, в каждом из которых доминировала какая-либо из национальных геополитических школ: германская, британская, североамериканская.

Германская геополитика сыграла наиболее важную роль в формировании этого научного направления. Переход от идей географиче-

ского детерминизма к собственно геополитике обычно связывают с творчеством немецкого политического географа Фридриха Ратцеля (1844–1904). Ф. Ратцель первым сформулировал положение о том, что пространство — это не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила. Отдавая должное распространённому в то время представлению о государстве как живом организме, он отождествлял развитие всякого государства с его пространственным расширением. Ф. Ратцель известен как автор семи законов экспансии:

1. Протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры.
2. Пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма.
3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.
4. Граница — это «орган», расположенный на периферии государства (понятого как организм).
5. Осуществляя пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории.
6. Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией.
7. Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя [1].

Ф. Ратцель ввел в оборот ставшее распространенным в германской геополитике понятие «жизненное пространство» — *Lebensraum*. С помощью этого понятия немецкий географ пытался доказать, что основные экономические и политические проблемы Германии порождены несправедливыми, тесными для нее границами, которые являются серьезным препятствием для динамического развития этой страны. С точки зрения Ф. Ратцеля, в будущей международной политике должны доминировать крупные государства, занимающие большие континентальные пространства.

Одновременно Ф. Ратцель анализировал воздействие на политику морского пространственного фактора. Он полагал, что в тот период стратегическое значение имели бассейн Средиземного моря и Атлан-

тика. Однако «океаном будущего» немецкий геополитик называл Тихий океан, предсказывая, что пространство этого океана станет ареной активной деятельности и столкновения интересов ведущих мировых держав: Англии, Соединенных Штатов Америки, России, Китая и Японии. Именно в зоне Тихого океана, по его представлению, должен возникнуть основной конфликт между морскими и континентальными народами. Преимущество в этом конфликте Ф. Ратцель отдавал континентальным державам, обладающим богатыми ресурсами, а главное — располагающими контролем над большими сухопутными пространствами.

Последователем Ф. Ратцеля был известный шведский правовед и государственный деятель Рудольф Челлен (1846–1922). Пангерманист по своим убеждениям и сторонник тесного союза скандинавских народов с Германией, Р. Челлен придерживался общих для всей германской школы геополитики ориентаций и поэтому может считаться одним из ее видных представителей. Р. Челлен, так же как и Ф. Ратцель, рассматривал государство как биологическое образование, или, иными словами, живое существо. Но если немецкий географ обращал внимание на физико-географические условия развития государства, то Р. Челлен выделял роль и таких факторов, как культура, экономика, народ, форма правления. Государство помимо присущих ему физико-географических черт имеет, по Челлену, еще четыре основные характеристики.

Во-первых, каждое государство — это определенная форма хозяйства со своей экономической активностью; во-вторых, это народ со своими национальными и этническими особенностями; в-третьих, это социальное сообщество различных классов и профессий и, наконец, в-четвертых, это аппарат управления со своей конституционной и административной структурой. Из вышеизложенного вытекало представление Челлена о пятичленной структуре политики, где он выделял *экономполитику*, *демполитику*, *социополитику*, *кратополитику* и *геополитику*. Термин «геополитика», таким образом, введен в научный оборот именно Р. Челленом. При этом он видел в геополитике «науку, которая рассматривает государство как географический организм или феномен в пространстве». По сути дела, Р. Челлен выступал с позиции приоритета силы над правом, поскольку считал, что сила — более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон. Ориентация на силовые методы осуществления политики вообще оказалась весьма распространенной в среде теоретиков геополитики, особенно ее немецкой школы.

§ 2. Германская школа геополитики

Германская геополитика с момента своего зарождения теоретически обосновывала экспансионистский, агрессивный внешнеполитический курс кайзеровского правительства. В начале XX в. группа немецких ученых в составе Ф. Листа, К. Брука, К. Франца, и Ф. Наумана выдвинула концепцию «Срединной Европы». Суть этой концепции заключалась в создании под контролем Германии союза государств Центральной и Восточной Европы от Балтики до Адриатического и Черного морей. Такой союз позволил бы решить проблему «жизненного пространства» для Германии, поскольку, как писал один из авторов этой концепции Ф. Науман, «по существу Срединная Европа будет немецкой» [2].

После окончания Первой мировой войны наиболее заметной фигурой в германской геополитике стал Карл Хаусхофер (1869–1946). Этот ученый развивал идеи Р. Челлена и Ф. Ратцеля, одновременно опираясь на британские и американские геополитические концепции. Вслед за основоположниками геополитики К. Хаусхофер видел главную движущую силу всякого государства в стремлении к расширению его жизненного пространства. Исходя из принципов социалдарвинизма он считал закономерным поглощение малых государств более крупными. Динамическое государство нуждается в таком поглощении, поскольку с расширением своего пространства становится экономически более самодостаточным и тем самым усиливает свою мощь. Истинно же великая держава должна быть, с точки зрения К. Хаусхофера, экономически полностью независимой от своих соседей. Автаркию он рассматривал как положительное явление.

Главной задачей возглавляемых К. Хаусхофером Института геополитики в Мюнхене и «Геополитического журнала» было теоретическое обоснование территориальной экспансии Германии, ее притязаний на господствующее положение в мире. Прежде всего К. Хаусхофер стремился привить немцам мысль о справедливости и необходимости изменения границ Германии. Делалось это при помощи введенного геополитиком понятия «вероятная карта». На протяжении двух десятилетий он печатал множество таких «вероятных карт», на которых демонстрировались желательные с точки зрения интересов Германии территориальные изменения. Помимо других целей такая тактика преследовала и цель выработать у немецкого общества то, что сам Хаусхофер называл «чувством границы».

Разделяя идею многих геополитиков о вечном конфликте между континентальными и океанскими государствами, К. Хаусхофер счи-

тал, что господству последних приходит конец и будущее принадлежит сухопутным державам, в число которых входит и Германия.

Оригинальным вкладом К. Хаусхофера в геополитические исследования стала его концепция **панидей**. В соответствии с ней будущее мировое устройство представлялось в виде совокупности нескольких регионов, в каждом из которых господствовала бы панидея (т. е. идея, способная интегрировать вокруг себя все страны и народы данного региона). Вначале геополитик выделил панамериканскую, паназиатскую, панрусскую, пантихоокеанскую, панисламскую и паневропейскую идеи. Потом он предложил иную схему нового мирового порядка. Эта схема предполагала существование лишь трех больших регионов со своими собственными панидеями: пан-Америка во главе с США, Великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией.

Карл Хаусхофер через Рудольфа Гесса был тесно связан с руководством нацистской партии. Его геополитические концепции оказали большое влияние на взгляды Гитлера и его окружения, а после прихода нацистов к власти — и на внешнеполитическую и военную стратегии Германии. Однако было бы неверным полностью отождествлять воззрения К. Хаусхофера с национал-социалистической идеологией. Последняя была весьма эклектична, отличалась крайним расизмом, антисемитизмом и антимакинизмом. К. Хаусхофер же мыслил сугубо геополитическими категориями. С нацистами его объединяло стремление к установлению германского господства над миром. Но конкретные пути установления такого господства они видели по-разному. С точки зрения Хаусхофера, главным противником Германии являлась Великобритания и, следовательно, задача германской геополитической стратегии заключалась в формировании единого антибританского блока. Важную роль в этом блоке должна была играть Россия (именно Россия, а не СССР, поскольку Хаусхофер абстрагировался от тогдашних социально-политических реалий).

К. Хаусхофер не испытывал к России каких-то особенных симпатий. Более того, он считал восточное направление главным направлением германской территориальной экспансии и даже изобразил на одной из своих «вероятных карт» большую часть европейской территории России как «германское пространство». Однако практическая реализация подобных планов переносилась им на неопределенно отдаленное будущее. В ближайшей же перспективе Россия рассматривалась в качестве возможного союзника. Ее геополитическое значение для Германии заключалось в том, что территория России была

связующим звеном между Европой и побережьем Тихого океана. В работе «Геополитика Тихого океана» ученый писал о том, что если российские трансконтинентальные коммуникации станут доступными для Германии, это резко усилит возможности последней, так как делает ее более независимой от контролируемых Великобританией морских путей. Далее К. Хаусхофер прогнозировал: «Русско-германское сотрудничество сделает возможным формирование внутренней организации и координации евразийского континента от Рейна до Амура и Янцзы» [3]. Трансконтинентальной геополитической конфигурации, обеспечивающей Германии непосредственный доступ к Дальневосточному региону, он дал название «внутренней линии».

Несмотря на близость К. Хаусхофера к нацистам, ему далеко не всегда удавалось склонять их к той геополитической ориентации, которую он считал верной. Отношение гитлеровского руководства к Советскому Союзу было изначально негативным, поскольку основывалось на идеологическом и расовом подходах. Лишь в короткий период германо-советского сближения, после заключения пакта Молотова—Риббентропа, германская внешняя политика в какой-то мере соответствовала концепции «внутренней линии» Хаусхофера. Немецкий геополитик всегда был противником конфликта с Россией как губительного по своим последствиям. Когда же такой конфликт стал неизбежен, К. Хаусхофер пытался предотвратить войну на два фронта. С этого момента началось охлаждение его отношений с нацистским режимом, закончившееся для него заключением в концентрационный лагерь Дахау. После окончания войны под впечатлением от сокрушительного поражения Германии Карл Хаусхофер покончил жизнь самоубийством.

§ 3. Британская школа геополитики

В британской геополитической школе XX в. наиболее заметным было творчество Хальфорда Макиндера (1861–1947). Так же как большинство других основоположников геополитики, Х. Макиндер начинал свою профессиональную деятельность как географ. Но уже тогда у него возник интерес к взаимосвязи географии и политики, тем более что сам он принимал активное участие в политической жизни Великобритании. Известность к Х. Макиндеру как теоретику геополитики пришла уже в зрелом возрасте. В 1904 г. он выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории», позднее этот доклад был опубликован в виде статьи с тем же названием.

Основные положения геополитической концепции Х. Макиндера заключались в следующем:

- 1) физическая география имеет непосредственное влияние на политические процессы;
- 2) политическая мощь каждого государства зависит от его географического положения;
- 3) развитие технологии меняет политическую расстановку сил, так как технология изменяет физическую среду;
- 4) материковая сердцевина Земли оказывает стратегическое влияние на происходящие политические процессы;
- 5) мир в XX в. превратился в замкнутую систему.

Макиндер вводит понятие «Мировой остров», под которым понимает сплошную часть суши, включающую Азию, Африку и Европу, окруженную со всех сторон Мировым океаном. Внутреннюю часть Евразии, названную в 1915 г. английским геополитиком Дж. Фейргривом **Хартлендом** (Сердцевинной землей), Макиндер считал «Осевым регионом истории». По его мнению, с глубокой древности по этому пространству двигались армии завоевателей, оказавших решающее влияние на мировую политику. В качестве примера называются татаро-монголы, которые господствовали на всем этом пространстве и создали гигантскую империю. В начале XX в. на месте монгольской империи находилось Российское государство. Теперь уже Россия, как прежде степные кочевые народы, была способна оказывать давление на окружающие страны. По Макиндеру, эти страны составляют внутренний и внешний «полумесяцы». Во внутренний «полумесяц» входили Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай, а во внешний — Англия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония.

После великих географических открытий значение Хартленда упало, а могущество океанских держав возросло, однако, как считал Х. Макиндер, с развитием технологий баланс сил вновь стал меняться в пользу континентальных государств. Развитие транспортных коммуникаций, прежде всего железнодорожных, может превратить Хартленд в неприступную для морских держав крепость, обладающую к тому же превосходящими природными ресурсами. Господство в Хартленде любой враждебной Великобритании державы было бы, по мнению английского геополитика, весьма опасно для ее интересов. Из двух возможных зол — российской или германской гегемонии в Хартленде — самым большим был бы последний вариант. Для Великобритании

в равной мере неприемлемы ни поражение России в войне с Германией, ни их возможный союз. Х. Макиндер теоретически обосновал необходимость отказа от традиционной антироссийской ориентации британской внешней политики. На практике так и произошло: накануне Первой мировой войны обеим странам удалось согласовать свои позиции по спорным вопросам, что позволило им стать союзниками, когда эта война началась.

Любопытно, что Хальфорд Макиндер принимал участие в политических событиях, связанных с революцией и Гражданской войной в нашей стране. В 1919 г. он был назначен лордом Керзоном полномочным представителем Британской империи в Южной России. Поскольку Германия уже потерпела поражение, Макиндер выступил за раздробление России на множество государств, для того чтобы уменьшить исходящую от нее геополитическую опасность.

В 1919 г. Х. Макиндер написал самую главную работу своей жизни — «Демократические идеалы и реальность», в которой он продолжал разрабатывать свою геополитическую концепцию. В отличие от других основоположников геополитики Х. Макиндер рассматривал технологическое развитие в качестве важного фактора политических изменений. Технология понималась им и как технический прогресс, и как способ организации жизни общества. Технология обеспечивает возможность контроля человека над природой. Такой контроль необходим для сохранения демократических принципов организации общества. Как только в деятельности общественного механизма происходят сбои, человек снова оказывается под угрозой зависимости от сил природы. Недаром каждую социальную катастрофу сопровождают и различные природные катаклизмы, поскольку общество теряет возможность их предотвращать.

Из понимания Х. Макиндером общества как сложного технологического механизма следовал его вывод о необходимости сохранения экономического и социального потенциала, постоянной аккумуляции общественного богатства. Если этого не происходит, общество ждет серьезные социальные потрясения и люди, «отбрасывая идеалы, ищут организатора, который восстановит эффективность работы общественного механизма» [4]. Приходит время «реальных политиков», которые «восстановят социальную дисциплину» отнюдь не демократическими методами [5].

Таким образом, главный вывод Х. Макиндера сводится к следующему: общество должно поддерживать свой технологический уровень, для того чтобы избежать утраты контроля над природой и не допустить

разбазаривания национального богатства. Иначе и в том и в другом случае возникает угроза демократическим идеалам. Этот вывод Макиндер сделал не в последнюю очередь под впечатлением революционных потрясений в России. Под воздействием этих событий, а также итогов Первой мировой войны и изменений в технологической, экономической и политической сферах геополитик развивал дальше свою теорию Осевого региона. В работе «Демократические идеалы и реальность» он впервые вслед за Фейргривом стал называть этот регион Хартлендом. Причем Хартленд был расширен им за счет включения туда Восточной и Центральной Европы на западе и Тибета с Монголией на востоке. Новые контуры «Сердцевинной земли» очерчивались с учетом индустриального прогресса, демографических сдвигов и развития транспортных коммуникаций. По-прежнему придерживаясь той точки зрения, что господство над Мировым островом открывает дорогу к мировому господству, Макиндер уточнил это положение в своей ставшей знаменитой формуле: «Кто правит Восточной Европой — господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом — господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом — господствует над миром» [6].

Продолжая рассматривать Германию в качестве главного противника Британской империи, Х. Макиндер больше всего боялся немецкого проникновения на восток, к центру Хартленда. Чтобы не допустить этого, он предлагал создать между Россией и Германией так называемый срединный ярус, состоящий из небольших независимых государств. Такой «срединный ярус», включавший в себя Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию, Польшу, Чехословакию, Венгрию и Румынию, был создан. Однако главная его задача заключалась не в сдерживании германской экспансии, а в выполнении функций «санитарного кордона» против большевистской России.

В конце своей жизни, уже в годы Второй мировой войны, Х. Макиндер выдвинул третью версию геополитической концепции. В 1943 г. в опубликованной в журнале «Форин афферс» статье «Земной шар и достижение мира» ученый предсказывал, что в случае победы над Германией СССР превратится в мощную сверхдержаву, занимающую ведущее положение среди континентальных государств. Однако это не будет означать безусловного завоевания Советским Союзом мирового господства. В противовес прежней своей оценке роли Хартленда Х. Макиндер выдвинул «вторую географическую концепцию». В соответствии с ней опорной точкой Земли является Северная Атлантика, которую геополитик называет Средиземным океаном. Страны,

расположенные по побережью Средиземного океана, смогут, по его мнению, сбалансировать силу государства, доминирующего в Хартленде. По сути, это была концепция северного атлантизма, предвосхитившая создание в послевоенные годы НАТО.

§ 4. Североамериканская школа геополитики

Отцом-основателем американской геополитики стал адмирал Альфред Мэхэн (1840–1914). В отличие от других классиков геополитики он был не ученым, а военным моряком и большое внимание уделял изучению роли военно-морского могущества государства в его внешней политике. Главный труд адмирала А. Мэхэна, ставший настольной книгой многих государственных деятелей 1-й половины XX в., так и назывался: «Влияние морской силы на историю (1660–1783)». В этом произведении А. Мэхэн придерживается общего для всех направлений геополитики тезиса о прямом влиянии географического положения на политические интересы государства. «Политика зависит как от духа века, — писал он, — так и от характера и дальновидности правителей, но история побережных наций определяется не столько свойствами правителей, сколько условиями положения, протяжения, очертания береговой линии, количеством населения, вообще тем, что называется естественными условиями» [7].

На основе такого подхода А. Мэхэн определил критерии, исходя из которых следует оценивать геополитический потенциал государства и главную его составляющую — военно-морскую мощь. Было выделено шесть таких критериев:

1. Географическое положение государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим флотом территории противника.
2. «Физическая конфигурация» государства, т. е. конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.
3. Протяженность территории (в данном случае она равна протяженности береговой линии).
4. Статистическое количество населения. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.

5. Национальный характер. Способность народа к занятию торговли, так как морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.
6. Характер политической власти. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание морской мощи государства [8].

Если все вышеперечисленные критерии соблюдены, то у государства появляется шанс достигнуть морского могущества, которое А. Мэхэн определял по формуле

$$N + MM + NB = SP,$$

что означает: военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество. Геополитик полагал необходимым отказаться от традиционной североамериканской внешнеполитической «доктрины Монро», ориентированной на изоляционизм и замыкавшейся на проблемах Западного полушария. С его точки зрения, США должны превратиться в могущественную военно-морскую державу, способную на равных соперничать с самыми крупными и сильными государствами мира.

Из всех европейских держав наиболее близкой США как по традициям и духу, так и по географическому положению и геополитическим ориентациям Мэхэн считал Великобританию. У США и Великобритании поэтому могут быть общие цели и интересы. Обе страны должны в структуре своих вооруженных сил иметь мощный военно-морской флот, численность же сухопутной армии может быть и незначительной. Обоим англосаксонским государствам нужны базы далеко за пределами их собственной территории для контроля за основными океанскими коммуникациями. Но если Великобритания к тому времени уже была крупнейшей мировой державой, то США, по мнению Мэхэна, еще предстояло ею стать. Главной ареной противостояния интересов основных геополитических сил, с точки зрения американского адмирала, была Азия, а в ней — «спорный и оспариваемый пояс», расположенный между 30-й и 40-й параллелями. В этом поясе прежде всего происходит столкновение морской мощи Англии и сухопутной мощи России. Территориальная экспансия последней представлялась Мэхэну опасной для морских держав, поскольку была направлена на юг, к незамерзающим портам теплых морей.

К числу морских государств помимо Великобритании и США А. Мэхэн относил Японию и даже Германию. Япония рассматривалась им как естественная возможная союзница США на Тихом океане

(правда, последующие несколько десятилетий опровергли такое предположение). Отношение к Германии в свете тогдашней мировой политической и экономической ситуации было более настроженным. Однако в перспективе Мэхэн прогнозировал объединение основных морских государств — США, Великобритании, Германии и Японии — в едином блоке, направленном против крупнейших континентальных держав — России и Китая. В грядущем глобальном конфликте между «сушей» и «океаном» у морских держав, по мнению Мэхэна, должно быть преимущество.

Наследником Альфреда Мэхэна в американской геополитике можно считать Николаса Спайкмена (1893–1943). Известность к этому ученому пришла в годы Второй мировой войны, незадолго до его смерти, но только после нее его работы стали широко известны. Идеи Н. Спайкмена, который долгие годы возглавлял кафедру политологии Йельского университета, по-новому интерпретировали геополитические реалии, сложившиеся с началом и в ходе Второй мировой войны. Н. Спайкмен исходил из того, что целью внешней политики должно быть сохранение или увеличение силового потенциала государства. Подобный вывод основывался на реалистическом взгляде на мир, где войны и конфликты являются неизбежными вследствие царящей в сфере международных отношений анархии. «Сила, — констатировал американский ученый, — в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются непоколебимыми» [9].

Н. Спайкмен расширил по сравнению с А. Мэхэном количество критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. Причем у Спайкмена это могущество не связано напрямую с мощью военно-морского флота. По его мнению, сила государства как субъекта международной политики зависит:

- 1) от территории;
- 2) характера границ;
- 3) численности населения;
- 4) наличия или отсутствия полезных ископаемых;
- 5) экономического и технологического развития;

- 6) финансовой мощи;
- 7) этнической однородности;
- 8) уровня социальной интеграции;
- 9) политической стабильности;
- 10) национального духа.

Н. Спайкмен пересмотрел выводы Х. Макиндера относительно роли евразийского Хартленда в мировой политике. Американский геополитик считал, что не Хартленд является ключом к контролю над миром. Такую роль выполняет евразийский пояс прибрежных территорий, или «маргинальный полумесяц». Этот «полумесяц», названный Спайкменом «Римленд» (от англ. *rim* — ободок, край), находится между Хартлендом и великим морским путем, идущим из Западной Европы в Японию через Северное и Балтийское моря, Атлантический океан, Средиземное и Красное моря, Индийский океан, прибрежные моря Дальнего Востока, Восточно-Китайское и Японское моря и заканчивающимся в Охотском море у берегов Японии. В состав Римленда ученый включил страны Западной и Центральной Европы, государства Ближнего и Среднего Востока — в их числе Турцию, Иран и Афганистан; затем Индию, Тибет, Китай и страны Юго-Восточной Азии. Новое видение мировых геополитических реалий позволило Н. Спайкмену вместо формулы Макиндера выдвинуть свою: «Кто контролирует Римленд — господствует над Евразией; кто господствует над Евразией — контролирует судьбы мира» [10].

Геополитическая концепция Н. Спайкмена пришлась очень кстати для обоснования и оправдания американской внешней политики начального периода холодной войны. Если мы внимательно посмотрим на карту мира и мысленно проведем по ней линию, соответствующую Римленду, то заметим, что именно по этой линии располагались многочисленные американские военные базы, создававшиеся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Только имея такую цепь военных баз, США смогли реально воспользоваться своим ядерным оружием в качестве инструмента давления на Советский Союз. Единственным средством его доставки к возможной цели являлась авиация, и для того, чтобы держать под прицелом жизненно важные центры «вероятного противника», необходима была как раз такая конфигурация мест базирования стратегической авиации, которая в значительной степени совпадала бы с Римлендом.

Начавшаяся в силу политических и идеологических причин холодная война разворачивалась в пространственных рамках, на практике

подтверждавших разработанные ранее многие геополитические концепции, включая и концепцию Н. Спайкмена. Очевидно, все же не геополитика лежала в основе глобального конфликта, расколовшего мир на два больших лагеря. Но геополитическая теория давала аргументы для оправдания проистекавших из этого конфликта политической и военной стратегий. Вслед за переменами в мировой политике, происшедшими в силу различных причин на рубеже 1950-х — 1960-х гг., стали меняться и геополитические концепции. Пример тому — появившаяся в 1964 г. работа американского геополитика С. Коэна «География и политика в разделенном мире».

В своих рассуждениях С. Коэн опирается на концепцию Н. Спайкмена, но вносит в нее некоторые коррективы. Он вводит новые понятия — «геостратегический регион» и «геополитический регион». Под *геостратегическим регионом* понимаются большие участки пространства, характеризующиеся общностью местоположения, общими торговыми ориентациями, общностью культурных и идеологических связей. В рамках геостратегического региона находятся наиболее важные сухопутные и морские коммуникации. *Геополитический регион* представляет собой органическую составную часть геостратегического региона. Он более компактен и ограничен географически; интенсивность взаимосвязей, степень экономической и политической взаимозависимости отличают каждый такой регион от других.

С. Коэн выделяет два геостратегических региона — «Зависящий от торговли морской мир» и «Евразийский континентальный мир». В состав первого геостратегического региона он включил следующие геополитические регионы: а) Англо-Америка и Карибский бассейн; б) Морская Европа и Магриб; в) удаленная от центра континентальная часть Азии и Океания; г) Южная Америка. Евразийский континентальный мир в начале 1960-х гг. С. Коэн разделил на два геополитических региона. Один из них состоял из Восточной Европы и Хартленда, который С. Коэн называл также «российским промышленным районом», включая в него европейскую часть тогдашнего СССР, Урал, Западную Сибирь и Северный Казахстан. Второй геополитический регион охватывал Восточную Азию, и в частности континентальный Китай.

В отличие от схемы Н. Спайкмена в геополитической концепции Коэна отсутствовал единый и сплошной Римленд. Вместо этого понятия американский геополитик ввел новое — «разъединительные пояса», к которым причислил Ближний и Средний Восток, а также Юго-Восточную Азию. Значение обоих разъединительных поясов

заклучалось в том, что по ним проходили стратегические морские и сухопутные пути, а также на их территориях были сосредоточены производства специфических видов сельскохозяйственной продукции и добыча важных сырьевых ресурсов. Все это обуславливает, считал С. Коэн, стремление государств, доминирующих в обоих геостратегических регионах (США и СССР), установить контроль и над этими районами.

Начиная со Второй мировой войны сверхдержавы старались создать на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии плацдарм для расширения своего геополитического влияния. Нетрудно заметить, что Коэн показал геополитические условия конфронтации между двумя блоками и их лидерами к началу 1960-х гг. Действительно, большинство локальных конфликтов, за которыми стояли интересы сверхдержав, происходило как раз на этих разъединительных поясах. В Европе же, напротив, сохранялась стабильность, это и нашло отражение в геополитической концепции Коэна. Он теоретически обосновывает возникший после Второй мировой войны раскол европейского континента в целом и Германии, которую геополитик считал «вопросительным знаком Европы», в частности. Тем не менее американский ученый отмечал, что раздел Германии представляется его поколению закрепленным, геополитически логичным и стратегически необходимым. Эти необходимость и логичность обусловлены, с его точки зрения, традиционным тяготением западной части Германии к обращенной в сторону океана Западной Европе, в то время как восточная часть Германии в составе Восточной Европы была частью Евразийского континентального мира. С. Коэн считал опасным с точки зрения интересов стратегической стабильности объединение Германии и предупреждал, что не будет мира в Европе и во всем мире, если не будет четкой границы между Западной морской мощью и Евразийской континентальной мощью в Европе [11].

Однако холодная война завершилась объединением Германии, поскольку в основе раскола этой страны, как и раскола всей Европы, лежали все-таки не геополитические, а идейно-политические факторы.

Примечания

1. *Ratzel F.* Über die Gesetze des raumlicher Wachstum der Staaten. 1901.
2. *Науман Ф.* Срединная Европа. Прага, 1918. С. 69.
3. *Haushofer K.* Geopolitik des Parifischen Ozeans. Berlin, 1924. S. 142.
4. *Mackinder H. J.* The democratic ideals and reality. N. Y., 1944. P. 19.

5. Ibid. P. 20.
6. Ibid. P. 13.
7. *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на историю (1660–1783 гг.). СПб., 1895. С. 33.
8. Там же.
9. *Spykman N. J.* America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of power. N. Y., 1942. P. 41.
10. *Spykman N. J.* The Geography of Peace. N. Y., 1944. P. 43.
11. *Cohen S. B.* Geography and Politics in a Divided World. London, 1964. P. 83.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему геополитика сформировалась как отдельное направление внешнеполитической мысли именно в конце XIX в.?
2. Что такое жизненное пространство по Ф. Ратцелю?
3. Какова связь между геополитическими концепциями и внешней политикой Германии 1-й половины XX в.?
4. Назовите основные этапы становления и эволюции концепции Хартленда Х. Маккиндера.
5. Что такое морская мощь по А. Мэхэну?
6. Охарактеризуйте основные факторы геополитической силы государства по Н. Спайкмену.
7. Почему геополитические концепции Н. Спайкмена были особо популярны в США в начале 50-х гг. XX в.?
8. В какой степени изменения, происходившие в международных отношениях начала 60-х гг. XX в., отразились на американской геополитической мысли?
9. В чем причина интереса к геополитике в посткоммунистической России?

Литература

- Андрианова Т. В.* Геополитические теории XX века. М., 1996.
- Гаджиев К. С.* Введение в геополитику. М., 1998.
- Геополитика: теория и практика. М., 1993.
- Дугин А.* Введение в геополитику. Геополитическое будущее России. М., 1997.
- Евангелиста М.* Геополитика и будущее Российской Федерации // Политические исследования. 2002. № 2.

- Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М., 2001.
- Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб., 2000.
- Нартов Н. А. Геополитика. М., 1999.
- Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. № 10.
- Пономарева И. Геополитические факторы внешней политики: современное видение // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 1.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.
- Цымбурский В. Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Политические исследования. 1999. № 4.

Глава IV

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ 40–60-х гг. XX в.

---

§ 1. Политический идеализм в теории и практике международных отношений

Становление политологии как самостоятельной отрасли научных исследований и отдельной учебной дисциплины происходило на рубеже XIX и XX в. Основанная на европейской традиции политической мысли, политология в 1-й половине XX в. в силу объективных причин наибольшее развитие получила в Соединенных Штатах Америки. Это привело к тому, что американские ученые, их теоретические концепции и методологические подходы долгое время доминировали в различных направлениях политических исследований, включая сферу изучения мировой политики и международных отношений.

Теория международных отношений в американской политологии начала формироваться в период между двумя мировыми войнами, тогда как ее расцвет пришелся уже на послевоенное время. Особенности исторической ситуации, в которой происходило становление американской теории международных отношений, наложили свой отпечаток на одно из главных направлений этой теории — школу политического реализма. Само название данного направления призвано было стать некой антитезой господствовавшим среди части североамериканской политической элиты идеалистическим представлениям о внешней политике и международных отношениях.

Для политического идеализма первоосновой международных отношений являлись мораль и право. Сторонники данного подхода пытались анализировать цели и задачи внешней политики исходя исключительно из морально-этических и абстрактно-правовых норм. Такие представители североамериканской внешнеполитической мысли 1-й половины XX в., как Д. Перкинс, Ф. Танненбаум, Т. Кук, М. Мус, Ф. Джессап, У. Липпман, Т. Мюррей, В. Дин в соответствии со взглядами классического либерализма полагали, что главной задачей внешней политики США должна быть защита идеалов свободы и демократии во всем мире. Они разделяли убеждения, что демократизация

международных отношений, внедрение в мировую политику норм нравственности и справедливости окончательно устранят вооруженные конфликты и войны между народами. По их представлениям, мировое сообщество демократических государств вполне сможет добиться утверждения такого мирового порядка, при котором все конфликты будут разрешаться лишь мирным путем, т. е. на основе норм и принципов международного права при увеличении числа международных организаций и повышении их роли. Как видно, политический идеализм в США унаследовал многое из традиций европейской либеральной политической мысли.

Идеалистический подход, на практике вовсе не являющийся препятствием для применения силовых методов достижения внешнеполитических целей, обнаруживался в деятельности многих видных американских политических лидеров и политологов и позднее — со 2-й половины XX в. вплоть до сегодняшних дней. В период холодной войны многие внешнеполитические шаги США оправдывались соображениями защиты свободы и демократии, борьбы против антилиберальной теории и практики коммунизма. Фактически это тоже было рецидивом идеалистического подхода к мировой политике и международным отношениям. Особенно характерно стремление американского президента Дж. Картера сделать приоритетом своего внешнеполитического курса «защиту прав человека». Идеалистические мотивы находили отражение во внешнеполитических доктринах и внешнеполитической практике не только Соединенных Штатов, но и других государств. Достаточно вспомнить хотя бы «новое мышление» Горбачева—Шеварднадзе.

Среди американской научной общественности уже в 1920–1940-е гг. нарастали неудовлетворенность политическим идеализмом, разочарование в результатах политической практики, основанной на его принципах. Прежде всего это было связано с провалом внешнеполитической доктрины и дипломатической практики администрации президента Вудро Вильсона. Как известно, он оправдывал необходимость отказа от нейтралитета, вытекавшего из концепции изоляционизма, и вступление США в Первую мировую войну ссылаясь на нарушение Германией правовых и морально-этических норм. В своих знаменитых «14 пунктах» В. Вильсон выдвинул основанный на идеалистических подходах план послевоенного мирного урегулирования. В соответствии с этим планом наряду с осуществлением территориальных изменений после окончания Первой мировой войны предполагалось создать универсальную международную организа-

цию — Лигу Наций. По представлениям В. Вильсона и людей, разделявших его взгляды, именно международные организации, а не сила, должны гарантировать в будущем мир и безопасность.

Фактический провал планов В. Вильсона (Лига Наций хотя и была создана, оставалась малоэффективным институтом, в деятельности которого сами США отказались принимать участие) вызвал разочарование у американской политической элиты. Это разочарование было усилено в дальнейшем полным провалом Пакта Бриана—Келлога. Этот пакт, заключенный по инициативе министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога в 1928 г., предусматривал отказ его участников от войн как средства урегулирования международных споров и содержал призыв разрешать такие споры только мирными средствами. Хотя Пакт Бриана—Келлога был подписан представителями почти всех крупных государств мира и стал важнейшим международно-правовым документом, его реальное политическое значение оказалось близким к нулю. Уже на стадии подписания по настоянию некоторых государств в текст документа были внесены поправки, выхолащивающие его содержание, а в дальнейшем те же государства (Германия, Италия, Япония) своими действиями перечеркнули и дух, и букву этого пакта.

§ 2. Политический реализм в США

Иллюзия того, что Первая мировая война могла бы стать «последней войной» в истории человечества, рассеялась. Уже в середине 1930-х гг. в мире чувствовалось приближение нового глобального вооруженного конфликта. Провал попыток примирить агрессоров и начало Второй мировой войны резко усилили в политической элите США позиции тех, кто выступал за силовые методы достижения внешнеполитических целей. Поворот же к традиционным взглядам на мировую политику и международные отношения в американской политологии произошел еще накануне войны. Этот традиционный, или «реалистический», взгляд был присущ прежде всего таким мыслителям прошлого, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс и ряду других (их концепции были изложены в главе I). Суть реалистического подхода заключалась в том, что сила, а не моральные и правовые принципы определяют внешнюю политику государства.

Наряду с наследием европейской политической мысли в формировании школы политического реализма определенную роль сыграли работы американского философа и теолога Р. Нибура. В книге «Моральный человек и аморальное общество», вышедшей в 1936 г.,

Нибур писал об изначальной греховности человека и склонности ко злу вследствие того, что он стремится достичь большего, чем может на самом деле. Далее мыслитель пришел к выводу о неизбежности и неустранимости борьбы между людьми за власть и силу. Он философски обосновал то, что реалисты считали и считают ядром и движущей силой международной политики. Отдельные положения и тезисы американская школа политического реализма заимствовала у различных геополитических концепций, хотя полностью отождествлять эти направления внешнеполитической мысли было бы ошибочным.

Основоположником и наиболее видным представителем школы политического реализма в США считается Ганс Моргентау (1904–1980). Не будучи американцем по рождению (его родина — Германия), Г. Моргентау проявил себя активным сторонником защиты интересов США на международной арене. С его точки зрения, международная политика, как и всякая другая, является борьбой за власть. Саму же власть он рассматривал как возможность контроля над умами и действиями людей, причем политическая власть — это отношения взаимного контроля между теми, кто обладает властью, и между последними и народом в целом. В сфере международных отношений под борьбой за власть Г. Моргентау подразумевал борьбу государств за утверждение своего силового превосходства и влияния в мире.

С позиций политического реализма международные отношения — это прежде всего отношения межгосударственные, где единственными реальными акторами являются суверенные государства. Последние, естественно, стараются реализовать собственные интересы, используя весь имеющийся в их распоряжении силовой потенциал. Войны и конфликты, таким образом, представляются неизбежным следствием самой природы международных отношений, а надежды добиться всеобщего мира, опираясь на правовые и моральные нормы, — иллюзией.

Ганс Моргентау сформулировал широко известный основной тезис политического реализма, который гласит: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой» [1]. В соответствии с таким подходом анализ категорий «*национальный интерес*» и «*национальная сила*» находился в центре внимания самого Г. Моргентау и других представителей американской школы политического реализма — Дж. Кеннана, К. Томпсона, Ч. Маршалла, Л. Халле, Ф. Шумана, Ч. и Ю. Ростоу, Р. Страуса-Хюпе.

В англоязычной литературе понятие «нация» тождественно понятию «государство», что соответствует западным традициям и реалиям, где давно уже сформировались и национальное государство, и гражданское общество. Поэтому речь фактически идет о национально-государственных интересах. Представители школы политического реализма подразделяют их на постоянные (основополагающие) и преходящие (промежуточные) интересы. К *постоянным* относят:

- 1) «интересы национальной безопасности», под которыми подразумевается защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности;
- 2) «национальные экономические интересы», а именно развитие внешней торговли и рост инвестиций, защиту интересов частного капитала за границей;
- 3) «интересы поддержания мирового порядка», включающие взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса.

Промежуточные интересы по степени значимости можно выстроить в следующем порядке:

- 1) «интересы выживания», т. е. предотвращение угрозы самому существованию государства;
- 2) «жизненные интересы» — создание условий, препятствующих нанесению серьезного ущерба безопасности и благосостоянию всей нации;
- 3) «важные интересы» — предотвращение нанесения «потенциально серьезного ущерба» для страны;
- 4) «периферийные или мелкие интересы», связанные с проблемами преимущественно локального характера.

В зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в мировой политике, на первое место выдвигаются те или иные основополагающие либо промежуточные интересы в различных сочетаниях между собой.

Термин «национальная сила» (могущество), применяющийся в англоязычной литературе, не имеет точного эквивалента в отечественной. Наиболее близок он таким понятиям, как «государственная мощь», «внешнеполитический потенциал государства». Речь идет о тех ресурсах, которые государство может задействовать для достижения целей своей внешней политики. При выявлении компонентов того, что они понимают под «национальной силой», представители послевоенной волны политических реалистов в США находились под

сильным воздействием геополитических концепций. Как можно легко убедиться, Г. Моргентау многое заимствовал у А. Мэхэна и Н. Спайкмена. По его мнению, в структуру «национальной силы» входят следующие элементы: 1) география; 2) природные ресурсы; 3) производственные (индустриальные) мощности; 4) военный потенциал; 5) численность населения; 6) национальный характер; 7) моральный дух нации; 8) качество дипломатии. Влияние геополитического подхода здесь налицо, хотя имеются и различия. Наряду с материальными факторами Г. Моргентау выделяет и нематериальные, к которым относятся три последних из вышеназванных элементов. Отмечая, что и национальный характер, и национальная мораль трудно поддаются рациональному прогнозированию, политолог усматривает в них реальную способность воздействовать на международные отношения и внешнюю политику того или иного государства. В качестве примера Г. Моргентау указывает, что некоторые характеристики древнегерманских племен, данные римским историком Тацитом, вполне применимы и к армии Фридриха Барбароссы, и к войскам Вильгельма II и Адольфа Гитлера.

Национальная мораль, по мнению Г. Моргентау, определяет степень решимости, с которой нация способна поддерживать политику своего правительства как во время войны, так и в условиях мира. Особо важное значение он придавал «качеству дипломатии». Этот фактор напрямую зависит от личностей лидеров, формирующих и осуществляющих внешнеполитический курс.

Г. Моргентау предостерегал от ошибочного взгляда на силу и мощь государства как постоянную и абсолютную величину. В реальной международной политике меняются потенциалы основных государств-акторов, происходит и перманентное изменение соотношения сил. Примером ошибочной оценки собственного потенциала и недооценки потенциала противника, полагал Моргентау, могут быть просчеты государственно-политического руководства Франции в 1940 г. Это руководство опиралось на иллюзорное представление о том, что военная мощь Франции, как и в 1918 г., не имеет себе равных в Европе. В то же время степень подготовленности к войне Германии им явно недооценивалась. Роковой просчет привел в итоге к позорному поражению Франции и вступлению гитлеровской армии в Париж.

Вместе с тем Г. Моргентау не отвергал полностью роли права и морали в политике. Напротив, он утверждал, что политический реализм признает моральное значение политического действия. Однако американский политолог указывал на существование неизбежного про-

тиворечия между моральным императивом и требованием успешного политического действия. Государство не может, по его мнению, действовать по принципу: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!» Поэтому моральные критерии по отношению к действиям людей, определяющих государственную политику, должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени, а высшей моральной добродетелью в международных отношениях должны быть умеренность и осторожность. Г. Моргентау фактически выступил против навязывания каким-либо одним государством своих принципов всем остальным, утверждая, что политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами.

Политический реализм допускал возможность существования трех моделей внешней политики:

- 1) политика статус-кво, которая проводится государством, стремящимся сохранить влияние в сфере международных отношений;
- 2) империалистическая политика, присущая государствам, стремящимся к расширению сферы своего влияния и изменению баланса сил в свою пользу;
- 3) политика престижа, характерная для государств, демонстрирующих силу для сохранения своего места в системе международных отношений.

Было бы неверным рассматривать политический реализм лишь как возврат к традиционным взглядам на мировую политику и международные отношения. Поскольку становление этого направления происходило после Второй мировой войны, его сторонники должны были учитывать принципиально новые реальности этого времени. Одним из самых важнейших новых факторов в мировой политике стало появление ядерного оружия. Наличие такого оружия неизбежно должно было привести к пересмотру прежних представлений о внешней политике. Такой пересмотр и произвел Ганс Моргентау, выдвинувший известную формулу о четырех парадоксах стратегии ядерных государств.

Первый парадокс заключается в том, что одновременно со стремлением использовать ядерную или иную силу в международных отношениях существует и боязнь прибегнуть к ней из-за угрозы всеобщей ядерной катастрофы. Следствием этого парадокса стало уменьшение значения военной мощи. «Чем большей силой наделена та или иная страна, — писал Г. Моргентау, — тем меньше она способна ее исполь-

зовать» [2]. Сознание иррациональности ядерной войны препятствует применению не только ядерных, но и обычных сил. Ядерные державы могут пойти на риск применения обычных средств ведения войны лишь при условии, что будут использовать их для достижения ограниченных по своему характеру целей либо при заведомо локальном конфликте. Неядерные государства оказываются, таким образом, менее скованными в выборе средств.

Второй парадокс связан со стремлением выработать ядерную политику, при которой можно было бы избежать вероятных последствий ядерной войны. Смысл этого парадокса, по мнению Г. Моргентау, заключается в абсурдности концепции «ограниченной ядерной войны». Эта концепция была нацелена на поиск способа ведения ядерной войны, позволяющего избежать собственного уничтожения. Нереальность подобного сценария обусловлена тремя факторами: неизбежной неясностью исхода военной акции, неопределенностью намерений противника и, наконец, огромным и неоправданным риском развязывания ядерной войны.

Третий парадокс Г. Моргентау видел в одновременном продолжении гонки ядерных вооружений и попытках ее прекращения. По его мнению, количественный и качественный рост ядерного оружия в отличие от обычных вооружений имеет свои пределы. «Когда та или иная сторона, — писал он, — получает в свое распоряжение систему доставки, способную перенести последствия первого удара и доставить ядерные боеголовки до всех возможных целей, она одновременно достигает разумного предела в производстве ядерных вооружений» [3]. После этого невозможно любое рациональное оправдание продолжения гонки ядерных вооружений. Тем не менее эта гонка продолжается, потому что решения принимаются в соответствии со старыми стереотипами, выработанными в другую историческую эпоху.

Четвертый парадокс заключается в том, что с появлением ядерного оружия коренным образом меняются отношения между союзниками. Традиционный союз, располагающий ядерным оружием, устарел в политическом плане, поскольку этот союз или не может быть надежной защитой, или же предоставляет одному из его членов право вершить судьбу другого члена в жизненно важных вопросах. Союз, стремящийся к сохранению статус-кво, не может рассчитывать на поддержку основных неядерных держав. Союз, в котором ядерным оружием располагает более чем одно государство, не встретит сочувствия со стороны любого члена, вооруженного ядерным оружием. Распространение же этого оружия среди стран, до сих пор не обла-

давших им, может привести к всеобщей катастрофе. Таким образом, и этот парадокс остается неразрешенным.

Обобщая выводы, сделанные на основе анализа всех четырех парадоксов, Г. Моргентау констатировал: «Любая попытка, независимо от ее изобретательности и дальновидности, направленная на увязывание ядерной мощи с целями и методами государственной политики, сводится на нет необычной разрушительной силой ядерного оружия» [4].

§ 3. Политический реализм в Западной Европе

В послевоенные годы американская политология оказала весьма сильное воздействие на развитие политической науки в западноевропейских странах. Теоретические и методологические подходы, имевшие место в работах американских политологов, нашли своих последователей среди европейских ученых, разрабатывавших различные направления политической науки, включая и теорию международных отношений. Поскольку школа политического реализма была ведущей в США, то и в Западной Европе постулаты этой школы получили самое широкое распространение. Западноевропейские политологи лишь использовали концепцию Г. Моргентау и других американских реалистов для объяснения тех или иных событий в международной политике, поэтому их работы не были оригинальными в теоретическом отношении. Исключением следует считать французскую школу изучения мировой политики и международных отношений. Ее ведущим представителем в 1960-е гг. по праву считался выдающийся французский социолог, политолог и философ Раймон Арон.

Р. Арона нельзя называть ортодоксальным приверженцем школы политического реализма, поскольку он остро критиковал многие основополагающие тезисы, содержащиеся в работах Г. Моргентау. Вместе с тем Р. Арон в конечном счете пришел к тем же выводам, что и критикуемая им школа политического реализма. Прежде всего Р. Арон разделял традиционное, идущее еще от Т. Гоббса представление о «естественном» характере отношений между государствами. «В своих взаимоотношениях, — писал он, — государства не вышли из естественного состояния. Если бы они из него вышли, то теории международных отношений больше бы не существовало» [5].

По Р. Арону, для внешней политики государств характерны две символические фигуры — дипломата и солдата, поскольку отношения между государствами «состоят, по существу, из чередования войны и мира» [6]. Каждое государство может рассчитывать в отношениях

с другими государствами только на свои собственные силы, и оно должно постоянно заботиться об увеличении своей мощи. Р. Арон усматривал специфику международных отношений в отсутствии единого центра, обладающего монополией на насилие и принуждение. Поэтому он признавал неизбежность конфликтов между государствами с применением силы и делал из этого вывод о том, что подлежат объяснению прежде всего причины мира, а не причины войны.

Несмотря на совпадение ряда базовых принципов и подходов французского социолога с аналогичными принципами и подходами школы политического реализма, между ними сохранялись и существенные различия. Раймон Арон стремился дать социологическое объяснение многим феноменам в сфере мировой политики и международных отношений. Так, вслед за классиками социологии XIX в. он указывал на отличия между традиционным и индустриальным обществами в самом главном вопросе международных отношений — в вопросе о войне и мире.

В традиционном обществе, где технологическим и экономическим фундаментом является рутинное сельскохозяйственное производство, объем материального богатства заведомо ограничен, а само богатство сводится в основном к двум главным ресурсам — земле и золоту. Поэтому, указывает Р. Арон, завоевание было рентабельным видом экономической деятельности (естественно, для победителя). Таким образом, существовала рациональная мотивация использования вооруженной силы для присвоения богатств, произведенных трудом других народов. С переходом к индустриальному обществу рентабельность завоеваний стала неуклонно падать по сравнению с рентабельностью производительного труда. Происходило это потому, что развитие новых индустриальных технологий, широкое использование достижений науки и технического прогресса обусловило возможность интенсивного роста совокупного общественного богатства без расширения пространства и без завоевания сырьевых ресурсов. Как подчеркивал Р. Арон, во 2-й половине XX в. экономическая прибыль, которая может быть получена в результате войны, смехотворна по сравнению с тем, что дает простое повышение производительности труда. «Промышленная цивилизация действительно позволяет осуществить сотрудничество классов и наций, — утверждал социолог в одной из своих работ 1950-х гг., — она делает войну бессмысленной, а мир — соответствующим интересам всех» [7]. Уменьшает риск войны, становится сдерживающим фактором также и появление оружия массового поражения.

Однако все вышеперечисленные обстоятельства не могут полностью исключить военную силу из числа средств достижения внешнеполитических целей. Хотя, по Арону, значение этой силы уменьшилось, а значение экономических, идеологических и иных ненасильственных факторов внешней политики возросло, риск возникновения военных конфликтов не исчез. Причина тому — сохранение естественного состояния в международных отношениях и как следствие потенциальная возможность несовпадения, конфликта государственных интересов, взаимного недоверия, роковых ошибок в принятии внешнеполитических решений. Несмотря на кардинальные изменения в системе международных отношений, сохраняются прежние стереотипы в мышлении политических лидеров и военных, стереотипы, выработанные в те времена, когда применение военной силы было само собой разумеющимся. Личностный фактор становится, таким образом, весьма важным фактором мировой политики, а главным направлением в исследовании международных отношений — изучение способов и методов принятия внешнеполитических решений. Ориентация на разработку теории принятия решений сближают Р. Арона с таким направлением американской политологии, как модернизм.

§ 4. Модернистские концепции международных отношений

Модернизм появился в середине 1950-х гг. и стал своеобразным противовесом политическому реализму, господствовавшему в сфере изучения международных отношений. Возникновение нового направления было обусловлено разными причинами. Во-первых, влиянием технологического и научного прогресса, появлением новых средств и возможностей для теоретического и эмпирического изучения международных отношений. Во-вторых, изменениями в мировой политике, вызванными ослаблением в конце 1950-х гг. накала холодной войны, и, в-третьих, приходом в американскую политическую науку нового поколения ученых. Куинси Райт, Мортон Каплан, Карл Фридрих и Карл Дойч — собственно, с этими именами и связывают рождение модернизма — стремились привнести в теорию международных отношений новые идеи и методы, частично заимствуя их из других общественных и естественных наук. Особое внимание уделялось ставшей тогда модной кибернетике, общей теории систем, математическим методам социологических и политологических исследований. Критикуя школу политического реализма, модернисты обвиняли ее в неспособности учитывать новые явления в международной жизни,

отсутствии широкой теоретической базы исследований, несовершенстве категориального аппарата. Эта критика далеко не всегда была объективной и зачастую имела не рациональный, а эмоциональный характер. Тем не менее такой критический анализ позволил вскрыть и многие недостатки традиционных представлений.

Модернисты подвергли сомнению главный тезис реалистов о силе как важнейшем факторе, позволяющем одним государствам воздействовать на другие государства, диктовать им свою волю. Справедливости ради следует отметить, что роль этого фактора в международных отношениях ими полностью не отвергалась. Критиковалась и отстаиваемая классиками политического реализма трактовка категории национального интереса, хотя сами модернисты не отказывались от использования этой категории, но отрицали ее объективный характер.

Усилия модернистов были направлены на выработку некоей альтернативной политическому реализму общей теории международных отношений. Надежды на создание подобной теории были связаны с использованием для исследования мировой политики и международных отношений общей теории систем. Первая подобная попытка была предпринята в 1955 г. Ч. Макклеландом, выдвинувшим предположение о том, что международные отношения следует рассматривать как систему, состоящую из взаимосвязанных частей, структура которой в значительной степени определяет поведение объединенных ею государств. Дальнейшее развитие данная концепция получила в работах М. Каплана, Дж. Розенау, Р. Розенкранца, Д. Сингера и других американских политологов. Они считали целью всякой международной системы сохранение внутреннего стабильного состояния.

В структурном отношении международная система подразделялась на отдельные подсистемы и элементы, которые во взаимодействии с окружающей средой проявляют себя как единое целое. Общее состояние международных систем определяется независимыми и зависимыми переменными.

Термином «*независимые переменные*» обозначались:

- ◆ основные акторы международных отношений (государства, международные организации);
- ◆ структура международной системы (различные типы политических и иных союзов и группировок);
- ◆ формы и виды взаимодействия основных элементов системы (экономические, военные, дипломатические каналы взаимодействия в условиях либо конфликта, либо сотрудничества).

Зависимые переменные включали:

- ◆ могущество государства (способность оказывать влияние на поведение других акторов);
- ◆ управление силой (применение силы одним государством против другого государства);
- ◆ стабильность существующей структуры и процессов в международной системе и их изменение.

На основе количественного анализа перечисленных переменных предпринимались попытки построения математических моделей международных систем.

Внимание модернистов привлекал также вопрос о связи международной системы с внутренними политическими системами. Иначе говоря, проблема взаимодействия системы и среды рассматривалась как проблема воздействия внутренней политической ситуации на международные отношения, и наоборот.

Вышеназванная проблема особенно привлекала одного из самых известных представителей модернизма 1960-х гг. Джеймса Розенау. Этот американский политолог выдвинул специальную концепцию сцепления. Этим термином Дж. Розенау обозначил такое явление, когда поведение актора в рамках одной внутренней системы влияет на другую, равно как и на систему международных отношений. Технологический прогресс, развитие массовых коммуникаций, указывал он, усиливают тенденции к сцеплению и делают политические системы более проницаемыми для внешнего влияния. В концепции сцепления Дж. Розенау отстаивает тезис о том, что внешняя политика любого государства детерминирована как внешними, так еще в большей степени и внутренними факторами. Но одновременно и внутренняя политика подвержена влиянию других государств и всей системы в целом. Из этого вытекает вывод о примате внутренней политики над внешней. Дж. Розенау обосновывал данный вывод ссылками на то, что внешняя политика, во-первых, имеет «домашнее происхождение», а во-вторых, ее эффективность также в значительной степени проверяется отношением к ней в своей собственной стране.

Дж. Розенау выделяет пять групп основных факторов, влияющих, по его мнению, на внешнюю политику:

- 1) *индивидуальные факторы*, под которыми понимаются личные качества, талант, предшествующий опыт политических деятелей, определяющие особенности принятия внешнеполитических решений данными лидерами по сравнению с другими;

- 2) *ролевые факторы*, или факторы, которые относятся к внешнему поведению государственных деятелей и обусловлены ролью, вытекающей из занимаемого ими официального положения, а не из их личных качеств и характеристик;
- 3) *правительственные факторы*, по мнению Дж. Розенау, касаются тех аспектов правительственной структуры, которые определяют границы внешнеполитического выбора политических лидеров;
- 4) *«общественные переменные»* — основные ценности общества, степень его национального единства, уровень экономического развития и т. д.;
- 5) *«системные переменные»*, т. е. факторы, определяемые воздействием внешней среды и международной системы на внешнеполитический выбор государственных лидеров (географические реальности, идеологические вызовы со стороны других государств, стабильность правительств в странах, с которыми данное государство взаимодействует в системе международных отношений, и т. д.).

Неудивительно, что при таком подходе к пониманию сути внешней политики и детерминирующих ее факторов внимание модернистов было сосредоточено на субъективной стороне международных отношений, на изучении роли отдельных личностей и групп в принятии внешнеполитических решений.

Широко известна концепция Ричарда Снайдера. По его мнению, механизм принятия внешнеполитического решения можно объяснить взаимодействием трех переменных величин: ролью и взаимоотношением различных органов, поступлением в них информационных потоков и действиями отдельных лиц. Большое значение Р. Снайдер придавал изучению мотивации. В соответствии с его концепцией мотивы, которыми руководствуются государственные чиновники при принятии внешнеполитических решений, можно разделить на два основных вида. К первому виду относятся мотивы, выработанные под воздействием профессионального опыта чиновника, приобретенного им в прошлом. Второй вид мотивов детерминирован всем жизненным опытом данного государственного чиновника как частного человека. В большей степени, полагал Р. Снайдер, следует учитывать мотивы первого вида. Но бывают обстоятельства, когда именно индивидуальные особенности политических лидеров и государственных чиновников оказывают влияние на принятие решений по вопросам внешней политики.

Специалисты, исследующие механизмы принятия решений, считают необходимым учитывать наличие групп давления, стремящихся влиять на формирование внешнеполитического курса. Среди таких групп давления чаще всего называют: экономическую, политическую и правительственную элиту; средства массовой информации; лидеров; формирующих общественное мнение; политически активную часть населения.

Представляет интерес модель принятия решений, предложенная в начале 1970-х гг. английским политологом Нейджелом Форвардом. Н. Форвард выделил шесть критериев, на основе которых государственные лидеры принимают внешнеполитические решения:

- 1) *критерий сохранения национального единства*, или учет факторов, обеспечивающих существование данной страны в качестве независимого государства;
- 2) *критерий обеспечения национальной безопасности*, прежде всего в военном отношении;
- 3) *критерий сохранения национальной роли*, т. е. учет факторов, позволяющих государству сохранять свое место в системе международных отношений;
- 4) *критерий создания прецедентов*;
- 5) *критерий сохранения репутации*, смысл которого заключается в том, что каждое государство, выполняющее свои обещания и угрозы, поднимает свой международный авторитет, а государство, поступающее иначе, напротив, его теряет;
- 6) *критерий сохранения международного стандарта*, или критерий следования нормам морали и международного права.

Следуя методологии Макса Вебера, Н. Форвард называет три идеальных типа лиц, принимающих внешнеполитические решения. В основе этого деления лежит различие в принципах отбора и учета критериев. Первый тип получил у Н. Форварда наименование «*торопливые*». К нему относятся политические лидеры, которые быстро реагируют на любые действия, угрожают национальным интересам, не учитывают долгосрочные последствия принимаемых в данный момент решений. Лица этого типа обращают внимание на первые три из вышеназванных критериев, одновременно игнорируя три последних. Вторым идеальным типом — «*беспокойные*». Это политические деятели, ориентированные на долгосрочные последствия принимаемого решения и учитывающие 5-й и 6-й критерии. Третий тип был назван политологом «*мечтателями*». Это люди, опирающиеся только на меж-

дународные стандарты и считающие, что при принятии внешнеполитических решений следует руководствоваться нормами морали и международного права.

На основании данной схемы попытаемся типологизировать политических лидеров бывшего Советского Союза. Вероятно, Н. Хрущева можно было бы назвать «торопливым», М. Горбачева — «мечтателем», а Л. Брежневу больше всего подошло бы определение «беспокойный», если бы не его решения о вводе войск в Чехословакию и Афганистан.

Среди теоретических школ модернистского направления получила известность также теория игр. Цель теории — разработать линию поведения в различных смоделированных международных политических и экономических ситуациях. В соответствии с этой теорией, впервые сформулированной в книге Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», каждое государство, предпринимая внешнеполитические действия, или желает поражения противоположной стороне и выигрыша для себя («игра с нулевой суммой» — суммарный выигрыш одного равен проигрышу другого), или, напротив, стремится к сотрудничеству с другой стороной («игра с ненулевой суммой» — никто не проигрывает и не выигрывает). Люди, определяющие внешнюю политику того или иного государства, могут оказаться в любой ситуации, но у них всегда есть возможность выбора одного из четырех решений: наилучшего; в большей степени хорошего, чем плохого; в большей степени плохого, чем хорошего; наихудшего. Задача теории игр, по мнению ее авторов, заключалась в том, чтобы с помощью систематизации и математического анализа множества ситуаций подсказать политическим лидерам оптимальную стратегию. Данная стратегия должна, с одной стороны, сохранять преемственность, но, с другой стороны, не может быть раз и навсегда установленной для всех будущих ситуаций.

Со временем различия между модернизмом и реализмом стали стираться, тем более что некоторые из этих различий, как признавали сами участники теоретических дискуссий, были надуманными. Многие идеи, предложенные модернистами, получили всеобщее признание. Постепенно, по мере того как на смену политическому реализму пришли другие, более современные концепции, например неореализм и неолиберализм, модернистское направление как целостное явление утрачивает прежнее значение. Но большинство представителей данного направления сохранили свое место в науке, а такие ученые, как Дж. Розенау, Дж. Модельски и др., — общепризнанные авторитеты в области теории международных отношений.

Примечания

1. *Morgentau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace.* N. Y., 1965. P. 440.
2. *Моргентау Г. Четыре парадокса ядерной стратегии // Американцы размышляют, американцы критикуют: Проблемы внешней политики США.* М., 1967. С. 326.
3. Там же. С. 343.
4. Там же. С. 353.
5. *Aron R. Paix et guerre entre les nations.* Paris, 1968. P. 19.
6. *Ibid.* P. 18.
7. *Aron R. La societe industrielle et la guerre.* Paris, 1959. P. 68.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему либеральные представления о международных отношениях стали называться политическим идеализмом?
2. Каковы основные принципы политического реализма по Г. Моргентау?
3. Что такое власть в сфере международной политики?
4. Какова иерархия национальных интересов с точки зрения политического реализма?
5. Сравните структуру национальной силы по Г. Моргентау с концепцией Н. Спайкмена: в чем сходство и в чем различие?
6. В чем Г. Моргентау видел противоречивость последствий появления ядерного оружия для международных отношений?
7. В чем сходство и различие взглядов Г. Моргентау и Р. Арона?
8. Охарактеризуйте роль и место модернизма в развитии теории международных отношений.

Литература

- Власть и демократия: Зарубежные ученые о политической науке. М., 1993.
- Жинкина И. Ю.* «Национальная мощь» государства как инструмент американской демократии // США, Канада: экономика – политика – культура. 1999. № 9.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб., 2000.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.

- Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2.
- Национальные интересы: теория и практика / Под ред. Э. А. Позднякова. М., 1991.
- Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976.
- Политическая наука: новые направления / Науч. ред. Е. Б. Шестопап. М., 1999.
- Современные буржуазные теории международных отношений / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1976.
- Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Тюлин И. Г.* Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1988.
- Цыганков П. А.* Раймон Арон о политической науке и социологии международных отношений // Социально-политические науки. 1991. № 5.
- Цыганков П. А.* Международные отношения. М., 1996.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2002.

Глава V

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 70–90-е гг. XX в.

---

§ 1. Неолиберальные концепции международных отношений

Со временем различия между модернизмом и реализмом стали стираться, тем более что некоторые из этих различий, как признавали сами участники теоретических дискуссий, были надуманными. Однако постулаты политического реализма и далее подвергались критике. Основным противовесом традиционным представлениям о мировой политике и международных отношениях начиная с 1970-х гг. стала концепция транснационализма. Ряд исследователей, ссылаясь на работы американского политолога Г. Алмонда, полагают, что теоретические предпосылки этой концепции появились немного раньше. Действительно, еще в вышедшей в 1950 г. работе «Американский народ и внешняя политика» этот всемирно известный ученый подверг сомнению традиционную этатистскую схему, согласно которой в сфере международной политики взаимодействуют только некие абстрактные внутренне монолитные государства. Г. Алмонд пытался проанализировать влияние отдельных государственных структур и групп на внешнеполитическую деятельность. Развивая эти идеи, К. Дойч и Дж. Розенау указали, что в каждом государстве существуют группы, выступающие как самостоятельные субъекты международных отношений, и они способны поддерживать прямые связи с аналогичными группами в других странах без какого-либо реального участия со стороны правительственных структур.

Новое направление в изучении мировой политики и международных отношений окончательно оформилось в 1971 г. с выходом в свет книги «Транснациональные отношения и мировая политика» под редакцией Роберта Кеохейна и Джозефа Ная [1]. В этой работе, проанализировав сдвиги в мировом общественном развитии, происшедшие к началу 1970-х гг., Дж. Най и Р. Кеохейн констатировали резкий рост уровня взаимозависимости отдельных стран в экономической, политической и социальной сферах. Государство больше не способно полностью контролировать все возникающие в этих сферах взаимо-

отношения, оно утрачивает свою прежнюю монопольную роль главного субъекта международных отношений. С точки зрения сторонников транснационализма, полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и иные предприятия, наконец, отдельные индивиды. К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются разнообразные связи между религиозными, профессиональными, профсоюзными, спортивными, деловыми кругами этих государств, причем их роли могут иногда быть равными. Утрата государством прежних места и роли в международном общении нашла выражение и в терминологии — замене термина «*интернациональный*» (межгосударственный, исходя из западного понимания единства нации и государства) термином «*транснациональный*» (т. е. осуществляемый помимо государства, без его непосредственного участия).

Последователи транснационализма сделали вывод, что на смену традиционным международным (межгосударственным) отношениям должна прийти новая мировая политика как механизм демократической самоорганизации качественно обновленного международного сообщества. Главные тенденции этой политики будут определяться уже не столько индивидуальными действиями отдельных государств, сколько логикой развития международных политических институтов: глобальных и региональных международных организаций, системой официальных договоров и неофициальных договоренностей, институтами международного права и мирового общественного мнения.

Транснационализм стремится реабилитировать некоторые либеральные подходы к международной политике, отвергнутые прежде как идеалистические. В частности, это касается идей И. Канта, изложенных им в трактате «О вечном мире». Одновременно приверженцы транснационализма считают возможным примирить традиционные (реалистические) и либеральные (идеалистические) взгляды на мировую политику и международные отношения, поскольку эти взгляды, по их мнению, дополняют друг друга.

Из-за возрастающей взаимозависимости всех стран мира меняются не только субъекты мировой политики, но и средства, которые могут быть использованы для достижения внешнеполитических целей. «Военная сила, — пишет в связи с этим Дж. С. Най-младший, — главный инструмент могущества согласно традиционной точке зрения

на мировую политику. Она остается последней формой осуществления власти в межгосударственной системе, где каждое государство отвечает за себя и над ними нет высшего правительства. Но в наш век ядерного оружия и подъема национализма среди населения слабых стран военная сила стала для современных великих держав средством, использование которого обходится дороже, чем в прошлые века. Более важными стали другие инструменты — такие как средства коммуникации, организационные и институциональные возможности, а также умение манипулировать асимметричной взаимозависимостью» [2]. Последнее обстоятельство объясняется тем, что «менее зависимая или менее уязвимая сторона в условиях взаимозависимости нередко обеспечивает свое влияние, используя угрозы или манипулирование взаимозависимостью» [3].

Возрастание взаимозависимости и снижение роли силового фактора в международных отношениях объясняются действием ряда объективных тенденций в мировом общественном развитии, приводящих к расширению возможностей частных субъектов и небольших государств по сравнению с возможностями великих держав. Первая тенденция связана с развитием транспорта и массовых коммуникаций. Это, в свою очередь, способствовало появлению и быстрому росту транснациональных корпораций при одновременном ослаблении правительственного контроля над их действиями. Мировая торговля стала теснить в структуре мировой экономики мировое производство, а это еще больше повысило роль транснациональных субъектов и сделало взаимозависимость стран более сложной и прочной.

Вторая тенденция связана с процессами модернизации, урбанизации и развития коммуникаций в странах третьего мира. Одним из последствий таких процессов стали социальные сдвиги и рост национализма в этих странах, что препятствует осуществлению военных интервенций и иных традиционных средств обеспечения господства со стороны более развитых государств. Причина поражения США во Вьетнаме и Советского Союза в Афганистане и заключалась в том, что обеим сверхдержавам не удалось навязать свою волю социально мобилизованному и националистически настроенному населению бедных и отсталых стран. В этом сторонники транснационализма также видят перераспределение власти в международных отношениях — от правительств к частным субъектам, в данном случае к национально-освободительным движениям.

Третья тенденция также ведет к перераспределению власти, но не в пользу частных субъектов, а в пользу небольших и слабых госу-

дарств. В результате широкого распространения новых технологий, в том числе и военных, отсталые страны способны укреплять свой военный потенциал даже без сколько-нибудь серьезного экономического и социального прогресса. Поэтому военное вмешательство сверхдержав на региональном уровне становится все менее «рентабельным», а их способность влиять на ситуацию в третьем мире уменьшается.

Четвертая тенденция заключается в сокращении возможностей ведущих государств мира контролировать состояние окружающей среды. Обострение экологической и других глобальных проблем выявляет неспособность даже наиболее крупных и могущественных государств справиться с ними. Эти проблемы по своей природе являются транснациональными, поскольку включают в себя как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический компоненты. Решение глобальных проблем возможно только в рамках коллективных действий и сотрудничества всех государств. Отсюда и стремление многих сторонников транснационализма рассматривать весь мир как глобальное гражданское общество, т. е. возродить те из традиционных либеральных положений, которые были теоретической предпосылкой для обоснования необходимости создания наднациональных органов вплоть до образования мирового правительства.

Модификация в концепции транснациональных отношений вышеназванного и других тезисов классической либеральной доктрины дает основание многим исследователям идентифицировать ее с рядом более мелких направлений (например, «функциональный подход» Эрнста Хааса) как *неолиберализм*. Формирование неолиберального взгляда на мировую политику и международные отношения в самом широком плане является отражением существенных изменений, происшедших в мире во 2-й половине XX в. Эти изменения заставили и главного оппонента либерального направления в теории международных отношений — школу политического реализма — внести коррективы в свою концепцию. В 1970-е гг. традиционный реализм трансформировался в *неореализм*.

§ 2. Становление неореализма

Политический реализм оставался ведущим направлением в теории международных отношений вплоть до 70-х гг. XX в. Однако критика со стороны представителей иных направлений, а также изменения в мировой политике в тот период заставили сторонников реалистической парадигмы отчасти пересмотреть свои взгляды. Основополож-

ником неореализма в американской политической науке считается Кеннет Уолтц. В ранний период своей научной деятельности он был последователем Г. Моргентау и относился к числу наиболее известных представителей школы политического реализма. Но уже с конца 1950-х гг. К. Уолтц делает первые шаги к пересмотру традиционной методологии политического реализма. Окончательный разрыв с этой методологией произошел в 1979 г. с выходом книги «Теория международной политики» [4].

К. Уолтц выделил три уровня анализа международных отношений: индивида, государства и международной системы в целом. Классический политический реализм учитывал лишь второй уровень, т. е. рассматривал международные отношения с точки зрения взаимодействия отдельных, изолированных друг от друга государств. По мнению Уолтца, политический реализм представляет собой теорию внешней политики, а не теорию международных отношений. Последняя же возможна только на уровне изучения всей международной системы. Помимо тех факторов, которые учитывал классический политический реализм, внешнюю политику отдельных государств определяет и их место в структуре системы международных отношений. Сама эта структура складывается под влиянием взаимодействия наиболее сильных и крупных государств, и поэтому говорить о сохранении гоббсовского естественного состояния можно, лишь имея в виду такие государства. Малые и средние государства на эту структуру повлиять не могут, но для их внешней политики она выступает в качестве внешнего ограничителя.

Особенности применения методологии неореализма или, как его называют иначе, структурного реализма, можно проследить на примере такой важнейшей проблемы теории и практики международных отношений, как проблема войны и мира. Неореалисты признают, что истоки стремления к вооруженному насилию можно найти и на уровне исследования человеческой природы, поэтому считают возможным использовать выводы фрейдистских, неофрейдистских и иных социально-психологических, а также биологических концепций, так или иначе объясняющих склонность людей к насилию. Однако основным и тем более единственным объяснением причин вооруженных конфликтов эти концепции быть не могут.

В анализе международной политики на уровне государства неореалисты мало чем отличаются от своих предшественников из школы политического реализма. Они также характеризуют национальную политику в терминах национального интереса и национальной силы,

считая, что любая серьезная угроза интересам национальной безопасности или другим жизненно важным интересам того или иного государства может стать предпосылкой для использования этим государством своих силовых ресурсов. Катализатором вооруженных конфликтов может стать и гонка вооружений. Государства традиционно стремятся обеспечить свою военную безопасность путем накопления вооружений. Часто это происходит на основе неверной или неполной информации о военном потенциале и военной стратегии других государств, а также предположения о возможности появления в будущем каких-либо новых военных угроз. Действия одного государства по накоплению вооружений подталкивают другие государства к аналогичным усилиям, и процесс гонки вооружений становится перманентным и самовоспроизводящимся. В результате на определенном цикле этого процесса у одного из государств может появиться соблазн использовать свое временное военное превосходство и нанести потенциальному противнику упреждающий удар. Такое же желание может возникнуть и из-за опасения, что у других государств появятся новые системы вооружения, которые дадут гипотетическому противнику преимущества в военной сфере.

Детонатором крупного международного вооруженного конфликта могут стать внутренние политические конфликты, возникающие в результате дестабилизации социально-экономической, этнической или религиозной ситуации в отдельном государстве. Государство может быть вовлечено в войну и вследствие наличия у него политических или правовых обязательств перед союзниками. Например, в случае возникновения ситуации, требующей выполнения союзнических обязательств, либо в случае агрессии со стороны какого-либо враждебного обоим союзникам государства.

Как отмечают многие политологи, в том числе и неореалисты, подтолкнуть государство к использованию вооруженной силы может идеологический фактор. Так, решение направить американскую армию во Вьетнам, как и решения о проведении многих других вооруженных акций, принимались под влиянием антикоммунистических концепций, характерных для внешней политики США в период холодной войны. Точно так же вмешательство Советского Союза в вооруженные конфликты стран третьего мира, апофеозом которого стала афганская война, оправдывалось принципами пролетарского интернационализма, необходимостью поддержки национально-освободительных движений, представляющих собой одну из сил мирового революционного процесса. Любая мессианская идеология способна легитимировать вооруженное насилие целью глобального распространения

своих базовых ценностей. Это относится и к либеральной идеологии. Сегодня на Западе, в том числе и среди неореалистов, стала популярной концепция *гуманитарной интервенции*, оправдывающей вооруженное вмешательство защитой прав человека и задачей предотвращения гуманитарной катастрофы.

Неореалисты обращают также внимание на зависимость между характером политической системы и политического режима государства и возможной вовлеченностью последнего в вооруженные конфликты. При этом подвергается критике давний либеральный тезис о том, что «демократии между собой не воюют». На основе статистического анализа неореалисты пришли к выводу, что прямой зависимости между наличием или отсутствием демократического режима и стремлением к развязыванию войны нет. Можно только отметить, что страны, где утвердились принципы либеральной демократии, реже воюют между собой. По мнению некоторых американских неореалистов, правительства с неограниченной исполнительной властью в условиях отсутствия конкуренции со стороны оппозиции более склонны к агрессии, направленной на расширение собственной территории и овладение ресурсами других стран.

На третьем уровне анализа — уровне системы международных отношений — неореалисты связывают вероятность войн с характером структуры этой системы и ее изменениями. Один из самых известных современных неореалистов — Р. Гилпин — видит причины войн в том, что на протяжении предшествующей истории человечества не раз возникало несоответствие между устоявшейся системой международных институтов и правовых норм и изменившимся балансом сил. Набирающее мощь государство или группа государств сталкивается с теми государствами, которые занимают в существующей системе господствующее положение. Война, таким образом, означает борьбу за гегемонию. В результате определяется новый лидер, формируется международный порядок, отражающий новую расстановку сил. Такой международный порядок существует до тех пор, пока эта расстановка не изменится.

К. Уолтц сравнивал *однополярные, биполярные и многополярные* модели международной системы с точки зрения степени их стабильности и, следовательно, вероятности вооруженных конфликтов. Наиболее стабильной он считает биполярную структуру, а наименее стабильной — однополярную; многополярная занимает между ними промежуточное положение. Однако есть и противоположное мнение, согласно которому рост числа полюсов и центров силы ведет к дестабилизации,

а однополярная структура международной системы, обеспечивая концентрацию силы и власти, является наиболее стабильной.

Неореалист Саймон Браун предложил шесть гипотез, объясняющих причины вооруженных конфликтов в зависимости от структуры международной системы.

1. Однополярные системы с устойчивыми связями между государствами обладают наибольшими возможностями предотвращать конфликты.
2. Войны в одинаковой степени возможны как в однополярной, так и в многополярной системе со слабыми связями, но когда ведущие государства не расколоты на противостоящие друг другу коалиции, у них меньше стимулов к участию в локальных конфликтах.
3. Двуполярные и многополярные системы со слабыми связями создают большую вероятность вооруженных конфликтов, способных распространяться на всю систему. Данная структура отношений подталкивает ведущие государства к вмешательству в локальные конфликты.
4. Возникновение войн в биполярной системе с сильными связями внутри полюсов в целом маловероятно, но если война начинается, то ее трудно локализовать.
5. Теоретически наиболее безопасной может быть многополярная система, состоящая из внутренне сплоченных и интегрированных коалиций.
6. Отсутствие в структуре международной системы ярко выраженных полюсов, с одной стороны, в наибольшей степени провоцирует возникновение вооруженных конфликтов, но, с другой — способствует их локализации.

Не отказываясь от большинства базовых постулатов политического реализма, неореалисты пытаются модифицировать некоторые из них. Это относится, например, к такому понятию, как *баланс сил*. Стефан Уолт предлагает вместо термина «баланс сил» использовать понятие «*баланс угроз*», объясняя это тем, что далеко не всякая сила, находящаяся в распоряжении одного государства, представляет собой реальную опасность для других государств и требует адекватных мер по обеспечению собственной безопасности. Вследствие этого вместо традиционной политики на основе баланса сил предлагается политика на основе баланса нападения и обороны. В отличие от классического политического реализма задачи внешней политики трактуются не как задачи борьбы за наращивание силы и власти, а как задачи

обеспечения своей безопасности. Баланс определяется как соотношение между издержками по завоеванию чужой территории для одного государства и издержками по защите своей территории для другого.

При таком подходе дилемма безопасности выглядит следующим образом: если издержки нападения оцениваются как более низкие, то увеличивается вероятность войны. Если в данный момент нападение выгодно, то два государства с равными силовыми потенциалами не могут обладать одинаковой степенью безопасности, что в перспективе может привести к войне, поскольку у обеих сторон появится стремление к наращиванию силы. Даже если главной целью является безопасность, все равно у государства, находящегося в подобной ситуации, сохраняется соблазн нанести удар по предполагаемому противнику. Само осознание выгоды нападения стимулируется проведением дипломатии с позиции силы, порождает неверные представления о гипотетическом противнике, что тоже может спровоцировать войну. Если же государство начинает заботиться преимущественно о собственной обороне, то оно не уменьшает безопасности других государств. Когда параллельно укрепляется безопасность нескольких государств, создаются условия для сотрудничества между ними, поскольку исчезает угроза нападения на любое из них. При этом и нападение со стороны более сильных государств на относительно слабые государства будет неприемлемым, так как средства защиты делают цену вероятной победы слишком высокой. Основными факторами, влияющими на баланс обороны и нападения, с точки зрения неореалистов, являются следующие:

- ◆ военно-технологическое развитие;
- ◆ особенности географического положения;
- ◆ военный потенциал;
- ◆ национализм, под которым понимается готовность населения нести потери в период военных действий и соглашаться с ростом военных расходов в мирное время;
- ◆ совокупная мощь государства, включающая его собственные ресурсы и ресурсы тех территорий, которые оно в данный момент контролирует.

Неореалисты вслед за неолибералами признают снижение роли исключительно военных и соответственно возрастание роли экономических и социальных факторов в международных отношениях. Но делают это своеобразно: по их мнению, увеличивается экономическая составляющая совокупной мощи государства и относительно падает доля военной составляющей, но стремление к большей безопасности

путем наращивания силы как глубинный мотив внешнеполитического поведения самого государства по-прежнему сохраняется.

Современные различия между неореалистами и неолибералами, по мнению американского политолога Д. Болдуина [5], сводятся к шести основным пунктам.

Во-первых, неолибералы признают, что международная система характеризуется некоторой анархией, но в отличие от неореалистов, считающих такую анархию основополагающей, придают большое значение наработанным во внешнеполитической практике определенным моделям взаимодействия государств.

Во-вторых, неореалисты согласны с неолибералами в том, что широкое международное сотрудничество и объединение усилий государств в различных сферах возможны, но в отличие от них считают такие сотрудничество и взаимодействие трудно осуществимыми и по-прежнему в большей степени зависящими от правительств, чем от частных субъектов.

В-третьих, неореалисты видят в кооперации, т. е. сотрудничестве, объединении усилий, лишь относительную выгоду для государств, в то время как неолибералы настаивают на абсолютной выгоде от кооперации для всех ее участников.

В-четвертых, хотя сторонники обоих подходов согласны с тезисом о том, что двумя главными приоритетами государства являются национальная мощь и экономическое благополучие, однако неореалисты отдают предпочтение первому, а неолибералы — второму.

В-пятых, в отличие от неолибералов неореалисты больше подчеркивают значение действительных возможностей и ресурсов государства, чем декларируемых политических намерений.

В-шестых, хотя неореалисты и признают возрастание роли международных организаций и их способности воздействовать на международные отношения, но полагают, что неолибералы преувеличивают такую возможность. К вышеперечисленным пунктам можно добавить и то, что сами неолибералы, как правило, склонны отрицать существование серьезных различий между ними и неореалистами, тогда как последние стремятся такие различия всячески подчеркнуть.

§ 3. Постмодернистские и неомарксистские концепции международных отношений

Заметным течением в теории международных отношений 70-х гг. XX в. стал неомарксизм. Хотя в этот период существовало полтора десятка государств, в которых у власти находились коммунистические пар-

тии, и официальный марксизм-ленинизм сохранял еще свое влияние в мире, неомарксизм имел с ним очень мало общего. Данное направление зародилось в странах Запада в среде левых интеллектуалов, критически настроенных по отношению как к капиталистическому обществу, так и к «реальному социализму». Многие видные представители неомарксизма были связаны с идеологией и политической практикой движения новых левых конца 1960-х гг., пытавшихся по-новому прочесть и интерпретировать Карла Маркса.

В теории международных отношений неомарксизм использовал ряд присущих классическому марксизму теоретико-методологических подходов. Это прежде всего идея экономического детерминизма и классового анализа. Так же как марксисты XIX — начала XX в., неомарксисты 70-х гг. XX в. полагали, что в основе политических, в том числе международных, отношений лежат экономические факторы. Международная политика, с точки зрения неомарксистов, не является результатом взаимодействия национальных государств, а представляет собой взаимоотношения больших социальных групп-классов. Правда, само понимание классов в неомарксизме серьезно отличается от классического марксистского. В ключевые понятия марксизма — базис, надстройка, способ производства и т. д. — неомарксизм так же вкладывает иное содержание. Более того, ряд выводов, к которым пришли неомарксисты, прямо противоположны выводам, сделанным в свое время К. Марксом, Ф. Энгельсом или В. Лениным.

В 1970-е гг. неомарксисты — и прежде всего такие видные представители данного течения, как Самир Амир, Йохан Гантлунг, Иммануил Валлерстайн, — главное внимание обращали на проблемы отношений развитых стран Западной Европы, Японии и Северной Америки с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Следуя классической марксистской теории об эксплуатационном (эксплуататорском) характере капиталистического способа производства, особенно в его империалистической стадии, неомарксисты утверждали, что отсталость стран третьего мира есть следствие колониального господства империалистических держав, и ее сохранение объясняется приходом неокOLONИализма на смену классическому колониализму. НеокOLONИализм наследует неравноправные экономические отношения, основанные на неэквивалентном обмене и эксплуатации населения развивающихся стран монополистической буржуазией стран Запада. Изменить характер международных экономических отношений в пользу населения афроазиатских и латиноамериканских стран мог бы «новый мировой экономический порядок»

(НМЭП), концепция которого была предложена неомарксистами. Идеи НМЭП получили официальное признание со стороны ООН, стали популярными среди леволиберальных кругов Запада и политических элит стран третьего мира.

Антиимпериалистический, антизападный пафос неомарксистов, их обличение неокOLONIALИЗМА соответствовали целям внешней политики СССР и активно использовались в советской внешнеполитической пропаганде. Однако полного тождества между неомарксистскими концепциями и советской версией марксизма-ленинизма не было. Многие неомарксисты основной глобальный конфликт в тогдашнем мире видели отнюдь не в противостоянии двух сверхдержав и их блоков, а в конфликте между богатым Севером и бедным Югом, причем в состав Севера они включали СССР и его восточноевропейских союзников. Отдельные неомарксистские концепции выглядели на фоне ортодоксальной коммунистической идеологии вполне экстравагантно, например мир-системный анализ И. Валлерстайна, подробная характеристика которого будет дана в следующей главе книги.

Неомарксизм, так же как неореализм и неолиберализм, можно считать продолжением традиционных парадигм, утвердившихся в исследовании международных отношений на протяжении как минимум двух предшествующих столетий. Однако в конце XX в. появилось и принципиально новое направление, методологически связанное с политической философией постмодернизма. Термин «постмодернизм» впервые использовал французский философ Франсуа Лиотар (он подразумевал под ним критику рационалистических концепций, восходящих к эпохе Просвещения и претендующих на адекватное объяснение реальностей современного мира). Многие исследователи полагают, что постмодернизм — широкомасштабная реакция на философское наследие эпохи Просвещения, проявившееся в различных областях гуманитарного знания. Постмодернистское течение отличает иррационализм и негативный взгляд на возможности познания мира. По утверждениям его представителей, все оценки существующей реальности представляют собой лишь субъективные интерпретации, поскольку не существует истины, которую нужно было бы искать или отстаивать в борьбе.

Еще в большей степени, чем естественным наукам, постмодернизм отказывает в праве на объективность и рациональность наукам общественным. По мнению одного из основоположников постмодернизма М. Фуко, общественные науки отражают не объективную реальность,

а лишь глубинные структуры человеческого мышления. Как полагал Фуко, знание рождает власть, но и обладание властью облегчает доступ к знанию, он использовал термин «власть/знание», обозначающий взаимозависимость этих двух понятий. Познание всегда испытывает влияние со стороны власти, поэтому то, что можно назвать истиной, есть продукт определенных исторических условий, а не объективное отражение реальности, нашедшее подтверждение в практике.

Один из наиболее известных постмодернистов Ж. Деррида предпринял попытку отказаться от традиционного понимания отношений между субъектом и объектом. Французский философ представлял субъект познания как некое порождение языка и культуры. На основе изучения различных текстов он попытался доказать, что субъект зависит от образа мыслей и языка, используемых им в процессе познания. Из этого вытекало, что познающий субъект, вместо того чтобы интерпретировать окружающий мир, сам выдумывает его.

По мнению постмодернистов, существующая реальность представляет собой социальный конструкт, создаваемый верованиями и поведением людей. По мере того как та или иная идея появляется и распространяется, люди начинают верить в нее и действовать в соответствии с ней. Идеи постепенно воплощаются в общественных нормах и институтах, механизмах социального контроля и тем самым создают общественную реальность. Общественные науки по своей природе не могут быть нейтральными, свободными от ценностного подхода, поскольку наука — это не только инструмент познания, но и часть общественной практики, порождающей новые формы мышления и жизни. Рассуждая о международной политике, постмодернисты доказывали, что холодная война стала результатом реализации концепции политического реализма с его ставкой на силовой механизм регулирования международных отношений.

Следует отметить, что отношение постмодернистов к реалистической парадигме в теории международных отношений как в ее классическом, так и в неореалистическом варианте более негативно, чем к либеральной или марксистской парадигмам. Постмодернисты соглашались, например, с неолибералами в вопросах снижения роли национальных государств и повышения роли негосударственных субъектов в мировой политике. Однако основное внимание постмодернисты уделяют исчезновению самого принципа территориальности политической власти. На этом основываются концепции «смерти географии», «сжатия времени-пространства», «эмансипации территориальности». Территориальный принцип построения власти с точки зрения пост-

модернизма хорош только для тех случаев, когда имеет место однородность населения, а поскольку такой однородности в современном мире становится все меньше, то и данный принцип должен уйти в прошлое. Постмодернисты констатируют, что многие из существующих ныне политических, этнических, культурных, религиозных или профессиональных общностей действуют в масштабах, далеко выходящих за пределы самых крупных государственных образований. Все чаще имеет место внерегиональная, внегосударственная, в целом — внетерриториальная форма организации экономических, политических, социокультурных, этноконфессиональных процессов.

По мнению некоторых постмодернистов, традиционные основы национальных государств размываются не только из-за перераспределения значительной части властных полномочий в пользу наднациональных структур, таких как Европейский союз, но и потому, что сама политическая власть теряет свое значение по отношению к власти экономических институтов и глобальных рыночных механизмов. Весьма распространенным среди постмодернистов стало утверждение о том, что на смену традиционным государственным границам приходит так называемая внутренняя граница, разделяющая группы и отдельных индивидуумов внутри населения каждого государства. Поэтому в будущем следует ожидать перехода от территориальных сообществ к сетевым, функционирующим на базе общих интересов и ценностей и не зависящим от территориальной принадлежности участников. Территориальность в соответствии со взглядами постмодернистов может быть поглощена иными интегрирующими факторами, например принадлежностью к той или иной мировой религии. В таком случае этнонациональная принадлежность или гражданско-политическая лояльность по отношению к государственным институтам может обладать меньшей значимостью, чем вероисповедание, чувство солидарности с единоверцами, находящимися за пределами собственной этнической территории и государственных границ.

Негативное отношение к модели национального государства объясняется и тем, что для постмодернистов она является продуктом отвергаемой ими эпохи модерна и воплощает такие ненавистные постмодернистам черты, как господство «инструментальной рациональности», приоритет материальных ценностей над духовными, централизацию и унификацию. Они противопоставляют принципам равенства и однородности принципы разнообразия и приветствуют плюрализм везде, в том числе и в системе международных отношений. Этим, в частности, можно объяснить и негативное отношение постмодер-

нистов к внешней политике США и ведущих государств Западной Европы, а также к ряду распространенных на Западе взглядов о международной политике. Известный постмодернист Дж. Дер Дериан считает представление о дипломатии как инструменте посредничества и достижения мира мифом, призванным замаскировать суть реальной внешнеполитической практики Запада. На основе проведенного им исторического, культурологического, политического и лингвистического анализа Дж. Дер Дериан доказывает, что западная дипломатия была нацелена только на защиту собственных эгоистических интересов. США и их западноевропейские союзники традиционно делят внешний мир на «своих» и «чужих», причем последние автоматически воспринимаются как угроза для безопасности Запада. Даже небольшие «чужие» государства могут рассматриваться в качестве серьезной угрозы, поскольку они дестабилизируют устраивающую западные страны систему международных отношений. Подобный подход может породить стремление превратить «чужих» в «своих», что, по мнению постмодернистов, и является причиной агрессивности Запада, его попыток унифицировать весь мир по своему образцу и подобию.

Настороженное отношение постмодернистов к идеям нового мирового порядка также основано на критике «культурного империализма», который ассоциируется у них с «доминированием Запада» в международных отношениях. По мнению постмодерниста Р. Б. Дж. Уокера даже нормы международного права и идеи прав человека являются лишь воплощением универсалистских надежд западных либералов и призваны легитимировать претензии ведущих западных государств на свое доминирование в современном мире. Не верили постмодернисты и в возможность создания каких-либо наднациональных универсальных структур, например «мирового правительства», поскольку такое правительство навязывало бы миру некую «всеобщую волю». В качестве цели постмодернисты провозглашали разрушение «иерархической целостности мира за счет усиления влияния и роли различных маргинальных групп и акторов».

Внутри постмодернизма выделилось феминистское течение, для которого были характерны собственные подходы к проблемам международных отношений. В современном мире феминизм существует во многих вариантах, но их объединяют следующие принципы: а) пол является важнейшей детерминантой политического процесса и мощным фактором социализации, поскольку современные общества основываются на половых различиях; б) политическая жизнь традиционно

проходила при доминировании мужчин, женщины же были исключены из нее, были лишены возможности полноправного участия в ней, причем современная цивилизация имеет тенденцию к нарастанию этого неравенства; в) настало время признать, что «мужская интерпретация» политических реалий не может быть признана ни доминирующей, ни исчерпывающей.

С точки зрения феминистов, женщины остаются дискриминируемой и угнетенной частью населения. Феминисты часто ссылаются на следующие данные: в развитых странах на долю женщин приходится меньшая часть высокооплачиваемых рабочих мест; в развивающихся странах женщинам гораздо менее, чем мужчинам, доступны образование и здравоохранение, $\frac{2}{3}$ всех неграмотных — женщины; основную часть низкооплачиваемой рабочей силы на предприятиях ТНК составляют женщины. Именно женщины в наибольшей степени страдают от вооруженных конфликтов. Если в прошлом в войнах гибли прежде всего военнослужащие, то теперь от 80 до 90% жертв военных конфликтов приходится на гражданское население, в том числе женщин и детей. Они же составляют 80% беженцев, а женщины-беженки, по мнению феминистов, — самые обездоленные из всех бедняков мира. Страдая от такого имманентно присущего международным отношениям феномена, как конфликты, женщины практически лишены возможности реально влиять на международную политику и участвовать в принятии внешнеполитических решений. Только 5% глав государств современного мира — женщины. К концу XX в. доля женщин в старшем звене служащих Госдепартамента США составляла 5%, а среди ответственных работников Министерства обороны США — 4%.

Традиционно политика была делом мужчин, причем наиболее привилегированной их части. По мнению феминистки Сандры Хардинг, взгляд на международные отношения с позиций аутсайдеров, в частности женщин, может быть более объективным, чем взгляд с позиций правящих групп, представители которых мыслят в соответствии с господствующими концептуальными схемами. Эта касается концепций политического реализма, в наибольшей степени отразивших мужской взгляд на политику. Феминистка Р. Грант утверждала, что доминирование мужчин в мире привело к легитимации силы и исключило нравственные принципы из сферы политики. В работах некоторых наиболее радикальных феминистов мужчина трактуется как существо, имеющее неограниченные возможности вызывать опасность. В противоположность этому забота, эмоциональная открытость и неагрессивность считаются сущностными чертами женщины. Такая ло-

гика приводит сторонников феминистских концепций к утверждению, что усиление роли женщины в политике будет способствовать снижению уровня напряженности и конфликтности в международных отношениях, сделает мир более стабильным и справедливым.

Феминизм, как и постмодернизм в целом, внес существенный вклад в формирование новых подходов к проблемам безопасности. Благодаря постмодернистским и феминистским концепциям в исследованиях этих важнейших проблем теории и практики международных отношений стали принимать во внимание не только военно-политические, но и экономические, экологические, социальные, культурные, информационные аспекты.

§ 4. Теоретические концепции международной интеграции

Сторонники традиционно-реалистического подхода — от Фукидида, Макиавелли и Гоббса до Моргентау и его последователей — считали межгосударственные разобщенность и анархию принципиально непреодолимыми, а международные отношения — конфликтными по своей природе. Но еще в античные времена родилась идея «космополиса» — глобального государства, охватывающего все пространство тогдашнего мира. Создание подобного государства должно было устранить разобщенность отдельных государств, а следовательно, межгосударственные конфликты и их следствия — войны — из жизни народов.

Идея космополиса нашла свое продолжение в многочисленных проектах создания «мирового государства» или «мирового правительства», а также в либеральной концепции международной политики. Сторонники этой концепции выражали надежды на создание международных организаций, особенно универсальной международной организации, и придание им со временем наднационального статуса, дающего возможность преодолеть межгосударственную разобщенность и анархию. Как известно, попытка использовать на практике либеральную концепцию для перестройки международных отношений, предпринятая Вудро Вильсоном после окончания Первой мировой войны, завершилась неудачей. Это относится и к плану создания первой универсальной международной организации — Лиги Наций. Разочарование характером и результатом деятельности этого международного института заставило ряд исследователей заняться поиском таких моделей международной интеграции, которые не были бы

столь грандиозными, но в тоже время имели бы более конкретный и прагматический характер. Исторически первой концепцией международной интеграции во 2-й половине XX в. стала концепция функционализма.

Исследования феномена международной интеграции с позиций функционализма начались с изучения причин неудачи в создании Лиги Наций. Английский исследователь Д. Митрани в 1943 г. опубликовал статью «Мир и функциональное развитие международной организации» [6]. В этой статье он указал, что Лига Наций потерпела поражение потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Автор писал о неэффективности построения любой предварительной конструкции политической интеграции. С его точки зрения, глобальная международная организация вообще не может преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов и даже гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому после окончания Второй мировой войны необходимо, считал автор, не создавать наднациональные организации, а устанавливать сотрудничество государств в конкретных экономических, социальных, научно-технологических, культурных сферах. Сама практика этого сотрудничества подтолкнет государства к формированию межгосударственных органов и политической кооперации.

Функционализм видел в расширении межгосударственного сотрудничества в отдельных сферах путь к достижению политической цели — интеграции государств в объединенную общность с постепенным отмиранием их суверенитетов. Функционализм не видит в национальном государстве перспектив для решения новых экономических, социальных, технических и технологических проблем. Эти проблемы могут быть решены только на международном уровне. Поэтому вместо «вертикальной» территориальной обособленности должна появиться «горизонтальная» модель взаимодействия, обеспечивающая координацию межгосударственного сотрудничества в конкретных сферах. Таким образом, по мнению сторонников функционализма, будут устранены экономические и социальные причины конфликтов, а в перспективе постепенно и безболезненно можно будет преодолеть государственные суверенитеты. Длительное и тесное сотрудничество между государствами исключит вооруженные конфликты между ними. Международная среда изменится коренным образом, солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями — прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов — решению конкретных вопросов.

Исследователи отмечали двойственность функционального подхода к интеграционным процессам. «Идеалисты» видели в нем стремление к созданию наднациональных структур. «Реалисты» прежде всего обращали внимание на сохранение в среднесрочной перспективе основных атрибутов государственного суверенитета.

Функционализм оказал влияние на создание и развитие Организации Объединенных Наций. В Хартии ООН большое внимание уделяется ее функциональным обязанностям. Однако практическое применение положений функционализма в международной интеграции выявило его недостатки. Большое количество относительно самостоятельных технических организаций породило новые проблемы координации их деятельности. Обнаружилось также, что в реальной практике интеграции международное сотрудничество автоматически не ведет к «отмиранию суверенитета». Более того, само функциональное сотрудничество требует подкрепления его мероприятиями политического характера.

Вышеперечисленные проблемы отразились и в неофункционализме. Его представители считают, что потребности сотрудничества в экономической, социальной, технической, культурной сферах способны вызвать эффект цепной реакции и привести к возникновению специализированных наднациональных институтов, необходимых для их координации, и к ускорению процессов политической интеграции. Начало этого процесса они видят в отдельных экономических проектах, для осуществления которых государствам достаточно лишь схождения интересов в конкретной области, но не отказа от собственной политики. В то же время неофункционалисты отмечают, что функциональная интеграция будет иметь не механический, а вероятностный характер.

Политические институты стоят в центре концепции федерализма. Ее сторонники характеризуют федерализм как «договорной отказ от централизма». Конечная цель международной интеграции с точки зрения федерализма рассматривается в виде государства, построенного на принципах федерального устройства. В основе предлагаемой модели лежит несколько принципов: во-первых, это двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств; во-вторых, многообразие роли региональных правительств; в-третьих, цикличность изменения силы и роли региональных правительств; в-четвертых, двойственность природы федерализма, обладающего центробежными и центростремительными силами. Федерализм обращает особое внимание на роль политической воли

ее участников, на распределение полномочий между различными уровнями как гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны центра.

Модель, предложенная федерализмом, выглядит вполне привлекательной, однако в ней весьма высок удельный вес нормативности, ориентации на умозрительные образцы. Учитывая недостатки проанализированных выше концепций, реальный процесс международной интеграции может быть понят с учетом преимуществ каждой из них. В этой связи следует обратиться к плюралистической концепции, в рамках которой интеграционный процесс рассматривается в терминах коммуникационных сетей, информационного обмена, накопления опыта и выполнения определенных функций.

Представитель плюралистического направления К. Дойч выделяет два типа политических объединений — «амальгамное» и «плюралистическое». «Амальгамным» объединением называется «слияние в соответствующей форме двух или нескольких ранее самостоятельных единиц в более широкое объединение, наделенное определенным типом общего управления». «Амальгамная» интеграция нуждается в целом комплексе условий социокультурного и политического характера: приверженности населения интегрирующихся общностей одним и тем же ценностям, ожидании выгод от интеграции, достаточном знании друг друга и предсказуемости поведения. Основой «амальгамной» интеграции становится общий образ жизни и сознание глубокого единства. В «плюралистическом» объединении интегрирующиеся единицы сохраняют политическую самостоятельность, и оно не требует столь же обширных и жестких условий. Основные социокультурные ценности просто не должны противоречить друг другу. Успеху такой интеграции будет способствовать принятие объединительной идеи интеллектуальными кругами и политическими движениями, а также постоянное развитие сетей коммуникации и всестороннего взаимодействия.

Практически все вышеприведенные концепции международной интеграции нашли свое выражение в создании и развитии Европейского союза — наиболее известной и наиболее эффективной на сегодняшний день международной интеграционной организацией. Первоначально интеграция послевоенной Западной Европы начиналась на основе чисто функционального подхода. Предшественник нынешнего Европейского союза — Европейское общество угля и стали — был экономической организацией функционального типа, не имевшей иных целей, кроме налаживания сотрудничества западноевро-

пейских стран в области угледобывающей и металлургической промышленности.

Ограниченность функционального подхода для перспектив европейской интеграции и дала толчок формированию концепции неофункционализма, получившей теоретическое выражение в работах Линдберга и Хааса. Практическим воплощением неофункционального подхода стало подписание Римского договора 1957 г. о создании Европейского сообщества. Хотя роль политики стала возрастать, на протяжении следующих трех десятилетий европейская интеграция продолжала иметь преимущественно экономический характер. Только в 1980-х гг. создаются необходимые предпосылки для углубления экономической интеграции, с одной стороны, и формирования политической интеграции — с другой. Важной вехой в истории Европы стал Маастрихтский договор, заключенный государствами — членами ЕС в феврале 1992 г., который, по сути, означал переход к федералистской модели европейской экономической и политической интеграции.

Федерализм считает причиной двух разрушительных мировых войн и источником воинствующего национализма «государство-нацию». Национализму как основному препятствию объединения Европы федералисты противопоставляют этнокультурное возрождение регионов, с одной стороны, а с другой — осознание принадлежности к общеевропейской цивилизации. Это стало возможным благодаря обоснованию западноевропейскими исследователями идеи общей судьбы и культуры всех европейских народов, а также принципа «единства в многообразии».

Федералисты критикуют недостатки господствующей либерально-демократической системы. Культурное пространство европейской цивилизации либералы рассматривают независимо от национальной, этнокультурной принадлежности. Управляется это однородное пространство центральным (а в перспективе мировым) правительством. Согласно федералистскому проекту, культурное пространство европейской цивилизации складывается из самоуправляющихся локальных, региональных, этнокультурных общностей, которые объединяются в более обширные союзы. Эта федеральная традиция «единства в многообразии» существовала в средневековой Европе, тогда как либеральная традиция связана с появлением и укреплением в Новое время европейских национальных государств. Федерализм выступает гарантом местной и региональной автономии, а либерализм регулирует отношения между автономными единицами, объединяющимися

в более крупные формы политической организации. Ограничивая размеры основных политических единиц, федерализм создает возможность их коллективного участия в широком союзе, что устраняет политическое отчуждение и гарантирует слаженное взаимодействие.

Если исходить из концепции К. Дойча, вплоть до 90-х гг. XX в. речь шла о создании в Европе «плюралистического сообщества» и лишь теперь можно говорить о перспективах формирования более интегрированного экономического, политического и оборонного пространства.

§ 5. Формирование теории международных режимов

Генезис теории международных режимов связан, по нашему мнению, с вечной дискуссией о природе и закономерностях международных отношений. Суть этой дискуссии хорошо показал еще Т. Гоббс. Его концепция «естественного состояния» и «общественного договора» содержала и международный аспект. Утверждая, что заключение общественного договора и создание на его основе государства преодолевает идущую в «естественном состоянии» «войну всех против всех», Гоббс одновременно обратил внимание на то, что это «естественное состояние» сохраняется в отношениях между государствами. Так же как и в отношениях между индивидами, «естественное состояние» в международных отношениях означало постоянную вражду и взаимные подозрения, неминуемо выливавшиеся в открытые конфликты. Такие конфликты часто становятся причинами войн, поэтому «естественное состояние» не дает гарантий стабильности и безопасности ни в первом, ни во втором случае.

«Естественное состояние» могло бы быть преодолено через создание центра наднациональной власти в виде мирового правительства, стоящего над отдельными государствами. Однако сам Томас Гоббс не верил в такую перспективу. Гоббс, как и другие представители реалистического направления, полагал, что межгосударственные конфликты и войны в принципе неустранимы, следовательно, каждое отдельное государство должно обеспечивать собственную безопасность самостоятельно. Каждое государство должно строить свою политику исходя из собственного эгоистического интереса, опираясь на свои силовые возможности.

Противоположный подход, который можно охарактеризовать как либеральный или неолиберальный, всегда исходил и исходит из возможности преодолеть «естественное состояние» в международных

отношениях. Эта возможность могла быть реализована через ограничение национально-государственного суверенитета и появление наднациональных институтов с перспективой обретения ими функций мирового правительства.

Теория международных режимов представляет собой пример синтеза двух вышеозначенных подходов. Хотя многие исследователи связывают эту теорию с неолиберализмом, ее истоки следует искать в английском традиционном реализме 60-х гг. XX в.

Когда к изучению международных отношений стал применяться системный подход, некоторые английские и американские политологи, в частности Х. Булл, отнеслись к этому негативно. С их точки зрения, понятие «система» слишком механистично и неприменимо в социальных науках, обладающих своей спецификой по сравнению с естественными науками. Понятию «система» в международных отношениях было противопоставлено понятие «общество», причем речь шла не о глобальном «гражданском обществе», как у неолибералов, а о совокупности государств. Именно отдельные государства со своими эгоистическими интересами и составляют это «международное общество».

В отличие от своего предшественника и земляка Томаса Гоббса английские реалисты 1960-х гг. отнюдь не считали «естественное состояние» в межгосударственных отношениях абсолютно непреодолимым. Напротив, по их мнению, государства могут приходить к согласию относительно интересующих их проблем, так же как люди, живущие по соседству, способны договориться между собой по поводу приемлемых форм и принципов общежития. Для того чтобы регулировать отношения между государствами, нужны не голая сила или какой-либо наднациональный центр власти, а согласие о взаимоприемлемых нормах и принципах поведения. Каждое государство эгоистично и заботится в первую очередь о своих собственных интересах. Но государство — это «разумный эгоист», который признает наличие интересов и у других государств.

Согласие государств о правилах поведения в той или иной сфере, по тому или иному вопросу и практическое соблюдение таких правил получило впоследствии название «международный режим». Классическое определение этого понятия принадлежит известному американскому политологу-международнику С. Краснеру: «Международные режимы — принципы, нормы, правила и процедуры принятия решения, вокруг которых сходятся ожидания акторов в определенной области» [7].

В теории международных режимов одинаково высоко оценивает роль международных институтов (смысл существования которых заключается в обеспечении функционирования того или иного международного режима) и национальных интересов отдельных государств как детерминирующих факторов внешней политики.

Примечания

1. *Transnational Relations and World Politics* / Eds. R. Keohane, J. Nye. Cambridge, 1971.
2. *Най С. Дж.* (младший). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 76.
3. Там же.
4. *Waltz K. Theory of International Politics*. Reading. Mass., 1979.
5. *Baldwin D. Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate*. N. Y., 1993.
6. *Mitrany D. A. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization*. London, 1946.
7. *International Regimes* / Ed. S. Krasner. Ithaca, 1983. P. 1.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем неолиберальный подход отличается от классических либеральных взглядов на международные отношения?
2. В чем неолибералы видят причины снижения роли национальных государств в международных отношениях?
3. Чем неореализм отличается от политического реализма 1950–1960-х гг.?
4. Что такое структурные ограничения для внешней политики государства и каковы возможности их преодоления?
5. В чем состоит сходство и различие между неореализмом и неолиберализмом?
6. Чем неомарксизм во взглядах на международные отношения отличается от традиционного марксизма-ленинизма?
7. Что такое постмодернизм и в чем причина его возникновения?
8. Попробуйте на основе теоретических концепций международной интеграции сравнить интеграционные процессы в Западной Европе и на постсоветском пространстве.

9. Каково место теории международных режимов в споре между неолиберлизмом и неореализмом?

Литература

- Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001.
- Грифитс Р. Т.* Основания европейской интеграции // Политические исследования. 2002. № 4.
- Кулагин В.* Современные теории международных отношений // Международная жизнь. 1998. № 1.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб., 2000.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998.
- Най С. Дж. (младший).* Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
- Никитченко А. Н.* Транснационализация демократии (третья волна демократизации в свете теории международных отношений) // Политические исследования. 1996. № 5.
- Политическая наука: новые направления / Науч. ред. Е. Б. Шестопал. М., 1999.
- Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков П. А.* Международные отношения. М., 1996.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.
- Янг О. Р.* Система и общество в мировых делах: их значение для международных организаций // Международный журнал социальных наук. 1995. № 11.

Глава VI

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

---

§ 1. Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы

Теория международных отношений как раздел современной политической науки сформировалась и развивалась в условиях биполярного мира. Это не могло не отразиться на концептуальных подходах и проблематике международно-политических исследований. Все сколь угодно значительные прогнозы развития международных отношений предполагали и в будущем сохранение примерно той же ситуации, которая существовала четыре десятилетия после окончания Второй мировой войны. Хотя некоторые политологи предсказывали вероятность изменений в системе международных отношений, ее эволюцию в сторону многополярности, но и они исходили из того, что обе сверхдержавы — США и СССР — по-прежнему будут играть важнейшую роль.

Реальные сдвиги в мировой политике, происшедшие после окончания холодной войны, оказались сколь радикальными, столь и неожиданными для большинства исследователей международных отношений. В одночасье рухнули многие теоретические концепции, казавшиеся незыблемыми и едва ли не вечными. Политическая картина мира меняется столь стремительно, что научная мысль не всегда за ней успевает. Среди политологов, специализирующихся на исследовании проблем мировой политики и международных отношений, наблюдается, с одной стороны, некоторая растерянность, а с другой — стремление объяснить новые мировые реалии и спрогнозировать динамику дальнейших изменений в мире.

Одна из первых попыток дать теоретическое обоснование изменений, связанных с окончанием холодной войны, была предпринята еще на рубеже 1980–1990-х гг. американским ученым и дипломатом Фрэнсисом Фукуямой. В своей напумевшей работе «Конец истории» он выдвинул тезис о полном разрешении лежавшего в основе холодной войны конфликта двух идеологий — либеральной демократии и коммунизма. Коммунизм потерпел поражение, и открылись

перспективы для торжества принципов либеральной демократии во всем мире. Следовательно, по мнению политолога, наступил «конец истории», т. е. состояние бесконфликтности. Точка зрения Ф. Фукуямы подверглась критике как идеалистическая и упрощенная. Действительно, прошедшие после окончания холодной войны годы не дают основания для того чрезмерного оптимизма, которым наполнена работа американского ученого, — оптимизма, навеянного эйфорией конца 1980-х гг.

§ 2. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона

Более серьезную дискуссию вызвала статья одного из самых авторитетных современных политологов Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованная в 1993 г. в американском внешнеполитическом журнале «Форин афферс» [1]. Концепция С. Хантингтона в общих чертах сводится к следующим положениям. На различных этапах истории международных отношений динамику мировой политики определяли конфликты различного типа. Сначала это были конфликты между монархами. После Великой французской революции наступила эпоха конфликтов между нациями-государствами. С победой в 1917 г. русской революции мир оказался расколотым по идеологическому и социально-политическому принципам. Этот раскол и был главным источником конфликтности вплоть до окончания холодной войны. Однако, по мнению С. Хантингтона, все эти типы конфликтов были конфликтами внутри западной цивилизации. «С окончанием холодной войны, — указывает политолог, — подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями» [2].

С. Хантингтон определяет цивилизации как социокультурные общности самого высшего ранга и как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Для каждой цивилизации характерно наличие некоторых объективных признаков: общности истории, религии, языка, обычаев, особенностей функционирования социальных институтов, а также субъективной самоидентификации человека. Опираясь на работы А. Тойнби и других исследователей, С. Хантингтон выделяет 8 цивилизаций: *западнохристианскую и православно-христианскую, исламскую, конфуцианскую, латиноамериканскую, индуистскую, японскую и африканскую*. С его точки зрения, цивилизационный фактор

в международных отношениях будет постоянно усиливаться. Этот вывод обосновывается таким образом. Во-первых, различия между цивилизациями, основу которых составляют религии, наиболее существенны; эти различия складывались столетиями, и они сильнее, нежели различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Во-вторых, усиливается взаимодействие народов различной цивилизационной принадлежности, что ведет как к росту цивилизационного самосознания, так и к пониманию различия между цивилизациями и общностью в рамках своей цивилизации. В-третьих, возрастает роль религии, причем последняя нередко проявляется в форме фундаменталистских движений. В-четвертых, ослабевает влияние Запада в незападных странах, что находит выражение в процессах девестернизации местных элит и усиленном поиске собственных цивилизационных корней. В-пятых, культурные различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и, следовательно, менее способствуют компромиссным решениям. «В бывшем Советском Союзе, — пишет С. Хантингтон, — коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не могут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами» [3]. В-шестых, политолог отмечает усиление экономического регионализма, неразрывно связанного с цивилизационным фактором, — культурно-религиозная схожесть лежит в основе многих экономических организаций и интеграционных группировок.

Воздействие цивилизационного фактора на мировую политику после окончания холодной войны С. Хантингтон видит в появлении «синдрома братских стран». Этот синдром заключается в ориентации государств в их взаимоотношениях уже не на общность идеологии и политической системы, а на цивилизационную близость. Кроме этого, в качестве примера реальности цивилизационных различий он указывает на то, что основные конфликты последних лет происходят на линиях разлома между цивилизациями — там, где проходит граница соприкосновения цивилизационных полей (Балканы, Кавказ, Ближний Восток и т. д.).

Прогнозируя будущее, С. Хантингтон приходит к выводу о неизбежности конфликта между западной и незападными цивилизациями, причем главную опасность для Запада может представлять конфуцианско-исламский блок — гипотетическая коалиция Китая с Ираном и рядом арабских и иных исламских государств. Для подтверждения

своих предположений американский политолог приводит ряд фактов из политической жизни начала 1990-х гг.

С. Хантингтон предложил меры, которые, по его мнению, должны были укрепить Запад перед нависшей над ним новой опасностью. Среди прочего, американский политолог призывает обратить внимание на так называемые расколотые страны, где правительства имеют прозападную ориентацию, но традиции, культура и история этих стран ничего общего с Западом не имеют. К таким странам Хантингтон относил Турцию, Мексику и Россию. От внешнеполитической ориентации последней в значительной степени будет зависеть характер международных отношений обозримого будущего. Поэтому С. Хантингтон особо подчеркивал, что интересы Запада требуют расширения и поддержания сотрудничества с Россией.

Свои идеи С. Хантингтон отстаивал и развивал в 90-е гг. XX столетия. В 1996 г. он опубликовал книгу «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» [4]. В этой работе американский политолог уделяет особое внимание взаимоотношению западно-христианской и исламской цивилизаций. По его мнению, истоки конфликта между ними имеют многовековую историю.

Конфликтное взаимоотношение христианства и ислама начинается с арабских завоеваний в Северной Африке, на Иберийском полуострове, Ближнем Востоке и других регионах. Противостояние христианского и арабского миров продолжалось в Реконсисте — войне за освобождение Испании от арабов и берберов, Крестовых походах, когда в течение 150 лет западноевропейские властители пытались утвердиться на палестинских землях и прилегающих к ним районах. Знаковым событием этого противостояния стал захват турками Константинополя в 1453 г. и осада ими же Вены в 1529 г. С падением Византийской империи на ранее входивших в ее состав территориях Малой Азии, Балкан и Северной Африки возникла турецкая Османская империя, ставшая крупнейшим политическим и военным центром исламского мира. От нее долгое время исходила непосредственная угроза многим христианским странам и народам.

С наступлением эпохи великих географических открытий и началом модернизации западнохристианского мира соотношение сил в противостоянии с исламом меняется в пользу Запада. Европейские государства стали устанавливать свой контроль над обширными территориями за пределами Европы — в Азии и Африке. Немалая часть этих территорий была населена народами, традиционно исповедовавшими ислам. По данным источников, на которые ссылается С. Хан-

тингтон, в период с 1757 по 1919 г. произошло 92 захвата мусульманских территорий немусульманскими правительствами. Экспансия европейского колониализма, так же как и сопротивление ему со стороны населения незападных, преимущественно исламских стран, сопровождалась вооруженными конфликтами. Как указывает Хантингтон, половина войн периода с 1820 по 1929 г. были войнами между государствами, в которых преобладали разные религии, прежде всего христианство и ислам.

Конфликт между ними, по мнению Хантингтона, с одной стороны, стал результатом различий между мусульманской концепцией ислама как образа жизни, выходящего за пределы религии и политики, и концепцией западного христианства, гласящей, что Богу Богово, а кесарю кесарево. С другой стороны, этот конфликт обусловлен их схожими чертами. И христианство, и ислам являются монотеистическими религиями, которые в отличие от политеистических не способны к безболезненной ассимиляции чужих богов и которые смотрят на мир через призму понятия «мы—они». Обе религии имеют универсальный характер и претендуют на роль единственной истинной веры, которой должны следовать все живущие на Земле. Обе являются миссионерскими по своему духу и возлагают на своих последователей обязанность прозелитизма. С первых лет существования ислама его экспансия осуществлялась путем завоеваний, но христианство тоже не упускало такую возможность. С. Хантингтон отмечает, что параллельные понятия «джихад» и «крестовый поход» не только схожи друг с другом, но и выделяют эти религии среди других ведущих религий мира.

Обострение в конце XX в. давнего конфликта между христианской и мусульманской цивилизациями, по мнению Хантингтона, обусловлено пятью факторами.

Во-первых, рост мусульманского народонаселения привел к всплеску безработицы и недовольству молодежи, примыкающей к исламским движениям и мигрирующей на Запад.

Во-вторых, возрождение ислама дало мусульманам возможность вновь поверить в особый характер и особую миссию своей цивилизации и своих ценностей.

В-третьих, острое недовольство среди мусульман вызвали усилия Запада по обеспечению универсализации своих ценностей и институтов, по сохранению военного и экономического превосходства наряду с попытками вмешательства в конфликты в мусульманском мире.

В-четвертых, крушение коммунизма привело к исчезновению общего врага, имевшегося у Запада и у ислама, в результате чего главную угрозу они стали видеть друг в друге.

В-пятых, все более тесные контакты между мусульманами и представителями Запада заставляют и тех и других переосмысливать свою самобытность и характер своего отличия от других, обостряют вопрос об ограничении прав представителей меньшинства в тех странах, большинство жителей которых относится к другой цивилизации. В 1980–1990-х гг. в рамках как мусульманской, так и христианской цивилизации взаимная терпимость резко пошла на убыль.

По мнению Хантингтона, ушло в прошлое традиционное геополитическое измерение конфликта между западной и мусульманской цивилизацией. Фактическое сведение на нет западного территориального империализма и прекращение мусульманских территориальных экспансий привело к географической сегрегации, в результате которой западные и мусульманские общины стали непосредственно граничить друг с другом лишь в нескольких точках на Балканах. Таким образом, сегодня в основе конфликтов между Западом и исламом лежат не столько территориальные аспекты, сколько более широкие проблемы: распространение оружия, права человека и демократия, контроль за добычей нефти, миграция, исламский терроризм и западное вмешательство.

Всплеск активности исламского терроризма в начале XXI в. вновь вызвал интерес к концепции «столкновения цивилизаций». Однако сам Хантингтон после 11 сентября 2001 г. пытался дезавуировать собственные тезисы о противостоянии западнохристианской и исламской цивилизаций. Скорее всего, он сделал это из соображений политкорректности. В США после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон резко усилились антимусульманские настроения, поэтому упоминание о конфликте цивилизаций могло подогреть подобные настроения и привести к нежелательным эксцессам.

Вокруг идей С. Хантингтона уже более десяти лет идет оживленные дискуссии. Одни ученые и политики, опираясь на эти идеи, объясняют многие происходящие в мировой политике процессы. Другие, напротив, считают, что реальная практика международных отношений не соответствует положениям концепции столкновения цивилизаций. Например, отношения России с православной по своим цивилизационным корням Грузией складываются в постсоветский период сложнее, чем с соседним Азербайджаном, имеющим исламскую цивилизационную природу. Для такой многонациональной и много-

конфессиональной страны, как Российская Федерация, муслирование вопроса о религиозных различиях, тем более утверждение о неизбежности межцивилизационных конфликтов, может иметь негативные для стабильности и безопасности последствия. Но нельзя не учитывать и то, что в условиях глобализирующегося мира непосредственное взаимодействие представителей различных культур и религий может создавать сложные конфликтные ситуации. Все это и обуславливает понимание идей Хантингтона и оценку их роли в анализе реальных международных отношений.

§ 3. Геополитические концепции З. Бжезинского

Отношения с Россией находятся в центре внимания другого известного американского политолога — Збигнева Бжезинского. В своей книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI века», опубликованной в 1993 г., он также делает прогноз развития международных отношений после окончания холодной войны. Однако в отличие от цивилизационного подхода С. Хантингтона подход З. Бжезинского основан на традиционных геополитических принципах. По мнению З. Бжезинского, распад Советского Союза привел к геополитическому вакууму в сердцевице Евразии, что является главной причиной конфликтности по периметру всего постсоветского геополитического пространства. Вместе с активизацией ислама и объективной неспособностью США обеспечить контроль над ситуацией в регионе Среднего Востока это ведет к появлению огромной зоны нестабильности, которая может охватить часть Юго-Восточной Европы, Средний Восток и район Персидского залива, а также южную часть бывшего Советского Союза. Внутри этой, по словам Бжезинского, «воронки водоворота насилия» имеется множество узлов потенциальных конфликтов, несущих угрозу всему миру. Степень угрозы возрастает, поскольку существует возможность вовлечения в конфликт других стран, и особенно Китая. З. Бжезинский ставит под сомнение соблюдение этой страной режима нераспространения ядерного оружия.

Главную же угрозу американский политолог, известный в прошлом своими антисоветскими взглядами, видит в возобновлении имперской политики России. Не веря в необратимость демократических преобразований в нашей стране, он считает неизбежным возврат к попыткам «возрождения империи». Такая ориентация российской внешней политики, по мнению Бжезинского, опасна для Соединенных Штатов, ей необходимо всячески противодействовать. Поэтому в ряде своих статей и выступлений он развивает идею об Украине как геополити-

ческом противовесе России. Эта идея основана на убеждении, что главное условие возрождения «российской империи» заключается в поглощении Россией Украины [5]. В период, когда Украина переживала серьезные экономические трудности, Бжезинский призывал оказывать ей помощь. При этом не было секретом то, что главная цель помощи заключается не столько в решении украинских экономических проблем, сколько в препятствии ее сближению с Россией. Помимо попыток с помощью теоретических выкладок вбить клин в российско-украинские отношения, Бжезинский предпринимал и практические шаги в этом направлении. Его сын работал в американском посольстве в Киеве. Многие ученики американского политолога проявляли заинтересованность в украинских делах, поддерживая те националистические силы, для которых дистанцирование от России было основной целью.

По мнению Бжезинского, ключевые позиции в предотвращении угрозы реставрации Российской империи на постсоветском геополитическом пространстве кроме Украины занимают Азербайджан и Узбекистан. Азербайджан играет важную роль в контроле над добычей и маршрутами транспортировки каспийской нефти. Бжезинский был среди сторонников южного маршрута такого нефтепровода с выходом на турецкий порт Джейхан, минуя территорию России. Он высказывался за активное участие США в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе, чтобы обеспечить безопасность будущих нефтяных потоков. Подобное участие можно было бы приветствовать, если бы Бжезинский в первую очередь стремился к установлению мира и стабильности в этом регионе, но он главным образом рассматривал возможность вытеснения оттуда России. В конце 1990-х гг. Бжезинский неоднократно говорил и писал о том, что Северный Кавказ должен существовать вне России. Пожалуй, никто из видных американских политиков и политологов, кроме него, не ставил под сомнение территориальную целостность Российской Федерации.

Третье постсоветское государство, которое выделяет З. Бжезинский, — Узбекистан. Он полагает, что Узбекистан может достичь ведущего положения в постсоветской Центральной Азии и в этом качестве противостоять «имперским» притязаниям России. По мнению американского политолога, у Узбекистана есть для этого все предпосылки, поскольку он является самым многонаселенным государством региона и обладает достаточными ресурсами. На территории Узбекистана находятся главные историко-культурные центры среднеазиатского региона, только он один из всех бывших советских республик

имеет традиции государственности. В экономическом отношении Узбекистан может стать самодостаточным и независимым от России, в этом же направлении, отмечает Бжезинский, следует направлять и его политическое развитие. Американского политолога не интересует ни характер политического режима постсоветского Узбекистана, ни эффективность избранной им экономической модели. Хотя принципы построения политической и экономической системы Узбекистана не соответствуют тем, которые официальные власти США декларировали в качестве оптимальных для посткоммунистических государств, главным для Бжезинского является переориентация внешней политики этой бывшей советской республики в антироссийском направлении.

Конечно, следует различать геополитические изыскания Бжезинского и официальную позицию американского правительства. Бжезинский давно не занимает никаких официальных постов. Но у него есть единомышленники в американской политической элите, он сам и некоторые его ученики имеют широкие связи среди сторонников и активистов Демократической партии. Взгляды Бжезинского, который в годы холодной войны был ведущим американским советологом, специалистом по Советскому Союзу и коммунизму, свидетельствуют о том, что эта война до сих пор напоминает о себе. Среди части американской политической элиты и политологического сообщества США существует предвзятое отношение к России. С этим обстоятельством необходимо считаться, когда речь идет о дальнейшем развитии отношений Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

§ 4. Мир-системный анализ И. Валлерстайна

Для полноты картины приведем еще один прогноз будущей роли нашей страны в системе международных отношений — прогноз известного американского социолога Иммануила Валлерстайна. Его внешнеполитическая концепция часто определяется как неомарксистская. Такая характеристика справедлива лишь в том отношении, что, подобно К. Марксу, И. Валлерстайн видит главную детерминанту политики, в данном случае международной, в экономике. В своей основе международные отношения, по Валлерстайну, есть прежде всего отношения экономические. Главная категория его анализа — «современная мир-система», несводимая к отдельным государствам. Объединяет эту «современную мир-систему» единая капиталистическая «мир-экономика», возникновение которой Валлерстайн относит приблизительно

к 1500 г. Каждое государство занимает в мир-системе определенное место, изменить которое чрезвычайно трудно, а подчас просто невозможно. Логика капиталистической мир-экономики неизбежно воспроизводит деление стран мира на ядро и периферию, причем первое всегда находится в привилегированном положении по отношению ко второй. Государства, входящие в состав ядра капиталистической мир-системы, имеют возможность жить за счет эксплуатации периферии. Такой порядок не изменится никогда, поскольку он вытекает из самой сущности мир-экономики. Помимо государств, входящих в состав ядра или периферии, существуют еще и полупериферийные государства. Эти государства не входят в состав ядра мир-системы, но и не относятся целиком к периферии.

Таким типичным полупериферийным государством, по мнению Валлерстайна, была Россия начиная с реформ Петра I и Екатерины II. Несмотря на эти и последующие попытки реформирования, России не удалось войти в состав ядра, но одновременно она сумела избежать участи периферийных стран, ставших в большинстве колониальными придатками ведущих государств мира. Традиционный «товар», определяющий место и роль России в мир-системе, — это ее геополитическая мощь и военная сила. Именно эти факторы заставляли считаться с Россией другие государства и позволяли ей иметь статус «сверхдержавы». Принципиально не изменили эту ситуацию и годы советской власти. Как считает И. Валлерстайн, перемены в отдельной стране или даже группе стран не способны оказать влияние на фундаментальные свойства мир-системы. С его точки зрения, мировая система социализма была полной фикцией, поскольку определяли логику мирового экономического развития законы капиталистического рынка.

Оценки, которые дал Валлерстайн холодной войне и ее итогам, а также перспективам развития международных отношений после ее окончания, весьма оригинальны и даже экстравагантны, они резко расходятся с общепринятыми оценками. Валлерстайн считал, что пик могущества США пришелся на 1945 г., когда эта страна вышла из Второй мировой войны в качестве мирового экономического и политического лидера. Соединенные Штаты оказались единственным государством в рамках ядра мир-системы, избежавшим разрушений и других негативных последствий войны. Напротив, эта страна нарастила свой промышленно-экономический потенциал.

Для дальнейшего функционирования и развития американской экономики необходимо было восстановить и сохранить остальную

часть ядра мир-системы — Западную Европу и Японию. Поэтому в Ялте США и СССР договорились о разделе мира на две сферы влияния. В американскую сферу вошли прежде всего страны ядра, в советскую — преимущественно периферийные и полупериферийные государства. Как полагает Валлерстайн, США сознательно пошли на такой раздел, поскольку не имели ни достаточного количества ресурсов, ни желания осуществлять глобальный контроль над всем миром. В границах своей зоны ответственности США сначала способствовали восстановлению экономики Западной Европы и Японии, а затем, пользуясь своим превосходством, привязали их к себе военно-политически, заключив соответствующие договоры (НАТО для Западной Европы, Договор о совместной безопасности для Японии). Для поддержания дисциплины внутри своего блока США необходим был образ внешнего врага. В качестве такового и стали рассматривать Советский Союз. Вместе с СССР США начали большую игру под названием «холодная война». Советский Союз выступал в качестве подыгрывающего партнера, поскольку преследовал свою цель — усилить контроль над союзниками.

На начальном этапе холодной войны и на Западе, и на Востоке весьма схожим образом боролись с инакомыслием — это маккартизм с его «охотой на ведьм» в США и политические процессы в СССР и в восточноевропейских странах. На самом деле, полагал Валлерстайн, устранялись подлинно левые силы, представлявшие угрозу для самой мир-системы и лежащей в ее основе капиталистической мир-экономики. Вопреки общепринятому мнению Валлерстайн не считал, что в годы холодной войны сложилась биполярная система международных отношений, поскольку экономический потенциал Советского Союза никогда не был равноценен экономическому потенциалу США. Но этим странам было выгодно играть роль противостоящих друг другу сверхдержав, и они долгое время делали это.

В отношении стран периферии, превратившихся в особый «третий мир», и СССР, и США проводили схожую политику, основанную на одних и тех же принципах. Валлерстайн не видел существенных различий между идеями американского президента В. Вильсона и В. Ленина по поводу судеб колониальных и зависимых народов. Оба считали необходимым сначала предоставить им независимость, а затем помочь преодолеть экономическую отсталость и выйти на уровень развитых стран. Разница заключалась в том, что с точки зрения либерала В. Вильсона идеалом экономического устройства являлся свободный рынок, а большевик В. Ленин предлагал отсталым

народам путь к экономическому процветанию, который минует капиталистическую стадию развития. И Советский Союз, и Соединенные Штаты пытались расширить зону своего влияния за счет развивающихся стран, но место этих стран в мир-системе принципиально не менялось. По Валлерстайну, лишь отдельные государства периферии и полупериферии могут войти в состав ядра мир-системы. Для большинства остальных изменить их положение как объектов эксплуатации со стороны наиболее развитых стран невозможно, пока существует капиталистическая мир-экономика. Однако долгое время сохранялась иллюзия возможности национального развития. В отдельные периоды некоторые развивающиеся страны могли пользоваться благоприятными для себя колебаниями мировой экономической конъюнктуры.

Игра под названием «холодная война» продолжалась до тех пор, пока основные игроки — СССР и США — сохраняли к ней интерес и могли ее продолжать. Со временем интерес стал угасать, а возможности для ее ведения уменьшаться. США утратили роль безоговорочного экономического лидера в рамках ядра мир-системы, следовательно, утратили возможность реально контролировать своих ближайших союзников, поэтому потеряла смысл и затеянная с целью оправдания такого контроля игра. Советский Союз исчерпал ресурсы для продолжения этой игры, поскольку его неэффективная экономика не выдерживала ни бремени гонки вооружений, ни бремени поддержки многочисленных друзей и союзников по всему миру. В итоге по взаимному согласию США и СССР холодную войну прекратили.

Вопреки распространенному мнению, в частности высказывавшемуся З. Бжезинским, окончание холодной войны не означало победу США и наступление *Pax Americana*, а, наоборот, означало конец эпохи американской гегемонии и лидерства. Окончание холодной войны не стало «концом истории» как некоего «золотого века» человечества, а привело к обострению старых и появлению новых конфликтов. В отличие от С. Хантингтона причины грядущих конфликтов Валлерстайн видит не в цивилизационных, а в экономических факторах. Так, он полагает, что уже в начале XXI в. можно ожидать вызовов и даже прямых нападений государств маргинализованного, бедного и отсталого Юга на богатый Север, а также захватнических войн между самими государствами Юга, может быть, и с применением ядерного оружия. Но самая главная угроза, которая может исходить от периферии по отношению к ядру мир-системы, — массовая миграция населения с Юга на Север.

Представления К. Маркса о том, что целью пролетариата является уничтожение капитализма, по мнению Валлерстайна, не соответствуют современным условиям. В конце XX в. под пролетариатом в рамках мир-системы следует понимать все население стран периферии. В предшествующие десятилетия в третьем мире сохранялись надежды на лучшее будущее, но с окончанием холодной войны эти надежды рухнули. Большинство стран Юга утратило свое прежнее стратегическое значение, а в экономическом отношении они отодвигаются еще дальше на периферию мирового хозяйства. Большинство инвестиций в рамках мир-экономики в обозримом будущем будут направлены, по мнению Валлерстайна, в Китай, отчасти — в Россию и восточноевропейские страны. Положение большинства периферийных стран и их населения будет только ухудшаться. Современный пролетариат — население стран Юга — хочет не уничтожить капитализм, а жить при капитализме. Поскольку это невозможно на его родине, масса мигрантов из Африки и Азии стремится в благополучные страны Севера. Этот исход уже начался, и он повлечет за собой различные негативные последствия. Как уже отмечалось, Валлерстайн, противореча распространенному мнению, утверждает, что холодная война закончилась не победой, а историческим поражением либерализма. В качестве аргументов он приводит, с одной стороны, фактическое крушение вильсоновского плана самоопределения и последующего развития колониальных стран и народов, а с другой — предрекает свертывание всех завоеваний социального либерализма и либерального социализма в развитых странах.

В развитых странах благодаря деятельности либеральных и социал-демократических партий и профсоюзов утвердились принципы уважения и соблюдения прав человека. Наемные трудящиеся заняли достойное положение в обществе и обрели высокий уровень материального благосостояния. Наплыв нелегальных мигрантов заставил власти благополучных стран Западной Европы и Северной Америки принимать меры к сдерживанию миграции, что, по мнению Валлерстайна, приведет к усилению репрессивных мер, нарушению прав человека, которые будут принесены в жертву интересам защиты коренного населения. Но полностью остановить миграцию невозможно, число незаконных мигрантов будет расти, оказывая негативное воздействие на рынок труда. Выходцы из стран третьего мира станут быстро растущим резервом дешевой рабочей силы, что повлечет за собой рост безработицы и снизит заработную плату основной массы трудящихся. Все это неизбежно спровоцирует конфликты между коренным насе-

лением и мигрантами, имеющими более низкий уровень образования, исповедующими иные религии и обладающими иной системой ценностей. Усиление социальной и национальной напряженности будет сопровождаться усилением репрессивных действий властей и тем самым отходом от принципов либеральной демократии. Наступит конец и социальному государству всеобщего благосостояния. Не в последнюю очередь это произойдет и потому, что наплыв выходцев из стран Юга, неспособных полностью интегрироваться в общество западных стран, подтолкнет часть вчерашних мигрантов на криминальный путь. Рост уголовной преступности, конфликты национального, социального и религиозного характера повлекут за собой увеличение расходов на обеспечение безопасности. Перераспределение ресурсов из сферы общественного производства и социальных услуг в сферу охраны общественного порядка негативно скажется на уровне жизни основной части населения. По мнению Валлерстайна, к середине XXI в. уровень жизни в США может приблизиться или даже стать ниже того, какой был на рубеже 80–90-х гг. XX столетия.

Отрицая биполярный характер системы международных отношений в прошлом, И. Валлерстайн, снова противореча общепризнанным представлениям, предполагает возможность появления биполярности в будущем, после окончания холодной войны. Это обусловлено процессами, которые разворачиваются во всей мир-системе.

Политолог предполагает, что нестабильными будут отношения внутри ядра мир-системы. Экономическая конкуренция выявляет в ней три основных центра силы — США, Японию и объединенную Европу. Но в дальнейшем неизбежно объединение США и Японии в один блок, имеющий антиевропейскую направленность. Неизбежным считает И. Валлерстайн и использование этим блоком Китая для расширения своих возможностей в конкурентной борьбе с европейскими странами. В этой ситуации противовесом альянсу США с Японией и Китаем может стать создание российско-европейского блока. Россия снова будет востребована в ее традиционной роли — центра геополитического и военного могущества. Хотя сегодня потенциал России ослаблен, американский политолог не сомневается, что он будет вскоре восстановлен.

Общий прогноз И. Валлерстайна относительно перспектив нашей страны далек как от крайнего оптимизма, так и от чрезмерного пессимизма. В ответах на вопросы российского журнала «Свободная мысль» он говорил: «Я убежден, что Россия, как всегда, будет очень стараться повысить статус в мир-системе и, как всегда, усилия ее будут полу-

успешны. Завтра (то есть в последующие 20–90 лет) вам предстоит не катастрофа и не процветание, а обычная для России ухаби́стая история» [6].

Обозримое будущее, по крайней мере до середины XXI в., Валлерстайн видит в мрачных тонах: конфликты, кризисы на периферии и в центре мир-системы неизбежны, пока существует капиталистическая мир-экономика. Неомарксизм в лице Валлерстайна далек от социального оптимизма, который был характерен для К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Но у Валлерстайна можно найти суждения и выводы, схожие с классическим марксизмом. Так, он сохраняет веру в возможность революционного переустройства мира, правда, относя ее к неопределенно далекому будущему и считая, что она будет обусловлена появлением новых антисистемных сил, способных бросить вызов господствующей капиталистической мир-экономике.

При всей оригинальности и даже экстравагантности взглядов И. Валлерстайна некоторые его выводы заслуживают внимания. Прежде всего это анализ последствий глобализации для развитых и развивающихся стран. Отдельные элементы противостояния США и Европейского союза, возможность которого прогнозировал ученый, можно наблюдать уже сегодня, хотя абсолютизировать противостояние между двумя центрами современной мировой политики и экономики было бы неверно. Однако подтвердить или опровергнуть идеи, выводы и оценки перспектив мирового развития после окончания холодной войны, сделанные И. Валлерстайном, так же как и Ф. Фукуямой, С. Хантингтоном, З. Бжезинским, может только будущее. Изменения, происшедшие в мире за последние десятилетия, столь масштабны и глубоки, что для адекватного их осмысления и объяснения политической науке потребуется, очевидно, еще немало времени.

Примечания

1. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. May–June. 1993.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис*. 1994. № 1. С. 34.
3. Там же. С. 36.
4. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N. Y., 1996.
5. *Бжезинский З.* Преждевременное партнерство // *Полис*. 1994. № 1.

6. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 42.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему концепция Ф. Фукуямы получила название «конец истории»?
2. Что такое цивилизации по С. Хантингтону и какова их роль в мировой политике и международных отношениях?
3. В чем С. Хантингтон видел причины грядущего «столкновения цивилизаций»?
4. В какой степени выводы и прогнозы С. Хантингтона подтверждаются, на ваш взгляд, современным мировым политическим процессом?
5. Какие постсоветские государства и почему выделяет З. Бжезинский в качестве геополитических противовесов России?
6. В чем различия между периферийными и полупериферийными странами?
7. С какими прогнозами мирового развития, данными в работах И. Валлерстайна, вы можете согласиться, а с какими нет?
8. Как оценивают С. Хантингтон, З. Бжезинский и И. Валлерстайн место и роль России в мировой политике и международных отношениях?

Литература

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.
- Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. М., 1998.
- Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам // Политические исследования. 1994. № 1.
- Евстафьев Д. Г.* Збигнев Бжезинский как зеркало американской геополитики // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 5.
- Киркпатрик Дж., Уикс А., Бартли Р.* и др. Ответы С. Хантингтону // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 3.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб., 2000.
- О цивилизационном факторе в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11.

- Рашковский Е., Хорос В.* Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.
- Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Фурсов А. И.* Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945–1991). М., 1997.
- Хантингтон С.* Запад уникален, но не универсален // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Политические исследования. 1994. № 1.

Глава VII

СИСТЕМА И СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

---

§ 1. Виды и уровни международных отношений

По своему характеру международные отношения подразделяются на политические, экономические, научно-технические, идеологические, культурные, военные. Среди них на первом плане, несомненно, стоят международные *политические* отношения. Политические отношения определяются как отношения между государствами по реализации их интересов на мировой арене. Любые проблемы межгосударственных отношений, ставшие предметом государственной политики, в том числе и внешней, пройдя сквозь механизм и процесс разработки и осуществления этой политики, приобретают политический характер, воплощаются в межгосударственных политических отношениях. Экономические, научно-технические, идеологические, культурные и военные отношения воздействуют на политические отношения, преломляясь через внешнюю политику, через процесс формирования и реализации внешней политики государств.

Любые внутриобщественные явления становятся объектом межгосударственных политических отношений лишь тогда и постольку, когда и поскольку они опосредованно становятся объектом внешней политики государств, воплощаются во внешнеполитические цели, внешнеполитическую деятельность.

Различные виды отношений не только в субъективном плане, через политику государств, в которой они, как в тигле, переплавляются в политические, но и объективно являются политическими. В силу свойств самой системы межгосударственных отношений она концентрированно выражает различные отношения государств как в их политическом содержании, так и в специфической политической форме. Отделить собственно политические отношения государств, иначе говоря, отношения по поводу конкретно-исторических проблем — в отличие, например, от экономических, научно-технических, культурных и т. д., — весьма трудно, а порой невозможно. Всякое такое отделение имеет условный характер и предполагает постоянный учет

реального взаимодействия собственно политических проблем с другими.

В структуре международных отношений принято выделять несколько уровней: глобальный, региональный, субрегиональный, международно-ситуационный, групповой, двусторонний. Выделение первых трех уровней основано на геополитическом подходе и определяется пространственными факторами. Три последних могут быть выделены и на глобальном, и на региональном, и на субрегиональном уровнях международных отношений.

Глобальный уровень международных отношений охватывает наиболее общие проблемы мировой политики, экономического и социального развития человеческой цивилизации. Ни одно государство или иной актор международной жизни не может игнорировать проблемы глобального характера, хотя непосредственное участие в их решении является неодинаковым. Чем крупнее государство по своему размеру, чем выше его экономический и политический потенциал, тем больше оно вовлечено в глобальные политические и социально-экономические процессы.

При анализе *регионального уровня* международных отношений важнейшая роль отводится категории «международный политический регион». Она означает отдельную подсистему международных отношений, которая складывается в крупных географических зонах. Но исключительно географический фактор не является главным для выделения международного политического региона. В его основе лежат особые экономические, политические и иные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион государствами. Географические границы региона могут поэтому меняться в зависимости от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов, например религиозного или политического характера. Так, на протяжении нескольких десятилетий было принято выделять в качестве отдельного международного политического региона Восточную Европу. К ней относили страны социалистического лагеря, расположенные между СССР и государствами Западной Европы. После распада мировой системы социализма территория бывшей ГДР отошла к Западной Европе, а оставшиеся страны стали все чаще объединять под новым названием — страны Центральной и Восточной Европы, иногда включая в их число некоторые западные республики бывшего СССР.

Различия между региональным и *субрегиональным уровнями* международных отношений весьма условны и зависят от точки отсчета. В одном случае та или иная географическая зона может быть названа

«регионом», а в другом — «субрегионом». Так или иначе, субрегион является частью региона и представляет собой локальные группы государств с более тесными взаимоотношениями, имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом. Упомянутая выше Восточная Европа была субрегионом в рамках Европейского региона, так же как Персидский залив — субрегион региона Ближнего и Среднего Востока. В некоторых случаях границы регионов и субрегионов могут пересекаться между собой. Так, страны Южной Европы являются субрегионом в рамках Европейского региона и одновременно они же составляют субрегион в Средиземноморском регионе, в который входят также североафриканские страны.

Международно-ситуационный уровень может проявляться, как уже было сказано, на любом структурном уровне системы межгосударственных отношений. Его главный отличительный признак — наличие конкретной международно-политической ситуации, порождающей особый узел политических, военно-стратегических и иных межгосударственных отношений. Типичный пример международно-политической ситуации — международный конфликт.

Региональный и субрегиональный уровни международных отношений по своей природе представляют собой отношения групповые. Но особый *групповой уровень* может быть выделен и внутри каждого отдельного региона и субрегиона. В качестве примера групповых отношений на глобальном уровне могут быть названы отношения в стратегическом «треугольнике» США—КНР—СССР на заключительном этапе холодной войны. В целом же в период холодной войны глобальный уровень международной политики был связан в большей степени с двусторонними советско-американскими отношениями. *Двусторонние отношения* на региональном и субрегиональном уровнях представлены наиболее широко и разнообразно.

§ 2. Теоретические модели международных систем

В каждый отдельный промежуток времени складывается определенный характер взаимодействия основных участников международных отношений. Эти отношения приобретают особую для каждого периода структуру, которая определяет тот или иной тип системы международных отношений, или международной системы.

Иначе говоря, *структуру системы международных отношений* можно охарактеризовать как особый, закономерно возникающий в процессе ее функционирования и развития способ связи между входящими в нее государствами и другими акторами. Структура международ-

ной системы выражает те связи между элементами системы, которые обеспечивают ее стабильность. Большое значение имеет характер сложившихся связей и отношений между ведущими в данный исторический период державами. С возникновением ракетно-ядерного оружия и расширением системы международных отношений до действительно глобального масштаба структура самой системы стала определяться наличием и численностью сверхдержав и соотношением сил между ними. В политологической литературе обычно выделяют два типа структуры международных систем — *мультиполярную* и *биполярную*. Основание классификации — количество великих держав, входящих в эту структуру. Поскольку система международных отношений давно приобрела всеобщий, глобальный характер, объединяет более сотни государств и немалое число негосударственных акторов, то вполне правомерно выделение и «подсистем» на региональном и локальном уровнях. Каждая такая подсистема имеет собственную структуру, зависящую от структуры международных отношений в целом.

Подсистема как относительно независимый комплекс международных отношений имеет две взаимосвязанные стороны: собственно подсистемную, характеризующуюся высокой степенью развития особых отношений между входящими в подсистему государствами и детерминирующую их внешнюю политику, а также общесистемную. Общесистемные отношения могут влиять на формирование внешнеполитического курса этих государств как опосредованно, так и непосредственно. С превращением системы международных отношений в глобальную усилилась функциональная зависимость подсистемных отношений от отношений общесистемных, иначе говоря, от характера межгосударственного взаимодействия и расстановки и соотношения сил на глобальном уровне.

Основным законом функционирования системы международных отношений, как и любой другой системы, выступает *закон поддержания динамического равновесия*. Существование определенного политического равновесия между государствами как основными акторами любой международной системы является основной предпосылкой ее нормального функционирования. Система находится в динамическом равновесии, поскольку равновесие между государствами постоянно нарушается, затем восстанавливается на новой основе, чтобы снова нарушиться. И так до бесконечности. Это происходит потому, что в системе международных отношений действуют различные противоборствующие силы, которые лишь в редких случаях уравнивают друг друга. Все исторически существовавшие системы между-

народных отношений принадлежат к классу систем со стихийным регуляционным механизмом. Это обусловлено тем, что в любой до сих пор существовавшей международной системе не было единого регулирующего центра.

Равновесие системы достигается через столкновения политических действий государств, которые преследуют собственные интересы, не всегда совпадающие с целями внешней политики других государств. В поле этих столкновений «пробивает» дорогу закон динамического равновесия. К состоянию равновесия система движется через целый ряд состояний неравновесия, при этом абсолютно равновесное состояние недостижимо.

В каждом конкретно-историческом состоянии международной системы закон динамического равновесия может проявляться в различных формах. Исторически наиболее распространенной всегда была форма баланса сил. Следует отметить, что баланс сил — одна из важнейших универсальных закономерностей развития международных отношений в целом.

«Международный баланс сил, — указывал Г. Моргантау, — это лишь специфическое выражение общего социального принципа, которому все сообщества, состоящие из какого-то числа независимых единиц, обязаны независимостью этих единиц... Баланс сил и политика, нацеленная на его сохранение, не только неизбежны, но и представляют собой существенный стабилизирующий фактор в сообществе суверенных государств... Нестабильность международного баланса сил обязана не дефектам данного принципа, а конкретным условиям, при которых принцип вынужден действовать» [1].

Под силой, исходя из взглядов самого Г. Моргантау и многих специалистов в области международных отношений, следует понимать способность каждого государства защищать свои интересы и реализовывать свои цели на международной арене с помощью соответствующих средств. Материальным выражением такой способности выступает геополитический, экономический, военный и научно-технический потенциал государства. Однако в полной мере о силе государства мы можем судить, лишь сравнивая ее с соответствующим силовым потенциалом других государств. Иными словами, «сила» может быть только категорией системных отношений, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как отношения силовые. Силовые же отношения неизбежно и необходимо порождают такой феномен международной политики, как баланс сил.

Принцип баланса сил как неписанное руководство к действию государств на международной арене уходит корнями в древние времена. Там, где государства были вовлечены в борьбу за власть и влияние, отношения между ними всегда строились на основе принципа баланса сил. Всякое отдельное государство, если оно не встречает никаких препятствий, естественно стремится к расширению своих власти и влияния на столь большую территорию, какую оно способно захватить и какой способно действенно управлять. На практике, однако, препятствия возникают обязательно, главным образом это другие государства, также стремящиеся к расширению своего влияния или противодействию влиянию других. Следствием этого является столкновение различных интересов и устремлений, в котором решающую роль играет сила государства.

Поскольку сила государства есть величина сравнительная, всякое прибавление силы одного государства ведет к относительному уменьшению силы его соперников. Сама сила меняется неравномерно во времени и пространстве, а изменения зависят от многих причин. По этой причине в каждой системе государств неизбежно возникают отношения в рамках действия принципа баланса сил. Если три государства и более вступают в контакт друг с другом, сразу появляются условия для действия этого принципа. Предположим, что есть система из трех государств — *A*, *B* и *C*. Увеличение силы любого из них обязательно будет иметь следствием относительное уменьшение силы двух других. Например, если государство *A* завоевывает государство *B* или лишает его части территории, то эти действия окажут немедленное неблагоприятное воздействие на государство *C*, так как *A* увеличило свою мощь за счет *B* и находится в лучшем, чем прежде, положении, чтобы навязать свою волю и *C*. Если руководство государства *C* достаточно разумно, оно должно предвидеть такой результат и прийти на помощь *B* не потому, что испытывает к нему симпатию или заботится о его будущем, но в силу собственного интереса: не допустить опасного для себя усиления могущества *A*. В сложившейся ситуации *B* и *C* имеют общий интерес в противодействии *A*, поскольку каждое из них понимает, что усиление мощи *A* создает потенциальную угрозу его собственному существованию и независимости.

Подводя итог, можно сказать, что каждая единица в этой гипотетической системе государств неизбежно будет стремиться стать на сторону одной из двух других, кому угрожает опасность со стороны третьей. Если этот принцип последовательно соблюдается всеми тремя государствами, то ни одно из них не сможет нанести ущерб

другому и все сохраняют независимость. Поэтому в своей элементарной форме принцип баланса сил предназначен не для того, чтобы сохранить мир или способствовать международному взаимопониманию. Он служит сохранению независимости каждой единицы в системе государств, не допуская увеличения мощи любого из них до таких пределов, когда она начинает угрожать всем.

Издавна многие политические мыслители пытались выявить суть отношений между государствами, познать закономерности, которые лежат в основе их развития, и определить возможности поддержания сравнительно надежной безопасности в системе государств, почти непрерывно потрясаемой войнами. Все попытки и усилия дали в целом более чем скромный результат: в мире, который состоит из суверенных государств, преследующих свои интересы, и в котором движущей силой является стремление к преобладанию, обеспечить сравнительно надежную безопасность можно только с помощью двух способов. Один из них — поддержание баланса сил, второй — создание обязывающих международных органов, нечто вроде мирового правительства, которое обладало бы теми же правами, что и правительства внутри государств. Второй способ утопичен; первый, хотя и весьма ненадежен, остается пока что единственным.

Существуют несколько вариантов моделирования систем международных отношений. Один из вариантов предложил американский политолог М. Каплан [2]. Под международной системой он понимает варианты расстановки сил на основе некоторого набора участвующих организаций, государств или групп государств. Всего им выделено шесть типов международных систем: система баланса сил, свободная биполярная система, жесткая биполярная система, универсальная система, иерархическая система и система «вето». Затем были предложены различные модификации отдельных систем.

В *системе баланса сил* основными факторами являются только национальные государства с большими военными и экономическими возможностями. Это система, в которой не существует дифференциации ролей; если в ней насчитывается менее пяти государств-акторов, то система может оказаться неустойчивой. Если имеется пять или более таких государств, то они проявляют заинтересованность в том, чтобы не допустить устранения других государств как основных акторов системы, сохранив их как будущих союзников. В то же время каждый из акторов стремится максимально обеспечить свою безопасность путем получения больших, чем равные, возможностей в системе. Поэтому они образуют союзы и вступают между собой

в войны. Но войны эти имеют локальный характер, а союзы быстро меняются. Возникающие коалиции чаще всего направлены против акторов, претендующих на господство или обладающих преимуществами, которые способны дать им господствующее положение. Любое из союзных государств-акторов может быть приемлемым партнером, ибо только таким образом оно в состоянии обеспечить себе оптимальную вероятность того, что будет членом победившей коалиции или не слишком пострадает от поражения, если окажется в проигравшей коалиции. Такая система является устойчивой.

В *свободной биполярной системе* роли дифференцированы. Она состоит из акторов различных типов: отдельных государств, блоков государств, лидеров блоков, членов блоков, неприсоединившихся стран и универсальных организаций. Устойчивость такой системы возрастает в том случае, если лидеры блоков обладают монополией на атомное вооружение. Союзы создаются на базе постоянных общих интересов. Войны имели бы тенденцию к превращению из локальных в тотальные, если бы не сдерживающее влияние огромной разрушительной силы ядерного оружия, а также посреднической деятельности неприсоединившихся стран и универсальных акторов. Такая система менее устойчива, чем система баланса сил.

Жесткая биполярная система, в принципе, имеет много общего со свободной биполярной системой. Отличие состоит в том, что в жесткой системе упраздняется роль неприсоединившихся государств и в значительной степени атрофируется роль универсальной организации. В случае возникновения такой системы она характеризовалась бы очень высоким напряжением.

Универсальная система имеет чисто предположительный характер. Она могла бы, по мнению М. Каплана, возникнуть в том случае, если бы ряд политических полномочий был передан универсальной организации. Такая система потребовала бы от части своих членов переориентации, поскольку предпочтение было бы оказано коллективным и международным ценностям.

Иерархическая система выглядит как некая модификация универсальной. Предполагается, что она могла бы возникнуть вследствие изменения масштабов международной организации или установления единоличной власти какого-либо одного актора.

Система «вето» — это система государств-акторов, в которой каждый актор располагает значительным запасом атомных вооружений. Члены такой системы не склонны к образованию союзов. Они стремятся к тому, чтобы вероятность войны не увеличивалась, но при

этом сохранялось бы напряжение, порождающее относительную неустойчивость. Эта система менее устойчива, чем свободная биполярная система.

В годы холодной войны реальная система международных отношений видоизменялась между жесткой и свободной биполярными моделями по схеме М. Каплана. В 1950-е гг. развитие шло в сторону жесткой биполярной системы, поскольку противоборствующие сверхдержавы стремились вовлечь в орбиту своего влияния как можно больше стран и количество нейтральных государств было невелико. Жесткая конфронтация США и СССР фактически парализовала ООН. США, располагая большинством голосов в Генеральной Ассамблее ООН, использовали ее как послушный механизм для голосования, чему СССР мог противопоставить только свое «право вето» в Совете Безопасности. В результате Организация Объединенных Наций эффективно не могла играть возложенной на нее роли.

С конца 1950-х гг. система международных отношений эволюционировала в направлении мягкой биполярной модели. За счет новых независимых государств Азии и Африки увеличилось количество нейтральных стран, многие из которых составили Движение неприсоединения. Несколько повысилась результативность деятельности ООН и других международных организаций. Но одновременно усилилось соперничество противоборствующих блоков в третьем мире, что стимулировало возникновение региональных конфликтов.

§ 3. Эволюция системы международных отношений после окончания холодной войны

Исчезновение Советского Союза как одной из двух сверхдержав разрушило прежнюю международную систему. Пока рано говорить о каких-либо окончательных контурах новой системы международных отношений.

В России и в ряде других стран весьма популярна идея многополюсного мира. Сторонниками этой идеи выступают ученые и политические деятели самого высокого уровня. Вполне понятны мотивы таких воззрений и высказываний. Они связаны с негативным отношением к доминированию США на международной арене. Но очень часто протест против однополюсного мира слишком эмоционален, причем не учитываются негативные стороны иных возможных моделей международных систем. Например, вариантом многополюсного мира может быть та международная система, которую М. Каплан

называл «системой вето». Она могла бы сложиться вследствие широкого распространения ядерного оружия, что было бы весьма опасно для международной стабильности и безопасности. К сожалению, некоторые тенденции современного развития свидетельствуют о возможности и такого варианта. Подобный поворот событий, несомненно, противоречил бы интересам России и многих других стран.

О многополярной системе международных отношений многие специалисты писали еще во времена холодной войны, правда относя возможность ее формирования к будущему. Возможное возникновение такой системы рассматривалось не как следствие чьих-либо пожеланий, а как результат объективных процессов, например процесса дезинтеграции биполярной системы, появления новых центров силы в ряде регионов параллельно с ослаблением мощи двух тогдашних сверхдержав. Правда, большинство авторов анализировали структуру международной системы с традиционных позиций, используя ограниченный объем факторов, фактически отождествляя государственную силу с военной мощью. На этом фоне выделялась концепция известного американского политолога С. Хоффмана, многие положения которой не утратили своей актуальности и в наши дни [3].

С. Хоффман указывал на целый ряд тенденций в развитии международных отношений в конце 70-х гг. XX в. Он отмечал увеличение числа государств, возрастание роли негосударственных акторов, нарастание взаимозависимости, изменение соотношения между экономическими и военными факторами. Но, пожалуй, главным было то, что он увидел возникновение новых иерархических структур в международной системе. Если ранее имела место одна иерархия, основанная исключительно на силовом факторе, то уже в 1970-е гг. складывались несколько функциональных иерархий, каждая из которых основывалась на различных факторах — экономических, военных, идеологических, социокультурных и т. д.

Например, после Второй мировой войны Германия и Япония вышли на ведущие позиции в мировой экономики, но оставались «политическими карликами», имели несопоставимый со своими возможностями военный потенциал. В отличие от них современная Россия занимает весьма скромное место в мировой экономической иерархии, но ее международная роль остается весьма высокой. Вполне справедливо мнение российского исследователя С. Кортунова о том, что можно «...охарактеризовать Россию как державу, временно переживающую крупномасштабные экономические трудности, вызванные изменениями экономической и геополитической ситуации. Сохране-

ние и мобилизация имеющихся внутренних резервов обеспечивают России потенциальную возможность для скорейшего оздоровления экономики и перехода на модель демократического и в то же время прорывного развития. Позитивные в целом перемены в мире представляют благоприятные возможности для решения этой задачи. Если и когда в России устоятся новые общественные отношения, изменится трудовая мораль, будут преодолены разрушительные последствия переходного периода, она по абсолютному размеру производства вполне сможет снова достичь самых высоких мировых стандартов или даже превзойти их» [4].

Хотя окончательно новая система международных отношений еще не сложилась, однако некоторые из определяющих ее структурных иерархий уже просматриваются. Например, ясно, что сегодня в мире существует лишь одна сверхдержава, соответствующая прежним меркам, — Соединенные Штаты Америки. США занимают ведущие позиции в экономической структуре современных международных отношений, в военно-стратегической структуре, а также лидируют в технологическом и научно-техническом отношении. В условиях глобализации, которая в значительной степени направляется из самих Соединенных Штатов, эта страна получает дополнительные преимущества перед другими государствами. В 1990-е гг. резко усилилось политическое влияние США за счет приобретения новых союзников в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Однако можно ли говорить о том, что США выполняет сегодня роль единственного полюса в международной системе, которую М. Каплан обозначил как иерархическую? Кажется бы, события последних лет свидетельствуют в пользу этого. Администрация США не раз позволяла себе действовать, игнорируя нормы международного права, в обход существующих международных институтов, включая Организацию Объединенных Наций.

Один из последних примеров — ситуация вокруг Ирака. Поскольку Соединенные Штаты поставили цель провести военную операцию против Саддама Хусейна еще задолго до ее фактического начала и руководствовались при этом сугубо собственными интересами, то шли к ней, невзирая ни на какие возражения со стороны. Вопрос о наличии оружия массового поражения был лишь предлогом, для США это стало способом легитимировать свои действия на основе ооновских решений и документов. Когда же стало ясно, что необходимого для себя решения в Совете Безопасности ООН США не получит, американская администрация пошла в обход механизмов ООН.

Устав ООН и ряд важнейших международных норм и принципов были нарушены. Как известно, США делали так и в годы холодной войны, но только в той степени, в какой это позволял сделать другой полюс, вторая сверхдержава — СССР.

С распадом биполярной системы и исчезновением второго полюса внешняя политика США лишилась прежнего ограничителя. Однако из этого не следует делать вывод, что США могут в одиночку предпринимать любые, в том числе и насильственные, действия и брать на себя ответственность за события в любой точке земного шара. Война против Ирака, так же как до этого антитеррористическая операция в Афганистане, показали, что, несмотря на военную, экономическую и политическую мощь, даже достигнув быстрого военного успеха, США сталкиваются с серьезными трудностями и обращаются за помощью к другим государствам и международным институтам. Практика, таким образом, свидетельствует, что даже единственная сверхдержава нуждается во взаимодействии и координации с другими центрами силы. Именно *центрами*, а не *полюсами*, поскольку понятие «полюс» относится к прошлому, к тому времени, когда главным регулятором международных отношений был закон баланса сил. Понятие «центр» соответствует упомянутой концепции С. Хоффмана и его мнению о существовании в международной системе различных структурных иерархий.

Наряду с США на роль ведущих международных акторов сегодня претендуют Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция. Три последних являются активными и влиятельными членами Европейского союза, способного стать самостоятельным субъектом международных отношений после окончательного формирования его внешней и оборонной политики. Некоторые исследователи полагают, что ЕС при определенных условиях мог бы претендовать на роль полюса в новом варианте биполярной системы. Такие же прогнозы даются и по отношению к Китаю.

На наш взгляд, биполярная структура международной системы в обозримом будущем невозможна. Китай пока не сможет занять место второй сверхдержавы, поскольку, несмотря на свои успехи, остается и еще долго останется относительно бедной страной. В военно-техническом отношении КНР очень сильно отстает от ведущих в этой сфере государств мира. Политическое влияние Китая ограничено в силу снижения в современном мире авторитета коммунистической идеологии, на которой по-прежнему основывается его общественное устройство. А разногласия, возникшие между крупнейшими запад-

ноевропейскими странами по поводу военной акции США против Ирака, показали, что до единой и полностью скоординированной внешней политики ЕС еще весьма далеко. Тем более что предстоящее расширение Европейского союза, увеличив его номинальные характеристики (площадь, территория, численность населения, объем ВВП и т. д.), резко снизит степень консолидированности внутри ЕС и отвлечет ресурсы от международных дел к внутривосточным. Таким образом, в ближайшем будущем структура международной системы будет полицентрической при лидирующем положении США как единственной сохранившейся сверхдержавы.

Россия в отличие от СССР подобный статус утратила. Но Российская Федерация остается главным центром силы на постсоветском пространстве. Она превосходит все бывшие советские республики по территории, численности населения, экономическому, политическому, военному потенциалу, объему природных ресурсов. Россия по-прежнему занимает второе место в мире по своему ядерному потенциалу, является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Все это делает Россию одним из самых авторитетных и влиятельных государств мира и определяет ее в качестве одного из важных центров в структуре формирующейся современной международной системы. Но теперь это не один из полюсов прежней биполярной системы.

Примечания

1. *Morgentau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1965. P. 440.
2. *Kaplan M.* Macropolitics: Selected Essays on the Philosophy and Science of politics. N. Y., 1969; *Kaplan M.* New Approaches to International Relations. N. Y., 1969; System and Process in International Politics / Ed. M. Kaplan. N. Y., 1957.
3. *Hoffmann S.* Primacy of world order: American foreign policy since the cold war. N. Y., 1978.
4. *Кортунов С.* Имперское и национальное в российском самосознании // Международная жизнь. 1998. № 6.

Контрольные вопросы и задания

1. Какова роль негосударственных акторов в современных международных отношениях?

2. Дайте характеристику основных особенностей государства как международного актора.
3. В чем состоит специфика отдельных видов международных отношений?
4. Что лежит в основе выделения уровней международных отношений?
5. Как социокультурные, экономические, политические и идеологические факторы влияют на изменение географических границ регионов и субрегионов?
6. Охарактеризуйте закон баланса сил и его роль как регулятора международных отношений.
7. Какие факторы лежат в основе типологии международных систем М. Каплана?
8. Какой теоретической модели соответствовало развитие системы международных отношений в 60–80-е гг. XX в.?
9. Соответствуют ли, по вашему мнению, споры об однополярном или многополярном мире эволюции системы международных отношений после окончания холодной войны?

Литература

- Баланс сил в мировой политике: Теория и практика / Под ред. Э. А. Позднякова. М., 1993.
- Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1973.
- Бэттлер А.* Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее (Теория) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Кортунов С.* Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6.
- Косолапов Н. А.* Субъекты мировой политики и международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12.
- Критический обзор модели униполярности // Политические исследования. 1997. № 2.
- Ланцов С. А.* Внешняя политика РФ в условиях формирования новой системы международных отношений: структурные ограничения и возможности их преодоления // Вестник аналитики. 2004. № 2.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения. Конспект лекций. СПб., 2000.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.

- Най Дж.* Какой новый мировой порядок? // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 11.
- Неккесса А.* Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9.
- Павлов Ю. М.* Мировая политика и международная экономика. М., 1998.
- Поздняков Э. А.* Системный подход и международные отношения. М., 1976.
- Салмин А. М.* Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка // Политические исследования. 1993.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1984.
- Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений / Под ред. И. Г. Тюлина. М., 1991.
- Современные буржуазные теории международных отношений / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1976.
- Соколов В.* Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3.
- Страус А. Л.* Униполярность (концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России) // Политические исследования. 1997. № 2.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Уткин А. И.* Американская стратегия для XXI века. М., 2000.
- Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001.
- Хозин Г.* Каким быть международным отношениям в XXI веке // Международная жизнь. 2001. № 2.
- Цыганков П. А.* Международные отношения. М., 1996.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.

Глава VIII

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

---

§ 1. Сущность и типология международных конфликтов

Центральной проблемой теории международных отношений является проблема международных конфликтов. И это вполне оправданно, если иметь в виду цель, которая стоит перед человечеством последние десятилетия, — это выживание, или предотвращение глобальной термоядерной катастрофы. Поскольку любое вооруженное столкновение есть лишь крайнее выражение политического конфликта, его высшая стадия, постольку изучение причин конфликтов и способов их урегулирования, особенно на тех стадиях, когда это еще сравнительно легко осуществить, имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение.

Международный конфликт — это непосредственное или косвенное столкновение интересов двух либо нескольких сторон (государств, групп государств, народов, политических движений) на основе существующих между ними противоречий объективного или субъективного характера. По своему происхождению эти противоречия и порожденные ими проблемы в отношениях между государствами могут быть территориальными, национальными, религиозными, экономическими, военно-стратегическими, научно-техническими и т. д. Но в целом конфликт всегда принимает политическую форму, поскольку эти противоречия осознаются и разрешаются государствами через механизм формирования и осуществления внешней политики.

Возникновение и развитие международного конфликта связано не только с объективными противоречиями, возникающими в отношениях между государствами, но и с такими субъективными факторами, как внешняя политика самих государств. Конфликт вызывается, «подготавливается», разрешается именно сознательной целенаправленной внешней политикой государств, но нельзя игнорировать и такой субъективный фактор, как личные характеристики и качества причастных к принятию решений политических деятелей. Иногда лич-

ные отношения между лидерами могут оказать существенное влияние на межгосударственные отношения, в том числе и на развитие конфликтных ситуаций.

Политическая наука и практика международных отношений знает различные типы и виды международных конфликтов. Однако единая, признаваемая всеми исследователями типология международных конфликтов отсутствует. Наиболее часто в классификациях международных конфликтов встречается их разделение на *симметричные* и *асимметричные*. К симметричным относят такие конфликты, которые характеризуются примерно равной силой вовлеченных в них сторон. Асимметричные же конфликты — это конфликты с резким различием потенциала конфликтующих сторон.

Интересную классификацию конфликтов предложил канадский политолог А. Раппопорт, использовавший в качестве критерия форму протекания международного конфликта. По его мнению, конфликты бывают трех видов: в форме «сражения», в форме «игры» и в форме «дебатов». Наиболее опасным для мира и безопасности является конфликт, развивающийся в форме «сражения». Само название его говорит о том, что стороны, вовлеченные в него, изначально настроены воинственно по отношению друг к другу и стремятся нанести противнику максимальный урон, невзирая на возможные негативные последствия для себя. Поведение участников такого конфликта можно определить как иррациональное, так как они ставят перед собой зачастую недостижимые цели, неадекватно воспринимают международную ситуацию и действия противоположной стороны.

Напротив, в конфликте, который разворачивается в форме «игры», поведение участников определяется рациональными соображениями. Несмотря на внешние проявления воинственности, стороны не склонны доводить обострение отношений до крайности. Решения принимаются с учетом всех факторов и обстоятельств, на основе объективной оценки ситуации.

Для конфликта, развивающегося как «дебаты», характерно изначальное стремление участников разрешить возникшие противоречия путем достижения компромиссов.

§ 2. Структура и процесс развития международных конфликтов

Международный конфликт может рассматриваться как относительно самостоятельное явление в системе международных отношений. Субъектами международного конфликта могут быть государства, межго-

сударственные объединения, международные организации, включая ООН, организационно оформленные общественно-политические силы внутри государства или на международной арене. В ходе конфликта могут меняться степень и даже характер заинтересованности сторон, место конфликта в иерархии целей каждого из участников, может расширяться или уменьшаться само число участников, может произойти подмена одних непосредственных или косвенных сторон другими.

Исследование процесса развития международного конфликта дает возможность установить многие его исторические и причинно-следственные аспекты, существенные для анализа, а изучение его системы и структуры выявляет главным образом структурно-функциональные стороны конфликта. Нельзя воспринимать эти аспекты международных конфликтов изолированно друг от друга. Анализ последовательно меняющихся фаз развития конфликта позволяет рассматривать его как единый процесс, обладающий различными, но взаимосвязанными сторонами.

Фазы развития международного конфликта — это не произвольные, абстрактные отрезки времени, в которых развивается данный конфликт: они реальны, определяются историческими и социальными причинами. Эти причины проявляются в конкретных признаках, относящихся к изменению внутренних характеристик государств — участников конфликта; общим политическим и конкретным интересам, целям, средствам; внешним союзам и обязательствам сторон; масштабам и интенсивности развития самого конфликта, вовлечению новых участников с присущими им и применяемыми в данном конфликте средствами борьбы; союзам и обязательствам; международным условиям, в которых конфликт развивается.

В зависимости от сущности, содержания и формы данного конфликта, конкретных интересов и целей его участников, применяемых средств и возможностей введения в действие дополнительных средств, вовлечения новых или выхода имеющихся участников и общих международных условий развития конфликта он может проходить самые разные, в том числе и нестандартные, непредсказуемые заранее фазы. Некоторые фазы могут полностью выпасть, создать брешь в типовом развитии того или иного конкретного конфликта. Могут появляться неожиданные фазы, деформируя устойчивую картину. Фазы конфликта могут спрессовываться во времени, сливаться друг с другом или, наоборот, растягиваться во времени, распадаться на более дробные части. Международный конфликт в своем разви-

тии способен в считанные дни и часы совершать скачок через фазы, но может развиваться медленно. Развитие его может идти от фазы к фазе по нарастающей, но возможно также и топтание на месте, повторение фаз, отступление, снижение уровня.

Первая фаза международного конфликта — принципиальное политическое отношение, которое сформировалось на основе объективных и субъективных противоречий, экономических и политических интересов сторон, сталкивающихся на международной арене, и соответствующие ему экономические, идеологические, правовые, военно-стратегические, дипломатические отношения по поводу данных противоречий, выраженные в более или менее острой конфликтной форме.

Вторая фаза — субъективное определение конфликтующими сторонами своих интересов, целей, стратегии и форм борьбы для разрешения объективных и субъективных противоречий с учетом своего потенциала и возможностей применения мирных и немирных средств, использования внешних союзов и обязательств; оценка общей внутренней и международной ситуации. На этой фазе сторонами определяется или даже частично реализуется система взаимных практических действий, имеющих характер борьбы и сотрудничества, с целью разрешения противоречия в интересах той или другой стороны либо на основе компромисса между ними.

Третья фаза — использование сторонами в конфликте широкого диапазона экономических, политических, идеологических, психологических, моральных, правовых, дипломатических и военных (но не в форме прямой вооруженной борьбы) средств, вовлечение других государств в той или иной форме в борьбу непосредственно конфликтующих сторон — индивидуально, через блоки и договоры, через ООН — с последующим усложнением системы политических отношений и действий всех прямых и косвенных сторон в данном конфликте.

Четвертая фаза — нарастание борьбы до самого высокого политического уровня — международного политического кризиса, который может охватить конфликт непосредственных участников, государства данного и других регионов, крупнейших мировых держав, ООН, а в ряде случаев и весь мир. Другими словами, кризис может перерасти в мировой, что уже содержит угрозу развязывания вооруженной борьбы. На этой фазе возможен сознательный, вытекающий из интересов, целей и стратегии какой-либо стороны (или из действий другой стороны либо обстановки) переход к практическому применению военной силы (в демонстративных целях или в ограниченных

масштабах), для того чтобы принудить к удовлетворению интересов государства, использующего меры военного воздействия.

Пятая фаза — международный вооруженный конфликт, начинающийся с ограниченного конфликта и способный развиваться до более высокого уровня вооруженной борьбы с применением современного оружия, вовлечением союзников и крупнейших мировых держав, расширением территории.

Изучение закономерностей развития международных конфликтов весьма важно для их предотвращения и урегулирования. В случае возникновения конфликта необходимо стремиться к его локализации, консервации на начальных фазах.

Особое место занимает такая фаза, как *международный политический кризис*. Его опасность заключается в том, что он вплотную подводит конфликтующие стороны к вооруженному столкновению. В период международных кризисов очень быстро меняется ситуация, возрастают активность и роль военных, которые вольно или невольно могут подтолкнуть участников конфликта к использованию силы. Серьезную опасность представляли международные политические кризисы периода холодной войны, поскольку могли повлечь за собой мировую термоядерную катастрофу. Наиболее известным кризисом того периода был Карибский кризис 1962 г., называемый ракетным кризисом. Столкновение интересов СССР и США, связанное с утверждением власти Ф. Кастро на Кубе, очень быстро пройдя начальные фазы конфликта, привело не только к всеобъемлющему кризису в отношениях этих стран, но и к глобальному кризису.

Анализ событий того периода показывает, что причиной такой ситуации были ошибки руководителей обоих государств, неверные оценки намерений и действий противоположной стороны. Большая доля вины за Карибский кризис лежит на тогдашнем советском лидере Н. Хрущеве, который недооценил потенциал молодого американского президента Д. Кеннеди, посчитав его неопытным в международных делах. Н. Хрущев, не опираясь на объективный анализ ситуации, принял ряд решений, неадекватных вытекавшим из этой ситуации задачам. Однако в последний момент и Н. Хрущев, и Д. Кеннеди сумели остановиться перед пропастью и нашли пути к урегулированию конфликта вокруг Кубы.

Очень многие конфликты периода холодной войны «подпитывались» соперничающими блоками, за некоторыми из них непосредственно стояли две сверхдержавы — СССР и США. С окончанием холодной войны открылся путь к разрешению части из этих конфликтов,

но в то же время возникли новые очаги напряженности. Во многих регионах планеты продолжает литься кровь, не исчезла полностью и угроза глобального вооруженного столкновения, поэтому проблема обеспечения всеобщей безопасности остается по-прежнему актуальной.

§ 3. Пути мирного урегулирования международных конфликтов

В теории и на практике существуют разные пути выхода из конфликтных ситуаций. В случае международного конфликта, который уже перешел в фазу вооруженной борьбы, стороны стремятся к военной победе и победитель навязывает побежденному свою волю. Конфликт прекращается, но в будущем он может возобновиться. Так, Первая мировая война закончилась поражением Германии и ее союзников и условия мира были продиктованы странами Антанты. Однако унижения и ограничения, которые были связаны с Версальским мирным договором, стали питательной почвой для появления и роста среди немцев реваншистских настроений, способствовали приходу к власти Гитлера. В итоге все это привело к новой мировой войне. Победа одной стороны и капитуляция другой в результате военных поражений представляет собой односторонний путь завершения конфликта, причем путь, опирающийся на использование силы.

Мирные пути урегулирования конфликта требуют усилий всех вовлеченных в конфликтную ситуацию сторон, а также участия не втянутых в непосредственное политическое или военное столкновение государств или иных международных акторов. Мирное урегулирование конфликтов — широкое понятие, охватывающее несколько направлений мирного выхода из конфликтной ситуации. Во-первых, это *разрешение конфликта*, т. е. деятельность по полному устранению его причин, которая, как правило, завершается подписанием соглашения о разрешении конфликта. Во-вторых, это *урегулирование конфликта*. Суть урегулирования заключается в том, что глубинные причины конфликта полностью не устраняются, но его дальнейшее протекание ставится в определенные рамки, гарантирующие минимальный уровень безопасности для заинтересованных сторон. В соглашениях об урегулировании конфликта оговариваются условия, при которых конфликт не будет развиваться по самому худшему сценарию, в то же время возможность его полного разрешения выносятся за скобки и откладывается на будущее.

В-третьих, это путь *предотвращения конфликта*, т. е. недопущение его вооруженной фазы. Если же военные действия начались, третий вариант предполагает достижение соглашения о перемирии или хотя бы о прекращении огня. Ввиду издержек и опасностей, которые влечет за собой вооруженная борьба, ее недопущение или прекращение само по себе представляет серьезную ценность.

Мирное урегулирование в любом варианте предполагает ведение переговоров. Переговорный процесс в условиях конфликта, тем более международного, чрезвычайно сложен и обладает своей спецификой. Он подразделяется на несколько этапов:

- ◆ первый этап — подготовка к переговорам;
- ◆ на втором этапе участники излагают друг другу свои предложения и одновременно критикуют позиции противоположной стороны;
- ◆ третий этап означает переход к дискуссии по основным вопросам повестки дня переговоров;
- ◆ на четвертом, финальном этапе переговоры либо завершаются принятием совместного решения или документа, либо окончательно заходят в тупик.

Переговоры выполняют ряд важных функций. Основная из них — совместный поиск решения стоящих в центре переговоров проблем. Кроме этого переговоры выполняют информационно-коммуникационную функцию. В ходе переговоров стороны могут обмениваться информацией, касающейся не только непосредственно переговорного процесса, но и других вопросов, представляющих взаимный интерес. Пока идет переговорный процесс, его участников объединяет официальный устойчивый канал коммуникации, что чрезвычайно важно в условиях конфликтной ситуации, когда нормальные взаимоотношения нарушены. Переговоры по международным проблемам при определенных обстоятельствах могут выполнять функцию решения какой-либо внутривнутриполитической проблемы. Например, начало переговоров, которых требовала оппозиция, может лишить ее основного козыря во внутривнутриполитической борьбе и укрепить позиции существующей власти. В таком случае достижение конечной цели уходит на второй план и переговорный процесс становится самоцелью.

Специалисты отмечают еще одну функцию переговоров, не связанную непосредственно с их содержанием, — пропагандистскую. Эта функция реализуется в том, что участвующие в переговорах лица обращаются не только к партнерам, но и к общественному мне-

нию своей страны, международному общественному мнению, к социальным группам и политическим силам, для того чтобы получить их поддержку и, возможно, изменить характер мыслей и действий в соответствии с собственными интересами. Ярким примером осуществления пропагандистской функции переговоров была деятельность Л. Троцкого в Брест-Литовске в 1918 г. Один из вождей большевистской революции и первый советский нарком иностранных дел, он возглавлял делегацию советской России на переговорах по заключению мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками. Меньше всего Л. Троцкий был озабочен теми вопросами, которые традиционно решают профессиональные дипломаты. Для него было важно не столько заключить мир на приемлемых для нашей страны условиях, сколько подтолкнуть европейскую и мировую революцию в соответствии со своими теоретическими концепциями. Поэтому Л. Троцкий обращался не к немецким генералам и дипломатам, а «через их головы» — к «германскому и международному пролетариату». Брестские переговоры были завершены им бессмысленным и безответственным заявлением: «Советская Россия войну прекращает, мирного договора не подписывает, а армию демобилизует». Этот пример показывает, что акцентирование пропагандистской функции переговорного процесса может негативно сказаться на его основном содержании.

Для проведения международных переговоров необходима специальная подготовка, в ходе которой определяются их время, место, формулируется повестка дня, определяются уровень представительства. Поскольку в условиях конфликта решить эти вопросы, по сути технические, непросто, иногда требуются предварительные «переговоры о переговорах».

Одной из важнейших предпосылок начала переговорного процесса является наличие переговорного пространства, т. е. ситуации, при которой теоретически возможно достижение какого-либо взаимоустраивающего результата на основе частичного совпадения позиций и взаимных уступок потенциальных участников переговоров. Если переговорное пространство отсутствует, то следует искать иной выход из конфликтной ситуации или попытаться пересмотреть свои позиции, тем самым формируя пространство заново. Примером такого отсутствия переговорного пространства, хотя и не в сфере международных отношений, может быть названа ситуация в Чечне. После возобновления вооруженных действий в России и за ее пределами часто раздавались призывы начать переговорный процесс между россий-

скими властями и чеченскими сепаратистами. Но в данном случае переговорное пространство отсутствовало, поскольку одна сторона не подвергала сомнению статус Чечни как составной части Российской Федерации, а другая придерживалась прямо противоположной позиции.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем вы видите причины конфликтов в международных отношениях?
2. На основе существующих типологий охарактеризуйте известные вам международные конфликты 2-й половины XX в.
3. Что такое конфликт с нулевой суммой применительно к международным отношениям?
4. Как может изменяться структура международного конфликта?
5. Через какие этапы проходит развитие международного конфликта?
6. В чем заключаются особенности международных кризисов?
7. Чем международные конфликты начала XXI в. отличаются от конфликтов предшествующих десятилетий конца XX в.?
8. Какие существуют способы выхода из конфликтной ситуации?
9. Что такое переговорное пространство?
10. В чем заключаются особенности международных переговоров?
11. Что такое третья сторона и какова ее роль в урегулировании международных конфликтов?

Литература

- Введение в социологию международных отношений / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1992.
- Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2001.
- Доронина М. И.* Международный конфликт: О буржуазных теориях конфликта. Критический анализ методологии исследования. М., 1981.
- Ермоленко Д. В.* Социология и проблемы международных отношений. М., 1977.
- Ланцов С. А.* Мировая политика и международные отношения: Конспект лекций. СПб., 2000.
- Ланцов С. А.* Теория международного конфликта и реалии постсоветского геополитического пространства // Международные отношения: современность и история. Вып. I. СПб., 1994.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.

Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы. Решения. Технологии. М., 1997.

Международные конфликты современности / Отв. ред. В. И. Гантман. М., 1983.

Международные отношения как объект изучения / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1993.

Скакунов Э. И. Международный конфликт (юридический конфликт): сферы и механизмы. М., 1995.

Фельдман Д. М. Конфликты в мировой политике. М., 1997.

Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. М., 2003.

Часть II

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МИРОВОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА**

Глава IX

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

---

§ 1. Теоретические дискуссии по вопросам глобализации

Термин «глобализация» впервые употребил в 1983 г. Т. Левит в статье, опубликованной в журнале «Гарвард бизнес ревью», для обозначения феномена слияния рынков отдельных продуктов, производимых отдельными корпорациями. Вплоть до 1987 г. в базе данных Библиотеки конгресса США (Вашингтон) не было книг, в названии которых использовалось бы слово «глобализация». С началом 90-х гг. XX в. количество книг и статей, посвященных глобализации, стало увеличиваться лавинообразно. Термин получил широкое распространение, однако наполнился все более широким набором значений.

Поэтому содержание, генезис и особенно дальнейшие пути развития процессов глобализации являются сегодня предметом острой политической и научной дискуссии. Предметом оживленных дебатов служит буквально все: что такое глобализация, когда она началась, как она соотносится с другими процессами в общественной жизни, каковы ее ближайшие и отдаленные последствия и т. д.

В глобализации сегодня видят:

- ◆ интенсификацию трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей;
- ◆ исторический период (или эпоху), наступивший после завершения холодной войны;
- ◆ трансформацию мировой экономики, буквально направляемую анархией финансовых рынков;
- ◆ триумф американской системы ценностей, обеспеченный комбинацией неоллиберальной экономической программы с программой политической демократизации;
- ◆ ортодоксальную идеологию, настаивающую на вполне логичной и неизбежной кульминации мощных тенденций работающего рынка;

- ◆ технологическую революцию с многочисленными и не до конца ясными социальными последствиями;
- ◆ неспособность национальных государств справиться с глобальными проблемами (демографическими, экологическими, прав человека и распространением ядерного оружия), требующими глобальных решений.

Тем не менее можно вычлени́ть три основных подхода к трактовке феномена глобализации.

Узкодисциплинарный подход. Ряд исследователей понимает глобализацию достаточно узко, как объективный и качественно новый процесс формирования финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий и связывает ее начало с 1990-ми гг. Таким образом, подчеркиваются экономические основы происходящих сегодня в мире глобальных изменений. Однако разные авторы выделяют различные аспекты глобализации, например организационно-управленческий, экономический, технический, пространственный и др. Действительно, на рубеже тысячелетий под воздействием мощных глобальных сил, которые перемещают финансы, технологии, капитал и труд поверх национальных границ в постоянно растущих масштабах, весь мир становится ареной серьезных экономических и социальных изменений.

Идеологический подход. Преимущественно левые авторы считают, что введение в оборот термина «глобализация» было пропагандистским ответом западных элит на протесты против неолиберализма, т. е. концепция глобализации рассматривается как новое идеологическое обоснование власти транснациональных корпораций и господства таких международных структур, как Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО), а глобализация отождествляется с американизацией мира.

Правые также по-разному относятся к глобализации. Одни из них, например христианские консерваторы в США или националисты в различных странах, считают ее проявлением мирового зла. Другие видят в ней триумфальное шествие капитализма по всему миру. Часть феминисток считают сами дискурсы глобализации проявлением мужского господства и т. д.

Действительно, в современном мире глобализация в основном реализуется в соответствии с неолиберальными экономическими принципами, что неизбежно ведет к усилению разрыва между богатыми и бедными странами, усиливает социальную дифференциацию во всем

мире. Нынешний вариант глобализации выгоден наиболее развитым в экономическом и технологическом отношении странам, стремящимся обеспечить свое доминирование и в политической сфере. Отсюда проистекает часто встречающееся суждение, что защита прав человека во внешней политике стран Запада «все в большей степени демонстрирует опасные тенденции трансформации в инструмент продвижения безальтернативной модели глобализации, призванной обеспечить, в том числе с применением силы или угрозы силой, наиболее комфортные условия существования развитым странам, способствуя подрыву принципа универсальности прав человека и увеличивая масштабы их нарушений» [1].

Исторический подход. Его представители видят в глобализации своего рода развитие процесса модернизации, современную стадию процесса дальнейшей противоречивой интеграции мира, формирования целостной человеческой цивилизации. Согласно этому подходу, глобализация — процесс стадийного становления мира как единого, взаимосвязанного экономического, политического, культурного пространства. То есть глобализация — это процесс, начавшийся еще на ранних этапах истории, но только ныне ставший всеобщим.

Диапазон же сроков начала глобализации, представленный в литературе, весьма велик, он колеблется в основном от XVI до XX в. Так, согласно Р. Робертсону, идея глобальности родилась еще во времена Полибия, реально же процесс глобализации начался с XV–XVI вв., особенно активно развернувшись в период с 1870 г. до середины XX в. Согласно периодизации М. Чешкова, можно выделить праисторию глобализации (протоглобализация — от неолитической революции до Осевого времени), предисторию глобализации (зарождение глобальной общности — от Осевого времени до эпохи Просвещения и первой промышленной революции) и собственную историю глобализации (формирование глобальной общности за последние 200 лет).

Почему выбран этот исторический рубеж (XV–XVI вв.) предистории глобализации? Да потому, что это время так называемого европейского чуда, когда Европа постепенно выходила за пределы традиционного общества, нарушала цикличность движения по «круговой орбите» в рамках традиции и переходила в иной — форсированно-линейный ритм радикальных перемен.

Об этом свидетельствуют экономический подъем, длившийся с конца XV до начала XVII в., культурный (Возрождение) и религиозный (Реформация) всплески. Великие географические открытия, радикально расширившие интеллектуальный горизонт европейцев, положили

начало не только самой масштабной, европейской экспансии, но и формирования европейской идентичности. В соответствии с взглядами известного философа К. Ясперса, XVI–XVIII вв. стали для европейцев фундаментом культуры, самым богатым источником наших взглядов и представлений. Наконец, это время появления нового типа государств — территориальных — династических с принципиально иными ролью и местом в жизни общества, которые и образовали первую международную (сначала в масштабах Европы) вестфальскую систему, о кризисе которой заговорили только в конце XX в., когда уже были заложены основы новой формы глобальности — национальной, в рамках «государства-нации».

Таким образом, тенденции к интеграции и сближению между государствами имели место и ранее, но наиболее радикально в первый раз эти тенденции проявились в период с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны (1870–1914).

Технологической основой первой волны глобализации стали телефон и телеграф в сфере коммуникаций, строительство железных дорог, машинное, а затем поточно-конвейерное производство в промышленной сфере, а символом всего этого была Америка. Технологические сдвиги повлекли за собой экономические, выразившиеся прежде всего в усилении экономической взаимозависимости и формировании единого мирового хозяйства.

О постоянно усиливающейся интернационализации (глобализации) экономического развития свидетельствует и тот факт, что мировая торговля росла быстрее, чем мировое производство, а значит, с каждым годом возрастала роль международных экономических связей. Это подтверждается следующими цифрами: с 1870 по 1917 г. объем мировой торговли ежегодно увеличивался в среднем на 3,4%, а объем мирового производства — на 2,1%. С 1850 по 1914 г. население мира увеличилось в 1,5 раза, а международный товарооборот вырос в 10 раз. Зависимость экономически ведущих стран мира от внешней торговли выросла за этот период в 2,3 раза.

Начиная с 70-х гг. XIX в. наряду с экспортом товаров растет экспорт капитала. В период с 1885 по 1900 г. оборот мировой торговли вырос в 2,1 раза, а иностранные инвестиции — в 2,3 раза. В 1901–1913 гг. мировое производство увеличилось на 40%, мировая торговля — на 62, а иностранные инвестиции — на 100%. Успехам мировой торговли и росту иностранных инвестиций способствовало то, что национальная валюта большинства стран была свободно конвертируемой. К 1910 г. в таких странах проживало около 90% населения

всего мира. Движение товаров и капиталов было свободным, такой же свободной была миграция рабочей силы, которая приобрела большие масштабы. Все больше развивался международный туризм. Для поездки из страны и страну не требовалось визы, а иногда даже и паспорта.

Экономическая глобализация во 2-й половине XIX — начале XX в. подтолкнула интеграционные процессы и в других сферах. Именно в этот период появляются первые международные межправительственные (Всемирный почтовый союз, Международный союз электросвязи) и неправительственные (Красный Крест) организации. Стали проводиться международные спортивные соревнования, что привело к возрождению Олимпийского движения и созданию международных спортивных федераций.

Но наиболее сильно глобализация проявилась в политической сфере. Вслед за мировой экономикой началось формирование мировой политики. Мировое экономическое и социальное развитие проходило под сильным воздействием либеральной политической идеологии. Либерализм обосновывал необходимость экономической свободы на национальном и международном уровнях, стремился ко все большей взаимозависимости и интеграции как в экономике, так и в политике.

Наряду с либерализмом появляются и другие политические идеологии, утверждающие необходимость глобализации и связывающие достижение политических целей с этим процессом. Прежде всего речь идет о марксизме. Для К. Маркса и Ф. Энгельса «пролетарии не имеют отечества», отсюда знаменитый лозунг из «Манифеста коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», а экономическая глобализация мира была главной предпосылкой для его социально-политической трансформации. Стоит напомнить, что классики марксизма понимали социалистическую революцию как революцию мировую. На базе идеологии марксизма было создано и первое международное политическое движение. Институционализация этого движения нашла свое выражение в создании и деятельности I (1864) и II (1889) Интернационалов.

Глобализация оказала прямое влияние и на международные отношения. На рубеже XIX и XX вв. состоялось несколько международных конференций, на которых обсуждались вопросы предотвращения войн и конфликтов, мирного сотрудничества государств, совершенствования норм и принципов международного права. Было широко распространено мнение о том, что в условиях достигнутого уровня

экономической взаимозависимости большая война между основными странами мира становится все более невозможной.

Однако экономическая глобализация намного опередила формирование стабильной и устойчивой системы международных отношений, ее институциональное оформление. Несмотря на все разговоры и благие пожелания, реальный механизм предотвращения глобального вооруженного конфликта не был создан. Неадекватная и непродуманная политика «великих держав», реальные и надуманные противоречия между ними привели к Первой мировой войне. Эта война, таким образом, оказалась своеобразным итогом первой волны глобальной интеграции, следствием имманентно присущих этой волне внутренних противоречий.

Первая мировая война стала разделительным рубежом между двумя историческими периодами — глобальной интеграцией и глобальной дезинтеграцией. Хотя после окончания войны была предпринята попытка реализации давнего либерального интеграционного проекта — создание универсальной международной организации (Лиги Наций, 1919–1946), социально-экономическое развитие мира пошло в противоположном направлении.

Неудача Лиги Наций помимо иных причин была связана с тем, что в мировой экономике в 1920–1930-е гг. преобладали дезинтеграционные тенденции. Государства стремились защитить свои национальные рынки от иностранных конкурентов при помощи высоких таможенных тарифов. Мировая торговля и зарубежные инвестиции перестали увеличиваться, а в некоторые периоды даже сокращались. Так, с 1929 по 1932 г. в результате мирового экономического кризиса мировое промышленное производство сократилось на 20, а мировая торговля — на 40%. Экспорт капитала накануне Первой мировой войны составлял в среднем более 1 млрд долл. в год, а в послевоенные годы — всего 110–170 млн долл. Границы становились все менее прозрачными не только для товаров и капиталов, но и для людей. Для поездок за рубеж стали нужны паспорта и визы. Некоторые страны (Германия, СССР и др.) резко ограничили зарубежные поездки своих граждан. Повсеместно усложнились условия трудоустройства иностранцев. В результате сократились трудовая миграция и международный туризм. Многие страны мира стремились к созданию замкнутой автаркической экономики, ограничивали конвертируемость своих национальных валют, что еще более способствовало ослаблению международных экономических связей.

Вторая мировая война способствовала еще большей дезинтеграции мировой экономики. В 1950 г. только шесть стран мира имели свободно конвертируемую валюту. И это мешало как зарубежным инвестициям, так и развитию международной торговли, несмотря на предпринятые при создании Организации Объединенных Наций меры по стимулированию мировой экономики при помощи международных экономических институтов — МВФ, ВБ, ВТО, ЮНИДО¹ и др. Долгое время уровень экономической взаимозависимости, степень вовлеченности отдельных стран в международное разделение труда оставались ниже, чем в начале XX в. К тому же мир оказался расколотым по политико-идеологическому и социально-экономическому признакам на два блока.

И только с конца 80-х гг. XX в. глобализация становится преобладающей тенденцией в мировом развитии. Поэтому рубеж тысячелетий стал временем интенсивных концептуальных поисков подходов, позволяющих адекватно описывать такой сложный феномен, как глобализация.

§ 2. Мировая политика и мировая экономика в условиях глобализации

Существует множество попыток дать краткое, но емкое определение глобализации, тем не менее пока прийти к общему знаменателю не удастся. Однако для многих приемлемо понимание современного этапа глобализации, предложенное Энтони Гидденсом, который определяет его как «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот» [2].

Следовательно, в широком смысле речь идет о растущей взаимосвязи и взаимозависимости всех сегментов мировой экономики и политик. Глобализация сегодня означает новый этап интеграционных процессов в мире и ведет к втягиванию большей части человечества в единую открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Неизменно подчеркивая экономические основы происходящих сегодня в мире глобальных изменений, разные авторы выделяют различные аспекты глобализации, напри-

¹ Организация Объединенных Наций по промышленному развитию.

мер организационно-управленческий, экономический, технический, пространственный, культурный, политический.

В действительности глобализация оказалась не столь универсальна и «глобальна», как представлялось. Тем не менее она совершенно очевидна и реальна прежде всего как самый общий вектор развития мира, своего рода равнодействующая самых разнообразных сил и тенденций. Она определяет весьма важный и влиятельный класс экономических, политических и иных процессов на различных уровнях, а также задает новые принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, создавая в результате мир с множеством взаимосвязей, взаимодействий и взаимоуязвимостей. При характеристике нынешнего этапа глобализации следует обязательно учитывать три важных исторических обстоятельства: 1) распад советского блока и разрушение биполярной системы международных отношений; 2) переход стран — лидеров мирового развития на постиндустриальную стадию; 3) регионализацию мировой экономики.

В целом в экономической сфере глобализация проявляется сегодня в следующих феноменах:

- ◆ Скачкообразное увеличение масштабов и темпов перемещения капиталов.
- ◆ Опережающий рост международной торговли по сравнению с ростом ВВП всех стран.
- ◆ Создание сетей международных производств с быстрым размещением мощностей по выпуску стандартизированной и унифицированной продукции.
- ◆ Формирование мировых финансовых рынков, на которых многие операции осуществляются быстро и практически круглосуточно.
- ◆ Становление финансовой сферы как самодовлеющей силы, определяющей возможности развития промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, сферы услуг. Сегодня финансовая сфера сама становится «реальной экономикой».
- ◆ Практически мгновенное распространение информации об изменениях на финансовых и других рынках за счет развития телекоммуникационных систем, программного обеспечения, в результате чего решения о перемещении капиталов, продажах и покупке валют, ценных бумаг, долговых обязательств и прочие принимаются в реальном масштабе времени, часто чисто рефлекторно.
- ◆ Выход мировых финансовых рынков из-под юрисдикции отдельных, даже наиболее крупных государств.

- ◆ Возникновение новых мощных субъектов мировой экономики за счет слияний и поглощений транснациональных корпораций.
- ◆ Резкое расширение рынков труда и изменение их структуры, произошедшее под воздействием внедрения новых технологий, с одной стороны, привело к массовой миграции в развитые страны и заметно изменило традиционный этнический состав населения развитых стран, породив социальное напряжение в ряде из них; с другой — к миграции производства, новых форм организации экономики из Европы и США в регионы, сохранявшие до того преимущественно традиционный уклад жизни. Это, в свою очередь, породило феномен «анклавной модернизации» во многих странах третьего мира и также способствовало росту социальной напряженности.
- ◆ Возникновение своего рода метаинфраструктуры перераспределения доходов в пользу государств промышленно развитого Севера. Ярким примером такого перераспределения могут служить знаменитые «ножницы цен» — растущая разница в стоимости сырья и готовой продукции и др. Такое перераспределение в пользу стран Севера составляет суть геоэкономических рентных платежей, являясь своего рода глобальным налогом на экономическую деятельность.
- ◆ В рамках мировой экономики проявляются контуры ее специализированных сегментов: самобытных «больших пространств», объединенных культурно-историческими кодами, стилем хозяйственной деятельности, общими социально-экономическими факторами и стратегическим целеполаганием. Формируется мировая система «экономического плюрализма» с тремя центрами: Северная и Южная Америка под эгидой США, Европа под эгидой ЕС, Юго-Восточная Азия под эгидой Японии.

В системе международных отношений процесс глобализации также оказывает решающее влияние на ее изменение. Прежде всего речь идет о снижении роли национальных государств и возрастании роли негосударственных акторов, появлении новых международных институтов.

В целом можно выделить следующие новые характеристики международных отношений глобального мира:

- ◆ рост экономического потенциала негосударственных акторов (ТНК) и потребность в его независимой реализации в международной среде;

- ◆ вытеснение негосударственными акторами государств с позиций главных, системообразующих элементов системы международных отношений;
- ◆ размывание границ между внутренней и внешней политикой государств;
- ◆ «экономизация политики» и закрепление факического неравенства государств как «акторов международных отношений»;
- ◆ появление условий, при которых «геоэкономическая и геофинансовая власть диктуют миру свои правила игры, создавая своего рода законодательную базу неолиберальной глобализации, геополитика их “оправдывает”, а военная компонента “защищает”, дипломатия в этом случае из области искусства переходит на уровень технического оформления реального экономического пердела мира» [3].

Кроме того, глобализация вывела на международную арену целую группу новых действующих лиц (международные финансовые институты, экологические и правозащитные организации, религиозные движения, террористические группы, преступные объединения, исследовательские и внедренческие центры и многие другие), весьма отличающихся по своим интересам и целям, что делает традиционную дипломатию лишь одним из многих каналов международного общения и механизмов урегулирования спорных проблем.

В условиях глобализации — расширения и увеличения протяженности и интенсивности экономических, культурных и финансовых связей во всем мире — мы все больше живем не в «пространстве мест», а в «пространстве потоков», пространство «сокращается», время «исчезает», мир «сжимается», «скручивается» и, казалось бы, становится все более единым. Процессы социального взаимодействия интенсифицируются, приобретая невиданную ранее динамику.

Таким образом, человечество вступило в крайне сложную эпоху своего существования, когда мир одновременно организуется и хаотизируется, глобализируется и локализуется, объединяется и разделяется. В этой связи характерно появление в социологической литературе 1990-х гг. термина «глокализация» для обозначения процессов адаптации глобальных экономических процессов к местным условиям, или — более широко — для определения процессов переплетения и взаимной адаптации глобальных «потоков» и культурных традиций и социальных устоев «мест».

Авторы книги «Пределы конкуренции» предупреждают: в мире уже идет война, война без стрельбы, но на выживание. Это «новый

вид войны» — «психологическо-экономическая война за глобальное руководство». Конкуренция в мире стала «универсальным кредо, идеологией»; транснациональные компании (ТНК) рассматривают всю планету как один глобальный рынок. Глобализация создает опасность нарастания разрыва в благосостоянии между государствами — в этих условиях могут утвердиться только те из них, которые имеют в своем распоряжении новейшие технологии и дешевую, но квалифицированную и гибкую рабочую силу» [4].

Таким образом, получив наибольшее развитие в экономической сфере, глобализация в конце XX в. вышла за ее рамки и стала реально перестраивать политическую структуру мира. Поэтому сегодня в центре внимания исследователей находятся такие противоречия глобализации:

- ◆ между общечеловеческими интересами во взаимозависимом мире и национальными и этническими особенностями;
- ◆ между глобализацией и стремлением к идентичности, самоопределению народов, социальных общностей, личностей;
- ◆ между гражданским порядком, сохраняющимся внутри государств, и «естественным состоянием», царящим в рамках международных отношений, и др.

§ 3. Глобализация и судьба национального государства

Существует широко распространенное мнение, что глобализация ведет к утрате политической власти и влияния национальными государствами, которые, согласно формуле Д. Белла, становятся слишком маленькими для больших житейских проблем и слишком большими — для маленьких [5]. Наиболее радикальные приверженцы глобализации даже называют нации-государства «ностальгическими фикциями» и утверждают, что «сама эпоха национальных государств близка к своему концу... Вполне вероятно, что возникающий постнациональный порядок окажется не системой гомогенных единиц (как современная система национальных государств), а системой, основанной на отношениях между гетерогенными единицами (такими, как некоторые социальные движения, некоторые группы интересов, некоторые профессиональные объединения, некоторые неправительственные организации, некоторые вооруженные образования, некоторые юридические структуры)» [6].

Считая, что «гражданство» в традиционном его понимании (как гражданство в рамках национального государства) дестабилизировано процессами глобализации, исследователи утверждают, что для современного общества характерно «экономическое гражданство», которое «представляет собой концентрацию экономических прав, давая их обладателям определенную власть и возможность требовать отчет о деятельности государства. При этом субъектами этого нового гражданства являются не граждане, а фирмы и рынки, в особенности глобальные финансовые рынки, соответственно локализуется это гражданство не в индивидуумах, не в гражданах, а в глобальных экономических акторах» [7].

Возможности нации-государства подрываются такими проявлениями транснациональности и глобализма, как формирование международных финансовых рынков, интернационализация бизнеса и капитала, появление глобальных открытых информационных сетей, самоопределение новых наций, резко увеличившаяся мобильность населения, неделимый характер многих угроз безопасности, глобальные проблемы современности и т. д. Транснационализация и виртуализация финансового рынка, во-первых, облегчают возможности сокрытия капитала от контроля государства и дают возможность получения прибыли, обусловленной особенностями той или иной территории (к примеру, более низкими налогами на прибыль). Возросшая мобильность капитала, во-вторых, оказывает влияние на рост власти самого капитала. В-третьих, значительная часть национальной политики попадает в зависимость от международных финансовых рынков. По мнению экспертов, экономическая мощь отдельных государств и политико-экономическая эффективность их правительств связаны со спекуляциями на международных валютных рынках, о чем, в частности, говорит опыт восточноазиатских «тигров».

Возникает парадоксальная ситуация: глобализация одновременно повышает требования к политике национального государства и сужает его возможности. Стремясь обеспечить конкурентоспособность «своих» ТНК, сохранить в стране капитал и рабочие места и привлечь новые инвестиции, правительства снимают с них социальную ответственность и тем самым способствуют снижению реального уровня заработной платы, сокращают социальные программы, разрушая в Европе знаменитое «социальное государство», и проявляют недопустимое в условиях глобализации невнимание к вопросам защиты окружающей среды. Ключевой проблемой становится слабая управленческая способность государства, определяемая как способность

государственных организаций формулировать всеобщие правила и внедрять их в политику, управление, экономику и общество с минимальными отклонениями от политических намерений. Для посткоммунистических стран Всемирный банк добавляет к этому отсутствие гарантий прав собственности, нестабильность правительства, непредсказуемость государственного законодательства, зависимость судей от исполнительной власти, высокий уровень коррупции. В то же время еще никогда капитал не был до такой степени освобожден от социальной ответственности и обязательств перед обществом и государством.

Таким образом, закон прибыли подрывает устои национального государства, которое, в свою очередь, вынуждено постоянно заниматься «экономической политикой», однако национальное государство — это и основа существования либеральной демократии. Опыт свидетельствует, что действует отрицательная корреляция как между падающей управленческой способностью государства и экономической эффективностью, так и между падающей управленческой способностью государства и демократией. Значит, проблематичным в новых условиях становится и сохранение демократии: «Представление о национальном сообществе, которое демократически управляет своей судьбой, постепенно становится нереальным. Различные сферы совместной человеческой деятельности все меньше совпадают с границами национального государства. Все большее значение приобретают как региональные и местные интересы, так и транснациональные» [8]. В результате проблемы умножаются, а способности национальных институтов справиться с ними сокращаются.

Изменение роли государства в экономике и в функционировании важнейших для жизнедеятельности общества элементов инфраструктуры стало доминантой совпавших неолиберальной и неоконсервативной революций последних двух десятилетий XX в. Приватизация — таков универсальный инструмент, с помощью которого происходит вытеснение государства из важнейших сфер общества. В рамках так называемого Вашингтонского консенсуса (см. главу X), произошел разрыв с либеральной традицией XX в., усматривающей в государственном вмешательстве гарантию поддержания либерального правопорядка в общественной жизни. Целью приватизации является коммерциализация сфер, которые «освобождает» государство, что, согласно рецептам экспертов МВФ и ВТО, только и обеспечивает интеграцию в систему глобальных рынков. Как пишет Э. Бауман, «слабые квазигосударства легко низвести до уровня местных полицейских

участков, обеспечивающих минимальный порядок, необходимый для бизнеса: при этом можно не опасаться, что они смогут эффективно ограничить свободу глобальных корпораций» [9].

Именно «связка» приватизации и коммерциализации, составляющая действительный механизм процесса экономической глобализации, в результате ведет не только к «ослаблению» национального государства, но и к разрушению сложившихся институтов гражданского общества. Коммерциализация общественных благ и услуг усиливает социальное неравенство и ограничивает, в частности, возможности каждого человека в получении качественного образования или в доступе к информационным ресурсам через Интернет. Приватизация резко сужает область общественных дел, непосредственно затрагивающих каждого гражданина, и в конечном счете ведет к тому, что частные интересы граждан вытесняют на периферию общие интересы гражданского общества. В результате во всех странах Запаदा гражданская позиция становится реликтовой, ее подменяют потребительские формы самоидентификации, происходит разрушение системы институтов, связанных с коллективным социальным и политическим действием, нарастает кризис гражданственности, инфантилизация становится повсеместным глобальным феноменом, а вопрос о личной ответственности за дела общества делегируется власти предрержащим — корпорациям, вождам и др.

Поэтому известный финансист и филантроп Дж. Сорос, извлекая уроки из финансового кризиса 1997–1998 гг., увидел новую опасность для демократических ценностей открытого общества. В работе «Свобода и ее границы» он приходит к следующему настораживающему выводу: «Я сделал состояние на мировых финансовых рынках и тем не менее сегодня опасаясь, что бесконтрольный капитализм и распространение рыночных ценностей на все сферы жизни ставят под угрозу будущее нашего открытого и демократического общества. Сегодня главный враг открытого общества — уже не коммунистическая, но капиталистическая угроза» [10]. В результате глобализация, которую ее приверженцы обычно трактуют как торжество либеральных ценностей на всей планете, на деле ведет нас к необходимости снова решать проблему, как возродить свободу.

Таким образом, основным конфликтом рубежа тысячелетий стало столкновение между дезинтеграцией и снижением эффективности и демократичности национальных государств (и всей системы государств) и растущей экономической, культурной и политической глобализацией.

Национальные границы начинают исчезать под натиском транснациональных компаний и международных финансовых институтов, осуществляющих диктат в отношении стран, не входящих в «золотой миллиард». Власть в разных регионах мира с разной «скоростью» и с разной степенью «добровольности», но неуклонно передается на транснациональный уровень, лишая государства все большей части суверенитета. Местные культуры со всё возрастающей интенсивностью подвергаются посредством глобальных СМК воздействию унифицирующей моды и инновационных тенденций, источником которых преимущественно является Запад, и прежде всего США. М. Уотерс так и определяет глобализацию: это «процесс, в котором географические ограничения, налагаемые на социальные и культурные установления, отступают и в ходе которого люди все более осознают, что эти ограничения отступают» [11]. В то время как физический, географический мир остается сферой обитания политиков, реальная власть капитала и информации обживает кибермир, в котором физическое пространство либо нейтрализовано, либо просто исключено из игры, отмечает З. Бауман. То, что Ф. Фукуяма обозначил как «конец истории», с тем же успехом можно было назвать «концом географии»: внетерриториальный капитал и внепространственное виртуальное общение делают непринципиальным вопрос о местонахождении партнеров. Локальное обесценивается по мере того, как утрачивается преимущество коммуникации «лицом к лицу», оно уже не играет прежней роли в формировании и самовоспроизводстве элит. Тем самым власти физического мира оказываются в заведомо проигрышной ситуации [12].

Барьеры, прежде всего географические и временные, разрушаются. Интенсивность культурных и информационных обменов, многократно усиленная новейшими средствами коммуникации, делает малоэффективными попытки автаркии, самоизоляции и сохранения «единой национальной культуры» — одного из главных маркеров — национального государства.

§ 4. Политические движения и организации в условиях глобализации

Процессы глобализации, уверенно направляемые транснациональными корпорациями и международными финансовыми спекулянтами к обществу «одной пятой», где 80% населения не будет иметь работы и станет жить «из милости» на подачки 20% состоятельных граждан,

контролирующих все ресурсы, создают новые социальные барьеры, а культурные расколы уже привели к возникновению в промышленно развитых странах антиглобалистского движения.

В развитых странах идут процессы закрытия любых производств и перенос их в третьи страны с дешевой рабочей силой, сырьем и энергоресурсами (только там производство приносит доход), в то время как внутри этих стран растет безработица. Так, в ФРГ в 1993–1997 гг. количество рабочих мест уменьшилось на 1 млн, притом что немецкие фирмы активно занимаются строительством заводов в Восточной Европе, Азии и Латинской Америке. В то же время майские (2002) забастовки в Германии, в ходе которых выдвигались требования увеличить на 4,5–6,5% зарплату в строительной, полиграфической, автомобильной, судостроительной и других сферах производства, показали, что в развитых странах стоимость одного часа труда уже самая высокая в мире (в Германии — 24,01 долл., в США — 19,86, во Франции — 16,38 долл.). Это мешает конкуренции на международных рынках (европейские подразделения автогигантов почти все убыточны, хотя выпускают 70–100 автомашин на одного производственного работника в год!), и поэтому бизнес в основном создает новые рабочие места за границей [13].

Следовательно, против глобализации бунтуют отнюдь не нищие маргиналы, а прежде всего молодые представители средних слоев, испытывающие страх перед безработицей, перед кризисом социального государства, перспективой потерять свое привилегированное положение. Этот страх, как пишут немецкие исследователи Г.-П. Мартин и Х. Шуманн, представляет собой «бомбу замедленного действия, сила взрыва которой не поддается оценке. Демократии угрожает не бедность, а страх перед бедностью» [14].

Известно, что первое громкое выступление «масс» против процессов глобализации произошло в американском Сиэтле в конце ноября — начале декабря 1999 г. во время очередной сессии Всемирной торговой организации (ВТО). За этим последовали массовые антиглобалистские акции в Вашингтоне, Праге, Ницце (2000), Давосе (2000, 2001), Генуе (2001) и т. д., где очередные съезды «дирижеров» глобального мира вызвали массовые беспорядки.

В Сиэтле антиглобализм ограничивался «шумом» против международных организаций (ВТО, ВБ, МВФ) и ТНК. Защищались же вполне «земные» интересы сельхозпроизводителей, поскольку главным вопросом повестки дня сессии ВТО, включенным по инициативе стран третьего мира, была отмена разных форм дотаций для

производителей продовольствия в США и других развитых странах. Фактически ставился вопрос о новых подходах к мировой торговле продукцией сельского хозяйства, применении принципов ВТО к ценообразованию на продовольственные товары, и в первую очередь — к либерализации рынков зерна (40% пищевых калорий человечество получает от зерновых культур).

По данным ОЭСР, в среднем за год американский фермер получает от правительства 20 800 долл., а европейский — 16 тыс. От стоимости производимой ими продукции субсидии составляют: в США — 20–28% (на сумму 50 млрд долл., причем $\frac{2}{3}$ субсидий достаются 10% фермеров — самым крупным хозяйствам), в ЕС — 40–46% (на сумму 200 млрд долл.). Вот эти права на дотации и отстаивали «дети фермеров». Защитники потребителей протестовали против угрозы повышения цен на продукты питания у себя дома. И все вместе встали на защиту сельхозработников, которым грозила потеря работы в связи с уменьшением производства продовольствия. Аграрный сектор США, в котором занято 24 млн человек, дает 1,3 трлн долл. в ВВП, а экспорт сельхозпродукции достигает 60 млрд долл. в год. Критике подвергалась неолиберальная глобализация, становление глобальных финансовых рынков и все, что связано с ТНК, но, как ни странно, не затрагивались вопросы мирового производства и распределения продовольствия. Хотя в мире сейчас порядка 800 млн голодающих и их число постоянно увеличивается, производство продовольствия ограничивается не объективными причинами (недостатком пахотных земель, воды и т. п.), а аномально низкими мировыми ценами. Борьба за допуск через ВТО на монополизированные рынки зерна свободных экспортеров продолжается до сих пор (под обязательный аккомпанемент выступлений антиглобалистов — Лондон, Берлин, Прага и т. д.).

С течением времени антиглобалистское движение стало более массовым и значительно «покраснело». Например, в Праге тон задавали британские троцкисты, а отряды уличных бойцов в основном состояли из итальянских анархистов. Политические требования выдвигаются, но в основном все ограничивается критикой мировых экономических порядков, особенно глобальных рынков.

Против ряда последствий глобализации выступают и профсоюзы (занятость, инвестиции и др.). Однако оппозиция неолиберальной модели глобализации не имеет единой политической и идеологической платформы. Традиционные левые политические идеологии и движения оказались в глубоком кризисе. Так, международное коммунисти-

ческое движение фактически перестало существовать, хотя коммунисты стоят у власти в некоторых странах (Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея). Многие партии и группировки, сохранившие приверженность ортодоксальной коммунистической идеологии, крайне негативно относятся к глобализации, хотя К. Маркс связывал с аналогичным процессом в XIX в. надежды на осуществление своих концепций.

Международное социал-демократическое движение пытается выработать свои собственные подходы к глобализации, обосновать возможность ее альтернативного, «гуманистического» варианта. Об этом говорилось на Парижском конгрессе Социалистического Интернационала в 1999 г. Однако на национальном уровне социал-демократы, находясь у власти, не способны реализовать свою традиционную социально-экономическую программу и вынуждены проводить такую же неолиберальную политику, как консерваторы и либералы.

Вместе с тем, по мнению ряда левых исследователей и самих антиглобалистов, именно сегодня появились реальные предпосылки для формирования международного глобального общества не на словах, а на деле. Новые средства коммуникации и информационные технологии позволяют неправительственным организациям и движениям, отдельным индивидам более тесно взаимодействовать, вырабатывать общие позиции и в конечном счете оказывать воздействие на экономические и политические процессы.

Как это ни парадоксально, но у непримиримых противников — антиглобалистов-радикалов и глобалистов-неолибералов — есть наряду с различиями и немало общего. И неолибералы, и радикалы выступают за ослабление государства с той лишь разницей, что неолибералы видят этот процесс как демонтаж государственной структуры и дерегулирование посредством рынка, а радикалы предпочитают говорить о самоуправляющихся предприятиях, независимом труде и общине наряду с институтами демократического правления. Неолибералы возлагают надежды на эффективное политическое руководство (в ущерб бюрократии) и институты для поддержания мировой свободной торговли, а радикалы рассчитывают на социальные движения, неправительственные организации (НПО) и социальные изменения «снизу», т. е. на гражданское общество. При всех различиях и те и другие прогнозируют ослабление государственных структур, хотя либералы скорее приветствуют его, а радикалы вынуждены считаться с ним как с неизбежностью.

Движение антиглобалистов в последние годы привлекло к себе пристальное внимание всего международного сообщества, стало заметным фактором мировой политики. Единого, управляемого из общего центра и преследующего одни и те же цели всемирного антиглобалистского движения в настоящее время не существует. В международном сообществе действует ряд независимых общественных организаций, созданных для противостояния негативным тенденциям и последствиям процесса глобализации.

§ 5. Этнополитические процессы в современном мире

В ответ на ослабление национального государства под напором процессов глобализации возникает «локальный» национализм и происходит «этническое возрождение», в том числе и в промышленно развитых странах.

«Важной составляющей большинства ситуаций этнического антагонизма являются групповые барьеры и привилегированный доступ к ресурсам», — отмечает Э. Гидденс [15]. В результате массовой послевоенной эмиграции, прежде всего из стран третьего мира, в Соединенных Штатах и Западной Европе все в большей степени формируются полиэтнические и мультикультурные общества. По данным ООН, в 1998 г. за пределами родных стран проживало 125 млн человек. При этом численность нелегальных иммигрантов оценивается в 30 млн человек [16].

США возникли как нация эмигрантов и всегда черпали жизненные силы в активной иммиграции, однако если в 1910 г. среди стран, «поставлявших» наибольшее количество переселенцев, неевропейскими были всего две, то к 1990 г. все десять относятся к Восточной Азии и Карибскому бассейну (Мексика, Филиппины, Южная Корея, Куба, Индия, Китай, Доминиканская Республика, Вьетнам, Ямайка, Гаити), т. е. к регионам, где ценностные ориентации существенно отличаются от североамериканских. Показательна и динамика роста иммиграции из этих регионов. Только за 1940–1980-е гг. число иммигрантов из Латинской Америки возросло в 27,1 раза, а из Азии — в 88 раз (!). «В самые ближайшие годы каждый четвертый американец будет принадлежать к этническому меньшинству», — констатируют М. Бернал и Г. Найт [17]. Общий образовательный и культурный уровень иммигрантов крайне низок: в 1995 г., когда 12% коренного населения США не имели полного школьного образования, доля та-

ковых среди легальных иммигрантов превышала 40%; средний же уровень их образования был в 4 раза ниже, чем у среднего американца. Неудивительно, что уделом иммигрантов оказывается работа в низкооплачиваемых секторах хозяйства и обособление от коренного населения. Как результат возникают новые культурные барьеры внутри страны. Новые иммигранты образуют диаспоры и локальные сообщества, живущие по «своим законам» и лишь формально принимающие законы своей новой родины. Концепция «плавильного тигля» оказалась неадекватной для описания всей сложности этнических процессов в американском обществе. Расхожая шутка этнологов суммирует реальные результаты плюралистической интеграции, к которой было вынуждено обратиться американское общество: «Мы (Соединенные Штаты) думали, что варим суп, а получили салат».

Несмотря на то что страны ЕС расположены в относительной близости от явно перенаселенных и политически нестабильных регионов, таких как Северная Африка и Ближний Восток, а разрыв в доходах населения стран Европы и соседствующих с ними Марокко, Туниса или Турции гораздо масштабней разрыва между США и Мексикой, проблема формирования многонациональных сообществ стоит в ЕС не так остро, как в США. Хотя общая численность иммигрантов, прибывших в 15 стран ЕС, Норвегию, Исландию, Лихтенштейн и Швейцарию, почти удвоилось за 10 лет (с 1985 по 1995 г. — с 7,8 до 14,7 млн человек), доля в общем населении остается не слишком высокой — около 3,8%, существенно варьируя в зависимости от той или иной страны: от 1,8% в Испании и Португалии и 2,1% в Италии до 8,9% в Германии и 9,1% в Австрии.

Особо следует отметить, что европейская иммиграция конца XX — начала XXI в. четко разделяется на две части: 1) реиммиграцию; 2) приток населения из близких к Европе малоразвитых стран. Среди десяти национальных групп, поставивших наибольшее число иммигрантов в страны ЕС, в 1996 г. не европейскими по своему происхождению были лишь турки; первые три строчки в этом списке занимали репатририрующиеся немцы, лица британского происхождения и выходцы из стран бывшего Советского Союза.

В западноевропейских странах также формируются все более крупные меньшинства, зачастую создающие в крупных городах свои анклавные поселения, в которых они стремятся сохранить свою этнокультурную идентичность, основанную чаще всего на исламе. «Будучи не в состоянии адаптироваться и преуспеть в чуждой для них среде, переселенцы с периферии быстро образуют замкнутые сообщества, где

воспроизводят традиционные отношения. При этом они обычно принимают западное подданство и продолжают преобразовывать социальную среду западных стран, не разделяя, а иногда даже не понимая принципов гражданского общества» [18]. На этой основе в странах Запада формируется неинтегрированный в социальную систему новый низший класс, своего рода «новые изгои». Поэтому неравенство по-прежнему нарастает, а следовательно, усиливается иерархичность социальных групп, что служит питательной средой для различных социальных движений, в том числе под знаменами культурного и этнического фундаментализма.

В 1990-е гг. в контексте воздействия мощных глобальных сил, которые в постоянно растущих масштабах перемещают финансы, технологии, капитал, рабочую силу через национальные границы, крупные города мира становятся главной ареной социальных изменений, а следствие этого — обострение многих проблем современности. Именно сюда направляются потоки новых мигрантов; по прогнозам, в них уже к 2007 г. будет жить большая часть населения планеты.

С 1950 г. численность людей в мире возрастала на 1 млрд каждые 12–14 лет. И если не произойдет каких-либо катаклизмов, процесс этот будет продолжаться по меньшей мере до 2025 г. Более того, есть два тревожных обстоятельства. Во-первых, более 97% роста населения приходится на слои с самыми низкими доходами и уровнем благосостояния, и, во-вторых, это население все больше концентрируется в городах. Если в 1950 г. $\frac{2}{3}$ населения мира составляли сельские жители, то к 2025 г., по прогнозам, $\frac{2}{3}$ населения мира станут горожанами.

Наиболее быстрым и радикальным изменениям чаще всего подвергаются самые крупные и развитые города стран Запада. В последние годы исследователи отмечают в современных мегаполисах повышение степени социального неравенства, обострение культурных и этнических конфликтов, усиление политической нестабильности. Для того чтобы эту угрозу предотвратить, необходимо повернуть вспять процесс обнищания массовых слоев населения. Однако, чтобы достигнуть всеобъемлющего улучшения, валовой экономической продукт должен вырасти примерно в 5 раз за 50 лет. Валовое производство энергии необходимо увеличить примерно в 3 раза, а производство продуктов удвоить. Чтобы избежать потенциально катастрофических последствий для глобального климата (т. е. не увеличивать выброс углекислоты в атмосферу), нужно перевести энергетику с преобладающего использования ископаемого топлива (ныне более 70%), на не-

ископаемое (довести до тех же 70%). Но сегодня нет каких-либо институциональных структур и мотивов, способных организовать этот переход [19].

По мнению некоторых исследователей, накопление и обострение социальных противоречий в постиндустриальных странах может привести к возникновению конфликтов, которые будут иметь куда большее значение для судеб человечества, чем развитие событий на мировой периферии. Крупные города являются тем местом, где большое число людей живет в тесном контакте друг с другом, в тесной взаимосвязи и где возникает большинство социальных проблем. В течение всей истории горожане, имевшие самое разное происхождение, учились жить вместе или, во всяком случае, сосуществовать в рамках общей экономической и институциональной системы. Разным группам это удавалось с разной степенью успеха. Пространственная концентрация была источником как социальных стрессов, так и социальных инноваций, т. е. одновременно и силой, и слабостью города.

В развитых странах мегаполисы оказались сегодня перед лицом серьезных изменений в социальной, этнической и демографической структуре, а также в самом стиле жизни в связи с большим притоком иммигрантов из бедных стран, не адаптированных к новой социальной и культурной реальности.

Сумеет ли западная цивилизация культурно ассимилировать десятки миллионов представителей других цивилизаций и рас, не прибегая к насилию и соблюдая права человека? Приведет ли это к взаимообогащению культур, творческому переосмыслению и усложнению «проекта» нации или породит новые конфликты?

Глобальные процессы и вызовы, ими порождаемые, неизбежно вызывают массовую реакцию отторжения. В XX в., с середины 20-х и до середины 70-х гг., т. е. 50 лет, имущественное неравенство в промышленно развитых странах уменьшалось. Начиная с середины 1970-х гг. оно столь же устойчиво растет. Так, в США в 90-е гг. XX в., несмотря на экономический рост, разрыв в доходах между имеющими высшее образование и не имеющими его увеличился, по ряду оценок, на 25–30%. Восемьдесят процентов наемной рабочей силы переживает снижение реальной заработной платы, как это происходит в Соединенных Штатах. «Средний трудящийся не видит положительного итога игры, — отмечает известный американский экономист Л. Туроу, — он видит игру с отрицательным итогом, в которой больше проигравших, чем выигравших. Вокруг него не хватает хороших рабочих мест, и ему приходится бороться с другими за свое экономическое выжива-

ние. Поскольку ему нужны союзники в этой борьбе и враги, у которых можно отнять хорошие рабочие места, неудивительно, что средний трудящийся в нашу эпоху... сочувствует этническому сепаратизму» [20] и ксенофобии. Они находят подтверждение своих страхов и фобий в выступлениях политиков, которые говорят: «Во всех экономических трудностях виноваты не вы, а “чужие”: иностранные рабочие, люди с другим языком, другой этнической или расовой принадлежностью... Стоит только с ними справиться — и все каким-то магическим образом изменится к лучшему».

В результате США ужесточает иммиграционную политику и правила временного пребывания на своей территории (особенно после 11 сентября 2001 г.). Для стран Европейского союза характерным стало акцентирование внимания на проблеме иностранцев, ограничение прав иммигрантов, выдвигание на первый план лозунгов защиты национальной идентичности и даже применение насилия по отношению к этнически и расово чуждым группам. Идея открытости в Западной Европе отступает под натиском стремления сохранить «свою» зону процветания для «своих», создать своего рода эксклюзивную европейскую демократию, что приводит на практике к сочетанию межнациональной толерантности внутри ЕС с отношением к иммигрантам как к чуждым элементам. С начала 1990-х гг. стали ужесточаться правила иммиграции и в страны Европейского союза. В результате иммиграция из-за пределов ЕС с 1991 по 1995 г. сократилась более чем на треть, число удовлетворяемых заявлений на жительство во Франции упало в 3, в Австрии — в 5, в Германии — в 7,5 раза. Тем не менее негативное отношение к иммигрантам разделяют от 27,3% французов, до 39,6% немцев и 41% бельгийцев [21], что заставляет правительства стран ЕС быть осторожными в вопросах либерализации иммиграционной политики и приносит новые дивиденды европейским крайне правым.

В странах Западной Европы сегодня в невиданных прежде масштабах проявились центробежные тенденции. Если ранее они наблюдались в Испании (Страна басков, Каталония), Италии (проблемы Южного Тироля, Севера и Юга страны), Бельгии (валлоны и фламандцы), Великобритании (Северная Ирландия), Франции (Корсика), то теперь к ним прибавились набирающее силу движение за независимость Шотландии, возрастающее соперничество между южными землями во главе с Баварией, которая не забывает о своем статусе Свободного государства Баварии, и федеральным центром, обвиняемым в превышении его полномочий. Есть некоторые признаки разруше-

ния национального консенсуса в мультилингвистической Швейцарии, появились влиятельные праворадикальные партии в благополучных Голландии (партия П. Фортейна), Дании (Партия прогресса, Датская народная партия), Норвегии (Партия прогресса) и других странах. Европейская интеграция, как это ни парадоксально, одновременно «является надеждой политических руководителей “внутренних наций”: Шотландии, испанской Страны Басков, Каталонии, Галисии, Фландрии и др., видящих в европейской схеме рычаг, с помощью которого можно заставить считаться сначала с их стремлением к более широкому суверенитету, а затем — с самыми радикальными чаяниями прийти к формальной независимости, признанной Союзом» [22].

В то же время глобализация в Европе как процесс над- или внесоциальной интеграции, с одной стороны, снижает значимость географических факторов, но с другой — для периферийных по отношению к центрам интеграции регионов и стран подчеркивает значимость границ и национальных/территориальных сообществ, о чем, в частности, свидетельствует актуализация проблемы границ Европы.

Совсем не случайны также электоральные и политические достижения праворадикального Национального фронта Жана-Мари Ле Пэна во Франции и правопопулистской Австрийской партии свободы Йорга Хайдера в Австрии, Национал-демократической партии в восточных землях ФРГ, устойчивый рост популярности сепаратистских партий в Квебеке, Шотландии, Фландрии, «Лиги севера» в Италии. Помимо традиционных обвинений в адрес иностранцев их политическая пропаганда направлена также против неэффективного центрального правительства, «брюссельской бюрократии», и в качестве панацеи содержит требования политического обособления «своих» регионов от бедных, которые, по их мнению, живут за чужой счет.

Примечания

1. *Куклина И.* Права человека: политическое и гуманитарное измерение // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 11. С. 29.
2. Цит. по: *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 377.
3. *Литовина О. Л., Межевич Н. М.* Глобализм и регионализм — тенденции мирового развития и фактор социально-экономического развития России. СПб., 2002. С. 9

4. Цит. по: *Мацонашвили Т. Н.* Синдром «усталости демократии»? О кризисных явлениях в европейских демократиях на исходе XX века // *Европа на пороге XXI века: ренессанс или упадок?* М., 1998. С. 99.
5. Цит. по: *Waters M.* Globalization. London, 1995. P. 96.
6. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. P. 19, 23.
7. *Sassen S.* Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalisation. N. Y., 1995. P. 31–59.
8. *Кауфман Ф.-Х.* Глобализация и общество // *Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий, П. В. Малиновский.* М., 2002. Ч. I. С. 111.
9. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 99.
10. Цит. по: *Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира / Ред.-сост. А. И. Неклесса и др.* М., 2002. С. 9.
11. *Waters M.* Globalization. London, 1995. P. 3.
12. *Bauman Z.* In search of politics. Stanford, 1999. P. 109–113.
13. Труд в Германии станет еще дороже // *Ведомости.* 2002. № 78 (14 февраля).
14. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализации: Атака на процветание и демократизацию. М., 2001. С. 29.
15. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 264.
16. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002. С. 318.
17. Ethnic identity: Fomation a. transmission among Hispanies a other minorities / Eds. M. E. Bernal, G. P. Knight. Albany, 1993. P. 1.
18. *Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С.* Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // *Полис.* 2001. № 6. С. 137.
19. См.: *Стайнбрунер Дж.* Глобализация и преобразования в области международной безопасности // *США – Канада: Экономика. Политика. Культура.* М., 2002. № 8. С. 72–73.
20. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. С. 283.
21. *Иноземцев В.* Возвращение Европы. В авангарде прогресса: социальная политика в ЕС (Статья вторая) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 2. С. 12.

22. *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры / Пер. с фр. М., 1999. С. 83.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы основные подходы к интерпретации процессов глобализации в научной литературе?
2. Каково воздействие глобализации на экономические процессы в мире?
3. Как влияет глобализация на изменение системы международных отношений?
4. «Культурная глобализация»: в чем суть данного феномена?
5. Перечислите противоречия процессов глобализации.
6. Как меняется роль национального государства в условиях глобализации?
7. В чем специфика процессов глобализации в индустриально развитых странах «золотого миллиарда»?
8. Дайте краткую характеристику антиглобалистского движения.
9. Как можно оценить политические взгляды глобалистов и антиглобалистов?

Литература

- Актуальные вопросы глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 4, 5.
- Ачкасов В. А.* Этнополитология: Учебник. СПб., 2005.
- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
- Бек У.* Политическая динамика в глобальном обществе риска // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 5.
- Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.
- Володин А. Г., Широков К. Г.* Глобализация, истоки, тенденции, перспективы // *Политические исследования.* 1999. № 5.
- Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А. В. Торкунов.* М., 2002.
- Клепацкий Л.* Глобализация и национальные интересы // *Международная жизнь.* 2000. № 1.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова.* М., 1998.
- Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона.* Пер. с англ. М., 2004.
- Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.

Глава X

СТРАНЫ И РЕГИОНЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

---

§ 1. Третий мир в условиях глобализации

Глобализация оказывает неравномерное воздействие на страны и регионы мира. Выгоды от нее получают преимущественно развитые страны, относящиеся к так называемому золотому миллиарду. В середине 1990-х гг. в них проживало 20% населения Земли, на долю которого приходилось в 61 раз больше богатств, чем на долю беднейших 20% населения планеты (82,7 к 1,4%). Поэтому наряду с протестом против глобализации в постиндустриальных государствах Запада накапливается еще более мощный потенциал протеста в странах, не попавших в «золотой миллиард».

Современная глобальная капиталистическая мир-система, согласно концепции И. Валлерстайна, включает три типа государств: развитые государства «ядра», наименее развитые государства «периферии» и занимающие промежуточное положение «полупериферийные» государства, к числу которых относится и современная Россия (см. главу VI).

Периферийные государства являются объектами или даже «жертвами», а не субъектами глобализации, поэтому наиболее точно их взаимодействие отражает формула «асимметричной взаимозависимости», т. е. одновременно проявляются две разнонаправленные тенденции: 1) снижение зависимости Запада от периферии; 2) накопление и обострение экономических и социальных проблем на периферии и полупериферии, для разрешения которых у стран этой части мира нет ресурсов.

Взаимообусловленные процессы глобализации и регионализации приводят прежде всего к дальнейшему обострению противоречий по оси Север—Юг. Складывающаяся система мировой экономики приводит к одностороннему обогащению государств, транснациональных корпорации и других игроков, представляющих благополучные регионы Европы и Северной Америки, в то время как «южная периферия» — страны и народы бывшего третьего мира — все более отстает от их уровня развития, превращаясь в заложницу глобальной системы. Не везде это вызывает лишь молчаливый протест. Собст-

венно, в этом и заключается одна из основных причин многих социально-экономических и политических потрясений в мире, в том числе и международного терроризма (см. главу XI).

Большинство террористических движений имеют либо антиглобалистскую, либо в целом антизападную направленность, тем самым четко позиционируют себя в мировом политико-идеологическом пространстве. В эпоху глобализации цели терроризма также глобальны: противостояние западной цивилизации или ее сегменту (например, федерализации Европейского союза) позволяет широко использовать антизападные идеологические штампы для более эффективного привлечения сторонников. Пропаганда радикальных взглядов и терроризма как метода политической борьбы широко использует возможности глобального охвата и «эффекта присутствия», предоставляемые современными СМИ. При этом срабатывает эффект постоянного психологического давления, а также наглядно проявляется своеобразный апокалиптический символизм террора эпохи глобализации: «Либо мир станет таким, каким его сделаем мы, либо он перестанет существовать!»

События 11 сентября 2001 г. в США поставили проблему глобализации в новом, во многом неожиданном и мало исследованном ракурсе — использования продуктов глобализации фрустрированным человеком традиционного общества против глобализации и ее мировых центров. В США задолго до этих событий исследователи предупреждали, что «глобализация может сверхвооружить отдельных людей, создавая тем самым непосредственную угрозу Соединенным Штатам в XXI в. со стороны супероснащенного озлобленного человека, который ненавидит Америку более чем когда либо из-за глобализации... Он может атаковать даже сверхдержаву» [1].

В мире появилась еще одна линия конфронтации, которая приобретает глобальные масштабы: государства — члены мирового сообщества против глобальных террористических сетей. Положение осложняется тем, что международные террористические структуры оказываются тесно связанными с политическими радикалами в отдельных странах и с мировыми преступными объединениями, которые, в свою очередь, процветают на почве массовой бедности и отчуждения.

Ярко выражен транснациональный характер современного терроризма. Эта его черта является прямой производной глобализации как таковой. Не только терроризм, но и социальные конфликты, финансовые и торговые отношения, культурные и образовательные контакты все чаще пересекают государственные границы без контроля,

а порой и без ведома правительств этих государств. Этот процесс не во всех регионах протекает одинаково стихийно, но все же примеры таких «черных дыр» на политической карте мира, как Чечня с 1991 г. и Афганистан до 2002 г., свидетельствуют о том, что концентрация и активность террористических организаций сильнее там, где отсутствует эффективная государственность.

С точки зрения Валлерстайна, преодоление этих противоречий в рамках капиталистической мир-экономики невозможно без ее разрушения. Преобладание свободного рынка квалифицированного труда в центре и несвободного рынка менее квалифицированного труда на периферии — это фундаментальная характеристика капиталистической мир-экономики, поскольку неравенство и неравномерность развития входящих в нее элементов являются важнейшим условием ее функционирования и основой для системной интеграции. Возникают и новые труднопреодолимые противоречия. Так, постиндустриальный мир, использующий новейшие информационные технологии, не нуждается в больших объемах рабочей силы. В то же время полупериферийные страны располагают ею в избытке. Отсюда вытекает острое противоречие между двумя целями — вхождения в постиндустриальный мир и обеспечения занятости населения.

Наложение и взаимоусиление проблем и противоречий, порожденных эффектом одновременности процессов модернизации, нациестроительства и глобализации, превращают большинство стран периферии и полупериферии мира, живущих в иных «часовых поясах», чем ядерные страны промышленно развитого Запада, в экономических и политических аутсайдеров. Осуществление цели «догоняющей» модернизации — «догнать и перегнать Запад», — не только проблематично, но и порождает когнитивный диссонанс и массовую фрустрацию, преодолеть которые проще всего с помощью формирования образа врага в национальной, цивилизационной и/или конфессиональной «упаковке», поскольку социальные общности держатся вместе при наличии внешних угроз и/или консолидирующей идеологии. Причин такой проблематичности несколько: под прессингом глобальной экономической рационализации растет неэффективность государства; усиливается всеобщая финансовая зависимость; резко сокращаются ресурсы для осуществления государственной социальной и экономической политики, препятствующей прогрессирующему социальному расслоению; усиливается воздействие навязываемых СМИ западных потребительских стандартов, недостижимых для населения большинства стран, но вызывающих «революцию растущих ожида-

ний», и др. Поэтому истинная опасность для мира не исходит сегодня исключительно от исламского фундаментализма, но и от догматических и экстремистских попыток использовать религию (какой бы она ни была) или этническую принадлежность для оправдания собственной исключительности и применения насилия в отношении других. При этом линии этнических и религиозных разломов в отличие от экономических до поры бывают незаметны.

Важным фактором возрождения этнического национализма стало также окончание холодной войны. Сегодня уже очевидно, что геополитическое противостояние двух сверхдержав — США и СССР — определяло содержание многих конфликтов в странах третьего мира. С устранением этого глобального внешнеполитического фактора на первый план вышла этническая составляющая конфликтов в государствах мировой периферии.

Известный политолог Д. Снайдер обращает внимание на еще одну зависимость: практически всегда рост массового национализма бывает обусловлен ростом демократии и расширением свободы слова и прессы. Незрелость и неэффективность институтов демократии, неизбежные на начальном этапе транзита, создают благоприятные предпосылки для подъема национализма [2]. Периоды радикальных перемен — это периоды всеобщей неуверенности. И потому люди, проигрывающие от перемен, испытывающие страх перед новым незнакомым и глобализирующимся миром, обращаются к «заветным» фундаментальным ценностям — этническим и религиозным.

Свой способ спасения предлагает и национализм, поскольку берет ся компенсировать издержки «процесса освобождения», порожденно го модернизацией и глобализацией. При этом ни один из порожденных национализмами конфликтов не был, по мнению Д. Снайдера, логическим следствием длительной культурной вражды или военной необходимости. Они возникали как результат использования националистических лозунгов политическими элитами, для того чтобы получить массовую поддержку на начальном этапе демократизации, когда институты, регулирующие политическое участие, находились еще в зачаточном состоянии. По мнению Д. Снайдера, вероятность возникновения националистических конфликтов в результате демократизации особенно велика в тех случаях, когда элиты воспринимают быстрые политические перемены как угрозу собственному положению, когда расширение политического участия масс предшествует созданию институциональных структур гражданского общества и когда массовая политическая мобилизация осуществляется на основе

дискриминации по этническим признакам [3]. В свою очередь, к факторам, которые препятствуют возникновению этнических конфликтов, он относит политику элит, направленную на создание и укрепление либеральных институтов, а также формирование «гражданского национализма». Причем второй фактор способствует успеху демократических трансформаций даже при слабых либеральных институтах. Символичен практический вывод Снайдера: вместо того чтобы неосмотрительно подталкивать «сомнительные страны» к скорейшему внедрению атрибутов «электоральной демократии» и «свободы прессы», международному сообществу следует проводить более осторожную и опосредованную политику, преследуя прежде всего долгосрочные цели — создание социально-экономических условий либерализации и институциональных предпосылок гражданской демократии, что отодвигает мечту о глобальной демократизации и «конце истории» в неопределенно далекое завтра [4].

Антизападный мятеж в третьем мире все чаще направляется также против секулярного национального государства, которое в конце концов осталось чуждым институтом для большинства незападных культур.

«Многие государства, возникшие в результате освобождения от колониальной зависимости, являются, по сути, псевдогосударствами, у которых отсутствуют устоявшиеся институциональные структуры, внутреннее единство и, наконец, национальное самосознание» [5]. В Азии и Африке за «фасадом» заимствованных и слабых политических институтов и национальных символов зачастую скрывается традиционный мир племен и народностей, который не смогло трансформировать квазинациональное государство. Лидеры таких стран действуют (или имитируют действия) в соответствии с западными принципами только в отношениях с западными же государствами, от которых ждут экономической или военной помощи, а при решении внутренних проблем опираются на традиционные стандарты поведения и стереотипы.

В период национально-освободительной борьбы страны третьего мира ставили своей целью получение статуса национальных государств и принятие их в международное сообщество в качестве суверенных и полноправных членов. В начале III тысячелетия появились сомнения относительно того, будет ли существовать и в наступившем столетии международный порядок, созданный по западным стандартам. Страны Юга, не выдерживающие прессинга нового глобального экономического порядка, деградируют, коррумпируются и разрушаются, фак-

тически оказываясь во власти кланово-мафиозных и этноцентричных сил, по-своему включающих деградирующий низкоэффективный потенциал этих стран в мировой хозяйственный оборот. Для такого рода стран вполне реальна опасность полностью утратить социальную и мобилизационную функции, контроль над происходящим на их территории.

Некоторые современные исламские авторы, приверженцы идеологии панарабизма, представляющие группу ближневосточных стран, добывающих сырьевые ресурсы, также не принимают существующий миропорядок, который возник, по их мнению, в результате западной колонизации. Их негодование подпитывается несправедливым характером экономической глобализации и навязыванием западных культурных стандартов, в чем они видят угрозу для ислама и мусульманской культуры. «С точки зрения нынешних исламистов или фундаменталистов, неудачи и недостатки современных исламских стран вызваны тем, что последние переняли чуждые понятия и обычаи. Они отделились от истинного ислама и таким образом утратили свое былое величие» [6]. Поэтому они отрицают секулярное национальное государство и требуют вернуться к идее халифата — «исламского идеального государства». Отсюда рост политического влияния исламского фундаментализма, который тотально отвергает западную модель политического развития.

Государства Азии и Африки, прежде всего мусульманские, переживают сегодня процесс этнизации. «На Западе, — отмечал видный социолог Э. Геллнер, — национализм возникает в результате того, что высокая культура — культура грамотного меньшинства — распространяется до границ всего общества и становится отличительным признаком принадлежности к нему каждого члена. То же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение скорее в фундаментализме, чем в национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия. Для масс высокая форма ислама служила сертификатом, подтверждающим их новый статус, пропуском в число горожан. Она также определяла их в отличие от пришельцев, с которыми пришлось столкнуться в ходе колониальных конфликтов (новые колониальные нации складывались зачастую просто из всех мусульман, проживающих на произвольно выделенной территории, и не имели до этого никакой коллективной идентичности)» [7].

Именно этническая и конфессиональная солидарность приходит в мире ислама на смену национально-государственной идентичности, заимствованной у бывших стран-метрополий. Глобализация

в формах, навязываемых Западом, воспринимается в этих регионах мира как угроза дальнейшему существованию, ее пытаются преодолеть посредством призыва к возвращению к традиционным формам общности — религиозной и этнической. Тем самым, с одной стороны, обостряются этнические различия между локальными культурами, а с другой — обостряется цивилизационный конфликт между исламскими странами и Западом. Примеры Сомали, Ирака, Ирана, Судана и Афганистана наглядно доказывают правоту данного утверждения. При этом агрессивная энергия этнополитической и фундаменталистской мобилизации может быть направлена против:

- ◆ поддающихся идентификации меньшинств, проживающих среди большинства;
- ◆ соседних этнотерриториальных образований с целью пересмотра границ;
- ◆ имперского центра или главенствующей национальной группы;
- ◆ соседних народа/страны, принадлежащих к другой цивилизации/конфессии;
- ◆ персонификации «зла глобализации» Соединенных Штатов Америки и Запада в целом.

§ 2. Глобализация и проблемы современной России

Наиболее глубокий кризис, непосредственно связанный с глобализацией, возник не на периферии, а на полупериферии, которую представляют сегодня и страны постсоветского пространства. Россия явно не вписалась в новые общемировые процессы, обесценившие большинство прежних достижений, которые были предметом гордости советского народа. Результатом стал затяжной и труднопреодолимый социальный и цивилизационный кризис, на определенном этапе поставивший под сомнение само существование России.

Наша страна вынуждена одновременно решать задачи вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня. Процессы глобализации накладываются на процессы государственного и национального строительства, попадая «в резонанс», что приводит к взаимоусилению противоречий и кризисов, неизбежно их сопровождающих. Об этом свидетельствуют острые этнополитические конфликты, неудачи в экономических и политических преобразованиях, отчуждение общества от государства, одновременная актуализация проблемы «национального самоопределения» и сохранения государственной целостности, болезненное

внимание к проблемам национальной идентичности и государственного суверенитета и др.

Кроме внутренних институционально-структурных преобразований, связанных с изменением базовых институтов в экономике, политике, социальной сфере и культуре, российская политическая элита должна искать адекватные ответы на вопросы, связанные с включением России в глобальные процессы. Наряду с большей открытостью страны и вхождением ее в различные международные политические и экономические организации разного уровня, причем зачастую на правах младшего партнера, многие сферы жизни оказываются втянутыми в малоконтролируемые, а по некоторым параметрам и совсем неконтролируемые российскими правительственными и неправительственными структурами процессы.

Роль элиты как институализирующего, стабилизирующего и интегрирующего фактора в этой ситуации чрезвычайно противоречива. С одной стороны, перед ней по-прежнему стоит задача построения российского национального государства — сильного и независимого, с другой — включение в процессы глобализации, вступление в наднациональные международные организации, действие которых неизбежно распространяется и на территорию России, ограничивая ее национальный суверенитет. С одной стороны, необходимо создать эффективную национальную рыночную экономику, с другой — «открыть» ее и включить в глобальный рынок, в рамках которого доминируют другие экономические акторы. С одной стороны, нужно сохранить территориальную целостность страны, с другой — этому противостоит фрагментация российского пространства, дробление его на совокупность «островов модернизации» и деградирующую периферию, что происходит в том числе и под воздействием процесса глобализации. С одной стороны, имеет место ориентация на создание институтов современной западной либеральной демократии, с другой — наблюдается «сопротивление материала», бюрократическое выхолащивание демократических процедур при молчаливом согласии общества. С одной стороны, звучат декларации о необходимости «задействовать в управлении страной основные интеллектуальные силы общества» для вхождения России в новое «информационное общество», с другой — обнаруживается неспособность государственного руководства, политической, экономической и интеллектуальной элиты страны дать адекватные ответы на вызовы постиндустриального глобализирующегося мира.

Пока же для России характерны все основные признаки зависимого экономического развития: преобладание в экспорте сырья, внешний государственный долг, растущее иностранное владение промышленностью и застой в сельском хозяйстве. На добыче и разведке полезных ископаемых в России занято около 2 млн человек, производится же не менее 25% ВВП, обеспечивается около 50% валютной выручки от внешней торговли. Население России — 3% от мирового населения; она занимает 12,5% территории суши в мире, имеет 22% мировых лесных ресурсов, 20% мировых ресурсов пресной воды, 30% площади мировых шельфов, однако это богатство используется очень нерационально. Доля России в мировой экономике за последние 30–40 лет сократилась с 6–7 до 2% [8].

Причины усиливающейся интеллектуальной маргинализации России в ситуации динамичного повышения спроса на знания и научно-творческие кадры связаны не с научно-промышленной отсталостью страны, а с неготовностью политических элит, крупных компаний и органов государственного управления к рациональному взаимодействию с субъектами интеллектуальной экономики и эффективному применению импортируемых информационных технологий, с запаздыванием в осуществлении «революции управления» на всех уровнях. По данным, подготовленным к Международному экономическому форуму в Давосе, из общего числа 59 стран, взятых для международных сопоставлений, Россия в целом по уровню глобальной конкурентоспособности занимает последнее место. По отдельным блокам ситуация складывается следующим образом: по блокам «Государство» и «Институты» Россия в 1999 г. заняла 59-е место, по «Технологии» — 55-е, по «Труду» — 25-е место. В 2000 г. по общей конкурентоспособности на глобальном уровне Россия продвинулась с 59-го на 55-е место [9]. Пока можно констатировать, что Россия на элитарном уровне явно не готова к превращению из объекта глобализации в ее субъект.

В этой ситуации почти неизбежно возникает искушение самоизоляции, опоры на собственные силы и возвращения к традиционным испытанным имперским структурам и методам властвования. Пока, правда, это происходит преимущественно на символическом уровне. Новая власть монополизировала право на публичную интерпретацию государственной символики, делая при этом упор не на историческом значении этих символов, а на их необходимости для работы по консолидации общества, объединению граждан, принадлежащих к разным поколениям и потому являющихся носителями разного исторического опыта, вокруг сильного государства. Характерно, что

предлагаемая символика «национальной идентичности» отождествляется с символикой «сильного» государства, и в этой последней преобладают позитивные и полезные с точки зрения существующей власти образы имперского, державного прошлого (досоветского и советского). Возрождение имперской идентичности — это еще и попытка остановить/приостановить процессы национального строительства, запущенные в национальных республиках Российской Федерации.

Именно так и выглядит современный российский политический процесс, строящийся исключительно из внутриэлитных и межэлитных взаимодействий при полной отчужденности от политики масс. Консолидация российских элит — центральной и региональных — на базе либерально-консервативных ценностей и федеративного проекта государственного устройства способствовала бы преодолению кризиса российской государственности.

§ 3. Перспективы глобализации

Сегодня капиталистическая мир-экономика достигла в своем развитии той точки, с которой начнется, по мнению Валлерстайна и некоторых других исследователей, неизбежная гибель капитализма как глобальной системы. Большая часть причин связана с издержками «последней стадии» эволюции этой мир-системы, т. е. с глобализацией как процессом всепланетного торжества капитализма. Среди причин, ограничивающих дальнейшие возможности ускоренного накопления капитала, называют такие: необратимое исчерпание ресурсов дешевой рабочей силы (сельского населения); долгосрочная тенденция к росту доли оплаты труда в стоимости продукции, ставшая результатом постепенной демократизации политических режимов, и соответственно увеличение политического влияния представителей наемного труда, — тенденция, ведущая к предельному уменьшению нормы прибыли, что усугубляется обострением экологических проблем и издержек, поскольку в глобальном мире остается все меньше мест, где можно было «бесплатно» сбрасывать токсические отходы капиталистического затратного производства и др.

«Сегодняшняя форма существования капитализма, по иронии предвиденная К. Марксом и Ф. Энгельсом, выдвигает в качестве основной дилеммы противоречие между эффективностью и справедливостью, — отмечает С. Хоффман. — Специализация и интеграция фирм делают возможным увеличение совокупного капитала, но логика чистого капитализма не поощряет социальную справедливость. Эконо-

мическая глобализация, таким образом, стала причиной неравенства между странами и внутри самих стран, а забота о международной конкурентоспособности ограничивает возможности государств и других участников международной политики заниматься этой проблемой» [10]. И если даже не соглашаться с взглядом Валлерстайна на современный этап глобализации как последнюю «летальную» стадию капиталистической мир-системы, то невозможно тем не менее отрицать неизбежность радикальных перемен мирового масштаба в не столь отдаленном будущем. Только вот нет согласия о плане этой глобальной реконструкции. Не случайно Р. Робертсон еще в начале 1990-х гг. отмечал, что мир с 1969 г. вступил в фазу глобальной неопределенности. Отсюда множество предлагаемых в исследовательской литературе сценариев возможного развития мира на ближайшую и отдаленную перспективу. В частности, И. Валлерстайн с позиций мир-системного подхода дал такой прогноз развития капиталистической мир-системы, сформулировав три основных сценария:

- ◆ «неофеодализм» — формирование автаркичных регионов с местными иерархиями; поддержание достаточно высокого уровня технологий для элиты;
- ◆ «демократическая диктатура» — мир делится на две «касты»: 20% богатых с более или менее справедливым распределением благ, а остальных держат под жестким контролем (Валлерстайн считает этот вариант менее вероятным; его аргумент: где взять диктаторов среди демократов?);
- ◆ «децентрализованный и справедливый мир» — установление его связано с появлением децентрализованных механизмов перераспределения накопленных богатств, которые потребуют реально ограничить потребление и расходы (наиболее утопичный вариант, требующий перехода от капиталистической к социалистической мир-системе) [11].

В то же время, согласно представлениям Р. Робертсона, потенциальные последствия глобализации могут быть представлены в виде четырех возможных сценариев развития мира.

- ◆ Первый сценарий предполагает, по словам известного социолога М. Маклюэна, формирование «всемирной деревни», где каждый житель с помощью новейших СМК может стать очевидцем событий мировой важности или происшествий в дальних странах и где существует общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся основополагающих ценностей и идей.

- ◆ Второй сценарий — мондиалистский — предполагает унификацию национальных государств под эгидой некоего «мирового правительствa».
- ◆ Согласно третьему сценарию, в недалеком будущем мир станет представлять собой мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена.
- ◆ Согласно четвертому сценарию, мир может превратиться в мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности или иерархических с одним ведущим сообществом. Этот последний сценарий все больше привлекает внимание исследователей.

На основе существующих разработок и прогнозов ряд авторов выделяют базовые сценарии глобализации, которые на стадии глобальной неопределенности могут реализовываться одновременно в различных зонах планеты.

Глобализация = вестернизация, культурная ассимиляция западной цивилизацией оставшихся немодернизированных территорий и становление глобальной цивилизации с гомогенизированной культурой: ценности либерализма и универсализма доминируют, рамку задают глобальные рынки и глобальные финансово-экономические институты типа ВБ, ВТО, МВФ и т. п., призванные регулировать конкурентные отношения между корпоративными игроками, в число которых попадают и национальные государства, и межгосударственные образования — федерации, конфедерации, и иные региональные союзы.

Фундамент данного неолиберального сценария глобализации изложен Ф. Фукуямой в его концепции «конца истории», означающего общемировую победу либеральных ценностей (см. главу VI). Торжество либеральных и демократических ценностей центральной цивилизации ведет к формированию глобальной цивилизации на основе базовых и универсальных норм Запада с их терпимостью и открытостью к другим «невраждебным» культурам. Сложившийся «треугольник сил» (Северная Америка — Европейское сообщество — Юго-Восточная Азия) должен поддерживать динамическое равновесие в глобальном мире, где главным регулятором выступает глобальный рынок. «Большая восьмерка» наряду с ВТО, ВБ, МВФ, институтами ООН играет роль органа глобального управления. Дальнейшее развитие и практическую реализацию этот сценарий получил в виде доктрины, не-

формально принятой ведущими капиталистическими странами и последовательно проводимой в жизнь ВБ и МВФ. Речь идет о так называемом Вашингтонском консенсусе 1992 г.

Принципы Вашингтонского консенсуса таковы:

- ◆ либерализация торговли;
- ◆ финансовая либерализация;
- ◆ приватизация;
- ◆ дерегулирование;
- ◆ устранение барьеров для прямых иностранных инвестиций;
- ◆ обеспечение прав собственности;
- ◆ унифицированные и конкурентные курсы обмена валют;
- ◆ сокращение государственных расходов (финансовая дисциплина);
- ◆ переключение государственных расходов на первоочередные нужды здравоохранения, образования и развития инфраструктуры;
- ◆ налоговая реформа, направленная на расширение налоговой базы, уменьшение предельных ставок налогообложения и установление менее прогрессивной шкалы налогообложения;
- ◆ «социальные сети безопасности».

Позднее к этим одиннадцати элементам ВБ и МВФ добавили еще один, связанный с регулированием отношений между трудом и капиталом:

- ◆ гибкость рынков труда, предполагающая децентрализацию трудовых отношений на основе сворачивания той нормативно-правовой базы, которая обеспечивает защиту интересов наемных работников и является одной из основ социального государства.

Последовательное проведение соответствующих социально-экономических реформ в странах Латинской Америки и других регионах мира, с одной стороны, привело к тому, что коррумпированные бюрократии стран, получающих финансовую помощь для национального развития, оказались под жестким контролем международных экономических институтов. В результате субъектами национального развития фактически становятся наднациональные органы.

Однако, с другой стороны, вопрос в том, что это за органы и в чьих интересах они действуют? Практика применения неолиберальных принципов дерегулирования национальных экономик в 1980–1990-е гг. наглядно продемонстрировала, что методы структурного регулирования и шоковой терапии не могут защитить от серьезных кризисов — национальных и международных. И если с точки зрения механизмов

функционирования глобальной экономики эти кризисы можно рассматривать как болезненное, но полезное «кровопускание», то для отдельных стран, регионов и социальных групп цена оздоровления оказывается чрезмерной. Поэтому в целом этот сценарий выгоден в основном элитарным группам стран «золотого миллиарда» и ведет к обществу «одной пятой» (см. главу IX).

С середины 1990-х гг., после череды финансово-экономических кризисов и волны массовых протестов в Латинской Америке и Азии, фразеология МВФ и других наднациональных институтов подверглась радикальному пересмотру. На первый план выступили понятия *управляемости, предсказуемости, прозрачности и демократии*. В числе приоритетных задач стали упоминаться охрана окружающей среды, достижение устойчивого развития, снижение уровня социального неравенства. Изменилось отношение к институтам гражданского общества (таким, как НПО) со стороны ВБ и МВФ, которые стали приглашать их представителей на свои ежегодные сессии, создавать специальные смешанные комиссии и форумы. Все это привело к выработке так называемого Поствашингтонского консенсуса, зафиксировавшего, в частности, три новые установки: 1) глобализация — слишком важное дело, чтобы отдавать его целиком на произвол корпораций; в процесс необходимо ввести элемент управляемости (*governance*), позволяющий обеспечить предсказуемость, транспарентность, планомерное выстраивание рыночных институтов и развитие разных видов социальной страховки; 2) уход государства из социальной сферы должен восполняться не столько рынком, сколько организациями гражданского общества, выражающими подлинные чаяния населения и способными содействовать стабильности в обществе; 3) лишь сильное гражданское общество, направляемое НПО, может укреплять и развивать демократию. Поствашингтонский консенсус, таким образом, знаменовал собой не столько отказ от неолиберальной платформы, сколько ее модификацию, подразумевающую преодоление конфликтов с помощью своего рода кризисного управления, в которое НПО включаются в качестве «технического компонента».

Еще одним сценарием возможного развития событий может быть *фрагментация* (термин, введенный Дж. Розенау и означающий сочетание процессов интеграции и фрагментации), предполагающая формирование и укрепление (интеграцию) блоков и союзов «национальных государств» в виде сложных иерархических систем, которые и поведут борьбу за скудеющие ресурсы. При этом фрагментация политической карты мира — процесс образования новых национальных

государств — продолжится. Бывшие глобальные рынки будут разделены между этими группировками в ходе локальных конфликтов, которые ООН не способна предотвратить и купировать (скорее всего, ООН ждет судьба Лиги Наций). «Интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация — это взаимодополняющие процессы. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действий в мировом масштабе, катализатором (но ни в коей мере не причиной) которого стал радикальный скачок в развитии технологий, связанных со скоростью. Совпадение и переплетение синтеза и раздробления, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно», — считает, в частности, известный британский исследователь З. Бауман [12]. Культурная поляризация вряд ли позволит сложиться глобальной человеческой цивилизации в многополярном или, возможно, биполярном мире (противостояние Север—Юг; христианской и мусульманской цивилизаций; конфуцианско-социалистического и капиталистического миров). Этот сценарий наиболее полно и последовательно изложен в известной концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Согласно ей, тенденция к глобализации мира заменяется контртенденцией разлома глобальной цивилизации в результате конфронтации цивилизационных «очагов» в борьбе за выживание этносов, в первую очередь западно-христианского с исламским и, возможно, с буддистско-конфуцианским (см. главу VI).

Сценарий «локализации» предполагает консолидацию этнических и цивилизационных образований на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной нетерпимости. Это делает невозможным формирование глобальной цивилизации, так как в экономике будут доминировать тенденции восстановления традиционных (автаркических) способов ведения хозяйства, в том числе и под флагом защиты окружающей среды и необходимости экономии природных ресурсов. Сосуществование широкого спектра коллективистских идентичностей (трайбализм, фундаментализм, национализм, фашизм, социализм, коммунизм, коммунитаризм, феминизм, экологизм), отличающихся друг от друга степенью радикализма, заведомо порождает ситуацию культурного плюрализма, постоянно нарушаемую притязаниями на исключительность отдельных форм социальной идентификации, т. е. войнами. В сфере культуры реализуется мегатенденция изоляции, обусловленная стремлением к самосохранению различных культурных ареалов с их партикуляристскими системами ценностей.

Однако, как отмечает З. Бауман, «“Локальность” в глобализуемом мире — это знак социальной обездоленности и деградации. Неудобство “локализованного” существования усиливается тем, что в условиях, когда общественные пространства отодвинулись далеко за рамки “локальной” жизни, понятие “локальность” теряет свой смыслообразующий потенциал, все больше попадая в зависимость от направляющих и объясняющих действий, которые на локальном уровне не поддаются контролю» [13].

В связи со сценариями фрагментации и локализации на первый план выходит вопрос о возможности формирования и природе потенциальных мировых суперрегионов. Некоторые оптимистически настроенные аналитики полагают, что таким образом закладываются основы нового политического устройства мира. По их мнению, суперрегионы движутся в направлении интегрций — наднациональных политических объединений со своей валютой, моделями экономического регулирования, правовыми институтами, структурами управления, системами безопасности. Поэтому в перспективе можно говорить если не о государственных, то о квазигосударственных образованиях.

Сценарий «глокализации» (термин предложен руководителем японской корпорации «Сони» Акио Морита, который уверен, что век доминирования национального государства подходит к концу) предполагает сочетание процессов модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, что происходит в результате «культурной гибридизации», т. е. конструктивного сотрудничества и взаимообогащения культур в рамках культурных регионов. Это возможно при условии институализации сетевых форм самоорганизации и межкультурной коммуникации, что, в свою очередь, ведет к изменению социальной стратификации мира и формированию новых культурных регионов. Регулировать развитие глобальной цивилизации должны институты глобального гражданского общества (прообразы их — разнообразные международные неправительственные организации). Глокализации, по Валлерстайну, соответствует сценарий «децентрализованного и справедливого мира». Однако критически настроенные исследователи отмечают поверхностный характер гибридизации культуры — «культуры на глобализированной вершине социальной пирамиды» — и выражают серьезную обеспокоенность в связи с усилившимся нарушением связи «между все более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, “локализация” которого постоянно усиливается» [14]. В ситуации «глобальной неопределенности», характер-

ной для современности, нашли выражение все четыре мегатенденции и пока не исключена возможность для осуществления любого из вышеназванных сценариев.

Примечания

1. *Friedman Th.* Understanding Globalization. The Lexes and the Olive Tree. N. Y., 2000. P. 398.
2. См.: *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. N. Y.; L., 2000. P. 54.
3. Ibid. P. 181, 311.
4. Ibid. P. 260–261.
5. *Хоффман С.* Столкновение глобализаций. Как сделать мир более пригодным для жизни // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 78.
6. *Льюис Б.* Ислам: что пошло не так? // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 98.
7. *Геллнер Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 32.
8. *Рудквист Д. В.* Природные национальные богатства России и их использования. Доклад в Миннауки 8 февраля 2000 г. М., 2000. С. 1, 2; Власть, бизнес и гражданское общество. М., 2002. С. 97.
9. *Салицкий А.* Вызовы глобализации и пролемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 115.
10. *Хоффман С.* Столкновение глобализаций... С. 82.
11. См.: *Wallerstein I.* Capitalist civilization. N. Y., 1992.
12. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 100–101.
13. Там же. С. 11.
14. Там же.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему глобализация в целом оказывает негативное воздействие на страны третьего мира?
2. Каково воздействие глобализации на современную Россию?
3. Каково место России в современном глобальном мире?
4. Что такое фрагментация?

5. Перечислите сценарии глобализации и дайте краткую характеристику основных
6. Что такое Вашингтонский консенсус?

Литература

- Актуальные вопросы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4, 5.
- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
- Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.
- Бек У.* Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5.
- Володин А. Г., Широков К. Г.* Глобализация, истоки, тенденции, перспективы // Политические исследования. 1999. № 5.
- Глобализация и Россия (Круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3.
- Глобализация: человеческое измерение / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2002.
- Клепацкий Л.* Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. № 1.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998.
- Примаков Е.* Россия и международные отношения в условиях глобализации // Международная жизнь. 2001. № 3.
- Россия в глобальном мире // Международная жизнь. 2001. № 7.
- Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.

Глава XI

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

---

§ 1. Основные теоретические подходы к обеспечению международной безопасности

Международная безопасность рассматривалась в теории и практике международных отношений как отсутствие непосредственной военной угрозы. В таком традиционном понимании международной безопасности акцентируются два момента, во многом взаимоисключающие друг друга. Первый связан с физическим выживанием государства и его правом и возможностью вести себя в международной системе, руководствуясь прежде всего своим суверенитетом. На практике это стимулирует сильного к нарушению международной безопасности в пользу собственных интересов. Второй момент — гарантированное поддержание мира в отношениях между государствами в пределах некоего политического пространства. При этом не ставится вопрос о том, на какой объективной основе кроме стремления участников будет поддерживаться мир и как он может быть гарантирован на протяжении длительного времени.

В мире непрерывных войн даже несколько лет передышки казались счастьем, а долгий мир — недостижимой мечтой. Сегодня перед мировым сообществом стоят новые задачи, без эффективного решения которых международная безопасность не будет ни стабильной, ни долговременной. Одна из них — предотвращение распространения оружия массового поражения. В связи с этим особое внимание привлекают так называемые *пороговые государства*, в которых существуют предпосылки для создания собственного ядерного оружия. Если это произойдет, то будет нарушен баланс сил на региональном, а возможно и глобальном, уровнях.

Чрезвычайно актуальна проблема борьбы с международным терроризмом, так как последствия террористических актов на атомных электростанциях, химических предприятиях и подобных им объектах могут привести к серьезным катастрофам.

В современном мире все большее значение приобретают экономические и информационные аспекты обеспечения безопасности.

Экономические кризисы в условиях глобализации мировой экономики могут в считанные часы дестабилизировать народное хозяйство стран, расположенных друг от друга за тысячи километров. Трудно представить себе и возможные последствия сбоев в функционировании информационных сетей, поскольку информация — важный экономический, политический и социальный ресурс. Нерешенные глобальные проблемы современности — экологическая, энергетическая, продовольственная — также наполняют новым содержанием понятие международной безопасности.

Изменились и общественно-политические условия, в которых должны решаться принципиально новые задачи в системе международных отношений в целом и в сфере международной безопасности. Если раньше у государства были две четко разграниченные области деятельности — внутренняя и внешняя и безопасность в них обеспечивалась самыми разными способами, то на рубеже XX и XXI вв. эта грань размывается. Раньше государство, добившись внутренней стабильности, было вполне уверено, что сможет постоять за себя и во вне. В наше время международная сфера может, в принципе, сломать любое, внутренне сколь угодно стабильное, государство, даже не обнаруживающее никаких признаков внешней агрессивности (например, в случае мировой ядерной катастрофы были бы «попутно» уничтожены десятки нейтральных стран). С другой стороны, международная сфера может стать мощным фактором внутренней безопасности государства, недостижимой по каким-либо причинам иными средствами.

Международные отношения пока в большей степени распутывают проблемы, доставшиеся человечеству от прошлого, чем пролагают путь в будущее. По существу, сегодня лишь закладывается основа для международной безопасности. Наличие же международной безопасности будет определяться не отсутствием войн и вооруженных конфликтов, не сохранением всевозможных статус-кво и не поддержанием военно-стратегического равновесия, а способностью мирового сообщества в целом предвидеть и своевременно осуществлять назревшие перемены.

К проблемам обеспечения безопасности можно подходить и на основе теории международных режимов.

Участие того или иного государства в любом международном режиме безопасности определяется его собственными интересами, и прежде всего интересами обеспечения собственной национальной безопасности. Национальная безопасность, таким образом, является базовой

категорией, отправной точкой для определения понятия международной безопасности. Традиционно под **национальной безопасностью** понимается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Состояние безопасности означает, что данному государству не угрожают войной либо иными покушениями извне на его самостоятельное и независимое развитие, сохраняется гарантия его территориальной целостности и полноценного участия в системе международных отношений. Нетрудно заметить: при таком подходе к вопросу безопасности преобладают политические и военные акценты, что в современных условиях уже недостаточно. Сегодня не менее важное значение имеют экономическая, экологическая, гуманитарная и иные виды безопасности. Соответственно на глобальном и региональном уровнях можно говорить, например, о режимах экономической или экологической безопасности.

Если иметь в виду традиционное военно-политическое понимание феномена безопасности, то можно выделить три основные модели режимов безопасности для любого региона современного мира: режим общей безопасности, режим коллективной безопасности, режим безопасности на основе сотрудничества.

Международный *режим общей безопасности* предусматривает добровольный взаимный отказ от конфронтации. Основными принципами такого режима могут быть названы следующие: 1) отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов и применение ее исключительно в целях самообороны; 2) отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами; 3) признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня его военной мощи; 4) признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности.

Концепция общей безопасности утвердилась тогда, когда стала ясна бесперспективность старых представлений о роли вооруженной силы в международных отношениях, особенно в связи с осознанием бессмысленности применения ядерного оружия.

Идея *коллективной безопасности* имеет давнюю историю, а в XX в. она нашла и свое практическое воплощение. Под коллективной безопасностью понимается такой порядок межгосударственного сотрудничества, при котором любой акт агрессии против кого-либо из участников подобной системы расценивается как агрессия против всех остальных ее участников. Коллективная безопасность направлена

не только вовне, против не участвующих в данной системе государств, но и против участников этой же системы, допускающих агрессивные акты в нарушение своих обязательств. Особенности системы коллективной безопасности заключаются в предельном масштабе универсальности, включающей требования необходимых действий от каждого члена системы; в автоматизме применения санкций в случае необходимости; в приверженности членов системы статус-кво и отсутствию разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее.

Однако режимы коллективной безопасности не являются абсолютно идеальными. У них есть определенные недостатки. Например, существует так называемая проблема коллективного действия, которая заключается в том, что некоторые участники режимов коллективной безопасности стремятся пользоваться преимуществами такого участия без адекватного вклада в поддержание самого режима. Принятые в системах коллективной безопасности процедуры принятия решений практически замедляют ответные шаги на агрессию в случае ее возникновения.

Преимущество режимов коллективной безопасности состоит в том, что их распространение, вовлечение в них новых государств делает агрессию все менее вероятной и, следовательно, укрепляет всеобщую стабильность.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то *концепция безопасности на основе сотрудничества* исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является не обязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

Как отмечает современный российский исследователь В. Петровский, эта концепция «во многом сходна с концепцией общей безопасности. Безопасность на основе сотрудничества часто определяется как дипломатическое сотрудничество между государствами в области обеспечения безопасности. В то время как традиционные концепции баланса сил рассматривают в основном возможные действия государства в условиях военной конфронтации, концепция безопасности через сотрудничество акцентирует роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, т. е. налаживание регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработку механизма консультаций и принятия решения» [1].

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества опирается на принцип общего участия, при котором на первое место выступает не наличие формальных институтов, а поддержание неформального диалога.

§ 2. Военно-политические аспекты международной безопасности

В последние десятилетия самую большую угрозу всеобщему миру и безопасности на глобальном уровне представляло оружие массового поражения, в первую очередь ядерное. Хотя с окончанием холодной войны вероятность крупномасштабного военного конфликта с применением ядерного оружия резко снизилась, опасность исходит из самого факта существования такого оружия. Одним из механизмов обеспечения ядерной безопасности является существующий режим нераспространения ядерного оружия. Данный международный режим зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. Нормы договора обязывают:

- ◆ государства, обладающие ядерным оружием, не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и контроль над ними; не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к приобретению ядерного оружия, ядерного взрывного устройства и контроля над ними;
- ◆ государства, не обладающие ядерным оружием, не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и контроля над ними; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства;
- ◆ неядерные государства, пожелавшие приобщиться к использованию ядерной энергии в мирных целях, осуществлять такое приобщение под контролем МАГАТЭ, которая может проводить инспекции и требовать отчеты от государств по использованию расщепляющих материалов.

В настоящий момент в мире сложилась следующая ситуация с распространением ядерного оружия. Все государства можно разделить на пять групп в зависимости от обладания ими ядерным оружием,

наличия или отсутствия экономических и технологических предпосылок для его производства и участия или неучастия в ДНЯО.

В первую группу входят пять официально признанных ядерными государствами, параллельно являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это США, Российская Федерация, КНР, Великобритания и Франция. Ядерный потенциал данных государств неодинаков. Наибольшим ядерным потенциалом обладают Соединенные Штаты и Россия. К концу 1990-х гг. у США было 7250 стратегических ядерных боеголовок [2], Российская Федерация располагала 6200 ядерными боеголовками стратегического характера [3]. У данных государств имеются разнообразные средства доставки ядерного оружия: межконтинентальные баллистические ракеты наземного и морского (включая атомные подводные лодки) базирования, крылатые ракеты и т. д. КНР в середине 1990-х гг. располагала 435 ядерными боеголовками [4]. Экономические и технологические возможности Китая позволяют ему в ближайшие двадцать лет увеличить ядерный боезапас еще примерно на тысячу единиц, что существенно изменит стратегический военный баланс в мире. Произойдет ли это на самом деле, будет зависеть от развития международных отношений на глобальном и региональном уровнях. Великобритания и Франция имеют относительно небольшой запас ядерного оружия: у Франции — 450 ядерных боеголовок [5], у Великобритании — 185 [6]. Эти государства не стремятся наращивать своей стратегический потенциал, но и не обнаруживают намерения его сокращать, мотивируя такую позицию незначительными размерами своих ядерных арсеналов по сравнению с российскими или американскими.

Наличие ядерного оружия у официально признанных ядерными государствами сегодня не вызывает в мире особых опасений, поскольку у власти этих государств находятся ответственные лидеры, понимающие необходимость крайне осторожного обращения с ядерным вооружением, которое рассматривается скорее как средство осуществления политики, чем как средство ведения военных действий. Проблемы заключаются в наличии больших запасов ядерного оружия у США и РФ, а также в том, что Франция и КНР не участвуют в ДНЯО, хотя и соблюдают нормы самого режима нераспространения.

Во вторую группу входят Израиль, Пакистан и Индия. Израиль обладает ядерным оружием как минимум с 1970 г., в настоящее время у него имеется около 200 ядерных боеголовок и средства их доставки дальностью до 1000 км [7]. Израиль придерживается следующих принципов: не испытывать ядерного оружия, не декларировать его и не

подтверждать наличия. После того как Индия и Пакистан в 1998 г. параллельно провели ядерные испытания, стало ясно, что эти государства де-факто вошли в число обладателей данного вида оружия. Опасность, которую представляют государства второй группы, заключается в том, что они не участвуют в ДНЯО, имеют неопределенный статус по отношению к ядерному оружию, тем самым в целом расширяют режим нераспространения такого вида оружия.

Специалисты считают, что наибольшая опасность в перспективе может исходить от третьей группы — так называемых пороговых государств. В разное время в эту группу включали Алжир, Ливию, Иран, Ирак, Северную и Южную Корею и целый ряд других государств. В последнее время ситуация изменилась. Некоторые страны, например Южная Корея, Алжир, Ливия, отказались от планов разработки и производства ядерного оружия. Иран, Ирак и КНДР президент США Дж. Буш-младший обозначил как «ось зла» и основную угрозу для стабильности и безопасности современного мира. Поэтому Соединенные Штаты оказывают давление на эти государства, не останавливаясь даже перед применением силы в обход международных норм и правил. Однако такой подход таит серьезную опасность в себе, поскольку может подтолкнуть государства «оси зла» и некоторые другие к интенсификации усилий по созданию оружия массового поражения. Кроме этого необоснованные и непродуманные меры насильственного характера могут повлечь за собой совершенно непредвиденные последствия. Так, вторжение в Ирак было мотивировано наличием у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения и нежеланием последнего добровольно сотрудничать с международными инспекторами. В прошлом работы над созданием ядерного оружия в Ираке проводились, а химическое оружие даже применялось против курдов и шиитов, но после введения режима международных санкций доказательств наличия оружия массового поражения американцы здесь так и не нашли, как не нашли и не представили за время оккупации. В то же время ситуация в Ираке и вокруг него остается неурегулированной и является источником уже другой опасности — опасности исламского экстремизма и терроризма.

Относящиеся сегодня к четвертой группе Алжир, Аргентина, Бразилия ранее активно вели ядерные исследования и подошли вплотную к созданию ядерных боезапасов, но отказались от подобных планов и присоединились к ДНЯО на правах безъядерных государств. К этой же группе относятся бывшие советские республики: Белоруссия, Казахстан и Украина. В первые годы после распада СССР на их

территории сохранялись стратегические ядерные силы, перешедшие под юрисдикцию Российской Федерации. С выводом ядерных сил на российскую территорию эти государства приобрели статус безъядерных и в этом качестве участвуют в ДНЯО. Особое место в четвертой группе принадлежит Южно-Африканской Республике. В годы режима апартеида в ЮАР, так же как и в Израиле, было создано ядерное оружие, хотя этот факт не признавался. После отказа от апартеида и перехода власти к черному большинству населения ядерное оружие было уничтожено и ЮАР стала участницей режима нераспространения как неядерное государство.

И государства четвертой группы, и государства пятой группы, имеющие возможность обладать ядерным оружием, но обоснованно от нее отказывающиеся, сегодня участвуют в режиме нераспространения. Большинство же стран не входят ни в одну из вышеназванных групп, они не имеют ни возможности, ни намерений создавать ядерное оружие. Однако нет гарантии, что при изменении международной обстановки в отдельных регионах или в мире в целом положение в сфере ядерных вооружений не изменится.

Как и предсказывал в свое время Г. Моргентау, ядерные сверхдержавы в соответствии с логикой гонки вооружений накопили ядерного оружия гораздо больше, чем его нужно для достижения любых мыслимых военных целей. Когда стало ясно, что дальнейшее пополнение ядерных арсеналов иррационально, США и СССР приступили к переговорам по вопросам установления контроля над вооружениями и разоружения. Еще в годы холодной войны в этом направлении удалось достичь определенных успехов. В соответствии с Договором о ликвидации ракет средней и малой дальности от 1987 г. к 1990 г. были полностью ликвидированы эти два вида вооружений. Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2) и договоры о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2) предусматривали существенное сокращение ядерных арсеналов обеих сверхдержав. Правда, в полном объеме все достигнутые договоренности не были реализованы, поскольку вступление в силу и выполнение принятых обязательств осложнились трудностями объективного и субъективного характера.

Большое значение для обеспечения безопасности в годы холодной войны имел заключенный в 1972 г. между СССР и США Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Он ограничивал возможности создания двумя государствами таких средств,

которые гарантировали бы полную защиту от ядерной атаки другой стороны, что сохраняло механизм сдерживания, основанный на балансе взаимных угроз. После окончания холодной войны в США стали раздаваться голоса в пользу пересмотра ряда прежних договоренностей как устаревших в новых условиях. В частности, был поставлен вопрос о судьбе договора о ПРО. В связи с появлением угрозы со стороны «стран-изгоев» (Иран, КНДР и т. д.) были оглашены планы создания так называемых нестратегических систем противоракетной обороны, способных перехватывать единичные пуски ракет с ядерными боеголовками. Однако создание таких систем было невозможно без нарушения положений Договора 1972 г. Для администрации США создание нестратегических противоракетных систем стало одной из приоритетных целей, и было принято решение об одностороннем выходе из договора о ПРО. Правильность подобного шага многими экспертами ставится под сомнение как из-за недоказанности самой возможности создания эффективного средства со стопроцентной гарантией защиты от ядерных атак «стран-изгоев», так и в силу того, что невыполнение Договора 1972 г. нарушает стратегическую стабильность.

Если американские планы напрямую не затрагивают военную безопасность России, стратегической потенциал которой способен легко преодолеть планируемые системы противоракетной обороны, то для КНР ситуация может измениться. Развертывание американских противоракетных систем, причем одна из них должна будет находиться на территории Восточной Азии (ПРО ТВД), может побудить континентальный Китай к наращиванию стратегических ядерных сил, что, в свою очередь, вызовет цепную реакцию других государств. Все это вызовет очевидные негативные последствия для стабильности и безопасности и на региональном, и на глобальном уровне.

Дискуссия между Россией, резко возражавшей против этих планов, и США была острой. Одним из результатов этой дискуссии стала активизация застопорившегося в середине 1990-х гг. процесса сокращения ядерных вооружений. Двадцать четвертого мая 2002 г. президентами России и США был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП), а 1 июня 2003 г., после обмена ратификационными грамотами, он вступил в силу. В соответствии с этим договором Россия и США обязались на взаимной основе сократить к 31 декабря 2012 г. количество имеющихся у них стратегических ядерных боезарядов примерно в 3 раза, т. е. с «потолка» в 6 тыс. единиц, установленного Договором СНВ-1 от 1991 г.,

до 1700–2200 единиц [8]. Если Договор СНВ-1 и не вступивший в силу Договор СНВ-2 предусматривали конкретные «потолки» по триаде ядерных вооружений, то ДСПН предоставляет сторонам гибкость: они теперь вольны сами определять состав и структуру своих стратегических сил. В ДСПН содержится ссылка на обязательства России и США по статье VI ДНЯО (о проведении переговоров о мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению). Тем самым юридически фиксируется позиция поддержки двумя странами всей системы ядерного нераспространения. Предусматривается и то, что еще до истечения срока действия договора стороны могут заменить его новым соглашением, еще более понижающим допустимое количество ядерных боезарядов (до 1500 у каждого из государств).

Кроме ядерного к оружию массового поражения относится химическое и бактериологическое. С одной стороны, эти виды оружия обладают меньшими поражающими характеристиками, чем ядерное. С другой стороны, они проще, дешевле и доступнее. Эти виды оружия находятся под полным запретом. С 1972 г. действует Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении.

Борьба с химическим оружием началась после Первой мировой войны, когда в 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении его использования во время военных действий. С 1997 г. в отношении химического оружия действует тот же режим запрета, что и по отношению к бактериологическому. Основой этого режима является Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении. В то же время контроль за безусловным выполнением всеми государствами обязательств, принятых на себя в области химического и бактериологического разоружения, остается актуальной политической проблемой.

Обеспечение международной безопасности связано не только с контролем за оружием массового поражения, но и с ограничением и сокращением обычных вооружений и вооруженных сил. Дальше всего в этом направлении продвинулись страны европейского континента. История Европы — это история бесконечных вооруженных конфликтов; в XX столетии именно здесь начались две мировые войны. Во 2-й половине XX в. военное противостояние двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков также в первую очередь осуществля-

лось на европейском континенте и затрагивало его интересы. Долгое время сохранялась опасность возникновения в самом центре Европы крупномасштабного вооруженного конфликта, так как здесь были сконцентрированы огромные воинские контингенты и находилось большое количество военной техники. Взаимное недоверие и напряженность между государствами были чреваты случайным обострением опасных конфликтных ситуаций. Такое положение стало меняться после проведения в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в городе Хельсинки. После Хельсинского совещания были разработаны и постепенно осуществлялись меры по установлению доверия, которые помогли несколько снизить уровень военной опасности.

Параллельно начался процесс подготовки соглашений по всеобъемлющему сокращению обычных вооруженных сил и вооружений на европейском континенте. Переговоры были трудными и затянулись на целых 15 лет. Лишь в 1990 г. в Вене был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Он предусматривал значительное сокращение численности сухопутных войск, уменьшение количества танков, бронированных машин, артиллерийских систем, самолетов и вертолетов у всех участников. Вводились так называемые фланговые ограничения на юге и севере Европы. Договор исходил из наличия двух противостоящих друг другу военных блоков — НАТО и Варшавского договора. В связи с этим квоты на сокращение войск и военной техники исчислялись на основе блокового принципа. Но уже в момент подписания договора ситуация начала меняться. Организация Варшавского договора стала распадаться и уже через год формально прекратила свое существование. Затем развалился Советский Союз, а его бывшие восточноевропейские союзники выразили желание присоединиться к Североатлантическому пакту.

Расширение НАТО наряду с другими геополитическими изменениями заставило по-новому рассматривать вопрос о военной безопасности России в европейском регионе. Договор об обычных вооруженных силах в прежнем виде уже не соответствовал российским интересам в области национальной безопасности. Например, фланговые ограничения в значительной степени коснулись Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов, которые в новых условиях стали приграничными. Кроме того, Северо-Кавказский округ расположен в зоне повышенной конфликтности, что требует достаточных сил и средств для противодействия любым угрозам, включая угрозу терроризма. Поэтому по инициативе Российской Федерации

с начала 1990-х гг. развернулась работа по адаптации ДОВСЕ к новым условиям. Прежде всего речь шла о фланговых ограничениях. В соответствии с решениями, принятыми в 1996 и в 1999 гг., площадь так называемой фланговой зоны на территории России была значительно сокращена, а допускаемое количество вооружений и техники в этой зоне увеличено. За Россией закреплено право в случае необходимости увеличивать военную группировку в южных районах, т. е. в районах повышенной опасности.

19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ. Главным отличием нового варианта договора является отказ от блокового принципа. Для территории каждого отдельного государства предусмотрен количественный потолок войск и техники, что должно быть препятствием к созданию мощных группировок на каком-либо стратегическом направлении, а также к наращиванию военной мощи отдельных государств. Новый вариант договора учитывает факт расширения НАТО, поэтому суммарный военный потенциал блока подлежит сокращению, в то время как российский потенциал остается на прежнем уровне. Более того, у России появились возможности увеличить количество военной техники в своих регулярных частях. Хотя адаптированный ДОВСЕ не лишен некоторых недостатков, он отвечает интересам всех его участников, включая и Российскую Федерацию.

Но практическая реализация достигнутых соглашений сталкивается с рядом трудностей. В связи с новой волной расширения НАТО в 2004 г. встал вопрос о Латвии, Литве, Эстонии и Словении, которые не были участниками договора, и поэтому их присоединение к Североатлантическому альянсу может создать опасность появления «серых зон», где концентрируются войска и техника, не подлежащие учету по ДОВСЕ. В ходе переговоров в рамках Совета Россия—НАТО спорные вопросы удалось решить, однако остаются проблемы, обусловленные стремлением западных партнеров увязать выполнение всех достигнутых договоренностей с окончательным выводом российских военных баз из Грузии и Молдавии.

Европейский опыт снижения уровня военного противостояния пока не находит широкого применения в других регионах мира. Пожалуй, единственным исключением является соглашение между Россией, Китаем и бывшими советскими среднеазиатскими республиками об отводе и сокращении войск и военной техники, размещенной вдоль границы между КНР и бывшим СССР.

В связи с сохранением угроз, исходящих от локальных и региональных конфликтов и возрастающей опасностью международного терроризма, актуальной остается проблема контроля за торговлей оружием. С одной стороны, торговля оружием представляет собой важное направление внешнеэкономической деятельности многих государств, включая и Российскую Федерацию. С другой стороны, при отсутствии контроля оружие может попасть и попадает в руки участников незаконных вооруженных формирований, террористических группировок. Эта проблема требует к себе внимания, и ее решение будет способствовать укреплению военной безопасности в современном мире.

§ 3. Проблемы противодействия терроризму в современном мире

Современный терроризм можно определить как систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов, для того чтобы избежать реализации последними угроз по отношению к определенным лицам или группам, объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей или окружающей среды.

На рубеже XX и XXI вв. проблемы терроризма и противодействия ему стали одними из важнейших как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом. Это объясняется масштабами и характером террористических акций последнего времени. Если на рубеже XIX и XX вв. террористы действовали методом индивидуального террора, убивая политических и государственных деятелей, то первичными объектами атак современных террористов все чаще становятся никак не защищенные мирные обыватели. Иногда это единицы, но могут быть сотни и даже тысячи людей. Террористы прошлого нередко стремились найти этические оправдания своим действиям и направляли их только против тех, на ком, с их точки зрения, лежала ответственность за существующее положение вещей. Современные террористы гораздо чаще демонстрируют цинизм, воинствующую аморальность и готовность пренебрегать жизнью людей.

Меняются и средства осуществления террористических акций. Сначала террористы использовали холодное и огнестрельное оружие,

потом появились взрывчатые вещества. Сегодня тенденции развития террористической деятельности свидетельствуют об изменении ее технической и технологической базы. Только за последнее десятилетие террористы использовали газ, боевые отравляющие вещества и даже самолеты с захваченными пассажирами. Но, как считают специалисты, это только первые признаки технологической революции в деятельности террористов. Возможно создание портативных ядерных устройств небольшой мощности, пригодных для террористических целей. Есть и другие, теоретически возможные и при некоторых условиях практически осуществимые пути доступа террористов к ядерному оружию и средствам его доставки. Сегодня действия террористов могут привести к огромным разрушениям, массовой гибели людей, экологическим катастрофам и в случае использования самых обычных средств. Это может случиться, если объектами террора станут химические заводы, атомные электростанции или другие высокосложные и опасные технические объекты. Объектами «компьютерного терроризма» могут быть информационные коммуникации.

Кроме гибели людей и разрушения материальных ценностей, терроризм может иметь и другие негативные последствия. Например, экономические потери, связанные со свертыванием деловой активности в тех регионах, где более высока угроза терроризма. Так обстоит дело в Стране Басков в Испании, в Израиле и на палестинских территориях, до недавнего времени — в Северной Ирландии. Терроризм дестабилизирует международные отношения, а также политическую ситуацию внутри отдельных государств. Если требования террористов хотя бы частично удовлетворяются, то подрывается авторитет действующей власти, нарушается нормальное функционирование основных политических и общественных институтов.

Хотя большинство террористов ставят перед собой политические цели, вдохновляясь идеологическими доктринами, националистическими и религиозными чувствами, терроризм как социально-политический феномен отделен от обыкновенной уголовной преступности тонкой и весьма зыбкой чертой. И не только потому, что любой террористический акт является уголовно наказуемым преступлением по законам любого государства, и не только потому, что уголовники и террористы используют сходные и одинаковые средства и формы деятельности (убийство человека всегда остается убийством независимо от того, политическими или корыстными мотивами оно объясняется), но и потому, что сегодня политический и уголовный терроризм тесно переплетаются между собой. Например, чеченские сепаратисты

всегда использовали захват заложников с целью получения выкупа, но не забывали при этом говорить о «борьбе за свободу». Легальных путей финансирования их деятельности террористам либо не хватает, либо они вообще невозможны, поэтому используются незаконные средства, в частности откровенный рэкет, хотя он и определяется иными терминами (например, «революционный налог» у баскской террористической организации «ЭТА»). Наркобизнес также часто является источником финансирования террористических организаций. Можно констатировать, что терроризм и уголовная преступность идут сегодня рука об руку. Зоны активной деятельности террористических структур — это одновременно и зоны повышенной криминогенности.

Понятия «*террор*» и «*терроризм*» вошли в политический лексикон чуть более двух столетий назад. Истоки современного терроризма кроются в событиях Великой французской революции, потому что первым типом терроризма стал именно революционный терроризм. Первые революционеры-террористы — бабувисты, бланкисты и анархисты в Западной Европе, революционные народники в России — своими действиями стремились вызвать замешательство властей, напугать правящую элиту и тем самым способствовать изменениям в пользу наиболее обездоленных и угнетенных слоев общества. Революционное насилие стало рассматриваться в XIX в. как средство решения не только социальных, но и национальных проблем, что породило первые проявления этнического терроризма в Италии, на Балканах, в Российской империи.

В XIX в. появляется и правый терроризм, противоположный левому (революционному). Те же методы, которые использовали революционеры для достижения идеалов социального и национального равенства и общественного прогресса, стали применяться на почве расовой и национальной нетерпимости ради сохранения или реставрации отживших общественных институтов и отношений. Правую разновидность терроризма олицетворяли во 2-й половине XIX в. Ку-клукс-клан в США, черносотенцы в России начала XX в., фашистские, неофашистские и другие правозэкстремистские движения в последующем.

При всей противоположности идеологических основ правый и левый терроризм были сугубо политическим феноменом. Политический терроризм доминировал в начале и середине XX в., но к концу этого столетия наиболее активно стал проявляться терроризм, связанный с острыми конфликтами современности. После окончания

холодной войны и в условиях глобализации на первый план вышли конфликты цивилизационного, как их определял американский политолог С. Хантингтон, характера. Самыми распространенными разновидностями терроризма сегодня стали этнический и религиозный.

Независимо от того, какими мотивами руководствуются террористы, какие цели они ставят перед собой и какие идеи выдвигают, терроризм — это несомненное зло, угроза для общества в целом и для каждого человека в частности. В современном мире терроризм несет человечеству как старые, так и новые опасности. В связи с этим весьма актуальной сегодня является задача противодействия терроризму.

Поскольку первичными объектами террористических действий часто оказываются государственные деятели или учреждения, а вторичные объекты — общественные отношения — целиком находятся в сфере деятельности государства, терроризм представляет потенциальную угрозу любой государственной власти независимо от юридической формы и политико-идеологического содержания. Не случайно уголовные законодательства отдельных стран и международное право относят терроризм к разряду наиболее опасных преступлений.

Современное международное право квалифицирует многие виды преступных действий, подпадающих под определение «террористические», в частности захват заложников, авиационный терроризм и т. д., к разряду преступлений международного характера, т. е. таких деяний физических лиц, которые посягают на права и интересы двух или нескольких государств, международных организаций, физических или юридических лиц.

За последние десятилетия для борьбы с терроризмом создана значительная юридическая база в виде многочисленных международных конвенций. В этих нормативных актах предусмотрены взаимные обязательства государств в противодействии различным видам и формам террористической деятельности. Среди них можно отметить Токийскую конвенцию 1963 г., Гаагскую конвенцию 1970 г., Монреальскую конвенцию 1971 г., направленные на борьбу с преступлениями террористов на воздушном транспорте; Нью-Йоркскую конвенцию 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой; Нью-Йоркскую конвенцию 1979 г. о борьбе с захватом заложников; Венскую конвенцию 1980 г., Монреальскую конвенцию 1991 г. о маркировке пластических взрывчатых веществ.

В некоторых регионах существуют собственные нормативные акты антитеррористического характера. Так, в 1977 г. под эгидой Совета

Европы была принята Европейская конвенция по борьбе с терроризмом. Страны СНГ заключили между собой Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. В 2000 г. была принята межгосударственная Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом и другими проявлениями экстремизма, образован Антитеррористический центр СНГ.

Однако, как свидетельствуют примеры из истории международных отношений, далеко не всегда имело место добросовестное сотрудничество государств в борьбе с терроризмом. Интересы отдельных государств, их лидеров и правящих элит нередко оказывались не только различными, но даже противоположными. К тому же следует помнить о том, что к террористическим приемам и средствам борьбы прибегали политические организации и движения самой разной ориентации — от крайне левых до крайне правых. Терроризм может приобретать религиозные или национальные формы. Поскольку не всегда легко отличить сепаратизм от национально-освободительного движения или установить четкую пропорцию между теми или иными политическими целями и допустимыми средствами их достижения, то создается почва для двойных стандартов при оценке террористической по форме и содержанию деятельности. Еще Карл Шмитт отмечал, что одной из отличительных особенностей политики является стремление к оценке всех событий и явлений по шкале «свой—чужой». В соответствии с таким политизированным подходом одни и те же факты могут получать диаметрально противоположную интерпретацию и оценку: людей, ведущих разведывательную деятельность в иных государствах, делят на «своих» разведчиков и «чужих» шпионов, а людей, ведущих вооруженную борьбу, — на «чужих» бандитов и «своих» партизан.

В полной мере этот двойной стандарт применялся в годы холодной войны, когда противоборствующие сверхдержавы стремились к достижению своих глобальных целей, не слишком стесняясь в средствах. Когда было необходимо, в пропагандистских целях противоположная сторона обвинялась в поддержке и спонсировании терроризма. В начале 1980-х гг. так поступала администрация президента США Рональда Рейгана, которая провозгласила одной из целей своей международной политики «борьбу с международным терроризмом», причисляя к нему левые, ориентированные на Советский Союз и его союзников, политические движения в странах третьего мира. При этом сами США помогали тем силам и движениям, которые прибегали к террористическим по форме и содержанию способам воору-

женной борьбы, если это отвечало их собственным интересам и целям. Американская помощь в большом объеме предоставлялась вооруженной антиправительственной оппозиции в Афганистане. Интересно отметить, что из числа участников джихада против советского военного присутствия в Афганистане вышел и нынешний «террорист № 1» Усама бен Ладен. Данный пример показывает, насколько опасным и неуправляемым может быть терроризм и для тех, кто пытается использовать его в своих целях.

Примеры двойного стандарта в оценке терроризма можно видеть как в прошлом, так и сегодня. Россия и Запад по-разному смотрели на ситуацию в Чечне или Косово. Грузинские власти долго отрицали факт присутствия чеченских террористов-боевиков на своей территории, негласно оказывая им содействие. Затем Тбилиси резко поменяло позицию, обратившись к США за помощью в борьбе с чеченскими террористами, но, очевидно, главными мотивами такого обращения были иные мотивы, а не искреннее желание покончить с очагом терроризма и бандитизма на своей территории.

Безусловно, после 11 сентября 2001 г. ситуация в мире по вопросам борьбы с терроризмом изменилась. Однако насколько эти изменения фундаментальны и необратимы, пока сказать трудно. Сентябрьские террористические акции в Нью-Йорке для теории и практики международных отношений имели и другие последствия. До недавнего времени понятие «международный терроризм» больше подчеркивало международную опасность такого явления, чем обозначало реальный, очевидный фактор в международных отношениях. Последние события показали, что в мировой политике произошли качественные сдвиги.

Еще в начале 70-х гг. XX в. многие исследователи отмечали появление и возрастание роли негосударственных акторов международных отношений при одновременном относительном снижении роли отдельных суверенных национальных государств. Сторонники неолiberaльных взглядов обращали внимание на позитивный, с их точки зрения, характер подобных процессов. Между тем сегодня выявилась их негативная сторона. Благодаря техническому и технологическому прогрессу, развитию средств коммуникации неправительственные международные организации террористического толка, к которым, несомненно, относится и «Аль-Каида», получили возможности, невиданные раньше для подобных структур. Эти организации в новых условиях способны бросить вызов даже самым сильным в экономическом и военном отношении государствам, создать прямую угрозу

для их безопасности. Государства же, как выяснилось, оказались слабо подготовленными к новым вызовам и уязвимыми по отношению к опасности, исходящей от противников, обладающих значительно меньшими ресурсами. Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопросы безопасности приобретают новое измерение как на национальном, так и на международном уровне. Это весьма важно учитывать в теории, и практике международных отношений.

Примечания

1. *Петровский В.* Россия и безопасность в Евразии (региональные режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже веков) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 31–32.
2. *Давыдов Ю. П.* Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 231.
3. Там же. С. 240.
4. Там же. С. 251.
5. Там же. С. 261.
6. Там же. С. 259.
7. *Ромашкина Н.* Ядерная многополярность как новый фактор стратегического баланса // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 8. С. 26.
8. *Лысенко М.* Договор новой эпохи // Международная жизнь. 2003. № 6. С. 34.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем отличаются современные подходы к пониманию безопасности от традиционных?
2. Сравните режим коллективной безопасности и режим безопасности на основе сотрудничества: укажите сходство и отличие.
3. Назовите основные принципы режима нераспространения ядерного оружия.
4. Что такое пороговые государства и какие государства и ним относятся?
5. Назовите основные международные нормативные акты о запрещении химического и бактериологического оружия.
6. Какие договоры были заключены в области ограничения и сокращения ядерного оружия?

7. В чем состоит опасность выхода США из Договора о ПРО?
8. Когда и почему возникла необходимость адаптации ДОВСЕ к современным условиям?
9. Что такое терроризм и в чем его опасность в современных условиях?
10. В чем состоят объективные и субъективные трудности борьбы с международным терроризмом?

Литература

- Договор по ПРО и позиция России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4.
- Задачи контроля над вооружениями. Стокгольмская программа // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.
- Иванов С.* Стратегическая стабильность на современном этапе // Международная жизнь. 2002. № 8.
- Кортунов С.* Вашингтон отрывается от договора по ПРО // Международная жизнь. 2002. № 7.
- Кулаков А.* О возможных границах уровней безопасности противостояния в международной политике // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11.
- Ланцов С. А.* Террор и террористы. Словарь. СПб., 2004.
- Лысенко М.* Вопросы нераспространения в современном мире // Международная жизнь. 2002. № 8.
- Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом // Международная жизнь. 2001. № 3.
- Мешков А.* Россия в формировании европейской структуры безопасности // Международная жизнь. 2002. № 8.
- Орлов А.* Большие беды от легкого оружия // Международная жизнь. 2001. № 9–10.
- Оружие и конфликты XXI века // Международная жизнь. 2001. № 9–10.
- Революция в военных делах и стратегическая безопасность // Международная жизнь. 2001. № 8.
- Степановский Е.* Глобализация терроризма и ее последствия // Международная жизнь. 2001. № 9–10.
- Чернов В.* Договор об обычных вооруженных силах в Европе и безопасность России // Международная жизнь. 2002. № 5.

Глава XII

ПОЛИТИКА И ПРАВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

---

§ 1. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений

Основными социальными нормами, регулирующими международные отношения, принято считать нормы моральные, политические и правовые. Каждый вид норм имеет свои преимущества и свои недостатки, но без их соблюдения международная жизнь сегодня представляла бы собой полный хаос.

Под политическими нормами понимают правила поведения, которые устанавливают государства и которых они придерживаются в соответствии с собственными интересами. Например, два государства договариваются между собой о военном союзе, направленном против их общего противника. Такая договоренность может быть достигнута в устной или письменной форме, но она не приобретает статус юридически обязательного документа. Пока есть общая цель и общие интересы, государства выполняют принятые на себя обязательства. Но как только общая цель исчезает и интересы перестают совпадать, то исчезают и мотивы для согласованных совместных действий. Очень часто вследствие изменения интересов и целей одна из сторон прекращает выполнять принятые обязательства, но обжаловать ее действия в международных организациях или международных судебных инстанциях пострадавшая сторона не может, поскольку такие обязательства не имеют юридической силы.

Отказ от выполнения политической нормы не влечет за собой каких-либо официальных санкций, в чем и заключается их принципиальное отличие от норм международного права. Политические нормы релятивны, они зависят от текущих интересов государств, и поэтому на них сложно рассчитывать в долгосрочной перспективе. Политические нормы зафиксированы в различных декларациях, заявлениях и соглашениях. Иногда источники политических норм внешне весьма сходны с источниками норм международного права, поскольку являются письменными документами, подписанными высокопоставленными официальными представителями государств. Однако от меж-

дународных договоров подобные документы отличаются тем, что не проходят процедуры приобретения юридической силы, как правило, заключающейся в ратификации их высшими органами законодательной власти соответствующих государств.

Приведем такой пример. В середине 1990-х гг. встал вопрос о расширении НАТО на Восток. Россия, как известно, возражала против подобных планов. Между российским руководством и руководством ведущих западных стран начался активный обмен мнениями по этому острому вопросу. Хотя принципиально негативное отношение России к включению в состав Североатлантического блока бывших союзников СССР по Варшавскому договору не изменилось, стороны все же пришли к определенному компромиссу. Одним из элементов этого компромисса стало намерение придать отношениям между Россией и НАТО особый, близкий к партнерскому, характер. В связи с этим тогдашний министр иностранных дел России Е. Примаков предложил заключить юридически обязательный договор между нашей страной и данной организацией. Западные партнеры, ссылаясь на то, что вступление в силу этого договора потребует ратификации его текста парламентами всех государств — участников блока и займет слишком много времени, предложили иной вариант. В результате 27 мая 1997 г. в Париже президентом РФ, генеральным секретарем НАТО и главами государств — членами этой организации был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Несмотря на красивое и громкое название этого документа и содержащиеся в нем многочисленные заверения о совпадении целей и интересов договаривающихся сторон, об их взаимных обязательствах друг перед другом, он с самого начала оставался политической декларацией о намерениях. До тех пор, пока не имелось существенных расхождений между Россией и НАТО по ключевым проблемам мировой политики, «Основополагающий акт» был фундаментом для развития взаимного сотрудничества. Но как только отношения между НАТО и Россией обострились в связи с ситуацией в Косово в 1999 г., выяснилось, что никаких особых отношений между ними не сложилось, и вышеупомянутый документ не помешал фактическому свертыванию отношений, которые были разблокированы только после преодоления Косовского кризиса.

На протяжении столетий шли споры о том, могут ли моральные нормы оказывать влияние на международные отношения и международную политику. Эти споры, о которых уже шла речь в предыду-

щих главах, стали частью более широкой дискуссии о соотношении морали и политики. Данная дилемма в истории социально-политической мысли решалась различным образом. Н. Макиавелли проповедовал тезис о неприменимости морально-этических критериев к политической деятельности, которую нужно оценивать только с точки зрения эффективности способов и средств достижения поставленных целей. Подобных взглядов придерживался и В. Ленин, который считал, что «морали в политике нет, а есть только целесообразность». Противоположное мнение, исходящее из того, что мораль первична по отношению к праву, а следовательно к государству и политике, принадлежит И. Канту.

Эти разночтения объясняются сложностью взаимоотношений морали и политики. На заре человеческой цивилизации можно было обходиться без политики, регулируя общественные взаимоотношения и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций и формирующейся на их основе морали. Политика возникает вследствие регулярной недостаточности морали как ее дополнение. Главные социальные функции политики и морали совпадают, но их базовые характеристики расходятся. В соответствии с концепцией немецкого политического философа К. Шмитта, моральная оценка общественных явлений исходит из парной категории «добро—зло», а политическая оценка опирается на антиномию «свой—чужой».

Аморальные проявления, нередко встречающиеся в политической жизни, во многом связаны с перенесением политических принципов на область морально-нравственных отношений. Здесь уместное в политике разделение всех объектов, явлений, событий, личностей на соответствующих или несоответствующих собственным интересам неминуемо ведет к выработке двойного стандарта при оценке неблагоприятных поступков, деформирует морально-этические принципы. Именно этим объясняется часто встречающаяся ситуация, когда политические деятели активно используют против своих противников обвинения в аморальных поступках и не замечают подобных или даже больших прегрешений своих единомышленников и союзников. Для минимизации общественного вреда, который могут принести аморальные проявления в политической жизни, необходим жесткий контроль за соблюдением этических норм, регламентирующий любые виды политической деятельности.

Сформулировать новый подход к решению старой дилеммы и избежать при этом как крайностей морализаторства, так и аморализма, удалось М. Веберу. Он ввел понятия «этика убеждений» и «этика

ответственности». Первое понятие означает оценку поступков человека в соответствии с раз и навсегда установленной шкалой, четко определяющей нравственное и безнравственное. Второе понятие предполагает оценку человеческих поступков и действий с учетом обстоятельств места и времени. Этика ответственности особенно важна для сферы политики, где люди принимают решения в ситуациях, немыслимых для частной жизни человека, на которую и ориентируются нормы общечеловеческой морали. На основе веберовского подхода и были выработаны представления Г. Моргентхау о месте и роли морали в регулировании международных отношений. По мнению Г. Моргентхау, Р. Арона и многих других специалистов в области теории международных отношений, главными моральными добродетелями государственных деятелей, принимающих внешнеполитические решения, являются осторожность, взвешенность и понимание необходимости соответствия целей и средств их достижения.

Формирование норм международной морали началось в глубокой древности параллельно с нормами международного права. Однако эволюция моральных норм зачастую опережала развитие норм международного права. Представления о безнравственности таких действий, как агрессия, захват чужих территорий, работорговля, колониализм, существовали с давних времен. Но еще долго эти действия и явления оставались законными с точки зрения тогдашнего международного права. Лишь в XX в. международное право по этим вопросам пришло в соответствие с нормами международной морали.

Из факта опережающего развития морали по отношению к праву не следует делать вывод о ее более важном значении в процессе регулирования международных отношений. Напротив, необходимо помнить об ограничениях и недостатках, которые присущи нормам международной морали. Дело не только в том, что нарушение моральных норм, подобно нарушению политических норм, не влечет за собой правовых последствий и виновники нарушений не несут юридической ответственности. Моральные нормы существуют лишь в сознании людей, поэтому они весьма субъективны и допускают самую разную трактовку, могут не только сглаживать, но и усугублять разногласия между государствами, провоцировать конфликты в международных отношениях. Вольная трактовка морально-этических норм при желании может оправдать любые действия в международной политике. В итоге регулировать международные отношения будет только сила.

Еще один фундаментальный недостаток моральных норм связан с механизмом их воздействия на международные отношения. Суще-

ствуют два основных пути такого воздействия: первый — на уровне отдельных индивидов через их сознание и убеждения; второй — через общественное мнение, формирующееся на основе определенной системы этических принципов. Первый путь предполагает, что внешнеполитические решения принимают люди, для которых моральные нормы не являются пустым звуком и которые честно выполняют свой служебный долг, одновременно не допуская безнравственных поступков. Но речь уже шла о том, что политическая деятельность стимулирует формирование двойных стандартов, разрешающих аморальные действия, если они способствуют достижению определенных целей. Кроме этого, властью могут обладать и безнравственные люди. История одного XX в. дает возможность составить длинный список диктаторов, для которых не существовало понятия «мораль». Достаточно вспомнить А. Гитлера.

Второй путь воздействия морали на международную политику требует наличия развитого института общественного мнения. Общественное мнение по своей природе склонно оценивать все политические решения и действия с морально-этических позиций, приветствуя нравственные поступки и осуждая безнравственные. Но оно не всегда имеет возможности для формирования и функционирования. В условиях авторитаризма и тоталитаризма не существует общественного мнения как независимого явления. Но и в демократических странах влияние общественного мнения на политику, в том числе и международную, не всегда одинаково. Оно увеличивается в период избирательных кампаний, когда политические партии и политические лидеры заинтересованы в привлечении голосов избирателей, и поэтому озабочены тем, как в глазах общественности выглядит их деятельность. После окончания выборов и до начала следующей избирательной кампании политические элиты теряют интерес к общественному мнению и могут им пренебрегать, если этого требуют их текущие интересы.

Сегодня общественное мнение существует не только в рамках отдельных государств, но и на международной арене. Мировое общественное мнение, формирующееся на основе современных информационных систем, способно в определенных условиях оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений отдельными государствами и деятельность международных организаций. Но на мнение международной общественности правительства и политические лидеры обращают внимание тогда, когда им необходимо либо сохранить

положительный внешнеполитический имидж своего государства, либо изменить его в благоприятную для себя сторону.

Следует учитывать и то, что формирование общественного мнения как внутри государства, так и на международной арене — далеко не всегда стихийный процесс. В современных условиях им можно манипулировать. Примером могут служить события конца 1990-х гг. в Косово (Югославия). Действовавшие там сепаратисты из Освободительной армии Косово специально провоцировали бегство оттуда албанского населения якобы из-за этнических чисток, проводившихся там сербскими властями. Все это определенным образом формировало общественное мнение стран Запада, в котором усиливались антисербские настроения и выдвигались требования к собственным правительствам вмешаться в ситуацию с целью предотвращения «гуманитарной катастрофы». В результате руководство НАТО приняло решение о начале бомбардировок Союзной Республики Югославии, затем последовал ввод миротворческих сил в Косово, что, однако, не привело к торжеству справедливости, как это предполагало общественное мнение в Западной Европе и Северной Америке. На смену нарушениями прав албанского населения Косова пришли реальные этнические чистки, ставшие причиной массового исхода сербов из этого края, территория которого когда-то была ядром сербского государства.

Таким образом, политические и моральные нормы способны оказывать определенное воздействие на международные отношения. Но подобное воздействие имеет ограниченный характер, поэтому решающая роль в обеспечении стабильности и безопасности современного мира по-прежнему принадлежит принципам и нормам международного права.

§ 2. Международное право как социальный институт

Международное право — это совокупность юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права. Субъект международного права — это носитель международных прав и обязанностей, возникших в соответствии с общими нормами международного права либо международно-правовыми предписаниями. Существуют две категории субъектов международного права: первичные (суверенные) и производные (несуверенные). Первичными субъектами международного права явля-

ются государства (в некоторых случаях — народы и нации) в силу присущего им национального суверенитета. Государства признаются носителями международно-правовых норм и обязанностей. Суверенитет делает их независимыми от других субъектов международного права и дает возможность самостоятельно участвовать в международных отношениях. Государства — самые полновластные и организованные субъекты международного права, имеющие решающие средства воздействия на международные отношения и обладающие универсальным правом участия в любых международно-правовых действиях.

Производными (несуверенными) субъектами международного права являются межправительственные организации и государственно-служебные образования, создаваемые первичными субъектами международного права. Учреждая таковые, государства наделяют их международно-правовой правосубъектностью. Правосубъектность международной организации является специальной, поскольку ограничена целями и полномочиями, которые регламентированы соответствующими учредительными документами. К основным правам международных организаций относятся: право участвовать в создании международно-правовых норм; право пользоваться привилегиями, иммунитетами и внутренними правами, определяемыми государствами-участниками.

Международно-правовым статусом пользуются и некоторые политико-территориальные образования: вольный город и город-государство. Вольный город — это самостоятельное территориально-политическое образование с правовым режимом, установленным договором и гарантированным государствами или международными организациями. Статус вольного города имели Краков (1815), Данциг (1919), Триест (1947), Западный Берлин (1971). Ватикан — город-государство, который является международным центром католической церкви. В силу сложившихся обычаев Ватикан активно участвует в международных отношениях, сотрудничает в международных организациях, подписывает международные договоры.

Государство как основной субъект международного права характеризуют три элемента: население, территория и суверенная власть. Территориально-организационная структура государства может быть различной. Существуют простые (унитарные) и сложные государства. Сложное государство — это федерация, представляющая собой объединение территориальных единиц, пользующихся определенной политико-правовой самостоятельностью. Конфедерация — это международно-правовое объединение государств, координирующих свои

действия, особенно во внешнеполитической и военной областях. В классическом виде конфедерация не является субъектом международного права, и международной правосубъектностью обладают лишь ее члены. Основу международно-правового статуса государства составляют права и обязанности. К основным правам относятся: право на независимость и свободное осуществление своих законных прав; право юрисдикции над своей территорией, лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов; равноправие с другими государствами, право на индивидуальную или коллективную самооборону против вооруженного нападения. В обязанности государства входят уважение суверенитета других государств, соблюдение принципов международного права.

Основным признаком всякого государства является его суверенитет, который означает верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность во взаимоотношениях с другими государствами. Международное право рассматривает в качестве своего субъекта и участника международных отношений не какие-либо государственные органы или отдельных лиц, а государство в целом. Все значимые международно-правовые действия, совершенными уполномоченными официальными лицами, считаются совершенными от имени государства. Государства как носители суверенитета являются равными между собой юридически. Соответственно каждое из них обладает в международных отношениях одинаковой степенью юридической самостоятельности и независимости. Суверенитет государства возникает и исчезает вместе с его возникновением и исчезновением.

Главная функция международного права — регулирование международных отношений, поскольку в роли главных его субъектов выступают государства. Следовательно, механизм формирования и действия норм международного права имеет межгосударственный, а не надгосударственный характер. В международных отношениях не существует надгосударственных механизмов принуждения. При необходимости государства сами обеспечивают поддержание международного правопорядка с помощью созданных ими международно-правовых институтов. Международное право выполняет следующие функции: *регулирующую*, поскольку устанавливает твердые правила взаимоотношений государств; *обеспечительную*, потому что побуждает государства следовать определенным правилам поведения; *охранительную*, так как обеспечивает законные права и интересы государства.

Международное право зародилось вместе с появлением государств и возникновением международных отношений. В Древнем мире международное право выступало в форме правовых обычаев (например, обычай заключения перемирия) и было весьма несовершенно. В период Средневековья в международно-правовую практику вошли такие понятия, как суверенитет, нейтралитет, открытое море; появились посольства, новые, более совершенные виды договоров. Труды голландского юриста Г. Гроция (1583–1645) и его последователей стали началом международного права как самостоятельной области науки.

После революций XVII–XVIII вв. началось формирование качественно иных международных отношений и соответствующего им международного права. В международные отношения пришли идеи равенства, суверенитета, невмешательства во внутренние дела, неприкосновенности государственной территории, неотъемлемости основных прав и свобод человека. На Венском конгрессе 1815 г. была предложена первая кодификация дипломатического права. В 1856 г. в Париже был разработан целый ряд норм права морской войны. На Гаагской конференции 1899 г. приняты конвенции, регламентирующие правила ведения войны и запрещающие наиболее варварские методы. На второй Гаагской конференции (1905–1907) были приняты первые конвенции о праве разрешения международных споров.

По мере развития экономических, технических, военных и других международных связей появлялись международные договоры и межгосударственные соглашения, регулирующие вопросы международного сотрудничества в самых различных областях. После Первой мировой войны в 1919 г. учреждена первая универсальная международная организация — Лига Наций. Однако она не смогла стать надежным институтом обеспечения мира и безопасности государств. Эта задача была возложена на Организацию Объединенных Наций, созданную в 1945 г., после окончания Второй мировой войны. В 1970-е гг. государствами был разработан целый комплекс международно-правовых норм, призванных способствовать разоружению, укреплению безопасности и взаимодействию стран Европы. Была проведена работа по кодификации международного права, подписаны конвенции о праве международных договоров, правопреемстве государств, правах человека и т. д. В настоящее время этот процесс универсализации международного права идет полным ходом благодаря активному международному сотрудничеству государств.

§ 3. Нормы и принципы международного права

Неотъемлемые элементы системы международного права — международно-правовые нормы. Они группируются в однородные относительно самостоятельные комплексы, называемые отраслями и институтами международного права. Международно-правовой институт — это группа правовых норм, которая регулирует однородные международные отношения, связанные общим объектом (например, институт территориального моря). Объектом отрасли является весь комплекс однородных международных отношений (например, международное воздушное право). Существуют также отрасли и институты, общие для всего международного права. Это комплексы международно-правовых норм, касающиеся международно-правовой субъектности, ответственности. При этом границы между указанными отраслями и институтами имеют условный характер ввиду существенных изменений, происходящих как в отдельных отраслях международного права, так и во всей его системе в целом.

Основным и главным источником международного права считают международный договор, поскольку он в четкой, определенной форме выражает волю сторон, направленную на установление, изменение или прекращение их взаимных прав и обязанностей. Подавляющее большинство норм современного международного права имеет договорный характер, и данные договорные нормы международного права признаны подавляющим большинством его субъектов.

Другим источником международного права выступает международный обычай. Обычные нормы международного права — это нигде не зафиксированные, но юридически обязательные правила поведения, которых государства и другие субъекты международного права придерживаются в силу сложившихся традиций.

Решения и постановления международных организаций, не являясь источником международного права, могут играть значительную роль в процессе формирования норм и стать правовой нормой только в случае ее признания участниками международного общения. Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 25 Устава ООН принимает решения, обязательные для государств — ее членов. Однако такие решения касаются отдельных случаев и должны быть основаны на действующих принципах и нормах международного права. Они представляют собой акты применения к какой-либо конкретной ситуации действующих принципов и норм. Национальное законодательство, а также решения национальных судов имеют обязательную силу только для субъектов национального права, но отдельные их положения

могут получить международное признание и стать либо договорными, либо обычными нормами международного права.

Все нормы международного права можно классифицировать по сфере действия на *универсальные, локальные и региональные*, а по нормативной силе действия — на *императивные и диспозитивные*. Универсальные нормы международного права регулируют отношения всех его субъектов. Их главными отличительными признаками являются глобальность действия, всеобщая обязательная сила, создание и отмена их международным сообществом в целом. Универсальные нормы образуют общее международное право. Локальные нормы действуют среди ограниченного круга участников. Их основной источник — договоры, которые регулируют отношения, не охватываемые общим международным правом. Локальные нормы не входят в общее международное право. Действие региональных норм распространяется на субъекты международного права в границах определенных регионов. В связи с развитием интеграционных процессов они соответствуют потребности государств в более высоком уровне нормативного регулирования вплоть до создания такой его формы, как наднациональная (например, Европейский союз).

К императивным относятся нормы, устанавливающие четкие, конкретные пределы определенного поведения. Субъекты международного права не могут по собственному усмотрению изменять объем и содержание своих прав и обязанностей. Диспозитивными являются нормы, в рамках которых субъекты международного права по соглашению между собой могут сами в зависимости от обстоятельств определять свое поведение, взаимные права и обязанности.

Принципы международного права, которые, образуя его фундамент, обладают высшей юридической силой, представляют собой наиболее важные, системообразующие нормы международного права. Остальные нормы и международные действия должны соответствовать их положениям. Принципы международного права обязательны для всех субъектов. Они имеют универсальный императивный характер и служат критериями законности всех остальных международных норм. Принципы международного права взаимосвязаны, и за нарушением одного из них неизбежно следует несоблюдение других. Формируются они на основе обычая и договора.

Первоначально принципы международного права выступали в форме международно-правовых обычаев, но с принятием Устава ООН они обрели договорно-правовую форму. Однако и в этом документе принципы международного права изложены еще в прежней форме,

требующей более детального их раскрытия. В 1960-е гг. в ООН была проведена работа по кодификации основных принципов ее Устава, которая завершилась в 1970 г. принятием Генеральной Ассамблеей Декларации о принципах международного права, подлежащих применению с целью развития дружеских отношений и сотрудничества между государствами [1]. В Декларации представлены все 7 основных принципов:

- 1) принцип неприменения силы и угрозы силой;
- 2) принцип мирного разрешения споров;
- 3) принцип суверенного равенства государств;
- 4) принцип невмешательства;
- 5) принцип самоопределения народов;
- 6) принцип сотрудничества;
- 7) принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

В Заключительном акте Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе добавлены еще три принципа: нерушимость границ, территориальная целостность государств и уважение прав человека, его основных свобод [2].

Все принципы международного права можно разделить на две группы. Первая группа объединяет принципы сохранения мира и поддержания всеобщей безопасности. Они таковы: неприменение силы или угрозы силой, мирное разрешение международных споров, территориальная целостность государств, принцип целостности границ.

Особое значение имеет принцип неприменения силы или угрозы силой. Политические мыслители обосновывали этот принцип на протяжении столетий, но окончательно он утвердился в международном праве с принятием Устава Организации Объединенных Наций. В соответствии с ним запрещаются любые виды прямых или косвенных агрессивных действий одного государства против другого, в том числе вооруженное вторжение на чужую территорию и ее оккупация, бомбардировки и обстрелы, установление морской и воздушной блокады, засылка вооруженных бандформирований, поощрение терроризма и т. д. Государство — жертва агрессии получает право на индивидуальную или коллективную самооборону, вплоть до применения вооруженной силы против агрессора.

Принцип мирного разрешения международных споров вытекает из принципа неприменения силы. Принцип территориальной целостности и принцип нерушимости границ должны обеспечивать сохранение территории всех суверенных государств в рамках их границ,

признанных международным сообществом. Но если принцип территориальной целостности направлен против сепаратизма и его поощрения, то принцип нерушимости границ ставит заслон попыткам необоснованных территориальных претензий одних государств по отношению к другим.

Вторая группа включает такие общие принципы, как принцип суверенного равенства государств, принцип невмешательства, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип сотрудничества государств, принцип уважения прав человека, принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Хотя еще с Вестфальского договора 1648 г. европейские государства стали признавать и уважать суверенитет друг друга, принцип суверенного равенства утвердился лишь в XX в. До этого международное право фактически признавало деление государств на большие и малые, христианские и нехристианские и т. д. Принцип суверенного равенства означает:

- ◆ каждое государство обязано уважать суверенитет других государств, их территориальную целостность и политическую независимость;
- ◆ каждое государство вправе свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; все государства юридически равны независимо от различий их экономических, социальных и политических систем;
- ◆ каждое государство является субъектом международного права с момента возникновения;
- ◆ каждое государство имеет право участвовать в разрешении международных вопросов, затрагивающих его интересы;
- ◆ каждое государство на международных конференциях и в международных организациях обладает одним голосом;
- ◆ государства создают нормы международного права путем соглашения на равноправной основе, никакая группа государств не может навязывать другим государствам созданные ею международно-правовые нормы.

Принцип невмешательства связан с понятием государственного суверенитета. Если государства признают суверенитет друг друга, если они считают друг друга юридически равноправными субъектами, то у них нет оснований вмешиваться в те вопросы, которые относятся к внутренней компетенции властей всех без исключения других государств.

Принцип самоопределения народов первоначально был сформулирован как один из политико-идеологических принципов либерализма и социализма и только во 2-й половине XX в., после включения его в Устав ООН, закрепился как общий принцип международного права. В современных условиях содержание данного принципа таково: все народы имеют право свободно, без вмешательства извне определять свой политический статус и осуществлять экономическое, социальное и культурное развитие; все государства обязаны уважать это право; все государства обязаны содействовать осуществлению народами права на самоопределение; все государства обязаны воздерживаться от насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость; в своей борьбе за самоопределение колониальные народы могут использовать все необходимые средства; запрещается подчинение народа иностранному господству.

Параллельно с принципом самоопределения утвердился и принцип уважения прав человека, о содержании которого пойдет речь в следующем параграфе.

Принцип сотрудничества и принцип добросовестного выполнения международных обязательств представляют собой исторически наиболее ранние принципы международного права. Без этих принципов невозможно нормальное функционирование всей системы международных отношений.

Соблюдение норм и принципов международного права — одна из важнейших обязанностей всех суверенных государств. Однако применение этих принципов и норм в реальном политическом процессе бывает весьма затруднительным. Об этом свидетельствует не только история, но и практика международных отношений самого последнего времени.

§ 4. Международное право в современном мире

Осуществление норм и принципов международного права происходит не автоматически. Нередко международные нормы и принципы реализуются в условиях политической борьбы, несовпадения национальных интересов и целей различных государств. Одним из примеров сложностей, возникающих на пути реализации норм и принципов международного права, является проблема защиты и обеспечения прав и свобод человека.

Как уже отмечалось, создание Организации Объединенных Наций способствовало окончательному формированию современного международного права, одним из центральных принципов которого стал

принцип уважения и соблюдения прав человека. В Уставе ООН впервые прямо говорилось об обязанности государств сотрудничать в сфере прав человека на многосторонней договорной основе. 10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Первоначально этот документ имел рекомендательный, а не обязывающий характер. Но со временем он превратился в свод важнейших универсальных и императивных норм международного права. Конкретизация этих норм была осуществлена в двух других важнейших международно-правовых документах: Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Оба эти пакта были приняты 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН и вступили в силу в 1976 г. после их ратификации большинством государств мира. Кроме универсальных договоров о правах и свободах человека существуют и региональные договоры между государствами, посвященные этой же теме. Это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г., вступила в силу 3 сентября 1953 г.); Американская конвенция о правах человека (принята 22 ноября 1969 г., вступила в силу в 1978 г.); Африканская хартия прав человека и народов (принята в июне 1981 г., вступила в силу в январе 1988 г.); Арабская хартия прав человека 1994 г., Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.

В самом общем виде механизм обеспечения прав человека в современном международном праве выглядит следующим образом. Права человека принято делить на гражданские и политические, с одной стороны, и социально-экономические — с другой. К основным правам человека, защищаемым международным правом, относятся такие гражданские и политические права:

- 1) равноправие и недискриминация;
- 2) право на жизнь;
- 3) право на участие в государственном управлении;
- 4) право на защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения;
- 5) право на свободу и личную неприкосновенность;
- 6) право на свободу передвижения и выбора места жительства;
- 7) право на свободу мысли, совести и религии;
- 8) право на свободу мнений и их выражения;
- 9) право на мирные собрания;
- 10) право на свободу ассоциаций и др. [3].

К социально-экономическим правам относятся:

- 1) право на труд;
- 2) право на справедливые и благоприятные условия труда;
- 3) право на создание профсоюзов;
- 4) право профсоюзов на свободную работу;
- 5) право на забастовки;
- 6) право на социальное обеспечение;
- 7) право на охрану и помощь семье, матерям, детям;
- 8) право на достаточный жизненный уровень;
- 9) право на охрану здоровья;
- 10) право на образование и участие в культурной жизни и др. [4].

Для эффективного международного сотрудничества в области прав человека международное сообщество разработало целый ряд контрольных механизмов и процедур, предназначенных для контроля и наблюдения за применением норм и деятельностью государств в этой области. Контрольные механизмы представляют собой определенные организационные структуры, которые могут быть коллективными (комитеты, рабочие группы и т. д.) и единоличными (специальные докладчики). Процедуры устанавливают порядок и методы получения информации по правам человека и степень реагирования на результаты исследований.

Центральное место во всей системе контроля за соблюдением прав человека занимает ООН, в ее компетенцию входит рассмотрение проблем в области прав человека. Генеральная Ассамблея принимает специальные резолюции по этим вопросам. Резолюции подготавливает третий комитет (по специальным, гуманитарным и культурным вопросам). Этими же проблемами занимается Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), при котором созданы Комиссия по правам человека и Комиссия по правам женщин. В рамках ООН при Секретариате действует и Центр по правам человека, возглавляемый заместителем Генерального секретаря. Кроме того, в соответствии с основными международными договорами по правам человека были созданы специальные органы: Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка.

В период холодной войны в условиях раскола мира на два противоположных лагеря права человека не могли не быть объектом конфронтации между ними. Поскольку сама концепция прав человека

имела либеральное происхождение, страны Запада часто использовали ее для борьбы против своих противников из коммунистического лагеря. Однако было бы неверно считать, что Советский Союз занимал лишь оборонительную позицию. Да, при принятии Декларации прав человека 1948 г. СССР воздержался при голосовании, ссылаясь на то, что она якобы ущемляет суверенные права некоторых «демократических правительств». Но в дальнейшем именно СССР стал инициатором принятия Пакта о социальных и экономических правах (поскольку данные права связаны не с либеральной, а с социалистической идеологией). Тексты Пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите основных прав и свобод человека были приведены в соответствие с устраивавшими СССР стандартами. Советский Союз, так же как и многие другие государства, включая США, подходил к нормативным актам по правам человека избирательно, исходя из своих интересов.

Казалось бы, после окончания холодной войны никаких проблем с международной охраной прав человека быть больше не должно. Ведь, согласно формуле Ф. Фукуямы, наступил «конец истории», ознаменованный полной победой либеральных ценностей. Однако на практике ситуация с правами человека во многих странах не улучшилась, а ухудшилась. На смену нарушениям прав человека по идеологическим и политическим причинам пришло нарушение этих прав по причинам религиозного или этнического характера. Так же как в годы холодной войны, вопросы прав человека активно используются во внешней политике отдельных государств в целях, весьма далеких от осуществления самих этих прав. Двойные стандарты в этой сфере, пожалуй, даже усилились по сравнению с прошлым. Нарушение прав человека, особенно в результате этнополитических конфликтов, стало предлогом для выдвижения концепции «гуманитарной интервенции», опирающейся, в свою очередь, на концепции «ограниченного суверенитета» и «приоритета безопасности личности над безопасностью государства». Практическим воплощением такого подхода стали действия НАТО против Югославии в 1999 г. Дело даже не в результате этой акции, которая оправдывалась этническими чистками албанцев, а привела к этническим чисткам сербского населения в Косово. Дело в том, что в международных отношениях был создан опасный прецедент. Его теоретическим обоснованием стало смешение двух абсолютно противоположных методологических оснований: с одной стороны, принципов «реалистической внешней политики», опирающейся исключительно на силу, с другой — либеральной доктрины,

традиционно ставящей на первое место моральные и правовые принципы, противопоставляя их вооруженному насилию.

Классический политический реализм, как, впрочем, и современный неореализм, исходили и исходят из того, что политика государства определяется его объективными национальными интересами, центральное место среди которых всегда занимали интересы национальной безопасности. Именно угроза безопасности государства оправдывает, по мнению реалистов и неореалистов, применение силы. Г. Моргентау редко возражал против возведения какого-либо морального или правового принципа в абсолютно универсальный, стоящий выше суверенитета отдельного государства. Либеральные и неолиберальные мыслители и политики, утверждая приоритет права над силой, связывали свои идеалы с будущим, с преодолением ограниченности государственного суверенитета за счет усиления роли наднациональных и транснациональных структур. Но при этом никто никогда не устанавливал четкой иерархии международно-правовых принципов и норм, никто не указывал, какие из них являются наиболее важными и универсальными.

Идеологи «гуманитарного вмешательства» исходят из того, что принцип уважения прав человека выше принципов неприменения силы и угрозы силой, невмешательства, суверенного равенства государств. Здесь имеет место фундаментальное противоречие между принципом соблюдения и уважения прав человека и принципом невмешательства во внутренние дела других государств. Вопрос о соблюдении прав человека неизбежно сталкивается со сферой внутренней политики суверенных государств. Следовательно, необходимо делать выбор между одним либо другим принципом.

Подобная же коллизия возникает и между принципом самоопределения наций и принципом территориальной целостности государств. На принцип самоопределения активно ссылались в начале 60-х гг. XX в. для обоснования осуществлявшегося тогда процесса деколонизации. Когда большинство колоний получили независимость, на пути реализации этого принципа стали возникать препятствия.

Например, сложная ситуация сложилась в начале 1970-х гг. в связи с самоопределением населения Восточной Бенгалии. Эта территория в 1948 г. была включена в состав Пакистана, созданного искусственно, по религиозному принципу. Территория нового государства состояла из двух частей, разделенных между собой географически и не имевших ничего общего, кроме того, что подавляющее большинство населения Восточного и Западного Пакистана были мусульма-

нами. Самой многочисленной этнической группой Исламской Республики Пакистан оказались бенгальцы, проживавшие в восточной части страны, а административные, политические и экономические центры находились в ее западной части. Среди правящей элиты Пакистана преобладали пенджабцы, пуштуны и представители других народов, населявших западные провинции. Бенгальцы же были в меньшинстве, на их долю приходилось только 10% руководящих постов в государственном аппарате и командных должностей в армии.

Такое положение создавало напряженность между двумя частями Пакистана. А в начале 1970-х гг. эта напряженность переросла в открытый этнополитический конфликт. Ситуация осложнялась еще и тем, что немалое число бенгальцев, исповедовавших индуистскую религию, проживало в Индии, с которой Пакистан с первых лет независимости находился в конфронтации. Весной 1971 г. лидеры победившей на выборах партии Авами лиг (Народная лига) призвали население Восточного Пакистана к борьбе за независимость и провозгласили создание Народной Республики Бангладеш. В ответ на эти действия пакистанские власти применили оружие, что, в свою очередь, вызвало вмешательство Индии, первой заявившей о признании независимости Бангладеш. Когда эта конфликтная ситуация рассматривалась в Организации Объединенных Наций, обнаружилось, что существуют разные мнения по поводу путей ее урегулирования. Индия, Советский Союз и еще ряд государств выступили за признание независимости Народной Республики Бангладеш, ссылаясь на принцип самоопределения народов. США и КНР поддержали Пакистан, оправдывавший вооруженное насилие необходимостью защитить свою территориальную целостность.

Поскольку все стороны апеллировали к Уставу ООН и содержащимся в нем принципам международного права, ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея так и не смогли принять однозначного решения по обсуждавшему вопросу. Ситуация была урегулирована под воздействием скорее политических и военно-политических, а не правовых факторов. Пакистанские вооруженные силы потерпели поражение и фактически вынуждены были уйти с территории Восточной Бенгалии. Далее последовало признание Народной Республики Бангладеш большинством государств мира, с этим пришлось согласиться Соединенным Штатам и Китаю.

В этом случае восторжествовал принцип самоопределения, но одновременно в другой точке третьего мира, в африканской стране Нигерия, при схожей ситуации был реализован принцип территориальной

целостности государств. Население одной из провинций, недовольное своим положением в рамках сложного по составу федеративного государства, попыталось отделиться и провозгласить республику Биафра. Самопровозглашенная республика обращалась с просьбой о своем признании и к африканским странам, и к Соединенным Штатам, и к государствам Западной Европы, и к Советскому Союзу, но везде получила отказ. В итоге движение, названное сепаратистским, было подавлено с не меньшей жестокостью, чем та, которую демонстрировали пакистанские власти в борьбе против национально-освободительного движения Восточной Бенгалии. Но мировое сообщество в этом случае предпочло закрыть глаза, поскольку территориальные изменения могли стать опасным прецедентом на африканском континенте, где почти все границы были проведены еще в колониальные времена искусственным образом, без учета этнических, экономических и физико-географических реалий.

После завершения деколонизации только еще один исторический период стал периодом интенсивного образования новых государств на основе реализации принципа равноправия и самоопределения народов. На рубеже 80–90-х гг. XX в. в условиях кризиса и краха коммунистических режимов распались ЧССР, СФРЮ и СССР. Бывшие союзные республики, входившие в состав этих государств, получили беспрепятственное международно-правовое признание. Но дальнейшее дробление вновь возникших независимых государств было признано международным сообществом нецелесообразным. Сложился неформальный консенсус, в соответствии с которым все самопровозглашенные республики на территории бывших Югославии и Советского Союза не могли быть признаны официально. Этот консенсус действовал (и действует) в ситуации с сербскими «крайнами» в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Нагорным Карабахом в Азербайджане, Приднестровьем в Молдавии, Абхазией и Южной Осетией в Грузии, а также в Чеченской Республике во времена правления Д. Дудаева и А. Масхадова.

В последние годы игнорирование рядом государств, включая единственную оставшуюся сверхдержаву — США, норм и принципов международного права породило мнения о его «смерти». Однако нарушение водителями и пешеходами правил дорожного движения не свидетельствует о том, что их вовсе не существует. Международное право не является абсолютно совершенным институтом, оно имеет целый ряд серьезных недостатков, встречаются и коллизии между его нормами и принципами. Но эти недостатки постепенно преодолеваются

благодаря усилиям мирового сообщества по прогрессивному развитию международного права. Иного механизма или инструмента сохранения мира и поддержания безопасности человечество пока не выработало.

Примечания

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. (Извлечение) // Международное право в документах. М., 2002. С. 17.
2. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Часть I // Международное право в документах. М., 2002. С. 24.
3. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (Извлечение) // Международное право в документах. М., 2002. С. 117.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (Извлечение) // Международное право в документах. М., 2002. С. 107.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем похожи и чем различаются между собой политические, моральные и международные нормы?
2. В какой степени и каким образом моральные нормы могут влиять на международную политику?
3. Назовите основные этапы развития международного права.
4. Чем современное международное право отличается от международного права предшествующих исторических эпох?
5. Что такое система современного международного права?
6. Дайте характеристику основных принципов международного права и их роли в регулировании международных отношений.
7. Какие проблемы могут возникать в процессе применения норм и принципов международного права и каковы возможные пути их решения?

Литература

- Арцибасов И. Н., Егоров С. А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989.
- Бирюков П. Н.* Международное право: Учебное пособие. М., 1999.
- Блищенко И. П., Солнцева М. М.* Мировая политика и международное право. М., 1991.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Гаджиев К. С.* Этика и политика // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 3.
- Дмитриева Г. К.* Мораль и международное право. М., 1991.
- Лебедева М. М.* Мировая политика. М., 2003.
- Международная конференция «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях» // Международная жизнь. 2000. № 12.
- Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. М., 2002.
- Поздняков Э. А.* Политика и нравственность. М., 1995.
- Померанц Г., Чугров С.* Моральное перевооружение: есть ли место нравственности в политике? // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7.
- Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2000.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2003.

Глава XIII

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

---

§ 1. Сущность и типология международных организаций

Современная политическая наука рассматривает международные организации в качестве важнейших наряду с государствами — участниками международных отношений и субъектами мировой политики. Наличие международных организаций придает международным отношениям стабильность, упорядоченность и институциональную завершенность. Понятие «международный институт» (от лат. *institutum* — установление, учреждение) включает в себя такие понятия, как «международные организации», «международные конференции» и, по мнению многих специалистов, «международные режимы» (см. главу V). Поскольку сегодня международные организации являются самыми многочисленными из всех международных институтов, сам термин «международный институт» часто употребляется как синоним термина «международная организация». Однако международные организации зародились из практики работы международных конференций — формы международного сотрудничества, имеющей давние традиции.

Первые международные институты в зачаточном состоянии сформировались одновременно с формированием социумов и возникновением государств. Это встречи и собрания вождей с целью регулирования проблем, возникавших между первобытными общинами в процессе их хозяйственной деятельности; собрания князей и правителей древних государств с целью выработки правил ведения войны; церковные соборы для согласования общих правил религиозного исповедания; конгрессы правителей для подведения итогов войн, наказания побежденных и награждения победителей. В этом же ряду находятся третейские суды для разрешения споров между странами и государствами.

Организации подобного рода особенно интенсивно формируются под влиянием развития производительных сил, расширения и углубления экономических, политических и культурных отношений между народами и государствами, складывания мирового рынка, интенсификации

фикации торговых и иных отношений между странами и народами, осознания общности интересов всех народов в том или ином вопросе глобального развития. Вначале заключаются соответствующие межгосударственные договоры, соглашения, создаются механизмы их реализации, затем экономические, культурные и иные организации. В новое время этот процесс принимает системный характер. Возникают институты для налаживания сотрудничества в разных областях жизни.

Одними из первых политических институтов нового времени могут считаться Священный союз, заключенный между монархами Австрии, Пруссии и России, а также контрольный механизм, сформированный Конференцией против рабства в 1840 г. Вслед за ними были учреждены Международная ассоциация права (1873), Международный комитет Красного Креста (1875), международные ассоциации зубных врачей (1878), писателей и художников (1878), Межпарламентский союз (1889), Международный штаб общественного здоровья и др. К началу XX в. в мире существовало более 400 подобных организаций. В дальнейшем их число только увеличивалось.

В истории политической мысли и в теории международных отношений сложились разные, зачастую прямо противоположные, представления о месте и роли международных организаций в мировом политическом процессе. Представители реалистического направления (политический реализм, неореализм) полагают, что международные организации играют второстепенную роль в международных отношениях. Они рассматривают международные организации либо как поле, на котором государства могут отстаивать свои интересы, либо как инструмент внешней политики какого-либо отдельного государства или группы государств.

Иначе считают представители либерального направления (политический идеализм, неолиберализм). В некоторых исследованиях это направление именуют либеральным институционализмом. Его представители связывают с деятельностью международных институтов надежды на перестройку всей системы и структуры международных отношений. По их мнению, международные организации не только могут играть отличную от государств, самостоятельную роль в международной политике, но и способны постепенно оттеснить государства на периферию такой политики. Более того, либералы и неолибералы всегда полагали, что международные организации могут иметь не только межгосударственный, но и наднациональный характер, т. е. занимать положение над властью отдельных национальных государств. На этом были основаны многочисленные либеральные проекты созда-

ния мирового правительства, которое должно было формироваться на базе универсальной международной организации. В последние десятилетия стали еще более распространенными представления неоллибералов о возрастании роли международных институтов на фоне резкого снижения роли национальных государств и размывании самого понятия государственного суверенитета.

Обе точки зрения имеют право на существование, поскольку отражают разные стороны одного и того же мирового политического процесса, в первом случае обращаясь к его прошлому, а во втором — к будущему.

С одной стороны, и в прошлом, и в настоящем в рамках международных организаций государства реализовывали свои национальные интересы — собственно, ради этого они вступали и вступают в такие организации. Как показывает политическая практика, международная организация может стать инструментом политики какого-либо государства, если государство будет полностью контролировать деятельность такой организации, оказывать решающее воздействие на принятие и реализацию решений. Примером может служить Организация Североатлантического договора (НАТО), бывшая в годы холодной войны инструментом политики США и оставаясь таким инструментом после ее окончания. Точно так же Организация Варшавского договора в тот же самый период была инструментом внешней политики Советского Союза.

С другой стороны, очевидным является увеличение численности международных организаций и повышение их роли в мировой политике. Более того, практика международных отношений свидетельствует, что международные институты, создававшиеся и первоначально функционировавшие как межгосударственные, со временем могут приобретать наднациональные черты и функции. Примером может служить опыт европейской интеграции, путь которой лежал от Европейского экономического сообщества (ЕЭС) к Европейскому союзу (ЕС). Если с точки зрения политической науки вопрос о природе международных организаций считается дискуссионным, то с точки зрения международного права этот вопрос решается однозначно. Юристы, специализирующиеся в области международного права, полагают, что международная межправительственная организация, являясь субъектом международного права, представляет собой учреждение, созданное на основе объединения государств и международного договора для достижения общих целей и имеющее свои постоянные органы, кото-

рые действуют в общих интересах государств-членов при уважении их суверенитета.

По своей компетенции и составу государств-участников эти организации подразделяются на следующие:

- ◆ межгосударственные международные организации общей компетенции — объединение государств, деятельность которых затрагивает все сферы отношений между ними — политическую, экономическую, культурную и т. д. (например, Организация Объединенных Наций);
- ◆ международные межправительственные организации специальной компетенции — объединение государств, деятельность которых затрагивает одну из специальных областей межгосударственных отношений, например военно-политические организации (НАТО), экономические организации (МВФ), организация ООН по вопросам культуры и образования (ЮНЕСКО);
- ◆ открытые международные межправительственные организации — объединения государств, куда принимают любое государство, отвечающее требованиям членства в них (например, Всемирная организация здравоохранения и большинство других международных организаций);
- ◆ закрытые международные межправительственные организации — объединения государств с приемом новых членов только при согласии первоначальных учредителей (НАТО);
- ◆ универсальные международные организации, предусматривающие возможность членства в них для всех государств независимо от их региональной принадлежности (первой универсальной организацией в истории человечества была Лига Наций, сегодня такой организацией является ООН, а также специализированные организации и институты, входящие в систему ООН);
- ◆ региональные международные межправительственные организации — объединение государств, расположенных в пределах одного региона (например, Организация американских государств, Лига арабских государств).

В основе правовой природы международных организаций лежит наличие общих целей и интересов. Компетенция международной организации — это объект или сфера предметной деятельности, определяемые полномочиями, которые даны ей государствами-участниками. Функции международных организаций могут быть регулирующими, контрольными, оперативными и др. Они ограничены сферой закреп-

ленной за ними компетенции. Сама же компетенция ограничена договорными рамками, очерченными государствами-участниками в договорных документах.

Наряду с международными межправительственными организациями (ММПО) существуют еще и международные неправительственные организации (МНПО). Отличия вторых от первых заключаются в том, что они создаются не представителями официальных государственных структур, а частными лицами и общественными объединениями нескольких государств. МНПО не являются субъектами международного права, что не мешает некоторым из них играть активную роль в современных международных отношениях.

По целям, составу участников, характеру деятельности выделяют разные виды МНПО и ММПО. Например, существуют религиозные МНПО (Экуменический совет церквей), спортивные (Международная федерация футбола — ФИФА), правозащитные («Международная амнистия»), экологические («Гринпис»), политические (Социалистический Интернационал, Международный демократический союз).

Степень вовлеченности МНПО в мировой политический процесс неодинакова. Организации политического характера непосредственно выступают в качестве субъектов мировой политики. Социалистический Интернационал участвует в решении многих международных проблем как через деятельность входящих в него партий на национальном уровне, так и прямо вырабатывая и представляя свои предложения на различных международных форумах. «Гринпис» и «Международная амнистия» включаются в политическую деятельность не в силу своей природы, а из-за того, что сфера их деятельности неизбежно пересекается с политической сферой. Есть и неполитические МНПО, сознательно дистанцирующиеся от политики и подчеркивающие свою аполитичность.

С точки зрения сторонников некоторых неолиберальных и постмодернистских концепций (см. главу V), развитие МНПО в перспективе может привести к формированию «глобального гражданского общества», способного оказывать на систему международных отношений не менее существенное воздействие, чем то, которое оказало формирование гражданского общества в национальных рамках на развитие государства. Насколько верны подобные выводы, покажет только будущее, а пока все же большее значение для теории и практики международных отношений имеет не столько деятельность неправительственных, сколько деятельность международных межправительственных организаций.

Международная организация — это инструмент совместного решения международных проблем, затрагивающих интересы нескольких государств или групп их граждан. Соответственно и субъектами этих организаций являются государства, их институты или объединения граждан. В уставах организаций эти субъекты именуются членами. Формально члены международной организации считаются равноправными. Так, согласно ст. 3 Устава ООН, эта организация «основана на принципе суверенного равенства всех ее членов». Уставы и уставные цели всех современных международных организаций должны соответствовать Уставу и целям ООН, а следовательно, и членство в них должно основываться на равенстве.

Первоначально решения всех международных институтов принимались единогласно. Принцип консенсуса в деятельности этих институтов был продемонстрирован на Гаагской конференции 1899 г. Все ее решения приняты единогласно при некотором числе воздержавшихся. Воздержание от голосования считалось «частичным согласием с принимаемым решением», свидетельствующим об уважительном отношении к нему и в будущем. Но принцип консенсуса оказался неработающим. Особенно негативно это сказалось в деятельности Лиги Наций, устав которой определил принцип единогласия при принятии ее решений. Поэтому Гаагская конференция 1930 г. устанавливает принцип принятия решений «большинством голосов», которое варьирует от простого большинства до $\frac{3}{4}$ в зависимости от важности принимаемых решений. Эти нормы закреплены в Уставе ООН, после чего к ним перешли и другие международные институты. Наиболее ответственные решения и до сих пор принимаются путем консенсуса с несколько иным содержанием. Так, для принятия решений в Совете Безопасности требуется консенсус пяти его постоянных членов. Почти во всех постоянных (*ad hoc*) комиссиях решения могут считаться принятыми при условии единогласия всех их членов. Консенсус необходим и для принятия решений руководящими органами ряда региональных организаций.

Консенсус означает равноправие и равный вес голоса. В действительности же никакого фактического равенства не существует. О каком суверенном равенстве государств может идти речь, если одни из государств — членов ООН заседают во всех ее руководящих органах, имеют возможность влиять на все принимаемые решения или инициировать принятие решений, а голос многих других государств может быть учтен только на Генеральной Ассамблее, решения которой имеют рекомендательный характер? Каждый из пяти постоянных

членов Совета Безопасности (СБ) обладает при вынесении решений Советом, а в ряде случаев — и другими руководящими органами ООН, большим весом, чем все остальные государства — члены ООН, вместе взятые, поскольку они вправе наложить вето на волю всего остального мира.

Уставы многих международных организаций, провозглашая право их членов на равенство, закрепляют фактическое неравенство. Так, вес членов МВФ при принятии решений определяется размерами внесенных ими вкладов в финансы этой организации. Все государства-члены имеют право вносить максимальную сумму, им это не запрещено, но их реальный вес в организации будет определяться фактическим взносом. Эти взносы, а соответственно вес голоса ведущих 5 членов организации, серьезно отличаются друг от друга. В то же время 43 государства — члена МВФ вместе имеют около 1% голосов.

Определителями «веса голоса» могут стать и другие, поддающиеся точному взвешиванию, факторы. Иногда число голосов для каждой страны устанавливается по соглашению сторон. Например, на совещаниях ЕС крупные страны имеют больше голосов, чем средние и малые. И здесь в качестве наглядного примера «веса голоса» может быть назван СБ ООН с его пятью постоянными и 10 непостоянными членами. Для принятия решений требуется его одобрение 9 членами СБ, в том числе и пятью постоянными членами. Если даже 14 членов СБ поддерживают решение, но против него выступает один из постоянных членов, решение не может считаться принятым.

Правовая основа деятельности международной организации определяется государствами-учредителями еще до ее создания. Однако постоянно меняющиеся условия жизни требуют приведения ее в соответствие с задачами дня. Это делается путем пересмотра уставов международных институтов или принятия к ним поправок. От кого бы ни исходила идея поправки и ее формулировка, вопрос этот может быть решен окончательно только специальной конференцией полномочных представителей всех государств-членов. Такая норма закреплена в ст. 109 Устава ООН [1], в ст. 236 ЕЭС, в ст. 18 МАГАТЭ и т. д. Другие организации (Всемирный почтовый союз) пересматривают свои уставы или вносят поправки к ним лишь на очередных конференциях членов организации. Как правило, поправка обсуждается и принимается в качестве проекта большинством голосов в руководящем органе международной организации и утверждается на конференции в соответствии с ее уставными нормами. Согласно Уставу ООН, поправки к нему вступают в силу после того, как они при-

няты $\frac{2}{3}$ голосов членов Генеральной Ассамблеи и ратифицированы в соответствии с их конституционной процедурой $\frac{2}{3}$ членов ООН, включая всех постоянных членов Совета Безопасности. Это так называемый законодательный принцип, или принцип конституционного большинства.

Многие международные организации в своих уставах сочетают оба эти принципа. При этом они учитывают характер принимаемых поправок: накладывают эти поправки обязательства на государства-члены или нет. Если они не связывают государства новыми обязательствами, то вступают в силу после одобрения их $\frac{2}{3}$ членов. А если накладывают, то после одобрения таким соотношением голосов на конференции (иногда требуется одобрение $\frac{5}{6}$ или $\frac{3}{4}$ членов организации), поправки должны быть еще ратифицированы законодательными органами $\frac{2}{3}$ государств-членов. После этого в одних случаях они становятся обязательными только для тех, кто их одобрил и ратифицировал, в других — для всех членов международной организации.

Бывают случаи, когда государства — члены международных организаций выступают против принятия тех или иных поправок и отказываются ратифицировать принятые поправки. В принципе, каждое государство суверенно в решении таких вопросов. Но, с другой стороны, не может считаться разумным и нормальным положение, когда одно или несколько государств стоят на пути абсолютного большинства при решении международных проблем и имеют возможность навязывать ему свою волю. Поэтому практика международных организаций выработала разные варианты выхода из таких положений.

Во-первых, несогласные с желанием конституционного большинства государств решать те или иные проблемы с помощью международной организации должны или могут добровольно из нее выйти.

Во-вторых, государства — члены организации делают оговорки о том, что они не берут на себя новых обязательств, но в то же время не будут препятствовать другим государствам при реализации их воли.

В-третьих, государства могут быть исключены из международной организации за систематическое невыполнение своих уставных обязательств.

Существуют обязательства, несоблюдение которых никак недопустимо. Так, устав организации Договора об Антарктиде требует единогласия при принятии поправок и обязательного исключения государств, не ратифицировавших принятые таким путем поправки.

Деятельность любой организации требует определенных расходов, а деятельность международных организаций — крупных расходов

(оплата труда работников исполнительных органов, печатание документов, проведение международных встреч, финансовая поддержка международных программ и т. д.). Бюджет организации определяется руководящими органами и утверждается конференцией или ассамблеей государств-членов. В нем учитываются все необходимые расходы на оплату труда штата сотрудников международной организации при создании необходимых условий труда (помещения, оборудование, связь), на подготовку и проведение предусмотренных в предстоящем году мероприятий. Расходы распределяются между всеми членами международной организации в виде взносов. Поскольку финансовые возможности государств неодинаковы, то они классифицируются по их платежеспособности. Для каждого класса устанавливается свой размер взносов, причем само государство информирует организацию о том, в качестве члена какого класса оно желает присоединиться к ней. Многие организации устанавливают фиксированные взносы в зависимости от уровня развития страны и ее материальных возможностей.

Согласно п. 161 правил процедур ООН, размеры взносов для каждой страны устанавливаются ежегодно на Генеральной Ассамблее. Член ООН, за которым числится задолженность по уплате денежных взносов, лишается права голоса в Генеральной Ассамблее, если сумма задолженности равняется или превышает сумму взносов, причитающихся с него за два полных предыдущих года. Генеральная Ассамблея может, однако, разрешить такому члену участвовать в голосовании, если она признает, что просрочка платежа произошла по не зависящим от него обстоятельствам.

Таким образом, хотя уже и сложились правовые нормы жизнедеятельности международных организаций, считать их демократическими и справедливыми пока еще рано. Но тенденции к усилению равноправия государств очевидны. Должно пройти еще немало времени, чтобы международные организации на деле превратились в подлинно суверенных и равноправных партнеров, действующих совместно и на основе взаимной выгоды.

§ 2. Возникновение, структура и принципы деятельности ООН

Идея создания универсальной международной организации возникла в истории политической мысли давно (см. главу II). Однако до XX в. эта идея так и не была реализована. Первая мировая война с ее

ужасающими бедствиями и страданиями десятков миллионов людей усилила всеобщий интерес к идее всемирной организации, способной исключить повторение подобного. Однако учрежденная на Парижской мирной конференции 28 апреля 1919 г. Лига Наций как первый универсальный институт по поддержанию мира и безопасности оказалась не эффективной. Это произошло потому, что правящие круги ведущих европейских стран, вынужденные учредить этот институт по требованию своих народов, на самом деле не хотели иметь относительно самостоятельного центра мировой политики, решениям которого они обязаны были бы следовать. Велико было и соперничество между учредителями Лиги Наций, что не могло не сказаться на деятельности этого института.

Вторая мировая война оказалась еще более жестокой, чем Первая, она по-новому поставила вопрос о всемирной организации по поддержанию мира. При обсуждении проекта Атлантической хартии (август 1941 г.) У. Черчилль предложил включить в нее пункт о совместном желании США и Англии учредить в будущем «широкую и постоянную систему всеобщей безопасности». Но Ф. Рузвельт, хорошо помня печальный опыт В. Вильсона, в администрации которого он был заместителем министра флота, отнесся к этому предложению отрицательно. Однако Рузвельта считают автором слов «объединенные нации», ставших самыми популярными в мире после 1 января 1942 г. В этот день 26 стран антигитлеровской коалиции подписали Декларацию Объединенных Наций. В ней выражалась их твердая воля бороться с фашистской Германией и ее союзниками до безоговорочной их капитуляции и не вступать с ними в отдельные переговоры.

В различных странах мира появилось более ста проектов новой всемирной организации. Общие контуры подобного института были очерчены в Декларации Московской конференции министров иностранных дел Англии, СССР и США в октябре 1943 г. В ней говорилось о необходимости «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все государства — большие и малые». Главы правительств стран «Большой тройки», собравшиеся в Тегеране в конце ноября того же года, одобрили эту декларацию и поручили своим внешнеполитическим ведомствам четче определить структуру, формы членства, руководя-

щие органы, механизм принятия решений и контроля за их исполнением.

Эта задача была решена на конференции экспертов четырех стран (Англия, Китай, СССР и США) в пригороде Вашингтона Думбартон-Окс в августе-октябре 1944 г. Возникшие в Думбартон-Оксе разногласия и спорные вопросы (процедура голосования в Совете Безопасности, об обязательных и рекомендательных решениях, о статусе, составе и порядке избрания Международного суда) были согласованы на Ялтинской конференции «Большой тройки» в феврале 1945 г. После этого на конференции в Сан-Франциско (США) была окончательно согласована Хартия (Устав) Организации Объединенных Наций. Представители 51 страны единогласно приняли ее 25 июня 1945 г. и подписали на следующий день. В течение четырех месяцев Устав ООН был ратифицирован большинством подписавших его государств, в том числе и пятью постоянными членами Совета Безопасности, а 10 января 1946 г. в Центральном зале Вестминстерского дворца (Лондон) открылась первая сессия ее Генеральной Ассамблеи. В ее работе участвовали представители 51 государства. К началу работы в сентябре 2004 г. 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН членами ООН являлось уже 191 государство мира.

В преамбуле Устава ООН провозглашаются высокие цели Объединенных Наций:

- ◆ избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права и свободы человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство больших и малых наций;
- ◆ создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права;
- ◆ содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, проявлять терпимость и жить в мире друг с другом как добрые соседи и объединять усилия народов для поддержания международного мира и безопасности;
- ◆ использовать исполнительные органы ООН для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов;
- ◆ поддерживать международный мир и безопасность, улаживать международные споры в соответствии с принципами справедливости и международного права.

Отношения между народами должны развиваться на основе уважения принципов равноправия, самоопределения народов и поощре-

ния уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии.

ООН рассматривается в качестве центра согласованных действий наций в достижении этих общих целей. Согласно ст. 2 Устава ООН, все ее члены обязаны действовать в соответствии со следующими принципами:

1. Организация основана на принципах суверенного равенства всех ее членов.
2. Все члены ООН добросовестно выполняют принятые на себя по Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к членам ООН.
3. Все члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость.
4. Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и другим образом, несовместимым с целями ООН.
5. Все члены ООН оказывают ей всемерную помощь во всех ее действиях, предпринятых в соответствии с ее Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера.
6. Устав ООН ни в коей мере не дает ООН право на вмешательство во внутренние дела государств, за исключением случаев, когда с территории этих государства исходит опасность всеобщему миру.

Членом ООН может стать любое государство, которое готово признать ее Устав и принять на себя вытекающие из него обязательства. Государство — член ООН, против которого предприняты превентивные меры, может быть решением Генеральной Ассамблеи лишено прав и привилегий, вытекающих из членства в ООН. Государство, систематически нарушающее принципы Устава ООН, может быть исключено из ООН по рекомендации Совета Безопасности. Однако примеров исключения какого-либо государства из ООН еще не было.

Структура руководящих органов ООН весьма сложна и противоречива. Согласно ст. 7 Устава, ими являются Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), Совет по опеке, Международный суд и Секретариат.

Учредители ООН учли уроки Лиги Наций. Это позволило им заранее продумать структуру органов и процедуру принятия решений. Однако следует отметить, что и структура, и процедура принятия решений определялись конкретными условиями Второй мировой войны и целями, которые ставились учредителями в тех условиях, — не допустить возрождения Германии и Японии как милитаристских держав. Другая цель организации заключалась в том, чтобы не допустить доминирования в ООН одной державы или группы держав, способных навязать свою волю всему остальному миру. Отсюда — достаточно сложная, в какой-то степени не вполне логичная и дублирующая структура руководящих органов и недемократическая система голосования при принятии решений.

Формально высшим органом ООН является ее Генеральная Ассамблея, состоящая из всех членов Организации. Согласно ст. 10 и 11 Устава, она «уполномочена обсуждать любые вопросы или дела в пределах Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого органа, за исключением СБ, делать рекомендации членам ООН или СБ по любым вопросам и делам». Генеральная Ассамблея уполномочена рассматривать общие принципы сотрудничества и давать в соответствии с этими принципами рекомендации своим членам и СБ. Она может обсуждать любые вопросы по поддержанию международного мира и безопасности (за исключением тех, которые входят в компетенцию СБ), предлагаемые любым государством мира, независимо от того, является оно членом ООН или не является, либо по предложению СБ.

Генеральная Ассамблея может передавать вопросы, по которым необходимо предпринимать практические действия, СБ и обратить внимание последнего на ситуации, представляющие или могущие представлять угрозу международному миру. Когда какой-либо вопрос находится на рассмотрении СБ, Генеральная Ассамблея должна воздерживаться от каких-либо рекомендаций по нему, за исключением случаев, когда сам СБ запросит ее об этом. О том, какие вопросы находятся на рассмотрении СБ, Генеральную Ассамблею на каждой ее сессии информирует Генеральный секретарь ООН. Генеральная Ассамблея получает и рассматривает ежегодные доклады СБ и других органов ООН, осуществляет международные функции по опеке, утверждает бюджет ООН, проверяет бюджетные расходы специализированных учреждений ООН с целью, как сказано в ст. 17, «сделать рекомендации заинтересованным учреждениям». Решения Генеральной Ассамблеи имеют для членов ООН рекомендательный характер.

Генеральная Ассамблея собирается на ежегодные сессии, начинающиеся традиционно в середине сентября (продолжаются до середины декабря), и на специальные сессии, созываемые в зависимости от обстоятельств по требованию СБ или большинства членов ООН. Она работает под руководством избираемого на каждой сессии председателя. Каждое государство — член ООН имеет в Генеральной Ассамблее 1 голос. Решения по важным вопросам (рекомендации по поддержанию международного мира и безопасности, выборы непостоянных членов СБ и руководящих органов ООН, прием новых членов, приостановление прав и привилегий членов ООН, исключение из ООН, вопросы об опеке и бюджете) принимаются большинством в $\frac{2}{3}$ присутствующих и принявших участие в голосовании членов ООН, по остальным — простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании членов. Должники по взносам лишаются права голоса, если сумма долга превышает сумму взносов за 2 предыдущие года.

Первоначально СБ ООН состоял из пяти постоянных членов — ведущих стран антигитлеровской коалиции (Великобритания, Китай, СССР, США и Франция) и четырех переменных членов. Последние избираются сроком на два года на основе принципа справедливого географического распределения. Позже число членов СБ было увеличено до 15 за счет непостоянных членов. Ст. 24 Устава ООН гласит, что «для обеспечения быстрых и эффективных действий ООН ее члены возлагают на СБ главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, СБ действует от их имени...» Следующая статья еще более усиливает роль СБ: «Члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям СБ и выполнять их».

Каждый член СБ имеет 1 голос. Все вопросы, кроме процедурных, решаются большинством в 9 голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона, участвующая в споре, должна воздерживаться от голосования при принятии решения (ст. 27, п. 3). Любой член ООН может принять участие в работе СБ без права голоса при обсуждении вопроса, затрагивающего его интересы. Приглашаются принять участие в обсуждении спорных вопросов все связанные с ними страны независимо от того, являются они членами ООН или нет.

СБ может рассматривать любой спор или любую ситуацию, которые могут вызвать международные трения и создать угрозу между-

народному миру и безопасности. На любом этапе обсуждения вопросов он вправе давать рекомендации по их разрешению, причем все вопросы юридического характера предварительно должны быть разрешены Международным судом ООН. Чтобы предотвратить ухудшение ситуации, СБ еще до вынесения рекомендации может потребовать от сторон спора выполнения временных мер, которые он найдет необходимыми или желательными. При этом Устав ООН предусматривает, что рекомендуемые СБ меры «не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон».

Вначале рекомендуются меры, не связанные с использованием вооруженных сил (полное или частичное прерывание экономических, транспортных, почтовых, телеграфных, радиосвязей, разрыв дипломатических отношений). Если эти меры окажутся недостаточными, по решению СБ могут быть применены «такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Статья 43 Устава, обязывает все члены ООН «представлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением или соглашениями необходимые... вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода». При создании ООН предусматривалось, что планы применения вооруженных сил будут составляться Советом Безопасности с помощью Военно-штабного комитета, состоящего из начальников штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей (ст. 47). Однако на самом деле это делалось в Пентагоне и в штаб-квартирах военных блоков.

Все участники мирового политического процесса обязаны решать возникающие между ними споры мирными средствами — путем переговоров, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращаясь к региональным организациям или иными средствами по своему выбору.

Основным органом ООН по реализации социально-экономических и политических задач, а также по координации деятельности международных институтов в системе этой организации является Экономический и социальный совет (ЭКОСОС). Он призван организовать деятельность ООН по созданию на Земле условий стабильности и благополучия, необходимых для утверждения мирных отношений между странами, основанных на принципах равноправия и самоопределения. ЭКОСОС должен содействовать: а) повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и

социального прогресса и развития; б) разрешению международных проблем в экономической, социальной областях, в области здравоохранения; международному сотрудничеству в области культуры и образования; в) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

ЭКОСОС состоит из 54 членов, в том числе и пяти постоянных членов, избираемых Генеральной Ассамблеей сроком на три года. Треть состава Совета обновляется ежегодно. Функции и полномочия ЭКОСОС определены ст. 62–66 Устава ООН. Это:

- ◆ проведение исследований и составление докладов по международным вопросам в области экономической, социальной, образования и других, а также вынесение рекомендаций по этим вопросам Генеральной Ассамблее, отдельным членам ООН и специализированным учреждениям ООН;
- ◆ вынесение рекомендаций в целях поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех;
- ◆ организация международных конференций и встреч по вопросам его компетенции;
- ◆ заключение соглашений с любыми международными институтами по вопросам его компетенции;
- ◆ получение от специализированных учреждений и государств — членов ООН докладов о мерах по реализации ими рекомендаций ООН и решение других задач, которые будут возложены на него Генеральной Ассамблеей.

ЭКОСОС создает комиссии в областях его компетенции (экономические, социальные, по правам человека и др.) и контролирует их деятельность.

При создании ООН одним из важных ее органов являлся Совет по опеке. Он призван был организовать управление территориями, находившимися в то время под мандатами Лиги Наций, а также отторгнутыми от государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне (Италии и Японии), и могли быть добровольно включены в систему опеки ООН. Всего было образовано 11 подмандатных территорий, распределенных между государствами-победительницами. СССР отказался участвовать в мандатной системе. За прошедшие после установления системы опеки годы все они, за исключением Палау (мандат США), обрели национальную независимость и решением Совета Безопасности в 1994 г. действие Договора о подопечных территориях было объявлено завершенным. 2000 г. был объявлен ООН

годом конца существования колониальных и зависимых территорий в мире. Соответственно завершилась и миссия Совета по опеке.

Главным судебным органом Организации Объединенных Наций является Международный суд юстиции. Его Статут, основанный на Статуте Постоянной палаты международного правосудия, является неотъемлемой частью Устава ООН. Все государства — члены ООН являются участниками Статута Международного суда. Ими могут стать и государства, не являющиеся членами ООН, но на условиях, которые определяются в каждом отдельном случае Генеральной Ассамблеей по рекомендации СБ. Все участники Статута Международного суда обязуются выполнять решения этого суда по тому делу, в котором он является стороной. Если какая-либо страна не выполнит обязательства, возложенного на нее решением суда, другая страна вправе обратиться в СБ, который может, если признает это необходимым, дать рекомендации или решить принять меры для приведения решения в исполнение. Руководящие органы ООН могут запрашивать от Международного суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу в пределах их круга деятельности. Члены ООН вправе обращаться для разрешения разногласий между собой также к другим судам.

Административным органом ООН является Секретариат, который, согласно ст. 97 устава ООН, «состоит из Генерального секретаря и такого персонала, который может потребоваться для организации. Генеральный секретарь является высшим должностным лицом ООН, назначаемым Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. В таком качестве он участвует в работе руководящих органов ООН и выполняет другие поручения, которые могут быть даны ему этими органами».

Генеральный секретарь представляет Генеральной Ассамблее ежегодный отчет о работе ООН. Все должностные лица ООН обязаны быть беспристрастными, воздерживаться от любых действий, способных отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных лишь перед ООН. При подборе штата секретариата и персонала других руководящих органов требуется уделять внимание не только обеспечению высокого уровня работоспособности, компетентности и добросовестности, но и «важности подбора персонала на более широкой географической основе».

Рабочими языками ООН являются английский, арабский, китайский, испанский, русский и французский. Но, как отмечалось в отчете ООН за 2000 г., эта организация намерена расширить круг языков, документы на которых будут доступны миру на ее сайте в Интере-

те. Для решения специальных проблем в системе ООН функционируют многочисленные организации, комиссии, комитеты и фонды.

В ООН функционируют управления:

- ◆ Верховного комиссара по делам беженцев (Женева);
- ◆ Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева);
- ◆ по вопросам космического пространства (Вена);
- ◆ по координации гуманитарной деятельности;
- ◆ по обслуживанию проектов (Нью-Йорк);
- ◆ по правовым вопросам, служб внутреннего надзора;
- ◆ по устойчивому развитию (Нью-Йорк).

Таковую же роль выполняют департаменты: общественной информации, по вопросам управления, по политическим вопросам. Среди комитетов ООН выделяется Административный комитет по координации с подкомитетами (по контролю за наркотиками, по океанам и прибрежным зонам, по развитию сельских районов, по статистической деятельности и по освоению водных ресурсов).

ООН реализует международные программы: по контролю над наркотическими средствами, мировую продовольственную, по вирусу иммунодефицита человека/синдрому приобретенного иммунодефицита, Программу развития ООН (ПРООН), по окружающей среде (ЮНЕП).

Заметную роль в международной жизни играют Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Международный фонд сельскохозяйственного развития (Рим), Фонд ООН для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА).

В системе институтов ООН функционируют центры по международной торговле и по населенным пунктам, а также экономические комиссии для каждого континента.

Все международные институты входят в систему ООН и работают в гармонии с целями, провозглашенными в ее Уставе. Однако есть глобальные институты специальной компетенции, которые считаются специализированными учреждениями ООН:

1. Всемирная метеорологическая организация (ВМО) — Женева, Швейцария.
2. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) — Женева, Швейцария.
3. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) — Женева, Швейцария.
4. Всемирный почтовый союз (ВПС) — Берн, Швейцария.

5. Международная морская организация (ИМО) — Лондон, Великобритания.
6. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) — Монреаль, Канада.
7. Международная организация труда (МОТ) — Женева, Швейцария.
8. Международный банк реконструкции и развития (Всемирный банк) (МБРР) — Вашингтон, США.
9. Международный валютный фонд (МВФ) — Вашингтон, США.
10. Международный союз электросвязи (МСЭ) — Женева, Швейцария.
11. Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР) — Рим, Италия.
12. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) — Париж, Франция.
13. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) — Вена, Австрия.
14. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) — Рим, Италия.

Кроме вышеперечисленных специализированных организаций в систему ООН входят: Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД, Женева); Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), преобразованное в 1995 г. во Всемирную торговую организацию (ВТО); Международная финансовая корпорация (МФК); Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА); Международное бюро по вопросам образования (Женева) и др.

§ 3. ООН в современном мире

ООН называют универсальной организацией по обеспечению мира и безопасности на Земле путем содействия установлению отношений всестороннего сотрудничества между странами и народами на основах равноправия, устранения силы и угрозы силой как средств решения международных проблем, а также созданию условий, при которых могли бы в полной мере реализоваться все права и свободы человека. Решению отдельных аспектов этих грандиозных задач призвано содействовать большое количество международных организаций, входящих в систему ООН и согласующих свои цели и задачи с целями и задачами этого универсального международного института.

ООН сыграла более заметную роль в истории, чем ее предшественница Лига Наций. Большим достижением стало само объединение всех народов мира и государств под общим знаменем обеспечения международного мира и безопасности. Безусловным прогрессом было признание принципа суверенного равенства всех государств и всеобщее обязательство не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Благодаря всемирной организации значительно сократились доля и роль тайной дипломатии, мир стал открытым, а человечество — более информированным о происходящем в нем. Ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи, собирающие вместе руководящих деятелей почти всех государств мира, дают каждому государству возможность обратиться к международному сообществу со своими болями и тревогами, а жителям планеты — своевременно узнать, что в первую очередь тревожит человечество.

Все годы своего существования ООН и ее органы уделяли много внимания кодификации и прогрессивному развитию международного права. Было принято множество международных нормативных актов, создавших прочную базу для регулирования межгосударственных отношений в самых различных областях, особенно в сфере обеспечения всеобщего мира и безопасности.

Другим важным полем деятельности ООН является ее содействие процессу ликвидации колониальной зависимости и обретения народами Африки, Азии и бассейнов Тихого и Атлантического океанов государственной независимости. Исключительно важную роль в этом процессе сыграла принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В соответствии с ней более 60 бывших колоний получили государственную независимость и стали членами ООН. Особенно значима роль ООН в выработке международного кодекса прав человека. О неотъемлемости и неотчуждаемости прав человека говорится уже в самом Уставе ООН. В дальнейшем были приняты нормативные акты, конкретизировавшие вопросы защиты этих прав (см. главу XII).

Плодотворной была деятельность специализированных учреждений ООН (ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ВОЗ, МОТ и др.). Наибольших успехов ООН добивалась в тех сферах деятельности, где слабее проявлялось соперничество ведущих держав мира. Хотя нельзя в то же время и отрицать, что именно ведущие державы мира вносили в этот успех самый весомый вклад. Как это ни странно, именно соперничество США и СССР и олицетворявшихся ими систем общественных

отношений сослужило человечеству добрую службу и значительно продвинуло его по пути прогресса.

ООН создавалась как универсальная организация по обеспечению мира и безопасности на Земле. Учредители ООН видели ее главное призвание в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Обеспечение международного мира и безопасности, предотвращение конфликтов между странами и народами, достижение фактического равенства всех государств — членов ООН путем всестороннего развития экономического, социального, политического, научного, культурного сотрудничества — таковы вкратце главные цели ООН. И как это ни парадоксально, в достижении своих главных целей она менее всего преуспела. Большинство из около 140 войн XX в., унесших жизни 125 млн человек и оставивших на земле многие десятки миллионов сирот, вдов и инвалидов, приходится на период деятельности ООН.

Очень низка эффективность деятельности ООН по предотвращению конфликтов и по их урегулированию. На период ее существования приходится почти $\frac{3}{4}$ из примерно 700 международных, региональных и локальных конфликтов XX в. [2]. Казалось бы, назревает конфликт, так предупреди и предотврати его, тем более что существуют политические институты различных уровней, созданные специально для этих целей. Да и сама ООН нередко именуется международным институтом мира. Статья 2 Устава ООН, заявив, что Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов, перечисляет принципы, соблюдение которых обеспечит достижение всех целей ООН. В частности, все государства — члены ООН обязались в том, что:

- ◆ все государства — члены Организации добросовестно выполняют принятые ими на себя обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов ООН;
- ◆ все они разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость;
- ◆ воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций;

- ◆ оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с ее Уставом;
- ◆ воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера.

ООН обеспечивает, чтобы государства, не являющиеся ее членами, также действовали в интересах международного мира и безопасности в соответствии с этими принципами. Пункт 7 этой статьи гласит, что Устав ООН ни в коей мере не дает этой организации права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов ООН представлять такие дела на ее разрешение.

Устав ООН предписывает искать мирные средства для улаживания международных споров и провозглашает принцип воздержания от угрозы силой и применения силы. Между тем реальная карта конфликтов и способы их «урегулирования» не имеют ничего общего с этой декларацией.

Коэффициент эффективности ООН в урегулировании международных конфликтов самый низкий из показателей глобальных и континентальных институтов XX столетия. В 14 случаях вмешательство ООН привело к эскалации конфликта, в 76 случаях не дало никакого результата, в 18 случаях косвенно способствовало урегулированию конфликтов, в 21 случае сыграло важную роль и только в 4 случаях — определяющую роль [3].

Устав ООН предусматривает, что в определенных ситуациях эта организация может прибегнуть и к военным операциям, которые могут иметь миротворческий или принудительный характер. Миротворческими они считаются тогда, когда вооруженные силы ООН направляются в ту или иную страну по просьбе правительства данной страны с целью содействия примирению (разъединению) конфликтующих в ней сторон. После разъединения сторон начинаются переговоры с участием как всех сторон конфликта, так и представителей (наблюдателей) ООН и других международных институтов. В случаях, когда то или иное государство своей политикой создает угрозу международному миру и безопасности, ООН по решению СБ может предпринимать против него превентивные или принудительные меры.

Учредители ООН предусмотрели достаточно действенную процедуру, позволяющую выйти из таких ситуаций без применения силы или угрозы силой. Статья 40 Устава ООН предусматривает, что,

прежде чем давать рекомендации или решать о принятии мер для предотвращения ухудшения ситуации, СБ должен определить временные меры, выполнение которых он найдет необходимым или желательным потребовать от заинтересованных сторон. Такие временные меры не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон. Затем он уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться к такому государству. В их число входят полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений (ст. 41).

Если СБ сочтет, что эти меры могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов ООН (ст. 42).

Вооруженные силы ООН состоят из воинских контингентов стран — членов ООН, согласившихся предоставить их в распоряжение СБ. В операциях каждый контингент участвует в военной форме своей страны, и в качестве символа их принадлежности к миротворческим силам они носят голубые береты или каски и отличительные знаки ООН. Расходы на военные операции оплачиваются всеми государствами — членами ООН. В 1995 г. эти расходы составляли 2,8 млрд долл.

После окончания холодной войны встал вопрос о судьбе ООН в новых условиях. Россия заинтересована в сохранении и повышении роли Организации Объединенных Наций в системе международных отношений. Это, несомненно, расширяет возможности внешней политики РФ, позволяет ей преодолевать структурные ограничения, вытекающие из скромности нынешнего экономического потенциала России. Но в последние годы, особенно в периоды международных кризисов, в выступлениях отдельных политиков и политологов в средствах массовой информации часто можно встретить суждения о маргинализации ООН и даже и ее «смерти». Такие суждения основываются на неэффективности действий организации по урегулированию многих конфликтов, ее неспособности принимать авторитетные и действенные решения по актуальным международным вопросам, а также стремлении отдельных государств (США в 2003 г. в Ираке) и региональных организаций (НАТО в 1999 г. в Югославии) действовать, игнорируя уставные нормы ООН. Одной из причин подобного поло-

жения является то обстоятельство, что Организация Объединенных Наций была создана почти шесть десятилетий назад в совершенно иной международной ситуации, и сегодня нуждается в реформировании. Сам факт реформы ООН позволил бы повысить авторитет и уровень легитимности этой организации и лишить аргументов тех, кто оправдывает нарушение Устава ООН, утверждая, что он устарел.

Дискуссии о возможности реформирования Организации Объединенных Наций идут уже более десяти лет [4]. Ставится вопрос о расширении СБ, причем речь идет не только об увеличении числа его непостоянных членов, но и о введении в состав СБ новых постоянных членов. Среди кандидатов называются чаще всего такие государства, как Германия, Япония, Бразилия, Индия, а также Нигерия как крупнейшая страна африканского континента. Предлагается реформировать и деятельность Генеральной Ассамблеи ООН. В частности, сократить общее число принимаемых резолюций, делать упор на реально выполнимых, исходить при этом из приоритетности решаемых задач, их практической значимости. Предлагается также усовершенствовать структуру Генеральной Ассамблеи за счет активизации уже существующих в ее рамках вспомогательных органов и, возможно, создания новых в целях предметного рассмотрения приобретающих особую актуальность проблем. Многие участники дискуссии сходятся во мнении о необходимости упразднения Совета по опеке как органа, утратившего в современных условиях смысл своего существования. В то же время говорится о необходимости повышения статуса Генерального секретаря ООН и изменения процедуры его избрания. Предлагаются меры по совершенствованию миротворческой деятельности ООН, в частности по реформированию Военно-штабного комитета. Пока единой точки зрения по вопросу реформирования ООН не достигнуто, но в том, что такое реформирование назрело, не сомневаются большинство государств — членов мирового сообщества.

Примечания

1. Статья 109: 1) С целью пересмотра настоящего Устава может быть созвана Генеральная конференция членов Организации Объединенных Наций в срок и в месте, которые должны быть определены $\frac{2}{3}$ голосов членов Генеральной Ассамблеи и голосами любых девяти членов СБ. Каждый член Организации будет иметь на конференции один голос. 2) Любое изменение настоящего Устава, рекомендованное $\frac{2}{3}$ голосов участников конференции, вступит в силу по ратификации в соответствии с их конституционной процеду-

- рой $\frac{2}{3}$ членов Организации, включая всех постоянных членов СБ.
- 3) Если такая конференция не состоится до 10-й ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи, считая со вступления настоящего Устава в силу, предложение созвать такую конференцию включается в повестку дня этой сессии Генеральной Ассамблеи и конференция созывается, если это будет решено простым большинством голосов членов Генеральной Ассамблеи и голосами любых семи членов СБ.
2. Многие из них детально проанализированы в трехтомном исследовании: *Wilkenfeld J., Brecher M., Moser Sh. Crises in Twentieth Century*. N. Y., 1988. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Е. Хаас в книге «The United Nations and Collective Management of International Conflicts» (Cambridge, 1988) изучил 319 конфликтов, имевших место в мире в период с 1945 по 1984 г. См. также: *Conflicts in World Society. A New Perspective in International Relations*. Brighton, 1984; *Zacher M. W. International Conflicts and Collective Security / 1946–1977. The UN, AOS, OAU and AL*. N. Y., 1979. Интересные сведения содержатся и в воспоминаниях государственных деятелей — главных виновников и действующих лиц многих международных конфликтов XX в. (*Nixon R. M. 1999. Victory Without War*. N. Y., 1988; *Shultz G. P. Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State*. New York, 1993. *Thatcher M. The Downing Street Years*. London, 1993).
  3. *Wilkenfeld J., Brecher M., Moser Sh. Crises in Twentieth Century*. V. 1. P. 99–100.
  4. Проблема эта широко обсуждается во всем мире. См.: *Fassbender B. UN Security Council Reform and the Right of Veto: A Constitutional Perspective // Legal Aspects of International Organization*. V. 32. London, 1998.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоят основные отличия международных институтов от национальных институтов?
2. Чем обусловлено многообразие политических институтов?
3. Назовите основные критерии классификации международных институтов
4. В соответствии с какими нормами права функционируют международные институты?
5. Какие нормы права международного института могут действовать на территории государств-членов?

6. Когда и как принималось решение о создании ООН?
7. Назовите руководящие органы ООН.
8. Какова процедура принятия решений в руководящих органах ООН?
9. В каких областях международной политики деятельность ООН была наиболее успешной?
10. Какую роль эта организация играла и играет в урегулировании международных конфликтов?
11. Проанализируйте миротворческие операции ООН.
12. Как вам видятся основные направления реформирования ООН?

Литература

Дипломатический словарь: В 3 т. / Редколл.: И. И. Минц, Ю. А. Поляков, З. В. Удальцова и др. М., 1985.

Ефимов Г. К. Устав ООН — инструмент мира. М., 1986.

Зайцева О. Г. Международные организации: принятие решений. М., 1989.

Ломагин Н. А. Международные организации: теория и практика деятельности. СПб., 1999.

Международные организации системы ООН / Сост. А. А. Титаренко. М., 1990.

Миротворческие акции ООН (1948–1996): Сб. док. М., 1996.

Морозов Г. И. Международное право и международные отношения. Проблемы взаимосвязи. М., 1997.

Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. М., 1974.

Морозов Г. И. ООН в XXI веке: к саммиту тысячелетия // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 12.

Мутагиров Д. З. Международные политические институты: Актуальные проблемы истории и теории. М., 2004.

Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1999.

Никитин А. И. Миротворческие операции: концепции и практика. М., 2000.

Новоселов А. Как вдохнуть новую жизнь в ООН // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 11.

Организация Объединенных Наций. Основные факты. Справочник. М., 2000.

Орджоникидзе С. Новые задачи ООН // Международная жизнь. 2001. № 4.

Саммит тысячелетия в ООН // Международная жизнь. 2000. № 10.

Riggs R. E., Plano J. C. The United Nations: International Organizations and World Politics. Belmont, 1994.

Saksena K. P. Reforming the United Nations System. Dehli, 1993.

The United Nations in World Politics: The Policies of Member States. United Nations Peace-keeping 1994. N. Y., 1994.

Глава XIV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

---

§ 1. Теоретические концепции внешней политики

Анализируя внешнюю политику государства, можно опираться на различные методологические подходы. Интересен подход американского исследователя Г. Аллисона, который выделяет три основные модели формирования внешней политики [1]. Первая модель — *классическая*, в которой внешняя политика представляется результатом сознательной, целенаправленной, рациональной деятельности актора (государства в целом, правительства и/или их руководителя). Вторая модель — *представление о внешней политике как следствии комплекса организационных актов и процессов*; третья модель — *внешняя политика как результат политического торга ведомств и их лидеров*, происходящего внутри правительства, а также в его отношениях с лоббистами. Классический взгляд на внешнюю политику представлен прежде всего в концепции политического реализма в геополитике и соответствует первой модели Г. Аллисона, причем эта модель отождествляет внешнюю политику с «поведением» государства. Государство рассматривается как единое целое и отождествляется с одним человеком. Такое понимание политики верно по отношению к Древнему миру и Средневековью, когда международные отношения были фактически отношениями правящих монархов. Такое понимание внешней политики оправдано и в случаях с диктаторскими авторитарными и тоталитарными режимами, при которых внешнеполитический курс определяется одним человеком — вождем или диктатором, при минимальном участии ближайшего окружения.

В части I этой книги была дана критика «реалистических» представлений о внешней политике и охарактеризованы некоторые альтернативные политическому реализму концепции, в частности концепция Дж. Розенау (см. главу IV). Эта концепция, на наш взгляд, соответствует второй модели формирования внешней политики. Данная модель основана на понимании государства как института, состоящего из совокупности различных организационных структур и не являющегося чем-то однородным, монолитным. Проблемы международной политики государства имеют сложный, комплексный харак-

тер, и это требует их передачи в ведение отдельных организационных структур, которые будут нести за них всю полноту ответственности. Сама внешняя политика складывается из отдельных действий государства на международной арене, и каждое такое действие представляет собой результат процессов, протекающих в русле определенных процедур. Ресурсы, используемые во внешней политике государством (политико-дипломатические, экономические, военные, правовые, информационные и т. д.), находятся в ведении его отдельных структурно-организационных подразделений (МИДа, Министерства обороны, Министерства финансов и т. д.). Когда высшая власть выбирает какие-либо альтернативные средства достижения внешнеполитических целей, она опирается на организационные возможности соответствующих структур государственного аппарата. Эти же структуры предоставляют информацию для принятия внешнеполитических решений, причем эта информация поступает в таком виде, который отражает специфику данной организации, ее видение международных проблем. Например, военные ведомства акцентируют внимание на военно-политических аспектах национальной безопасности, а дипломаты в большей степени учитывают иные аспекты этой же проблемы.

Деятельность всех организаций в структуре государственного аппарата строго формализована и запрограммирована, цели и средства их достижения определяются заранее и формулируются в строго очерченных рамках. У каждой организации имеется ограниченный набор процедур решения задач. Способы функционирования организаций стабильны и меняются лишь незначительно в случае возникновения непредвиденных ситуаций. Хотя сфера компетентности каждой из организационных структур по формированию и осуществлению внешней политики заранее определена, их деятельность все же может пересекаться. Это требует координации со стороны центральной власти. Высшее руководство несет ответственность за выработку и реализацию политического курса, именно оно определяет, какая организация занимается той или иной проблемой. Но, как считал Г. Аллисон, центральная власть не может непосредственно руководить повседневной деятельностью организаций, а может лишь корректировать ее. Он также полагал, что долговременное планирование деятельности организаций невозможно, если же таковое осуществляется, то оно неизбежно имеет формальный характер.

Г. Аллисон обращал внимание и на то, что отдельные структуры внутри государственного аппарата при формулировании общих целей

внешней политики могут преследовать свои собственные узковедомственные интересы. Они стремятся избежать таких негативных для себя явлений, как сокращение бюджетного финансирования, а также могут вторгаться в сферу деятельности других структур. В этой связи Г. Аллисон выдвигает *бюрократическую концепцию*, соответствующую третьей модели внешней политики.

Бюрократическая теория внешней политики основывается на идеях теории организации, дополняя их признанием того, что наблюдаемая внешняя политика государства всегда есть итог сложных отношений между ведомствами, участвующими в выработке, принятии и осуществлении внешнеполитического курса. Каждое такое ведомство подвергается лоббированию извне и действует в условиях межведомственных конфликтов, столкновения интересов, амбиций руководителей. Эти сложные взаимодействия либо встроены в систему разделения властей (в демократиях), либо в систему придворных интриг (при авторитарном или тоталитарном политическом устройстве). Практика и технология политико-бюрократических игр вокруг конкретных политических курсов подробно описаны в трудах Г. Киссинджера, И. Дестлера, Р. Аксельрода, Д. Дейвиса, Г. Аллисона, М. Хэлперина и др. Например, Г. Киссинджер пишет: «Не существует такой вещи, как американская внешняя политика. Серия шагов, приведших к определенному результату, возможно, даже не планировалась ради достижения этого результата» [2].

При принятии решения договаривающиеся стороны руководствуются не столько прагматическими соображениями, касающимися решения проблемы, сколько соображениями открытого или неявного политического или статусного торга в отношениях друг с другом. В итоге обычно принимается не абстрактно «лучшее» решение, а такое, по которому может быть достигнут компромисс в политическом торге внутри принимающей решение группы. Признание факта такого торга и его исключительно высокого значения для внешнеполитических решений вызвало к жизни исследование роли элит и групп давления в формировании и осуществлении внешней политики. В работах Г. Алмонда, Г. Колко, Б. Коэна, С. Р. Миллса, П. Мотта, Ф. Хантера и других исследователей подробно описаны роль и значение элит и групп давления, а также объективные факторы, определяющие пределы их возможного влияния на политику вообще и внешнюю политику в частности.

В реальной действительности в процессе формирования и осуществления внешней политики любого государства, включая и Россию,

можно увидеть элементы всех трех моделей, описанных Г. Аллисоном. Поэтому практически любая теоретическая концепция должна приниматься во внимание, так как они отражают разные аспекты и стороны такого сложного и многогранного явления, как внешнеполитический процесс.

§ 2. Теория и практика принятия внешнеполитических решений

Проблема принятия внешнеполитических решений стала привлекать внимание с конца 50-х гг. XX в. Исследование этой проблемы начинается в рамках модернистского направления, стремившегося использовать для анализа международных отношений теоретические и методологические подходы естественных и социально-гуманитарных наук. Особое место в ряду этих наук принадлежит политической психологии. Поскольку политика, в том числе и международная, представляет собой деятельность людей, весьма важно понимать мотивы, которыми они руководствуются.

В политической психологии сформировалось несколько подходов к изучению процесса принятия внешнеполитических решений.

Исторически первыми стали исследования на основе методологии психоанализа и идеях З. Фрейда и его последователей. Один из основоположников американской политической науки Г. Лассуэл пытался через выявление патологических черт личности некоторых политических лидеров объяснить их поведение, причины принимавшихся ими решений по вопросам внутренней и внешней политики. В годы Второй мировой войны, когда, с одной стороны, существовала острая потребность знать, какие шаги предпримет руководство нацистской Германии, а с другой — ощущался дефицит такой достоверной информации, американский психолог У. Лангер по заданию разведывательных служб провел специальное исследование личности А. Гитлера. На основе изучения биографии нацистского диктатора, его отношений с матерью и отцом с помощью фрейдистской методологии были сделаны выводы о возможных решениях, которые будут приниматься фюрером в тех или иных ситуациях. Как указывали критики данного направления, увлечение фрейдистской методологией приводило к излишней психологизации политических явлений и процессов, игнорированию факторов непсихологического характера, влияющих на принятие внешнеполитических решений. Поэтому со временем пси-

хоанализ в исследовании международной политики стали применять реже.

Представители другого направления американской политической психологии акцентировали внимание на личностных качествах политических лидеров, прежде всего президентов, и на условиях, в которых эти качества оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Они предполагали, что в определенных международно-политических ситуациях, особенно кризисных, личные качества государственных лидеров приобретают весьма важное значение. В рамках данного направления постепенно было выработано общепризнанное и часто используемое сегодня в изучении процесса принятия внешнеполитических решений понятие **операционального кода**. В самом общем виде оно включает систему основных принципов, которыми руководствуются политические лидеры при определении внешнеполитической стратегии.

По мнению известных американских специалистов в этой области А. Джорджа и О. Холсти, в состав операционального кода в первую очередь входят правила, позволяющие политическим лидерам преодолевать ограничения при принятии рациональных решений. К таким ограничениям относятся: неполная информация о ситуации, в которой принимается решение; недостаточно адекватная информация об отношениях между целями и средствами, что затрудняет предвидение последствий принятого решения; значительные трудности в определении критерия выбора между предлагаемыми альтернативными решениями. В операциональный код входят и понимание того, что такое политика и каким целям она должна служить, общие представления о политических конфликтах и путях их разрешения, понимание закономерностей развития международных политических процессов, умение вырабатывать политическую стратегию и тактику, а также четкое отношение к потенциальным противникам и партнерам. В операциональный код включают личностные качества политических лидеров, их психологические свойства, такие как готовность идти на риск, склонность к авантюризму или, наоборот, чрезмерная осторожность и нерешительность.

В системе убеждений по проблемам внешней политики, которые отождествляются с операциональным кодом, А. Джордж выделяет две группы: первая группа убеждений условно называется философской, вторая — инструментальной. *Философские убеждения* включают в себя убеждения о фундаментальной природе внешней политики и международных конфликтов; стереотипы восприятия противников;

представления об общих перспективах достижения каких-либо внешнеполитических целей и т. д. К *инструментальным* относятся убеждения политических лидеров о правильной стратегии и тактике, о способах наиболее эффективного достижения внешнеполитических целей.

В американской политической психологии были осуществлены исследования особенностей принятия внешнеполитических решений некоторыми президентами США последних десятилетий. Особое внимание привлекли фигуры недавно умершего Рональда Рейгана и его предшественника на президентском посту ныне здравствующего Джими Картера. Оценивая личность Д. Картера, политологи и психологи отмечали его высокий интеллект, феноменальную память, исключительную работоспособность. Однако столь высокие качества не помогли Картеру в полной степени справиться со своими президентскими обязанностями. При принятии ряда важных внешнеполитических решений он допустил серьезные с точки зрения интересов США ошибки. Политические психологи отмечали, что, находясь на президентском посту, Картер демонстрировал высокую самооценку и самоуверенность. Это приводило к возникновению у него иллюзий, в том числе и в сфере внешней политики. Кроме того, Картер отличался весьма жестким мышлением: придя к какому-либо выводу или оценке, он с большим трудом менял свое мнение, даже если его неправота становилась очевидной. Еще в момент вступления Дж. Картера на должность президента США специалисты делали прогнозы, что его личные качества и обуревающие его фантазии могут привести американскую внешнюю политику к серьезным проблемам. В итоге так и случилось. Конец президентского срока Картера был отмечен такими событиями, как кризис вокруг американских заложников в Ираке и возобновлением конфронтации с Советским Союзом.

В отличие от Дж. Картера Рональд Рейган не отличался высокой работоспособностью. До прихода в Белый дом он слабо разбирался в международной политике, его кругозор был крайне узок. Рейган даже гордился тем, что после Библии он не прочитал ни одной книги. Несмотря на это считается, что Рейган был одним из лучших президентов в истории США. В период его президентства американская экономика вышла из кризиса, Соединенные Штаты добились серьезных внешнеполитических успехов, определивших исход холодной войны. Очевидно, личные качества Рейгана оказались наиболее адекватными той ситуации, в которой ему пришлось действовать. Известный американский политический психолог Маргарет Херманн

отмечала, что Р. Рейгану в отличие от лидеров других государств были присущи гипертрофированный национализм, сильная потребность во власти, высокая способность концентрироваться на поставленной задаче. Херманн считала, что для этого президента характерен так называемый синдром «созидателя империи», поскольку стремление к власти и низкая самооценка сочетались у него со слабо выраженной потребностью в одобрении со стороны других людей и государств. М. Херманн и другие исследователи отмечали у Р. Рейгана склонность к стереотипизации, черно-белому, примитивному восприятию внешнего мира. Склонность к национализму, этноцентризму, антикоммунизму были главными чертами его личности. Очевидно, успеху Рейгана способствовало и его стремление концентрировать власть в своих руках, принимать наиболее важные внутри- и внешнеполитические решения единолично.

Третье направление в политической психологии было связано с применением необихевиористской методологии для моделирования личности политических деятелей, принимающих внешнеполитические решения. Примером использования традиционной бихевиористской формулы «стимул—реакция» для объяснения процесса принятия внешнеполитического решения могут быть некоторые работы такого авторитетного специалиста в области теории международных отношений, как Джеймс Розенау. В процессе принятия внешнеполитического решения он выделяет три фазы. Первая фаза связана с реакцией лидера на внешнеполитические вызовы и появлением у него стимула к воздействию на международную ситуацию. Вторая фаза — это фаза реализации решения. Третья фаза включает ответную реакцию объектов, подвергшихся воздействию на предшествующей фазе. Третья фаза, по мнению Розенау, показывает наличие обратных связей при принятии и осуществлении внешнеполитических решений.

Сторонники еще одного направления акцентировали внимание на создании типологии личностей политических лидеров, принимающих внешнеполитические решения. Примером таких исследований можно считать работы С. Уолкера. Он предложил собственную типологию политических лидеров, принимающих решения в условиях международных кризисов. Основу этой типологии представляют мотивы, которыми руководствуются политические деятели: потребность во власти, потребность в достижении цели, потребность в одобрении. Соотношение этих потребностей определяет тип внешнеполитических убеждений и соответственно варианты политического поведения в условиях международного кризиса.

Для политических лидеров, обладающих сильной потребностью в одобрении предпринятых ими действий и одновременно низкой потребностью во власти и в достижении цели, типичны следующие убеждения: конфликт в международных отношениях — временное явление, источник конфликта — сама человеческая природа, а именно отсутствие необходимых знаний, понимания, сопереживания, правильного взаимодействия. Если бы знания и навыки общения присутствовали, то конфликтов вообще можно было бы избежать.

Для политических лидеров, обладающих высокими потребностями во власти и в достижении цели и низкой потребностью в одобрении их действий, характерны следующие убеждения: конфликт — явление временное, поскольку между демократическими, миролюбивыми государствами всегда должен сохраняться мир; основной источник конфликта — агрессивная политика государств с антидемократическими, диктаторскими режимами, поэтому условием сохранения мира является устрашение, реформирование или даже полное устранение подобных государств. Конфликт — это игра с нулевой суммой, причем роль конфликтов зачастую функциональна. Самую большую опасность представляет война, начинающаяся в результате допущенных просчетов или проведения политики умиротворения потенциального агрессора. Политическим лидерам данного типа в условиях кризиса свойственно стремление оказывать силовое давление на другие государства, делать ставку на военные методы. Нетрудно заметить, что в последние годы в администрации США возобладал подобный подход к принятию внешнеполитических решений и осуществлению действий на международной арене.

Политические психологи исследуют также когнитивные факторы, детерминирующие принятие внешнеполитических решений. С одной стороны, активно используется уже упоминавшийся в главе I метод когнитивного картирования, с другой — изучаются когнитивные стратегии принятия решений. Американские политические психологи И. Джейнис и Л. Манн выделяют пять таких стратегий.

Стратегия удовлетворительности заключается в том, что лидер, принимающий решение, как правило, останавливается на первом подходящем варианте, который он считает достаточно хорошим, не стремясь получить дополнительную информацию и не рассматривая альтернативы. Для него достаточно того, чтобы положение улучшилось хотя бы немного и любым способом. Эта стратегия основывается на простом правиле: «Делай то же самое, что и в прошлый раз, если тогда

был достигнут положительный результат, и поступаи противоположным образом, если в прошлый раз результат был отрицательным».

Стратегия элиминации по параметрам означает заведомое исключение при принятии решений тех параметров, которые изначально не устраивают самого лидера.

Для *стратегии нарастания* характерно отсутствие какой-либо заранее определенной цели. Толчком к принятию решения и совершению в соответствии с этим решением внешнеполитического действия становится ухудшение международной ситуации. Как только ситуация улучшается, стимул к действию пропадает.

Оптимизирующая стратегия характеризуется увеличением числа рассматриваемых альтернатив, при этом политический лидер стремится в соответствии со своей точкой зрения максимально изменить международную обстановку.

Взамен *стратегии смешанного сканирования*, сконструированной известным политологом А. Этциони, И. Джейнис и Л. Манн предложили разработанную ими *стратегию принятия внешнеполитических решений*. Эта стратегия включает семь этапов. На первом этапе лицо, принимающее решение, рассматривает все возможные альтернативные действия; на втором этапе учитывает все цели, которые необходимо достичь; на третьем этапе тщательно взвешивает отрицательные и положительные последствия любого из решений; на четвертом этапе активно ищет новую информацию для более полной и точной оценки возможных инициатив; на пятом включает в анализ эту новую информацию, а также мнение экспертов, в том числе и противоречащее тому способу действий, который считался наилучшим и даже использовался на практике. На шестом этапе лидер вновь возвращается к изучению положительных и отрицательных последствий альтернативных решений, включая и первоначально неприемлемые. Наконец, на седьмом этапе разрабатываются все детали реализации выбранного варианта действия, учитываются запасные варианты на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Как полагали И. Джейнис и Л. Манн, исключение хотя бы одного из этапов может привести к серьезным сбоям в процессе принятия решения.

Специалисты, исследующие процесс принятия внешнеполитического решения, учитывают не только когнитивные, но и перцептивные факторы. Это особенно актуально в связи с возможными ошибками, обусловленными искажениями в восприятии информации. Американский политический психолог Р. Джервис стремился выявить причины и последствия неадекватного восприятия, перцептивных оши-

бок в процессе принятия внешнеполитических решений, особенности формирования у всех участников внешнеполитического процесса политических убеждений и «образов» внешнего мира, а также процедуру формулирования выводов политическими лидерами на основе имеющейся информации. Он уделял большое внимание процессу формирования и преобразования внешнеполитических изменений и «образов» по мере поступления новой информации.

Американский исследователь Л. Фальковский пытался прогнозировать «гибкость поведения» президентов, под которой он понимал их способность менять свое политическое поведение под влиянием новой информации. Фальковский проводил сравнительный анализ поведения и принятия решений несколькими американскими президентами в условиях международных кризисов. Индикатором гибкости каждого из президентов была их способность реагировать на поступление новой информации. Неудачное для Соединенных Штатов развитие кризиса означало резкий приток негативной информации для руководства этой страны, следовательно, реакция на эту информацию зависела от степени гибкости лидеров. Если их поведение не менялось, это означало наличие так называемых перцептивных фильтров, пропускающих только такую информацию, которая укрепляет уже сформировавшуюся позицию лидера и которая препятствует усвоению «неудобной» информации, свидетельствующей о реальном положении дел.

В современных условиях процесс принятия внешнеполитических решений не связан с деятельностью отдельных, пусть даже высокопоставленных, лиц. Г. Лассуэл указывал, что этот процесс проходит несколько фаз. Первая фаза — получение информации, вторая — выработка рекомендаций на основе анализа полученной информации, в третьей фазе формулируются конкретные предписания, которые в четвертой фазе вступают в силу. После этого следует пятая фаза — фаза реализации решений, в шестой фазе осуществляется оценка последствий реализованных действий, седьмая фаза — заключительная фаза цикла, когда подводятся итоги, что может стать исходным пунктом для принятия новых решений и, следовательно, начала нового цикла.

Конечно, решающее слово и вся полнота ответственности принадлежат политическому лидеру, но он не способен самостоятельно ознакомиться со всем объемом информации, а тем более тщательно ее проанализировать и детально проработать варианты возможных решений и действий. Таким образом, принятие внешнеполитических

решений представляет собой коллективный процесс. В этом процессе принимают то или иное участие от нескольких человек до сотен или даже тысяч людей. Чаще всего речь идет все же о малых группах — наиболее близких сотрудниках политических лидеров, составляющих их непосредственное окружение. Поэтому специалисты исследуют процесс принятия внешнеполитических решений и в малых группах. Увеличение числа лиц, участвующих в принятии решения, с одной стороны, дает положительный эффект, повышая компетенцию при оценке и анализе информации, а также выработке вариантов решения, с другой — принятие решения в группе имеет и свои минусы.

Американский политический психолог И. Джейнис на основе практики принятия внешнеполитических решений в США показал, что для группового мышления характерно снижение качества интеллектуальной деятельности по отношению к потенциалу участников группы, усиление шаблонности подходов и выводов. Анализируя провалы в американской внешней политике, И. Джейнис выделил основные дефекты, свойственные решениям, которые принимались сплоченными группами внутри государственного аппарата. К ним относились: сужение числа возможных альтернатив; некритическое отношение к курсу, одобрявшемуся большинством членов группы; игнорирование информации экспертов, которая позволила бы верно оценить позитивные и негативные последствия отвергнутых вариантов решений и действий; пустая трата времени на обсуждение вопросов, по которым изначально сложилась общая точка зрения; игнорирование фактов и мнений, противоречащих позиции членов группы.

И. Джейнис отмечал, что при групповом способе принятия внешнеполитических решений возникает коллективная недооценка реально существующих рисков. Недостаточная бдительность и ничем не обоснованная готовность идти на риск являются, по его мнению, своеобразной формой группового психологического расстройства, против которого группа не имеет иммунитета. Ученый пришел к выводу, что в группе всегда существует опасность подмены независимого критического мышления групповым мышлением, чреватым ошибками и угрозой принятия иррациональных решений и действий во внешней политике. Данный вывод подтверждается исследованиями американских психологов Э. Семмела и Д. Майника. Они экспериментальным путем доказали, что группы чаще склоняются к более опасным по своим последствиям решениям, чем индивидуальные решения большинства членов группы. Следует отметить, что не всегда эффект

группового мышления негативно влияет на принятие решений. Но для того, чтобы избежать такого негативного влияния, необходимо добиваться правильной организации взаимодействия участников малых групп и выработать оптимальные процедуры взаимодействия.

Этот аспект проблемы исследовал еще один известный политический психолог — Ч. Херманн. Он предложил свою типологию малых групп, участвующих в принятии внешнеполитических решений. В основе этой типологии лежат следующие критерии:

- ◆ численность группы;
- ◆ распределение власти;
- ◆ функциональные роли членов группы.

Херманн выделил следующие возможные типы малых групп в соответствии с их внутренней структурой: группа-штаб во главе с лидером, группа с автономным лидером, группа с лидером-делегатом, автономная группа, группа делегатов, автономная ассамблея, ассамблея делегатов, консультативная автономная ассамблея, консультативная ассамблея делегатов. Понятие «делегат» относится к члену группы, представляющему интересы каких-либо структур, которые находятся за пределами данной группы, и поэтому ограниченному в выражении личной точки зрения. Автономные члены группы свободны в выборе своих позиций. Ч. Херманн отмечает, что группы различаются по количеству времени, необходимого для принятия решения; по методам выработки общих позиций; по готовности к новациям или к консерватизму.

В американских условиях, где президенту принадлежит решающая роль в принятии внешнеполитических решений, особое значение имеет способ взаимодействия главы государства со своими помощниками. На основе сравнительного анализа деятельности нескольких президентских администраций в сфере международной политики А. Джордж выделил несколько теоретических моделей принятия внешнеполитических решений, в которых зафиксированы способы взаимодействия президентов США с подчиненными.

Формальная модель представляет собой упорядоченный способ осуществления внешней политики, предусматривающий строго определенные процедуры и иерархическую систему коммуникаций. Свободное высказывание различных точек зрения не поощряется. Такая модель характерна для Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Р. Никсона и всех последующих за ними американских президентов. Однако внутри формальной модели можно найти различия в вариантах ее реализации

той или иной администрацией. В администрации Трумэна сам президент непосредственно общался с министрами и ближайшими советниками и на основе предлагаемых альтернатив самостоятельно делал выбор в пользу одной из них. Другие президенты возлагали обязанности «начальника штаба» на кого-либо из ближайшего окружения, которому и передавались существенные полномочия по подготовке внешнеполитических решений.

В *соревновательной модели* поощряется высказывание самых различных мнений, возможны свободные коммуникации как по горизонтали, так и по вертикали. Такая модель была присуща президенту Ф. Рузвельту. Он специально поощрял соревнование между своими помощниками, был готов входить в непосредственные контакты с подчиненными для получения интересующей его информации и советов.

Коллегиальная модель функционировала при Дж. Кеннеди, который находился в центре созданной им коммуникационной системы, состоявшей из непосредственных помощников и советников президента. Их задача заключалась не в том, чтобы фильтровать поступающую информацию, а в том, чтобы анализировать ее с различных точек зрения и с учетом указаний президента. Президент был готов взаимодействовать со всеми участниками процесса подготовки внешнеполитического решения, принимая во внимание самые нетрадиционные подходы и высказывания.

Очевидно, что каждая из моделей данной типологии имеет свои достоинства и недостатки. Формальная модель ставит бюрократические препоны для попадания «наверх» наиболее оригинальных и смелых предложений. Соревновательная и коллегиальная модели могут дезорганизовать работу государственного аппарата, к тому же они предъявляют высокие требования к личным качествам политических лидеров. Хотя по ряду причин большинство исследований по проблемам принятия внешнеполитических решений основаны на американском материале, сделанные выводы могут найти применение и для анализа процесса формирования и осуществления внешней политики в других странах.

§ 3. Дипломатия и дипломатическая служба

Внешняя политика самым тесным образом связана с дипломатией. Эта связь настолько тесная, что иногда между ними вольно или невольно ставят знак равенства. Но различия между этими понятиями существуют. Дипломатия — это не сама внешняя политика, а сово-

купность методов и способов ее осуществления. Существует несколько широко известных определений дипломатии. Английский ученый и дипломат Г. Никольсон отмечал, что слово «дипломатия» используется «для обозначения совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним внешней политики... В других случаях оно обозначает переговоры... Это слово также служит для названия процедуры и аппарата, при помощи которых ведутся переговоры. Оно также употребляется для обозначения заграничной части ведомства иностранных дел... Наконец, это несчастное слово обозначает особую способность, проявляющуюся в ловкости в хорошем смысле при ведении международных переговоров, а в плохом смысле — в коварстве в подобных делах» [3]. Сам Г. Никольсон считал дипломатию методом осуществления международных отношений путем переговоров. Французский дипломат Гарден, живший в 1-й половине XIX в., высказывал мнение, что «дипломатия в широком смысле этого термина есть наука о внешних сношениях или иностранных делах, в более точном смысле — это наука или искусство переговоров» [4].

Но сводить дипломатию только к осуществлению внешней политики путем переговоров было бы неверно, поскольку у нее есть еще одна важная функция — *представительская*. Дипломатические отношения представляют собой форму, внутри которой реализуются политические, экономические и иные отношения между государствами. Дипломатический протокол позволяет при любой самой напряженной политической ситуации поддерживать контакты между официальными властями даже враждующих между собой государств. Обобщая различные подходы к пониманию сущности дипломатии, можно дать следующее ее определение: **дипломатия** — это официальная деятельность по представительству интересов государства и осуществлению его внешней политики мирными средствами, преимущественно путем переговоров.

В последнее десятилетие наряду с традиционной, официальной дипломатией получила распространение *неофициальная дипломатия*. Так принято называть деятельность людей, не занимающих никаких постов в государственных структурах, но способных оказывать содействие в решении тех или иных внешнеполитических задач. Примером такой дипломатии может быть исполнение функций третьей стороны по урегулированию конфликтов авторитетными общественными и политическими деятелями, выступающими в качестве частных лиц. Выделяют и такие виды дипломатии, как двусторонняя, многосторонняя, дипломатия на высоком и высшем уровнях.

Двусторонняя дипломатия, наиболее распространенная в прошлом и часто встречающаяся сегодня, характеризуется взаимодействием представителей только двух государств. Примером такого вида дипломатии являются двусторонние переговоры или контакты между посольством и министерством иностранных дел страны его пребывания. Если в дипломатических отношениях принимают участие представители более двух государств, то это уже *многосторонняя дипломатия*, например работа международных конференций и деятельность международных организаций. Если выполнение дипломатических функций берут на себя не профессиональные (карьерные) дипломаты, а главы государств, главы правительств или другие государственные руководители высокого ранга, тогда речь идет о *дипломатии на высоком и высшем уровнях*. Для Российской Федерации примером дипломатии на высоком уровне являются зарубежные визиты и переговоры с представителями иностранных государств премьер-министра. Если визиты осуществляет президент — это дипломатия на высшем уровне. Саммиты «Большой восьмерки», когда лидеры наиболее развитых государств мира обсуждают актуальные проблемы мировой политики и экономики, также можно назвать примером дипломатии на высшем уровне.

Принято выделять отдельные виды дипломатии, соответствующие различным направлениям внешней политики государств и сферам международных отношений. Переговоры между военными представителями государств на двустороннем уровне, а также в рамках военных коалиций или военно-политических организаций называют *военной дипломатией*. Термин «*экономическая дипломатия*» означает переговоры по экономическим вопросам или участие в деятельности экономических организаций: МВФ, ВТО, МБРР, ЮНКТАД и т. д. По схожим критериям выделяют *авиационную, морскую, космическую* и другие виды дипломатии.

С понятием дипломатии тесно связано понятие «*дипломатической службы*» — работа дипломатических кадров в центральном аппарате и за границей по выполнению дипломатическими средствами задач внешней политики государства. Дипломатическая служба является функциональной обязанностью определенных государственных органов и должностных лиц. Для того чтобы заниматься дипломатической работой, человек должен обладать определенными знаниями, личностными качествами и навыками. В состав дипломатических государственных органов входят, во-первых, центральные органы внешних сношений, находящиеся на территории государства, и, во-вто-

рых, зарубежные органы внешних сношений, расположенные за пределами данного государства, в других странах.

В России центральным органом внешних сношений традиционно является Министерство иностранных дел, история которого насчитывает уже более двухсот лет. В структуру современного МИД РФ входит его руководящий состав — министр, его заместители и другие ответственные лица, составляющие коллегии МИД, а также территориальные департаменты, ответственные за поддержание отношений с отдельными странами и регионами мира. Кроме того, существуют департаменты и управления функционального характера, обеспечивающие достижение задач дипломатической службы в целом, подразделения административно-хозяйственного характера, вспомогательные подразделения.

Основные задачи Министерства иностранных дел Российской Федерации в современных условиях таковы: разработка общей стратегии внешней политики РФ и представление соответствующих предложений президенту; реализация внешнеполитического курса РФ; координация международных связей субъектов РФ; обеспечение дипломатическими средствами защиты суверенитета, безопасности, территориальной целостности, других интересов Российской Федерации на международной арене; защита прав и интересов граждан и юридических лиц РФ за рубежом; обеспечение дипломатических и консульских отношений РФ с иностранными государствами и международными организациями; координация и контроль за деятельностью органов исполнительной власти для обеспечения единства политической линии РФ при взаимодействии с иностранными государствами и международными организациями.

Из этих задач вытекают и основные функции министерства, среди которых можно выделить такие: разработка проектов международных договоров Российской Федерации, ведение переговоров с представителями иностранных государств и международных организаций, реализация дипломатическими средствами усилий Российской Федерации по обеспечению всеобщего мира и безопасности, содействие распространению за рубежом правдивой информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации и т. д.

Зарубежные органы внешних сношений подразделяются на постоянные и временные. К *временным* относятся делегации, выезжающие за границу для переговоров или участия в международных конференциях. *Постоянными* зарубежными органами внешних сношений являются дипломатические и консульские представительства, торго-

вые представительства, представительства государств при международных организациях. Основные виды дипломатических представительств — *посольства* и *миссии*. Разница между ними заключается в том, что посольство возглавляет дипломат наивысшего ранга — *чрезвычайный и полномочный посол*, а миссии возглавляют дипломаты более низкого ранга — либо *чрезвычайные и полномочные посланники*, либо *поверенные в делах*. Чрезвычайный и полномочный посол аккредитуется при главе государства либо при лице или органе, его заменяющем. Чрезвычайный и полномочный посланник аккредитуется при главе правительства, а *поверенный в делах* — при министре иностранных дел. В современной практике дипломатических отношений встречается только один вид дипломатических представительств — посольства, хотя международное право допускает и существование миссий.

Процедура назначения посла такова. Перед тем как совершить назначение, власти соответствующего государства запрашивают у властей страны пребывания посольства согласия (*агреман*) на кандидатуру конкретного человека. Делается это для того, чтобы личные качества и репутация будущего посла не стали бы причиной осложнений в межгосударственных отношениях. После получения *агремана* происходит назначение. Осуществляется оно главой государства или заменяющим его государственным органом. В Российской Федерации в соответствии с Конституцией 1993 г. назначения послов производятся указами президента. Вновь назначенный посол получает специальный документ — *верительную грамоту* (от слова «верить»), которая подтверждает его полномочия. По прибытии в страну пребывания посол вручает *верительную грамоту* главе государства или замещающему его лицу, после чего начинается его официальная миссия.

Посол физически не может постоянно находиться в стране пребывания, поэтому на периоды его отсутствия из высокопоставленных дипломатов посольства может быть назначен временный *поверенный в делах*. Такое назначение чаще имеет исключительно технический, рутинный характер, но иногда ему придается серьезное политическое значение. Например, при ухудшении межгосударственных отношений отзыв посла и назначение вместо него временного *поверенного в делах* являются демонстративной мерой, предпринимаемой с целью давления на другую сторону, для того чтобы добиться от нее каких-либо уступок.

К основным функциям и задачам посольств относятся: представление собственного государства в стране пребывания; обеспече-

ние национальных интересов и осуществление внешнеполитического курса государства в стране пребывания; сбор информации о положении дел в стране пребывания, о деятельности на его территории представителей других иностранных государств и межгосударственных организаций, о межгосударственных отношениях, складывающихся в регионе принимающего государства; содействие развитию всестороннего сотрудничества между государственными органами, частными физическими и юридическими лицами собственного государства и аналогичными органами и лицами страны пребывания.

Эти задачи и функции реализует персонал посольства, который подразделяется на три категории: дипломатический, административно-технический и обслуживающий. *Дипломатический персонал* состоит из лиц, занимающих должности послов, посланников, советников, торговых представителей, специальных (военных, военно-морских, военно-воздушных) атташе, первых, вторых, третьих секретарей, атташе. Все они, за редким исключением, являются профессиональными, карьерными дипломатами и имеют специальные звания, наподобие воинских, — дипломатические ранги. В Российской Федерации еще с советских времен установлены следующие дипломатические ранги: чрезвычайный и полномочный посол, чрезвычайный и полномочный посланник 1-го и 2-го класса, первый секретарь 1-го и 2-го класса, второй секретарь 1-го и 2-го класса, третий секретарь, атташе. *Административно-технический персонал* состоит из лиц, не являющихся дипломатами, но выполняющих квалифицированную работу, обеспечивающую деятельность посольства, например переводчиков, референтов и т. д. *Обслуживающий персонал* — это водители, дворники, сантехники, садовники и т. д.

Функционирование дипломатических представительств, включая посольства, деятельность их персонала регламентируется нормами Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Прежде всего данная конвенция определяет иммунитеты и привилегии, которыми они пользуются.

Иммулитеты — это изъятия представительства и его сотрудников из юрисдикции и принудительных действий со стороны государства пребывания. Объем и характер иммунитетов и привилегий определены Венской конвенцией 1961 г. и для дипломатических представительств сводятся: к неприкосновенности помещений представительства, к иммунитетам имущества и средств передвижения (от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий); к освобождению от всех государственных налогов, сборов и пошлин; к неприкосно-

венности архивов и документов представительства в любое время и независимо от их местонахождения; к праву на беспрепятственное сношение со своим центром. *Дипломатическая почта* — корреспонденция между дипломатическим представительством и центральными органами внешних сношений — не подлежит вскрытию или задержанию. Дипломатические курьеры (сотрудники внешнеполитических ведомств, доставляющие или сопровождающие дипломатическую почту) неприкосновенны и подлежат особой защите со стороны государства пребывания.

Для сотрудников дипломатического представительства действуют следующие личные иммунитеты и привилегии: неприкосновенность личности и жилища; полный иммунитет от уголовной юрисдикции страны пребывания, а также от гражданской и административной юрисдикции в отношении исполнительных действий; фискальный иммунитет; таможенные привилегии; освобождение от личных повинностей. Допускаются три изъятия: можно предъявить судебный иск по поводу недвижимого имущества, которым дипломат или член его семьи владеет лично; иск по наследственному делу, в котором эти лица выступают в качестве наследников, а также иск по поводу профессиональной или коммерческой деятельности, которой они занимаются в целях личной выгоды. Для административно-технического персонала дипломатических представительств предусмотрен меньший объем иммунитетов и привилегий, и еще меньший — для обслуживающего персонала.

Дипломатические представительства, а также их сотрудники, не только пользуются указанными правами, но и несут определенные обязанности в отношении страны пребывания. В обязанности представительств входит: использование служебных помещений только для официальных целей, ведение всех официальных сношений через ведомство иностранных дел и другие ведомства. Сотрудники представительств обязаны уважать законы страны пребывания, не вмешиваться в ее внутренние дела, не заниматься профессиональной и коммерческой деятельностью в целях личной выгоды.

Примечания

1. Allison G. *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. Boston, 1971.
2. Kissinger H., Brodie B. *Bureaucracy. Politics and Strategy*. Los Angeles, 1968. P. 81.

3. *Никольсон Г.* Дипломатия. М., 1941. С. 20.
4. *Gargen G.* Traite complet de diplomatie. Paris, 1833. P. 27. Цит. по: Зорин В. А. Основы дипломатической службы. М., 1977. С. 15.

Контрольные вопросы и задания

1. В какой степени теоретические концепции внешней политики отражают реальности внешнеполитического процесса?
2. Какие существуют подходы к изучению процесса принятия внешнеполитических решений?
3. Почему необходимо изучать процесс принятия внешнеполитического решения?
4. Назовите основные этапы процесса принятия внешнеполитического решения.
5. Какие психологические факторы и нормы влияют на принятие внешнеполитического решения?
6. Как соотносятся между собой понятия «внешняя политика» и «дипломатия»?
7. Что такое дипломатическая служба, каковы принципы ее организации и функционирования?
8. Назовите основные виды и формы дипломатии.

Литература

- Дегтярев А. А.* Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Политические исследования. 2002. № 2.
- Дипломатическая служба. М., 2002.
- Дипломатия иностранных государств. М., 2004.
- Долмыкова Р. И.* Методология и методика прогнозирования внешней политики несоциалистических государств. М., 1986.
- Егорова В. В.* США в международных кризисах (политико-психологические аспекты). М., 1988.
- Зонова Т. В.* Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М., 2003.
- Иванов И.* Новые перспективы дипломатии // Международная жизнь. 2002. № 9–10.
- Касаткин А.* Приоритеты и другие слагаемые внешнеполитического курса // Международная жизнь. 1994. № 10.
- Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Образ государства и принятие решений в международных отношениях. СПб., 2004.

Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. № 1.

Ковалев А. Г. Азбука дипломатии. М., 1994.

Косолапов Н. А. Анализ внешней политики: основные направления исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 2.

Косолапов Н. А. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3.

Лебедева М. М. Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.

Потапов А. Тылы нашей дипломатии // Международная жизнь. 2002. № 8. Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981.

Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.

Хрусталева М. А. Основы теории внешней политики государства. М., 1984.

Часть III

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ И
СОВРЕМЕННЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

Глава XV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

---

§ 1. Внешнеполитический потенциал и национально-государственные интересы современной России

Для того чтобы оценить реальное положение современной России в системе международных отношений, следует определить ее внешнеполитический потенциал. Под *внешнеполитическим потенциалом* понимают совокупность факторов, которые в той или иной степени способствуют достижению целей внешней политики государства. Сущность внешнеполитического потенциала выражается такими понятиями концепции политического реализма, как «сила государства» или «национальная сила». Как уже было сказано, родоначальник данного направления Г. Моргантау определил это понятие исходя из восьми критериев.

Сегодня эти критерии отчасти устарели, в них не учтены в качестве самостоятельных позиций и составляющих национальной силы научный, технологический и образовательный потенциалы, роль которых на современном этапе нередко выше, чем, скажем, такого фактора, как наличие тех или иных природных ресурсов. Но в целом формула Г. Моргантау дает основание для оценки реального внешнеполитического потенциала любой страны.

Применяя эту формулу к Российской Федерации, можно заметить, что роль нашей страны на международной арене не осталась той же, какой была в недавнем прошлом у СССР. Это обусловлено не только тем, что Россия утратила часть имевшегося у Советского Союза потенциала, но и тем, что политический и экономический кризис в стране негативно сказывается на морально-нравственном климате общества. Россия, где не прекращаются политические междоусобицы, где значительная часть населения находится в стрессовом состоянии, не может, безусловно, играть прежнюю роль «сверхдержавы». Вместе с тем сохранение части советского военного могущества (прежде всего в области стратегических вооружений) и наличие богатейших природных ресурсов дают основание полагать, что в случае преодоления экономического и морально-политического кризи-

са Россия способна стать одним из важных центров силы в мировой политике.

Для определения внешнеполитической доктрины и внешнеполитической стратегии Российской Федерации первостепенное значение имеет формулирование ее национально-государственных интересов, тем более что в недавнем прошлом эта проблема фактически полностью игнорировалась. Внешнеполитическая линия Горбачева—Шеварднадзе строилась на основе «нового политического мышления», одним из принципов которого был приоритет «общечеловеческих интересов». В свое время «новое политическое мышление» сыграло положительную роль, поскольку помогло сбросить идеологические оковы с внешней политики Советского Союза, способствовало оздоровлению международной обстановки во 2-й половине 1980-х гг. и в конечном счете — окончанию холодной войны. Но теоретики и практики «нового мышления» обходили стороной вопрос о том, насколько их акции соответствовали национально-государственным интересам СССР, а из этого проистекали и ошибочные или поспешные решения, негативные последствия которых сказываются до сих пор.

Ранняя российская дипломатия унаследовала от «перестроенного» руководства недооценку такого фактора формирования внешней политики, как национально-государственные интересы. И это проявлялось на протяжении первых лет недолгой еще истории существования России как самостоятельного субъекта международных отношений. Неудивительно, что ее внешняя политика и деятельность российского МИДа подвергались в связи с этим резкой критике с разных сторон, хотя наряду с конструктивной критикой имели место и спекуляции, и некомпетентные суждения, особенно со стороны так называемых национал-патриотов.

Для того чтобы объективно решить проблему национально-государственных интересов России, необходимо прежде всего уяснить содержание этой категории. А традиционная интерпретация государственного интереса широка и связана в основном с достижением таких целей, как существование нации в качестве свободного и независимого государства, обеспечение роста экономики и национального благосостояния, предотвращение военной угрозы или ущемления суверенитета, сохранение союзников, достижение выгодного положения на международной арене и т. д. Конкретное же выражение государственный интерес находит в постановке целей и задач внешнеполитического курса страны.

В формировании национально-государственных интересов большое значение имеет геополитический фактор. В основе геополитики

лежат объективные реалии. Прежде всего это географический фактор: протяженность границ, расположение и пространственная протяженность одного государства относительно другого, наличие выхода к морю, народонаселение, рельеф местности, принадлежность государства к той или иной части света, островное положение государства, наличие природных ресурсов и т. п. Из множества факторов, влияющих на деятельность людей, географический менее всего подвержен изменениям. Он служит основой преемственности политики государства, пока его пространственно-географическое положение остается неизменным.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основным национально-государственным интересом и главной внешнеполитической задачей России на обозримый период, по-видимому, является сохранение своей традиционной глобальной геополитической функции как объединяющей и стабилизирующей силы центра Евразии. Способность реализовать данную задачу зависит, во-первых, от того, насколько это позволят материальные ресурсы, а во-вторых, от политических условий внутри России — политической воли руководства, стабильности социальных и межнациональных отношений.

Если говорить более конкретно, задачи российской внешней политики, обеспечивающие ее национально-государственные интересы, таковы: самоутверждение в качестве главного преемника прав и обязанностей СССР, его продолжателя в мировых делах и сохранение статуса великой державы; сохранение территориальной целостности Российской Федерации на основе учета интересов всех народов и регионов, мира, демократии и реализма; обеспечение внешних условий, способствующих свободному включению страны в мировую экономику и политику; защита экономических, социальных и гуманитарных прав своих граждан, равно как и русской диаспоры на всех территориях бывшего СССР; сохранение и укрепление оборонного потенциала в пределах, необходимых для защиты национальной безопасности страны. Все эти задачи диктуют необходимость по-разному строить отношения с отдельными странами.

§ 2. Политическая система и внешняя политика Российской Федерации

Наиболее важная роль в области внешней политики принадлежит *исполнительной ветви* государственной власти. Именно эта ветвь способна обеспечить единство внешней политики государства. Только

исполнительная власть в отличие от законодательной или судебной может полноценно представлять государство на арене международных отношений. Плодотворное участие государства в международных отношениях предусматривает последовательность и непротиворечивость его политики, высокий профессионализм его представителей, наличие у них значительных информационных, организационных, интеллектуальных и иных ресурсов. Все это может обеспечить исполнительная власть.

В президентских республиках, например в нынешней России, исполнительная власть замыкается на главе государства. В соответствии с п. 4 ст. 80 Конституции РФ президент Российской Федерации представляет ее в международных отношениях [1]. В его ведении находятся как дипломатические, так и иные каналы связи с иностранными государствами, разведывательные органы, научные центры и центры анализа информации, наконец, аппарат, необходимый для реализации принимаемых внешнеполитических решений.

Полномочия президента в области международных отношений определены Конституцией и соответствуют стандарту, принятому в президентских республиках. Он осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (п. «а» ст. 86) [2], утверждает военную доктрину РФ (п. «з» ст. 83) [3] и, хотя это прямо не оговорено, доктрину внешней политики. Президент обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями об основных направлениях внутренней и внешней политики (п. «е» ст. 84) [4], он вправе отклонить одобренный Федеральным собранием закон, в том числе и по внешнеполитическим соображениям (ч. 3 ст. 107) [5].

Президент ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (п. «б» ст. 86 Конституции) [6]. С учетом Закона о международных договорах РФ президент может заключать и договоры, не нуждающиеся в ратификации парламентом. После консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального собрания он назначает и отзывает дипломатических представителей России в иностранных государствах (п. «м» ст. 83) [7].

Как Верховный главнокомандующий президент осуществляет права, предусмотренные законами страны и международным правом на случай вооруженного конфликта, включая применение вооруженных сил в порядке самообороны, объявление нейтралитета, заключение соглашений и перемирия.

В парламентских республиках ведущая роль в осуществлении внешней политики принадлежит правительствам. В России и в дореволюционное время, и в период существования СССР, и сегодня правительство традиционно было скорее экономической, хозяйственной структурой, чем политической. Однако это не исключает участия правительства в формировании и осуществлении внешнеполитического курса, прежде всего в вопросах его компетенции. Роль Федерального собрания Российской Федерации, как и большинства других парламентов, сводится к принятию законодательных актов, необходимых для осуществления внешней политики. Например, Закона о ратификации международных договоров, а также бюджета, в котором целый ряд статей обеспечивает внешнеполитическую деятельность государства.

Не являясь официальным органом внешних сношений (по нормам международного права), парламент не может обращаться непосредственно к иностранным правительствам. Одновременно активные связи с парламентами других стран — обмен опытом, координация законотворческой деятельности, совместное участие в работе Межпарламентского союза — одно из важнейших направлений деятельности представительного органа власти. Российский парламент в лице двух его палат — Государственной думы и Совета Федерации — может оказывать определенное воздействие на внешнюю политику. В обеих палатах созданы профильные комитеты, занимающиеся проблемами международных отношений. Делегации Государственной думы и Совета Федерации нередко выезжают за рубеж для участия в различных мероприятиях межпарламентского сотрудничества. Руководители палат Федерального собрания РФ встречаются и ведут переговоры не только с руководителями зарубежных парламентов, но и с представителями исполнительной власти иностранных государств, лидерами политических партий и движений. Естественно, темы таких контактов далеко выходят за узкие рамки межпарламентских связей и касаются многих проблем мировой политики и международных отношений.

Значительная часть депутатского корпуса первых созывов Государственной думы была оппозиционно настроена по отношению к президенту и правительству. При этом парламентская оппозиция часто использовала внешнеполитические проблемы в целях внутриполитической борьбы. Государственная дума делала резкие и не всегда обдуманные заявления по вопросам отношений с зарубежными странами, затягивала процесс ратификации некоторых международных договоров. Сегодня конституционное большинство в Государствен-

ной думе принадлежит «Единой России», которая полностью поддерживает президента и правительство. Таким образом, открытый конфликт между парламентом и исполнительной властью по поводу внешней политики стал невозможным. Одновременно ослаб парламентский контроль над внешнеполитической сферой деятельности государства.

Все возрастающее значение для внешней политики и международной деятельности государств имеет *институт судебной власти*. В прошлом суды стремились уйти как можно дальше от международных проблем, но сегодня ситуация изменилась. Во многом это связано с возрастанием роли международного права во внешней политике государств и проникновением этого права в те сферы общественной жизни, которые ранее регулировались исключительно внутренним правом каждого государства. Особенно это касается прав человека. Их соблюдение стало в последние десятилетия важнейшим принципом международного права. Государства объективно заинтересованы в том, чтобы споры по поводу прав их граждан на территориях иных государств решались в обычном судебном порядке, а не поднимались на межгосударственный уровень, внося тем самым осложнения в международные отношения. Судам приходится рассматривать множество дел, в той или иной степени затрагивающих интересы как иностранных граждан, так и иностранных государств в целом. Качество судебных решений по подобным делам не может не оказывать воздействия на межгосударственные отношения. Можно констатировать, что деятельность судебной власти в целом имеет немаловажное значение для поддержания в нормальном состоянии отношений между государствами и для выполнения этими государствами своих международных обязательств.

В отличие от официальных органов государственной власти роль государственного аппарата в формировании и осуществлении внешней политики бывает иногда менее заметной, но зато более существенной. Если рассматривать международные отношения в самом широком плане, то в них участвуют практически все министерства и ведомства. Поэтому большое значение имеет координация деятельности различных государственных структур в международной сфере. В советские времена такую функцию выполнял негосударственный орган — Политбюро ЦК КПСС. В его состав входили представители тех органов власти и государственного управления, которые имели прямое и непосредственное отношение к внешней политике. В современной России подобную роль выполняет Совет безопасности Рос-

сийской Федерации, созданный на основании ст. 83 Конституции РФ. Как правило, в состав данного органа входят премьер-министр, министр обороны, министр иностранных дел, руководители органов безопасности и внешней разведки, т. е. те должностные лица, деятельность которых связана с обеспечением жизненно важных интересов общества и государства, в том числе и в сфере международных отношений. Подобного типа органы существуют и в других государствах.

Важнейшим государственным ведомством в области международной политики в каждой стране является Министерство иностранных дел. В современной России на МИД РФ возложены следующие задачи: разработка общей стратегии внешней политики Российской Федерации, практическая реализация внешнеполитического курса России, правовое обеспечение внешнеполитической деятельности РФ, координация международных связей субъектов федерации и международной деятельности федеральных органов исполнительной власти в целях проведения единой политической линии в отношениях с иностранными государствами и международными организациями.

Роль Министерства иностранных дел Российской Федерации как органа государственного управления значительно возросла по сравнению с советскими временами. Тогда многие направляющие международной политики фактически находились в ведении партийного аппарата, а внешнеполитическое ведомство выполняло лишь дипломатические функции. Сегодня именно МИД является главным системообразующим центром всего внешнеполитического процесса Российской Федерации, что требует дальнейшего совершенствования структуры и самой деятельности этого ведомства.

В условиях демократии внешняя политика не может не быть результатом сложного взаимодействия различных государственных структур при активном участии гражданского общества и его институтов.

Одно из основных направлений воздействия гражданского общества на внешнюю политику связано с деятельностью *политических партий*. Хотя партии — основной элемент современных политических систем, их корни уходят в недра гражданского общества. Политическая партия, выражая и представляя интересы определенных социальных слоев, формулирует свое отношение к вопросам не только внутренней, но и международной политики. При формировании внешней политики государства правящая партия в значительной мере (но не в полной!) исходит из своих программных установок и интересов тех общественных сил, которые она представляет. Однако и оппозиционные партии обладают некоторыми ресурсами для влияния на

внешнюю политику, прежде всего через парламентскую деятельность, поскольку за парламентами, как правило, закреплено право ратификации международных договоров и принятия бюджетов. Именно бюджеты, а также международные соглашения и договоры имеют непосредственное отношение к международной политике.

В России стабильная и устойчивая партийная система пока не сложилась. Имеющая статус правящей партия «Единая Россия» не завершила полностью процесс своего организационного становления. Ее внешнеполитические установки не самостоятельны и полностью дублируют установки исполнительной власти. Подходы оппозиционных партий к проблемам международной политики, как правило, только внешне отличаются от официальной государственной точки зрения. Так, Либерально-демократическая партия и ее лидер В. Жириновский шокировали в свое время мировое общественное мнение эпатажными заявлениями о возможности нанесения ядерного удара по соседним странам, о необходимости «последнего броска на юг», целью которого было объявлено достижение берегов Индийского океана. Националистические лозунги и сегодня широко представлены в лексиконе партии и ее лидера. Однако на практике ЛДПР всегда поддерживает действующую исполнительную власть по большинству вопросов внешней политики, оппозиционность этой партии существует только на словах.

Левая оппозиция негативно оценивает внешнюю политику нынешнего президента, прежде всего курс на сближение и сотрудничество с ведущими странами Запада. Восприятие международных процессов со стороны левых, особенно КПРФ, до сих пор основано на стереотипах времен холодной войны. Традиционные «классовые» лозунги у современных коммунистов вполне уживаются с националистическими. Не имея рычагов влияния на исполнительную власть, в 1990-х гг. левые активно использовали парламентскую трибуну. Сегодня в связи с резким ослаблением позиций левых в парламенте возможности их воздействия на внутреннюю и внешнюю политику близки к нулю.

Еще меньшими возможностями обладают правые партии — СПС и «Яблоко», оказавшиеся за чертой парламента. Подходы правых к проблемам международных отношений чаще всего совпадают с подходами исполнительной власти. Поэтому потеря ими парламентской трибуны мало отражается на диалоге между властью и оппозицией по вопросам внешней политики.

Как известно, основными институтами гражданского общества являются всевозможные организованные *группы интересов*, в том числе *ассоциации предпринимателей, профсоюзов*. Начиная с 1960-х гг. многие исследователи внешнеполитического процесса государства обращают внимание на чрезвычайно важную роль некоторых заинтересованных групп в принятии внешнеполитических решений. В отличие от партий заинтересованные группы действуют непублично, прибегая к теневым формам лоббирования своих интересов, но результативность их деятельности может быть весьма велика. На внешнюю политику современной России наибольшее влияние способны оказывать группы, представляющие интересы военно-промышленного (ВПК) и топливно-энергетического комплекса (ТЭК). А интересы ВПК и ТЭК выходят далеко за пределы страны, поэтому они объективно стремятся оказывать воздействие на принятие внешнеполитических решений.

Военно-промышленный комплекс включает вооруженные силы, военную промышленность и военную науку, т. е. все, что обеспечивает безопасность и определяет такую важнейшую часть внешнеполитического потенциала, как военная мощь государства. Отдельные структуры ВПК имели возможность оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений еще в советские времена, в условиях тоталитарной политической системы. Этому способствовал высокий уровень милитаризации СССР. После развала коммунистической системы и исчезновения Советского Союза с политической арены военно-промышленный комплекс оказался в сложном положении. Резкое снижение расходов на оборону, потеря налаженных военно-технических связей с бывшими союзниками по Варшавскому договору и некоторыми государствами третьего мира поставили многие предприятия ВПК на грань полного прекращения выпуска продукции. Чтобы не допустить этого, необходимо было расширить экспорт военно-технической продукции. Торговля оружием тесным образом переплелась с политикой, поэтому заинтересованность ВПК в международных вопросах усилилась. Требовалось отстаивать существующие рынки сбыта оружия и боевой техники, завоевывать новые.

Интересы ВПК в значительной степени совпали с интересами государства и общества. Во-первых, миллионы людей работают на предприятиях ВПК, поскольку они часто являются градообразующими, а возможности конверсии, т. е. перехода на выпуск мирной продукции, ограничены. Остановка предприятий ВПК могла бы ухудшить и так непростую социальную ситуацию внутри страны. Во-вторых,

оборонные заказы со стороны Российских вооруженных сил были небольшими по объемам и оборонная промышленность нуждалась в зарубежных заказах для сохранения рентабельности. Поэтому вопросы военно-технического сотрудничества занимали важное место во внешней политике России, а в отношениях с отдельными странами выступали на первое место. ВПК всегда обладал определенными возможностями лоббирования, и хотя в 1990-е гг. его влияние несколько упало, эти возможности сохранились.

В 1990-е гг. еще более усилил свои позиции *топливно-энергетический комплекс*. В отличие от ВПК рыночные реформы пошли ТЭК на пользу. Кроме этого, основные доходы предприятия ТЭК стали получать от экспорта продукции на мировой рынок, что обусловило повышенный интерес представителей комплекса к международным делам. В состав современного российского топливно-энергетического комплекса входят как РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС», в значительной степени контролируемые государством, так и многочисленные частные нефтяные компании. У всех сегментов российского ТЭК есть существенные интересы за пределами России. «Газпром» интересуют долгосрочные контракты на поставку газа в зарубежные страны, вопросы оплаты этих поставок, маршруты транспортировки российского газа. Нефтяные компании также заинтересованы в маршрутах и способах транспортировки нефти. Кроме того, нефтяные компании обращают внимание на многие факторы, определяющие мировые цены на нефть. В последние годы у российских компаний появились и новые интересы, связанные с их участием в проектах добычи нефти за пределами нашей страны. РАО «ЕЭС» помимо экспорта произведенной электроэнергии стремится участвовать в приватизации энергетических мощностей в странах СНГ. Для реализации подобных интересов за границей ТЭК требуется государственная поддержка, поэтому лица и структуры, представляющие топливно-энергетический комплекс, пытаются влиять на внешнюю политику.

Интересы предприятий ТЭК, государства и общества могут совпадать, так как формирование федеративного бюджета по-прежнему зависит в первую очередь от экспорта нефти и газа, но могут и расходиться. Так, в 1990-е гг. нефтяная компания «Лукойл» заключила контракт с азербайджанским правительством о разведке и добыче нефти на шельфе Каспийского моря в то время, когда еще не было достигнуто соглашение между Россией, Азербайджаном и другими прикаспийскими странами о разделе шельфа.

Гражданское общество как целое имеет и такой важный инструмент воздействия на внешнюю политику, как *общественное мнение*. Под воздействием общественного мнения могут быть отменены или, наоборот, приняты те или иные внешнеполитические решения, скорректирован внешнеполитический курс государства в целом. Общественное мнение находит свое отражение в средствах массовой информации, они же активно его формируют. Учитывая это, можно признать справедливыми выводы, сделанные в свое время известным американским политологом Алмондом, который среди других внешнеполитических элит, активно влияющих на внешнюю политику, специально выделил «элиту средств массовой информации».

Оптимальное взаимодействие государств и гражданского общества в сфере внешней политики должно способствовать максимальной реализации национально-государственных интересов. Отсутствие должного контроля со стороны гражданского общества над внешнеполитической деятельностью государства может привести к излишней бюрократизации внешней политики, снижению ее эффективности. Но и чрезмерная активность заинтересованных групп способна подменить национальные интересы групповыми, корпоративными, что неприемлемо ни для государства, ни для общества. Далеко не всегда и общественное мнение справедливо в своих оценках внешней политики государства. Иногда эти оценки несут на себе заметный отпечаток некомпетентности и субъективности. Об этом следует помнить и в современной России, где за последние десять лет формирующееся гражданское общество получило возможности, пусть и небольшие, воздействия на внешнюю политику.

§ 3. Основные направления и приоритеты внешнеполитического курса Российской Федерации

28 июня 2000 г. президентом В. Путиным была утверждена новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации [8]. В этом документе дается оценка тенденций и закономерностей развития современного мира, формулируются цели и задачи внешнеполитической деятельности российского государства. В нем отмечается, что Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Эта политика основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме, она максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений. Указывается, что

отличительной чертой российской внешней политики является ее сбалансированность. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, требующим оптимального сочетания усилий по всем направлениям. Такой подход предопределяет ответственность России за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне, предполагает развитие и взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе.

В концепции констатируется, что современная Россия заинтересована в стабильной системе международных отношений, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Такая система должна обеспечивать надежную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, гуманитарной и иных областях.

Среди приоритетов российской внешней политики на глобальном уровне называется сохранение и усиление регулирующей роли Организации Объединенных Наций в международных отношениях. Это предполагает: неуклонное соблюдение основополагающих принципов Устава ООН, включая сохранение статуса постоянных членов Совета Безопасности; рациональное реформирование ООН в целях развития ее механизма быстрого реагирования на происходящие в мире события, наращивание ее возможностей по предотвращению и урегулированию кризисов и конфликтов; повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание этому органу большей представительности за счет включения в его состав новых постоянных членов, в первую очередь авторитетных развивающихся государств. В документе отмечается, что реформирование ООН должно исходить из незыблемости права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН.

При рассмотрении проблем международной безопасности подчеркивается, что Россия выступает за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Утверждается, что в этих целях Российская Федерация будет неукоснительно выполнять взятые на себя обязательства по действующим договорам и соглашениям в области ограничения и сокращения вооружений и участвовать в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих как российским национальным интересам, так и интересам безопасности других государств. Кроме того, Россия, указывается

в документе, подтверждает неизменность своего курса на участие совместно с другими государствами в предотвращении распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки. Российская Федерация — твердый сторонник укрепления и развития соответствующих международных режимов, включая создание глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, она намерена твердо придерживаться своих обязательств по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и призывает присоединиться к нему все государства мира.

Россия считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и выступает за укрепление его правовых основ в строгом соответствии с принципами Устава ООН. Поддерживая меры по наращиванию и модернизации потенциала быстрого антикризисного реагирования ООН, Российская Федерация намерена продолжать активно участвовать в операциях по поддержанию мира, проводимых как под эгидой ООН, так и региональными и субрегиональными организациями. Необходимость и степень такого участия будут соразмеряться с национальными интересами и международными обязательствами страны. Россия исходит из того, что только Совет Безопасности ООН правомочен санкционировать применение силы в целях принуждения к миру.

Поскольку уже в 1990-е гг., т. е. раньше, чем многие другие государства мира, Россия столкнулась с террористической угрозой, в Концепции внешней политики уделяется особое внимание необходимости усиления противодействия этой угрозе. Борьба с международным терроризмом, способным дестабилизировать обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах, представляется важнейшей внешнеполитической задачей. Российская Федерация выступает за дальнейшую разработку мер по усилению взаимодействия государств в этой области. Россия считает прямой обязанностью любого государства защиту своих граждан от террористических посягательств, недопущение на своей территории деятельности, имеющей целью организацию подобных актов против граждан и интересов других стран, включая непредоставление убежища террористам.

Поскольку терроризм часто переплетается с общеуголовной преступностью, Россия, как подчеркивается в документе, будет целенаправленно противодействовать незаконному обороту наркотиков и росту организованной преступности, сотрудничая с другими государ-

ствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных органов, и на двустороннем уровне.

Внешняя политика России в сфере международных экономических отношений должна обеспечивать благоприятные внешние условия для развития национальной экономики. Для этого необходимо:

- ◆ формировать в стране экономику рыночного типа и получать максимальный экономический эффект от участия Российской Федерации в обновленной внешнеэкономической специализации и международном разделении труда;
- ◆ минимизировать риски при дальнейшей интеграции России в мировую экономику с учетом обеспечения экономической безопасности страны;
- ◆ способствовать полноправному участию Российской Федерации в международных экономических организациях, защищать в них национальные экономические интересы нашей страны; содействовать расширению отечественного экспорта и рационализации импорта, а также российскому предпринимательству за рубежом, поддерживать его интересы на внешнем рынке и противодействовать дискриминации отечественных производителей и экспортеров;
- ◆ содействовать привлечению иностранных инвестиций в первую очередь в реальный сектор и приоритетные сферы российской экономики; обеспечивать сохранение и оптимальное использование российской собственности за рубежом;
- ◆ приводить обслуживание российского внешнего долга в соответствие с реальными возможностями страны, добиваться максимального возврата средств в счет кредитов иностранным государствам; формировать комплексную систему российского законодательства и международную договорно-правовую базу в экономической сфере.

Россия должна быть готова к использованию всех имеющихся экономических рычагов и ресурсов для защиты своих национальных интересов.

В гуманитарной сфере приоритетной задачей была названа защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

Приоритетом внешней политики России в регионе будет развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства с государствами — участниками СНГ. Концепция отмечает разноскоростной

и разноуровневый характер интеграции в рамках Содружества, исходя из чего Россия и будет определять параметры своих отношений с каждой из стран СНГ в отдельности. Важнейшее значение будут иметь совместные усилия по урегулированию конфликтов в государствах — членах СНГ, развитию сотрудничества в военно-политической области, в сфере безопасности, в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Серьезный акцент будет сделан на развитии экономического сотрудничества, включая создание зон свободной торговли, реализацию программ совместного рационального использования природных ресурсов.

Как традиционно важные рассматриваются в концепции отношения со странами Европы. Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. В связи с этим в документе подробно рассмотрены вопросы взаимоотношений Российской Федерации с важнейшими международными институтами, существующими на европейском континенте, — Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Советом Европы, Европейским союзом, Организацией Североатлантического договора (НАТО). Характеризуется роль каждой организации в формировании новой региональной системы отношений, и оцениваются перспективы развития отношений России с ними. Отмечается, что взаимодействие с государствами Западной Европы, в первую очередь с такими влиятельными, как Великобритания, Германия, Италия и Франция, представляет собой серьезный ресурс для отстаивания Россией своих национальных интересов в европейских и мировых делах, для стабилизации и роста экономики России.

В отношениях с США приоритетным направлением определяется сотрудничество по проблемам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространением оружия массового поражения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных локальных и региональных конфликтов.

Важное и все возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия. В концепции отмечается, что это обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, а также необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. Предполагается активизировать участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона — форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, региональном форуме Ассоциации

государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по безопасности, Шанхайской организации сотрудничества.

Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией. Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам мировой политики — основа региональной и глобальной стабильности. Главная задача во взаимовыгодном сотрудничестве с Китаем — приведение масштабов экономического взаимодействия наших стран в соответствие с уровнем политических отношений. Россия также стремится углублять традиционное партнерство с Индией, способствовать преодолению сохраняющихся в Южной Азии проблем и укреплению стабильности в регионе.

Российская Федерация выступает за устойчивое развитие отношений с Японией, за достижение подлинного добрососедства, отвечающего национальным интересам обеих стран. В рамках существующих переговорных механизмов Россия продолжит поиск взаимоприемлемого решения оформления международно признанной границы между двумя государствами.

Принципиальное значение имеет для России общее оздоровление ситуации в Азии, где усиливаются геополитические амбиции ряда государств, нарастает гонка вооружений, сохраняются источники напряженности и конфликтов. Озабоченность Российской Федерации вызывает обстановка на Корейском полуострове, в связи с чем наша страна будет стремиться равноправно участвовать в решении корейской проблемы, поддерживать сбалансированные отношения с обоими корейскими государствами.

Напрямую затрагивает российские национальные интересы и создает угрозу безопасности южных рубежей СНГ затяжной конфликт в Афганистане. Вместе с другими государствами Россия будет прилагать усилия для политического урегулирования афганской проблемы, недопущения экспорта терроризма из этой страны.

В концепции дается обзор задач, которые российская внешняя политика должна решать в отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока. Отмечается необходимость в расширении сотрудничества со странами африканского континента, государствами Латинской Америки.

Таким образом, внешняя политика России сохраняет свой глобальный характер. Среди ее приоритетов по-прежнему находятся отношения с большинством стран и регионов современного мира.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: Официальный текст (с изменениями от 9 января 1996 г., 10 февраля 1996 г. и 9 июня 2001 г.). СПб., 2003. С. 26.
2. Там же. С. 29.
3. Там же. С. 27.
4. Там же. С. 28.
5. Там же. С. 36.
6. Там же. С. 29.
7. Там же. С. 28.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. 2000. № 8–9.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие изменения произошли в геополитическом положении России после распада СССР?
2. Какое место занимает современная Россия в мировой политике и экономике?
3. В чем, на ваш взгляд, заключаются национально-государственные интересы современной России?
4. Охарактеризуйте роль отдельных институтов государственной власти в формировании внешней политики современной России.
5. Как может влиять гражданское общество на внешнюю политику государства и в какой степени возможности такого влияния реализуются в современной России?
6. Отношения с какими странами и регионами современного мира должны, на ваш взгляд, находиться среди внешнеполитических приоритетов России?

Литература

- Внешняя политика и безопасность современной России: В 4 т. М., 2002.
- Глобализация и Россия (Круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3.
- Иноземцев В.* Россия в системе международных отношений XXI века // Международная жизнь. 2002. № 9–10.
- Как делается политика США и России. Принятие решений об использовании американских и российских вооруженных сил в региональных кон-

- фликтах конца XX века / Под ред. Дж. Р. Азраела, Э. Паина, А. Попова. М., 1996.
- Кокошин А.* Россия — сверхдержава, великая или региональная держава? // *Международная жизнь.* 2002. № 9–10.
- Конституционно-правовой механизм внешней политики.* М., 2004.
- Кременюк В.* Внешняя политика Москвы в поисках сути // *Международная жизнь.* 2001. № 4.
- Ланцов С. А.* Внешняя политика РФ в условиях формирования новой системы международных отношений; структурные ограничения и возможности их преодоления // *Вестник аналитики.* 2004. № 2.
- Мешков А.* Актуальные аспекты внешней политики России // *Международная жизнь.* 2002. № 4.
- Примаков Е.* Россия и международные отношения в условиях глобализации // *Международная жизнь.* 2001. № 3.
- Россия в глобальном мире // *Международная жизнь.* 2001. № 7.
- Симония Н.* Российская внешняя политика в условиях современных вызовов // *Международная жизнь.* 2002. № 6.
- Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.

Глава XVI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

---

§ 1. Основные тенденции развития российско-американских отношений после окончания холодной войны

После окончания холодной войны, распада СССР и превращения Российской Федерации в самостоятельный субъект международной политики, российско-американские отношения прошли ряд этапов и претерпели существенные изменения.

В начале 90-х гг. XX в. как у российской, так и у американской элиты не было недостатка в завышенных ожиданиях относительно «светлых» перспектив российско-американских отношений. В Российской Федерации ждали, что Америка по достоинству оценит те потери и жертвы, на которые пошла Россия во имя «свободы и демократии», и не только прольет «золотой дождь» экономической помощи новой России, но и обеспечит ей достойное место в западном обществе «цивилизованных народов». Как представляется, именно этими надеждами, а не личностными особенностями или идейной позицией тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева (получившего на Западе прозвище «Господин “да”») объясняется проамериканский курс России на международной арене в начале 90-х гг. XX в.

После распада Советского Союза, венчавшего победоносное для Запада окончание холодной войны, Америка укрепилась в уверенности, что ей предначертана судьбой роль единоличного лидера в мире, способного в одиночку привести его в «светлое будущее» по-американски. Неоспоримое превосходство Соединенных Штатов в военной, экономической и политической сферах создавало впечатление, будто теперь на международной арене они могут делать практически все, что им вздумается.

Морально роль гегемона оправдывалась не только необходимостью реализовать свои национальные интересы в исключительно благоприятных для этого условиях, но и, возможно, искренней уверенностью, что они в полной мере совпадают с интересами всего международного сообщества, а также тем, что США несли в значитель-

ной мере бремя расходов и ответственности, всегда сопутствующее лидерству. В то же время в Соединенных Штатах столь же нереалистично полагали, что Россия буквально по мановению волшебной палочки обретет динамичную рыночную экономику и стабильную демократическую политическую систему без серьезной помощи извне, а главное, будет всегда и во всем следовать в кильватере американской внешней политики.

Колебания внешней политики России 2-й половины 1990-х гг.: «разворот над Атлантикой» самолета главы российского правительства Е. М. Примакова, «бросок на Приштину» российских десантников, протесты против «однополюсного мира» и расширения НАТО на Восток, звучавшие из Москвы, и др. игнорировались, поскольку воспринимались в США как проявления ностальгии по бывшему советскому имперскому величию и только укрепляли уверенность в наступлении *Pax Americana*.

Сейчас, по прошествии времени, можно сколько угодно говорить о том, что эти представления и ожидания были явно завышенными и нереалистичными, но разочарование по обе стороны Атлантики не стало от этого менее сильным. Результат взаимного непонимания — нарастающее чувство разочарования и обманутые ожидания, а также формирование новых, но столь же далеких от действительности представлений друг о друге.

В США Россию стали воспринимать как «государство-обузу», неспособное самостоятельно решать собственные проблемы, предпочитающее ходить по миру с протянутой рукой и шантажирующее Запад с помощью своего ядерного потенциала, а русских — как представителей мафии, создающих дополнительные проблемы для стран «свободного мира».

В России же Америка быстро превратилась из «примера для подражания» в «источник всех бед»: ее считали виновной в намеренном развале российской экономики и промышленности, особенно высокотехнологичных отраслей, скупке за бесценок национальных богатств и государственных секретов, утечке российского интеллекта и как следствие — полной утрате Россией ее бывшего международного статуса.

На рубеже нового тысячелетия представители американской политической элиты были настроены в отношении России очень скептически. Так, например, советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс в одном из первых своих интервью после вступления в должность в 2000 г. заявила: «Я полагаю, Россия

будет все больше сближаться с арабскими странами, включая Иран. В конце концов такая политика приведет ее к отказу вносить свой вклад в усилия по сохранению мира... Я искренне считаю, что Россия представляет опасность для Запада вообще и для наших европейских союзников в частности. Ни они, ни мы еще не осознали в полной мере ту опасность, которую таят в себе ядерный арсенал и баллистические средства доставки Кремля» [1].

В своей оценке перспектив российско-американских отношений К. Райс была не одинока. На основе серии интервью в марте-апреле 2001 г. с «теми, кто отвечает или скоро будет отвечать за формулирование российской политики США», американская исследовательница С. Уолландер пришла к следующему заключению о подходах новой администрации к этому вопросу: «Базовое представление, на котором строится политика США, состоит в том, что Россия слаба и в течение достаточно долгого времени будет оставаться таковой... В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, которые избрали своим приоритетом интеграцию в западные институты и готовы нести издержки в кратко- и среднесрочном плане ради достижения этой долгосрочной цели, Россия избегала принятия тяжелых решений и не достигла особого прогресса. В результате в течение ближайших лет она будет продолжать бороться со своей слабостью... Россия более не является ни основной угрозой американским интересам, ни инструментом для осуществления этих интересов во всех случаях» [2].

Не менее осторожно оценивали перспективы российско-американских отношений и в российском руководстве после прихода к власти В. В. Путина. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом РФ 28 июня 2000 г. (см. главу XV), говорилось о значительных трудностях последнего времени в отношениях с США, наличии серьезных, в ряде случаев — принципиальных, разногласий. Характерно, что в 1999–2000 гг. и в Вашингтоне, и в Москве тщательно избегали термина «партнерство» применительно к российско-американским отношениям.

Итак, при всех различиях в подходах российских и американских элит к проблеме российско-американских отношений эти подходы объединяла стойкая уверенность в том, что у конструктивного взаимодействия двух стран на мировой арене нет будущего. Во всяком случае, именно такой взгляд превалировал на рубеже веков и в Москве, и в Вашингтоне.

События 11 сентября 2001 г. стали «моментом истины» в современной мировой политике и ознаменовали крутой поворот в российско-

американских отношениях. Уже через несколько часов после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне президент РФ первым из мировых лидеров дозвонился до президента США Дж. Буша. В ходе телефонного разговора российский руководитель не только выразил самое глубокое сочувствие американскому народу, но и сообщил о прекращении учений российских стратегических сил, поскольку вооруженные силы США были приведены после терактов в состояние высшей боевой готовности и нельзя было исключить возможность ошибки или просчета.

За декларациями последовали и дела. США и Россия стали ведущими участниками антитеррористической коалиции, созданной после 11 сентября 2001 г. Следует отметить, что руководство США до этой трагической даты рассматривало российские призывы к борьбе с международным терроризмом как попытку придать легитимность войне в Чечне или как способ вовлечения Америки в борьбу с исламом в интересах России. Американский политолог Д. Саймс в связи с этим отмечает: «Сконцентрировавшись на гуманитарных интервенциях, администрация Клинтона уделяла недостаточно внимания, сил и средств более насущным проблемам, таким как растущая угроза “Аль-Каиды”. В результате неверной расстановки приоритетов был нанесен ущерб отношениям с Россией, произошло непредвиденное охлаждение отношений с Китаем. Как следствие Америке труднее было заручиться их содействием в борьбе с терроризмом в период, предшествовавший 11 сентября 2001 года. По иронии судьбы напряженность в отношениях с Россией частично способствовала тому, что администрация Клинтона отказалась от поступившего еще в 1999-м предложения Москвы о совместной борьбе против талибов» [3].

Трагические события 11 сентября 2001 г. заставили Вашингтон по-новому расставить приоритеты в российско-американских отношениях. Важнейшим направлением двустороннего сотрудничества стало взаимодействие в рамках антитеррористической коалиции. При этом выяснилось, что Россия является гораздо более ценным для Америки партнером в рамках коалиции, чем подавляющее большинство стран — членов НАТО. В ходе операции «Несокрушимая свобода» Россия предоставила Соединенным Штатам разведывательную информацию о террористических группировках, выделила воздушные коридоры для американской авиации, расширила военно-техническое сотрудничество с Северным альянсом. Официальный Вашингтон высоко оценил помощь со стороны России в борьбе с международным терроризмом.

Сотрудничество двух стран на начальном этапе деятельности антитеррористической коалиции было чрезвычайно успешным и продуктивным. США смогли нанести серьезный удар по группировке «Аль-Каида», ответственной за террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне; Россия же после краха режима талибов была избавлена от необходимости вести борьбу с исламским экстремизмом на два фронта — на Северном Кавказе и в Средней Азии. После завершения антитеррористической операции в Афганистане последовало значительное улучшение отношений между Россией и США, а также другими странами Запада.

Новый стиль российско-американского отношений позволил Москве и Вашингтону заключить Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (см. главу XI), предусматривающий трехкратное сокращение их развернутых стратегических боезарядов в течение ближайших десяти лет. Сближение России с Западом и его лидером — США — создало условия для учреждения Совета Россия—НАТО, который должен стать, как это говорится в Декларации глав государств и правительств стран — членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г., механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств — членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Можно сказать, что позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики.

За прошедшее после сентября 2001 г. время было высказано немало предположений о временном и случайном характере тех перемен, которые произошли в российско-американских отношениях. Представляется, что это не так, хотя бы потому, что все эти перемены, свидетельствующие об окончании холодной войны и начале нового этапа в отношениях между Россией и Америкой, подготавливались всем развитием российско-американских отношений на протяжении последнего десятилетия.

К числу беспорных достижений в развитии двусторонних отношений следует отнести то, что Москве и Вашингтону удалось приступить к демонтажу тех колоссальных стратегических ядерных арсеналов, которые были созданы обеими сверхдержавами для реализации стратегии победы в мировой термоядерной войне. Впервые с начала ядерного века началось реальное сокращение общего количества стратегических ядерных боеголовок сторон. По сравнению с максимальь

ным уровнем рубежа 1980–1990-х гг. число стратегических боеголовок в арсеналах Москвы и Вашингтона сократилось в 2 раза — с 10–12 тыс. боезарядов примерно до 6 тыс. (см. главу XI).

Было бы неверным, однако, представлять дело так, будто на протяжении прошедших десяти лет Россия и США добились полного взаимопонимания по проблеме разоружения. Многие американские политики и эксперты, близкие к консервативному крылу республиканской партии, как правило, скептически относятся к международному сотрудничеству в деле ограничения и сокращения вооружений. По их мнению, с окончанием холодной войны время традиционного контроля над вооружениями истекло и в нынешних условиях Соединенные Штаты не должны быть ограничены нормами международного права в своей военно-технической политике. В кругах, близких к новой американской администрации, весьма популярны рассуждения о том, что складывавшийся на протяжении последних десятилетий режим контроля над вооружениями устарел и его-де надо заменить на систему односторонних шагов, осуществляемых в интересах США в сфере разоружения.

Именно такие подходы возобладали в Вашингтоне после прихода к власти Дж. Буша в 2000 г. Серьезный ущерб сложившемуся на протяжении последних десятилетий механизму контроля над стратегическими вооружениями был нанесен после решения президента США в ноябре 2001 г. о выходе из Договора по ПРО. Не способствует конструктивному диалогу между двумя странами по проблемам разоружения и незаинтересованность новой американской администрации в ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также в создании механизма глобального контроля за запрещением биологического оружия.

В то же время не только перед Москвой и Вашингтоном, но и перед всеми ядерными державами стоит ряд сложных проблем, связанных с ликвидацией оружия массового поражения (ОМП) и предотвращением его распространения, которые невозможно решить в одностороннем порядке. События 11 сентября 2001 г. со всей остротой поставили вопрос о переоценке ядерного измерения международной безопасности. Сдерживающее свойство ядерного оружия, частично оправдавшее себя в межгосударственных отношениях в эпоху советско-американского ядерного паритета, сегодня теряет эффективность против таких угроз всеобщей безопасности, как международный терроризм или в качестве средства «принуждения к миру» участников внутрисоветских конфликтов, которых в мире становится все больше.

Возрастающая вероятность захвата или приобретения террористами оружия массового уничтожения, особенно тактических ядерных боезарядов, выдвигает на передний план задачу нераспространения ОМП. Решение этой задачи невозможно без достижения согласия и качественно нового уровня сотрудничества в первую очередь между ядерными державами.

В этом контексте особенно остро встает вопрос о надежном хранении и демонтаже тактических ядерных боеприпасов. Никаких многосторонних и двусторонних режимов контроля над этим видом ядерного оружия в настоящее время нет. Остается только гадать, в каких условиях в США и России хранятся переведенные на централизованное хранение тактические боеголовки, а также оружейные уран и плутоний, извлеченные из демонтированных тактических боеголовок. Проблема российского и американского тактического ядерного оружия — лишнее свидетельство того, что даже самые радикальные односторонние шаги не способны решить проблему ограничения и сокращения вооружений и без двусторонних и многосторонних договоренностей здесь не обойтись.

На протяжении последнего десятилетия сторонам удалось существенно расширить проблематику диалога по военно-политическим вопросам, дополнив ее за счет обсуждения возможного сотрудничества в создании перспективных систем ПРО, а также взаимодействия в деле ликвидации советских арсеналов оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки.

Еще в 1992 г. Москва предложила совместно разрабатывать, а затем создать и совместно эксплуатировать глобальную систему защиты от ракетного оружия. Восемь лет спустя российская сторона возобновила это предложение. В интервью американской телекомпании Эн-Би-Си 1 июня 2000 г. Президент РФ В. Путин сказал о возможности создания совместной российско-американской системы ПРО, предназначенной для отражения тех угроз, которые направлены против США, России и их европейских союзников. В развитие этой инициативы 21 февраля 2001 г. российская сторона передала генеральному секретарю НАТО Дж. Робертсону конкретные предложения по созданию системы европейской нестратегической ПРО.

В этой связи следует отметить, что и администрация Клинтона, и нынешняя американская администрация неоднократно выражали заинтересованность в сотрудничестве с Россией в области разработки тактической и стратегической ПРО, в том числе в таких сферах, как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы,

проведение совместных учений и т. д. Особенно интересуют Вашингтон результаты проводимых в России исследований по плазменному излучению в атмосфере.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве в области нестратегической ПРО нашла свое выражение в Совместной декларации о новых стратегических отношениях между РФ и США, в которой, в частности, говорится о том, что «Россия и США согласились осуществить ряд мер, направленных на укрепление доверия и расширение транспарентности в области противоракетной обороны, в числе которых — обмен информацией по противоракетным программам, испытаниям в этой области, взаимные посещения в целях наблюдения за противоракетными испытаниями и ознакомительного осмотра противоракетных систем. Они также намерены предпринять шаги, необходимые для начала функционирования Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения. Россия и США также договорились изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе расширение практики совместных учений по ПРО, изучение возможных программ совместных исследований и разработок в области технологий ПРО».

Таким образом, Вашингтон и Москва сделали серьезную заявку на установление более тесных и доверительных связей в области ПРО, однако дальше высказывания обоюдной заинтересованности и деклараций продвинулись пока не удалось.

На протяжении последнего десятилетия особое значение приобрела и такая совершенно новая область российско-американских отношений, как сотрудничество двух стран в деле обеспечения безопасности, демонтажа и хранения снимаемых с вооружения ядерных боеприпасов, а также утилизации извлекаемых из них ядерных материалов. Американская сторона финансирует это сотрудничество в рамках крупнейшей программы Нанна—Лугара. Общие ассигнования США для всех стран СНГ составили за время осуществления этой программы (начиная с 1992 г.) около 7 млрд долл. В настоящее время ежегодные ассигнования на программу помощи новым независимым государствам достигли порядка миллиарда долларов. Для сравнения: общий объем помощи ЕС новым независимым государствам на цели обеспечения надежного хранения ОМУ и его ликвидации составил за последние десять лет всего 550 млн экю.

В результате совместных усилий США и РФ в Россию было возвращено для безопасного демонтажа 1700 ядерных боеголовок; уничтожено более 400 ракетных шахт; ликвидировано более чем

1400 стратегических ядерных носителей (снятых с вооружения советских баллистических ракет, крылатых ракет, подводных лодок и бомбардировщиков); переработано 150 тонн оружейного урана; уничтожено 30 тыс. тонн жидкого ракетного топлива. Важнейшим направлением сотрудничества двух стран в рамках программы Нанна—Лугара является строительство при финансовом и техническом содействии Пентагона хранилища для плутониевых сердечников, извлеченных из демонтированных ядерных боезарядов, на производственном объединении «Маяк», а также переоборудование российских реакторов, производящих оружейный плутоний.

Упомянутая программа предусматривала также активное сотрудничество США, России и новых независимых государств в снижении угрозы распространения ОМП. В соответствии с этой программой Вашингтон оказал содействие в возвращении в Россию свыше 1700 стратегических ядерных боеголовок из Белоруссии, Казахстана и Украины, вследствие чего они смогли присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств.

Данная программа, начатая при администрации Клинтона, интенсивно осуществляется и при президенте Буше. Более того, при активном участии официального Вашингтона 27 июня 2002 г. в Кананаскисе (Канада) на саммите «Большой восьмерки» было принято «Заявление о глобальном партнерстве по пресечению распространения оружия массового поражения». В соответствии с этим заявлением США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Япония должны выделить до 20 млрд долл. на протяжении следующих 10 лет для финансирования проектов на территории бывшего Советского Союза (главным образом в России), направленных на предотвращение распространения оружия массового поражения. Ожидается, что доля США в этом проекте должна составить не менее 10 млрд долл.

О готовности официального Вашингтона и впредь оказывать помощь России в уничтожении советского ОМП свидетельствуют принятое в январе 2003 г. решение Белого дома о размораживании 450 млн долл., предназначенных для ликвидации химического оружия на объекте «Щучье» в Курганской области, а также принятое в марте 2003 г. решение о выделении 466 млн долл. на финансирование строительства теплоэлектростанции, которая должна заменить ликвидируемые российские плутониевые реакторы АДЭ-2, АДЭ-4 и АДЭ-512.

Произошли заметные позитивные перемены в торгово-экономических и научно-технических связях двух стран, причем как количественного, так и качественного характера. На протяжении 1990-х гг. товарооборот между РФ и США увеличился в несколько раз, превысив по итогам 2002 г. 11 млрд долл. Тем самым США заняли место среди крупнейших торговых партнеров России. По данным 2001 г., США являются крупнейшим иностранным инвестором в российскую экономику. Общий объем американских капиталовложений составил примерно 7 млрд долл. При этом в отличие от ситуации в двусторонних торгово-экономических связях до 1991 г. Россия имеет устойчивое положительное сальдо торгового баланса с Америкой, которое составило в 2000 г. около 2 млрд долл. Изменилась и структура российско-американской торговли (по сравнению с началом 1990-х гг.): теперь во взаимном товарообороте преобладают не сельскохозяйственные товары из США, а машины, оборудование, продукция черной и цветной металлургии, химической и атомной промышленности. Однако Россия прежде всего интересуется США как крупнейший производитель и экспортер углеводородов (нефть и газ) в мире, предоставляющий Америке возможность диверсифицировать и наращивать запасы ближневосточных энергоносителей или энергоносителей, которые производятся не входящими в ОПЕК странами.

Торгово-экономические связи между двумя странами не приобрели пока того же значения, что и их взаимоотношения в военно-политической сфере. Тем не менее Москва и Вашингтон не могут игнорировать эти связи или приносить их в жертву «большой политике». Более того, обе стороны стали признавать экономическое сотрудничество основой дальнейшего продвижения к конструктивным и взаимовыгодным отношениям. «Правительства наших стран, — отмечает посол США в РФ А. Вершбоу, — должны вместе создавать условия, которые позволят частному сектору России и США играть ведущую роль в расширении двустороннего экономического сотрудничества. Цель наших правительств — создание климата доверия, сопутствующего торговле и инвестициям» [4].

Характерно, что теперь уже двусторонняя торговля становится фактором большой политики в российско-американских отношениях. Так, например, за последние несколько лет мы стали свидетелями нового явления в российско-американских отношениях: первых российско-американских торговых войн («стальной» и «окорочковой»). Сам этот факт свидетельствует о том, что Россия постепенно интегрируется в мировую экономику, а торгово-экономические отноше-

ния между Москвой и Вашингтоном, как это ни парадоксально, постепенно нормализуются: как известно, Соединенные Штаты ведут торговые войны именно со своими ближайшими союзниками, а за все годы холодной войны между СССР и США не было ни одной торговой войны.

В данной связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что в последние годы целый ряд базовых отраслей российской экономики, а также некоторые сектора ВПК, определяющие научно-технический прогресс в Российской Федерации (аэрокосмическая промышленность, атомная энергетика), вышли на американский рынок. Определенных успехов достигло и научно-техническое сотрудничество двух стран: достаточно упомянуть такие перспективные научно-технические проекты, как «Морской запуск», Международная космическая станция, продажа в США российских ракетных двигателей РД-180 и др.

Улучшение общего политического климата в российско-американских отношениях открывает благоприятные перспективы для развития сотрудничества России и США в сфере экономики и высоких технологий. Существуют большие возможности для взаимодействия сторон в сфере энергетики, о чем свидетельствует осуществление нефтегазовых проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» и Каспийского нефтяного консорциума, строящего трубопроводы для экспорта нефти. Развивается сотрудничество двух стран в научно-технической сфере: многие американские компании, такие как «Локхид», «Боинг», «Интел», «Ай-би-эм», вложили достаточно большие средства в высокотехнологический сектор российской экономики. Есть перспективы в развитии двустороннего сотрудничества в нефтепереработке, автомобилестроении и др.

Однако масштабы российско-американского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества все еще далеко отстают от потенциальных возможностей обеих стран и не всегда являются взаимовыгодными (поскольку наиболее серьезные инвестиции вкладываются исключительно в нефте- и газодобывающую отрасли). Как сказал президент американо-российского делового совета Ю. Лоусон, страны с таким потенциалом, как США и Россия, должны иметь в 3–4 раза больший объем двусторонней торговли. Успех этого сотрудничества будет зависеть и от готовности Москвы и Вашингтона ликвидировать стоящие на его пути препоны внеэкономического характера. «Если американские официальные лица хотят, чтобы Москва серьезно относилась к обязательствам США, президенту Бушу нужно в первую

очередь решать проблему ограничений, предусмотренных поправкой Джексона—Вэника, — отмечается в докладе Комиссии по национальным интересам США в отношении России (2003 г.). — Российские официальные лица заявляют, что эта поправка отрицательно влияет на политические отношения между обеими странами и на атмосферу двусторонних экономических переговоров. Администрации Клинтона и Буша-младшего неоднократно обещали России сделать решительные шаги к этому направлению, однако никаких мер принято не было. Фактически США по-прежнему пытаются использовать поправку Джексона—Вэника как рычаг в переговорах с Россией по другим проблемам. То, что уже было обещано, не следует увязывать с другими вопросами» [5].

Кроме того, американским партнерам придется привыкнуть к тому, что в отличие от 1990-х гг. Российская Федерация не нуждается больше в экономической помощи со стороны Запада. Официальный Вашингтон неоднократно использовал этот рычаг на протяжении прошедшего десятилетия для того, чтобы добиться политических уступок от российской стороны. Сегодня Россия заинтересована во взаимовыгодной торговле и инвестициях, в решении проблемы советского долга, во вступлении в ВТО и признании рыночного характера российской экономики. Очевидно, что американской политической и деловой элите придется адаптироваться к этим переменам в формате двустороннего взаимовыгодного диалога по экономическим проблемам.

§ 2. Итоги и перспективы российско-американских отношений

Практика современной международной политики сформировала новую, соответствующую реалиям XXI, а не XX в. повестку дня, касающуюся отношений между Россией и США. Важнейшими пунктами этой российско-американской повестки, несомненно, являются: предотвращение распространения ОМП, борьба с международным терроризмом и международной организованной преступностью, а также совместные усилия по укреплению стабильности в Евразии.

За последние годы в российско-американских отношениях начала утверждаться модель партнерства. Партнерство означает, что РФ и США строят свои отношения исходя не из идеологических догм (как в годы холодной войны) и не из союзной солидарности (как было бы, если бы они стали союзниками), а из своих национальных

интересов. В случае если их интересы совпадают, никакие идейные расхождения более не помешают взаимовыгодному сотрудничеству двух стран (борьба с терроризмом, нераспространение, торговля, технологические обмены). В тех же областях, где позиции двух держав расходятся, они действуют в соответствии со своими национальными интересами, а не с пожеланиями партнера (расширение НАТО, войны против Югославии и Ирака, поставки оружия Китаю и т. д.). Вряд ли можно говорить о создании системы равноправного партнерства в ситуации, когда внешнеполитическая стратегия США предусматривает в перспективе «решительное, но вместе с тем реалистичное и разумное применение силы, при котором соблюдение американских интересов и защита американских ценностей сочетались бы с открытым осознанием собственного мирового превосходства» [6]. По мнению американских партнеров, нереалистично ожидать симметрии во взаимоотношениях, которые больше не являются симметричными. Однако партнерству нет разумной альтернативы, оно — наиболее устойчивая модель двусторонних отношений.

Российско-американские отношения стали гораздо более сбалансированными. Период значительной односторонней зависимости России от американской помощи и поддержки уходит в прошлое, теперь уже США нуждаются в российском содействии и в борьбе с терроризмом, и в предотвращении распространения оружия массового поражения, и в урегулировании ряда локальных конфликтов. Это обстоятельство в полной мере проявилось после 11 сентября 2001 г.

Угроза распространения ОМП и средств его доставки превращается в серьезнейший вызов международной стабильности и безопасности. Очевидно, что без самого тесного российско-американского взаимодействия в деле предотвращения распространения такого оружия решить эту задачу не удастся. Так как США и Россия располагают крупнейшими военно-промышленными комплексами в мире, они несут за нераспространение оружия массового поражения особую ответственность.

Бесспорно, за последние тринадцать лет российско-американское сотрудничество стало важным фактором, содействующим укреплению режима нераспространения. Тем не менее в новых исторических условиях это сотрудничество может и должно быть активизировано. По мнению российского специалиста-международника С. А. Караганова, «Россия и Соединенные Штаты должны объединить свои усилия, чтобы помочь странам, обладающим ядерными материалами, в деле обеспечения безопасного хранения этих материалов или же

чтобы скупить их избыточные запасы. Россия могла бы предоставить людей и необходимое ноу-хау, а США могли бы взять на себя прежде всего финансирование; к участию следует пригласить и другие государства» [7].

Хорошим примером такого российско-американского сотрудничества с третьими странами в деле нераспространения стала уникальная операция, проведенная 22 августа 2002 г. Россией, США и Сербией по перевозке из Белграда в российский Димитровград 50 кг высокообогащенного урана из югославского института ядерных наук «Винча». Американские спецслужбы подозревали, что к этому высокообогащенному урану, поставленному Советским Союзом бывшей Югославии для исследовательских целей, подбираются разведки некоторых «стран-изгоев». Проведенная совместная операция предотвратила возможность попадания высокообогащенного урана в эти страны.

Нельзя недооценивать масштаб тех проблем, с которыми сталкивается взаимодействие двух стран в деле нераспространения оружия массового поражения. Сохраняются серьезные разногласия между США и РФ по вопросу о последствиях для нераспространения российского военно-технического сотрудничества с третьими странами, и прежде всего с Ираном. Иран, впрочем, не единственная страна, военно-экономическое сотрудничество России с которой за последние десять лет вызывало озабоченность в Соединенных Штатах. Так, намерение России продать Индии криогенные двигатели и технологию их производства также вызывали с американской стороны обвинения в нарушении режима нераспространения ракетных технологий. Кроме того, американская сторона высказывала свои возражения по поводу продаж российских вооружений таким странам, как Китай, Сирия и Кипр. И это недовольство не ограничивалось лишь заявлениями американских должностных лиц; против некоторых российских компаний, фирм и институтов были введены американские дискриминационные меры и экономические санкции. В российском ВПК с раздражением воспринимают подобные заявления и действия Вашингтона, усматривая в них попытки потеснить российских конкурентов на международных рынках двойных технологий.

Колин Пауэлл, госсекретарь США в 2000–2005 гг., отмечает: «У нас, конечно, есть области, где наши мнения не совпадают. Мы ожидали, что Россия активно поддержит нашу политику в отношении Ирака, и до сих пор надеемся на изменение позиции Москвы по вопросу иранской ядерной программы. У нас есть разногласия по поводу некоторых аспектов российской политики в Чечне. Однако наши отно-

шения в целом больше не окрашены былым антагонизмом. Сегодня мы в достаточной степени доверяем друг другу, чтобы решить даже самые трудные проблемы, возникающие в отношениях между нами» [8].

Свидетельством интенсификации двустороннего диалога по проблеме международного терроризма стало создание Российско-американской рабочей группы по борьбе с терроризмом. Это решение было принято в ходе Майского саммита в Москве. Как указывалось в принятом 24 мая 2002 г. «Совместном заявлении президентов об антитеррористическом сотрудничестве», «среди прочих вопросов Рабочая группа будет заниматься угрозами ядерного, биологического и химического терроризма».

Тем не менее, похоже, правы те специалисты-международники, которые полагают временным сближение Российской Федерации и Соединенных Штатов на почве борьбы с международным терроризмом. Достаточно было России занять твердую самостоятельную позицию по вопросу войны в Ираке, чтобы началось российско-американское «охлаждение».

Несомненно, что международный терроризм будет и впредь представлять серьезнейшую угрозу международной безопасности, в том числе и для РФ, и для США. Однако после завершения контртеррористической операции в Афганистане, успех которой был бы невозможен без России и западноевропейских союзников Америки, США отказались ввести санкции против Афганистана за наркоторговлю, посчитав, что это противоречит американским интересам. Между тем после победы над режимом талибов производство наркотиков в Афганистане, направляемых прежде всего в Россию и Европу, выросло в десятки раз. Однако видимость стабильности в этой стране, базирующаяся на хрупком согласии с тамошними «полевыми командирами» (а сегодня ведущими наркопроизводителями) для Вашингтона важнее, чем проблемы наркотрафика в Россию и Европу. Не случайно в выступлении перед участниками Международного конгресса информационных агентств в сентябре 2004 г. президент В. Путин высказал озабоченность и недовольство деятельностью американско-британских оккупационных сил в Афганистане. Тем временем в США все чаще высказывается озабоченность по поводу сохранения демократических институтов в России.

Трагические события 11 сентября показали, что главная угроза безопасности США исходит из центра Евразии. Именно туда перемещается в настоящее время ось мировых проблем, и это обстоятельство потенциально превращает Россию и США в заинтересованных

партнеров друг для друга в деле обеспечения международной стабильности. Ведь, как показали события вокруг Афганистана после 11 сентября, только Соединенные Штаты и РФ могут предоставить друг другу реальную помощь в борьбе с общими врагами, среди которых самым опасным является исламский радикализм.

По мнению американского специалиста по российско-американским отношениям Р. Легволда: «В XXI в. роль “стратегического тыла” Соединенных Штатов играют не Европа и Северо-Восточная Азия, а огромный беспокойный регион, простирающийся от восточных границ Турции до западных границ Китая и вдоль южных границ России. Раз США собираются устранить угрозы, исходящие из этого региона, то ни одна страна не будет более ценна в качестве союзника, чем Россия... Россия и Соединенные Штаты, совместно предотвращающие основные стратегические угрозы нового века, особенно те, которые исходят из Евразии, будут иметь такое же значение в формирующемся мировом порядке, какое имели важнейшие альянсы с участием США в прошлом» [9].

Однако многие американские специалисты в области международных отношений, в частности уже упоминавшийся З. Бжезинский, негативно относятся к перспективам партнерства с Россией на евроазиатском континенте и в постсоветской Центральной Азии (см. главу XVIII).

Успех российско-американского сотрудничества в деле укрепления стабильности и безопасности в Евразии во многом будет зависеть от того, в какой мере официальный Вашингтон проявит готовность рассматривать такие ведущие страны региона, как Россия, Китай и Индия, в качестве равноправных стратегических партнеров. До сих пор в своей региональной политике в Евразии американская элита исходит из того, что системы безопасности в этом регионе должны строиться на основе расширяющегося на Восток Североатлантического альянса, где России в лучшем случае уготована роль младшего партнера с совещательным голосом. Между тем у России (как, впрочем, и у КНР и у Индии) имеются свои интересы безопасности и свои представления о том, каким образом они должны быть защищены, и великие державы Евразии не готовы поступаться своими интересами безопасности для того, чтобы угодить глобальным амбициям США.

Пока же Соединенные Штаты в своей международной политике по-прежнему придерживаются двойных стандартов: с одной стороны, единолично определяют страны, представляющие угрозу миру

и национальным интересам США, и без мандата Совета Безопасности ООН осуществляют интервенцию против Ирака; с другой — не хотят признавать вполне законное право России на формирование системы безопасности на постсоветском пространстве. Как пишет тот же З. Бжезинский: «Москва уже поддалась искушению использовать нынешнюю озабоченность Америки беспорядками в Ираке, разногласиями с Европой и нарастающим напряжением в отношениях с Ираном и снова стала оказывать давление на Грузию и Азербайджан, требуя от них отказаться от стремления присоединиться к евроатлантическому сообществу. Кремль наращивает усилия по недопущению любого продолжительного военного и политического присутствия США в Центральной Азии, что может затруднить Соединенным Штатам задачу привлечения центральноазиатских государств к более обширной региональной деятельности по противоборству исламскому фундаментализму в Афганистане и Пакистане. В этом случае мусульманский экстремизм вроде того, что проповедовала организация “Талибан”, может возродиться в масштабе всего региона» [10].

Пример применения США двойных стандартов приводится даже в докладе Комиссии по национальным интересам США в отношении России. По мнению авторов доклада, одной из ошибок администрации Дж. Буша-младшего является «чрезмерная поддержка Государственным департаментом многосторонней региональной организации ГУУАМ, в которую входят Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдавия. Даже тогда, когда Белый дом стремится наладить стратегическое партнерство с Москвой, Госдепартамент убеждает недовольных членов ГУУАМ (изначально объединение было создано для противодействия России) не покидать эту организацию, и предоставляет ей существенную финансовую помощь. Одно дело — поддерживать стремление правительств стран — членов ГУУАМ создать региональную организацию, и совсем другое — вынуждать некоторые правительства оставаться участниками этой организации, которая, по их мнению, не служит интересам их стран. Такая тактика неизбежно вызывает раздражение российских официальных лиц и заставляет их беспокоиться по поводу намерений США относительно стран бывших республик Советского Союза; в то же время она практически ничего не дает Соединенным Штатам взамен» [11].

На рубеже тысячелетий Россия сделала свой внешнеполитический выбор. Отныне Российская Федерация видит свое место на международной арене рядом с Западом, а не против него. Разумеется, взаимная адаптация и России, и Запада происходит и будет протекать

непросто. России еще предстоит на деле продемонстрировать готовность соблюдать признанные нормы международных отношений и занять свое место в мировом сообществе; а Соединенным Штатам предстоит отказаться от «эгоизма сильного», научиться учитывать национальные интересы своих реальных и потенциальных союзников и воспринимать Россию как «нормальную» страну — партнера в разрешении наиболее острых проблем современного мира.

Примечания

1. Российская газета. 2001. 22 февр. С. 11.
2. Российско-американские отношения при администрации Буша. Программа по новым подходам к безопасности России (PONARS). М., 2001. С. 5–6.
3. Саймс Д. Имперская дилемма Америки // Россия в глобальной политике. 2004. Январь-февраль. Т. 2. № 1. С. 134–135.
4. Верибоу А. Новые экономические отношения России и США // Коммерсантъ. 26 ноября 2001.
5. Россия в глобальной политике. 2004. Январь-февраль. Т. 2. № 1. С. 149.
6. Саймс Д. Указ. соч. С. 142.
7. Караганов С. А. Новые вызовы. Политика безопасности России в будущем // Intern. Politik. 2002. № 7. С. 70.
8. Пауэлл К. Стратегия партнерства // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 1. С. 124.
9. Legvold R. Crafting a U.S.—Russian Alliance // Nat. Interest. 2002. Dec. 20.
10. Бжезинский З. Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. 2004. Март-апрель. Т. 2. № 2. С. 199–200.
11. Россия в глобальной политике. 2004. Январь-февраль. Т. 2. № 1. С. 147–148.

Контрольные вопросы и задания

1. К каким радикальным изменениям привело окончание холодной войны в отношениях между США и Россией?
2. Выделите основные этапы в развитии российско-американских отношений в 90-е гг. XX в.

3. Дайте характеристику российско-американских отношений на рубеже веков.
4. Как повлияли на российско-американские связи события 11 сентября 2001 г.?
5. Почему так важны для США и России проблемы нераспространения ОМП?
6. Каковы основные проблемы российско-американских торгово-экономических связей?
7. Охарактеризуйте проблемы и достижения в сотрудничестве России и США в борьбе с международным терроризмом.
8. Каковы перспективы российско-американских отношений?

Литература

- Балуевский Ю.* Российско-американские отношения. Новая модель // Международная жизнь. 2002. № 8.
- Батюк В. И.* Россия и США: проблемы и перспективы сотрудничества. США на рубеже веков. М., 2000.
- Бжезинский З.* Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. 2004. Март-апрель. Т. 2. № 2.
- Делягин М.* По силам ли России «новый прагматизм» США // Международная жизнь. 2001. № 3.
- Как делается политика США и России. Принятие решений об использовании американских и российских вооруженных сил в региональных конфликтах конца XX века / Под ред. Дж. Р. Азраела, Э. Паина, А. Попова. М., 1996.
- Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002.
- Кортунов С.* Российско-американское партнерство и вызовы XXI века. Шанс на начало нового диалога существует // Международная жизнь. 2002. № 4.
- Кортунов С. В.* Вашингтон отрекается от Договора по ПРО // Международная жизнь. 2002. № 7.
- Кулагин В.* Россия—США. «Кое-что начинает получаться» // Международная жизнь. 2001. № 12.
- Носов М. Г., Рогов С. М., Шмелев Н. П.* Россия и Запад после 11 сентября 2001 года // США—Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 6.
- Политика США в меняющемся мире / Отв. ред. П. Т. Подлесный. М., 2004.
- Пушков А.* «QVO VADIS?» После встречи Путин—Буш // Международная жизнь. 2002. № 6.
- Саймс Д.* Имперская дилемма Америки // Россия в глобальной политике. 2004. Январь-февраль. Т. 2. № 1.

Софийский Н. Россия—США. Путь к прагматическому партнерству // Международная жизнь. 2001. № 7.

Уткин А. И. В Америке снова просыпается имперское мышление // Международная жизнь. 2002. № 7.

Уткин А. И. Единственная сверхдержава. М., 2003.

Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

Глава XVII

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Развитие партнерства со странами Западной Европы является одним из важнейших приоритетов российской внешней политики. Однако нынешнее состояние отношений между Россией и Западной Европой нельзя понять без краткого исторического экскурса. После распада Советского Союза и краха вполне иллюзорных попыток строительства «общеевропейского дома», в начале 90-х гг. XX в. проблемы выработки новой внешней политики и политики безопасности, в том числе форм участия в будущей системе европейской безопасности, стали наиболее важными вопросами для политической элиты и российского общества.

Действительно, после окончания советского периода в России возникла острая проблема определения ее идентичности и ее места в Европе и мире. Как заметил один из отечественных исследователей, Россия в том виде, в котором она возникла в начале 1990-х гг. — это «государство, которое никто не хотел». Потеря былого международного статуса и огромных территорий была воспринята многими как национальное унижение, что привело к кризису идентичности и политической дезориентации россиян. Дискуссия о внешней политике и политике безопасности была сконцентрирована на поисках места России в мире, на способах и сферах взаимоотношений с Западом, на сохранении особого статуса России как «великой державы» и проблеме нахождения баланса между европейским/западным и азиатским векторами российской внешней политики.

В этой дискуссии особо акцентировалась роль России в мировой истории и современности (самая востребованная метафора, призванная иллюстрировать роль России в новую историческую эпоху, — это метафора «моста» между Востоком и Западом). Одновременно все чаще высказывались сомнения в том, что возможно слепо копировать западную экономическую и политическую модель и полагаться на западную помощь в строительстве «новой России». Возникли первые опасения по поводу действительных целей Запада в отношении России и пагубного влияния западной культуры на традиционные российские духовные ценности. В целом же главный вектор российской политики 1-й половины 1990-х гг. — американский.

§ 1. Россия, НАТО и проблемы европейской безопасности

В середине 1990-х гг. дебаты в России по проблемам национальной безопасности и отношений со странами Европы касались в основном двух проблем: расширения НАТО на Восток и построения особых отношений РФ с Европейским союзом.

При оценке ситуации следует помнить, что вначале Россия проявила весьма терпимое отношение к стремлению Польши вступить в НАТО, когда этот вопрос обсуждался в августе 1993 г. во время официального визита президента Б. Ельцина в Варшаву, а также к натовской программе «Партнерство во имя мира» (ПИМ). В то время российский военный и политический истеблишмент был уверен, что программа будет чем-то вроде «зала ожидания», в котором страны Центральной и Восточной Европы, а также Россия могут пребывать в течение неопределенно долгого периода времени, а потом «...или шах умрет, или ишак сдохнет...»

Положение оставалось таковым до тех пор, пока НАТО не опубликовала рамочный документ программы «Партнерство во имя мира» в январе 1994 г. Тогда в российской прессе началась первая массированная антинатовская кампания. Многие положения этого документа шли вразрез с традиционными установками российской военной и политической элиты. Для нее особенно неприемлемыми были требования, сформулированные в § 3, где содержались призывы к прозрачности при организации и планировании национальной обороны, военных бюджетов и при обеспечении демократического и гражданского контроля над вооруженными силами.

В целом вопрос о расширении НАТО породил в российском обществе много мифов и иллюзий, которые активно использовались политической элитой.

Тем не менее в 1994 г. Россия и НАТО достаточно плодотворно сотрудничали в рамках ИФОР в урегулировании балканского кризиса (Босния и Герцеговина). В тот период Россия голосовала в ООН вместе с западными странами за резолюцию, осуждавшую политику С. Милошевича. Однако после натовских бомбардировок сербских позиций в Боснии А. Козырева, бывшего тогда министром иностранных дел РФ, подвергли в России резкой критике: его обвиняли в проведении прозападной политики, а национал-патриоты назвали его предателем национальных интересов.

В мае 1995 г. Россия подписала индивидуальную программу партнерства с НАТО. Характерно, что во время подготовки документа российские официальные лица постоянно настаивали на особом статусе страны, раз за разом повторяя, что Россию нельзя сравнивать с другими восточноевропейскими государствами.

Однако Россия не принимала активного участия в этой программе. Это объясняется прежде всего тем, что российское военное руководство не было готово к сотрудничеству в качестве «обычной», а не «великой» военной державы, тем более что теперь России поневоле приходилось иметь дело и с представителями бывших стран Варшавского договора, а ныне — кандидатами на членство в НАТО. Так, представители России вновь и вновь поднимали вопрос о командовании и расценивали как унижение тот факт, что российские войска находились в Боснии и Герцеговине под контролем НАТО. Конечно, сыграли свою роль и проблемы в финансировании программы сотрудничества Россия—НАТО.

В конце 1996 г., когда российские политики осознали, что процесс продвижения НАТО на Восток Европы необратим, они начали переговоры о подписании документа между Россией и НАТО, который до определенной степени регулировал бы права и обязанности сторон в процессе расширения. «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО» был подписан в Париже в мае 1997 г. Согласно тексту документа, обе стороны провозглашались партнерами и России давались некоторые гарантии, впрочем вполне декларативные.

Однако Россия и НАТО, как представляется, так и не стали партнерами в действительности, причем ответственны за это обе стороны. Запад несет ответственность за то, что:

- ◆ Поддерживал демократические преобразования в России преимущественно на словах, не оказав ей сколько-нибудь серьезной экономической помощи. Условную политическую поддержку получали только российские лидеры, которые создавали на Западе иллюзию, что политические и экономические реформы в России идут успешно и в «правильном направлении».
- ◆ Принимая решение о радикальном расширении Североатлантического альянса, западные лидеры не захотели принять во внимание психологические особенности отношения россиян к НАТО и восточным соседям России, прагматически используя трудное экономическое положение российского постсоветского общества для продвижения на Восток.

Российская правящая элита несет ответственность за то, что пошла по пути «минимизации ущерба» от процесса расширения НАТО, не создавая работающих и не используя имеющихся институтов сотрудничества с альянсом. Поэтому она:

- ◆ практически отказалась от участия в программе «Партнерство во имя мира»;
- ◆ не использовала в полной мере основополагающий акт Россия—НАТО.

В 1998 г. начался новый балканский кризис вокруг Косово, способствовавший тому, что «кризис взаимопонимания», имевший место в отношениях России и НАТО в предшествующий период, перерос в «кризис доверия». Во время переговоров в Рамбуйе российские политики и дипломаты поддерживали сербов и, более того, способствовали формированию у сербской стороны иллюзии, что Россия безусловно поддержит Югославию в случае жесткой конфронтации с НАТО.

Действительно, одоблив резолюции Совета Безопасности ООН № 1199 и 1244, Россия тем не менее воспользовалась своим правом вето, когда в ООН обсуждался вопрос о предоставлении НАТО мандата для миротворческой операции и поддержания мира в Косово, оправдав тем самым надежды югославского руководства. В то же время в России официальные СМИ не давали какой-либо информации об этнических чистках, направленных против косовских албанцев, что способствовало формированию неадекватного представления о «косовской проблеме» в российском общественном мнении.

После начала воздушных ударов по Югославии российские официальные лица без колебаний заморозили отношения с НАТО, объяснив это тем фактом, что именно Атлантический альянс нарушил основополагающий акт Россия—НАТО, что он осуществляет агрессию против суверенного государства, что руководство НАТО не приняло во внимание российскую позицию. Несмотря на справедливость большинства претензий, все-таки создавалось впечатление, что некоторые представители российской политической и военной элиты только ждали предлога для разрушения отношений между Россией и НАТО.

Как представляется, основная причина конфронтации Россия—НАТО заключается в том, что во 2-й половине 1990-х гг. российский политический класс был вынужден искать гиперкомпенсацию за неудачи в процессе реформирования страны, особенно после дефолта

1998 г. С этой целью его представители во время войны в Югославии попытались использовать традиционные опасения и страхи населения в отношении Запада и реанимировать «образ внешнего врага» для достижения собственных политических целей и укрепления легитимности российской власти. Для этого существовали, да и сегодня существуют, определенные благоприятные возможности. По данным социологических опросов в России, уже со 2-й половины 1990-х гг. большинство респондентов разделяет мнение, что развитые государства Запада не заинтересованы в экономическом подъеме России, ее вхождении в круг развитых стран (63% — по данным 2002 г.), что западные государства не доверяют нашей стране и относятся к ней враждебно (более трети респондентов (36%) в 2002 г.).

В целом же возрождение в этот период антизападничества и обращение к великорусскому национализму явилось результатом неспособности политических элит и институтов определить и реализовать меры, которые отвечали бы интересам безопасности России, плодотворному развитию ее отношений с Европой в экономической, политической, военной и культурной областях. Однако это привело не к тем следствиям, которые ожидала власть.

Общий результат российской «балканской политики» во время косовского кризиса был негативным.

1. Развитию отношений России с Западом был нанесен очень серьезный ущерб!
2. Китай и Индия, с которыми отдельные российские политики намеревались создать так называемый стратегический треугольник, уклонились от построения военно-политического союза с Россией.
3. Страны Восточной Европы, которым еще не удалось присоединиться к НАТО, стали значительно сильнее «стучаться в двери» альянса. Так называемая вторая волна расширения НАТО стала более реальной, чем когда-либо, поскольку теперь восточноевропейские страны получили гораздо больше аргументов, объясняющих их настойчивость.
4. Российским экономическим интересам на Балканах также был нанесен серьезный ущерб. В 1990-е гг. во всем мире наблюдается экономизация внешней политики и политики безопасности, что в значительной степени отвечает интересам крупного бизнеса и транснациональных компаний. Известно также, что топливно-энергетический комплекс Балкан замкнут на Россию. Можно предположить следующее: российские нефтяные монополии надеялись, что режим Милошевича защитит их интересы в Югославии, по-

этому они подталкивали политическую элиту России на действия по его поддержке. Результат — утрата даже имевшихся экономических позиций.

5. Страны СНГ продемонстрировали во время юбилейного Вашингтонского саммита НАТО весной 1999 г., на который Россия даже не послала своих представителей, что они дистанцировались от российской позиции, не хотят создавать так называемый антизападный фронт и, напротив, готовы к дальнейшему развитию сотрудничества с НАТО в рамках программы ПИМ.
6. Российские власти зря надеялись и на успех в обретении общенационального консенсуса, построенного «на защите братского сербского народа от натовской агрессии». Большинство россиян осудили натовские бомбардировки. Но это было отношение нормальных людей к войне вообще, особенно если принять во внимание, что российские СМИ давали очень мало какой-либо информации относительно действий Белграда в Косово, которые предшествовали началу бомбардировок. В то же время социологические опросы общественного мнения показали, что большинство россиян выступают против вовлечения России в войну на стороне Югославии. Одновременно лидеры мусульманских республик, входящих в состав России, со всей очевидностью дали понять, что они намерены не допускать отправки добровольцев в Югославию, поскольку, по их мнению, это могло бы стать поводом к началу гражданской войны в России, где проживает много миллионов мусульман, явно симпатизирующих косовским албанцам.

Вместо формирования общероссийского консенсуса произошел очередной политический раскол страны: если либеральные партии критиковали «балканскую политику» Кремля, особенно линию на поддержку режима Милошевича, то леворадикальные силы, напротив, призывали к отставке президента Ельцина за то, что он выступил против оказания немедленной военной помощи Союзной Республике Югославии.

После «добровольной» отставки Б. Ельцина в условиях усилившейся критики России, связанной со «второй чеченской войной» и исходившей от различных международных, и прежде всего европейских, организаций (Совета Европы, ЕС, ОБСЕ), российский политический истеблишмент решил восстановить отношения с НАТО. По инициативе В. Путина министр иностранных дел РФ направил Генеральному секретарю НАТО приглашение посетить Москву еще до начала выборов 2000 г. Состоялись два визита Генерального сек-

ретаря НАТО лорда Робертсона в Москву. Россия отказалась поддержать проигравшего выборы С. Милошевича и способствовала мирной передаче власти в союзной Югославии.

Смысл этих шагов, по-видимому, состоял в том, чтобы:

- ◆ дать понять Западу, что «новая» кремлевская команда готова к возобновлению конструктивного диалога;
- ◆ попытаться предложить «обмен»: Запад «закрывает глаза» на развитие событий в Чечне, Россия прекращает критику ситуации в Косово;
- ◆ в условиях, когда руководящие органы ЕС, и особенно Совет Европы, были настроены весьма критически в отношении российской политики на Северном Кавказе, Кремль пытался использовать НАТО в своем стремлении изменить позицию Запада с целью будущей поддержки российской политики нового президента В. Путина;
- ◆ кроме того, будучи прагматическим политиком, В. Путин понимал, что конфронтация с Западом противоречит российским национальным интересам.

Не случайно во 2-й половине 2001 г. в некоторых европейских странах (в первую очередь в Германии) и в США возобновилась дискуссия о возможности сближения России и НАТО, обсуждались даже перспективы ее вступления в альянс в каком-то отдаленном будущем.

Однако на рубеже веков в рамках отношений Россия—НАТО—ЕС стала актуальной еще одна серьезная проблема: как Россия должна воспринимать новые европейские инициативы, касающиеся формирования европейской идентичности в области безопасности и обороны. До кризиса в Косово Россия подчеркивала свое положительное отношение к усилению «европейской опоры» в системе безопасности Запада, к выработке общей внешней политике и политике безопасности ЕС.

В конце 1999—начале 2000 г. Россия вновь попыталась «разделить» США и Европу в связи с проблемой формирования европейской идентичности в области безопасности и обороны. Несмотря на постоянное подчеркивание европейскими политиками и экспертами того, что Североатлантический союз продолжает оставаться краеугольным камнем системы европейской безопасности, все государства — члены ЕС действуют по стандартам НАТО в сфере безопасности и обороны и в большинстве случаев европейская оборона будет

основываться на возможностях НАТО, российские политические и военные элиты решили «поддержать» европейскую политику в сфере безопасности и обороны, но лишь для того, чтобы создать противовес НАТО. Речь идет о программе совместной разработки ЕвроПРО. Попытки приступить хотя бы к обсуждению вопроса предпринимались еще в 1999 г., когда маршал И. Сергеев, бывший тогда министром обороны РФ, представил генеральному секретарю НАТО Д. Робертсону материалы по составу и структуре ЕвроПРО, ориентировочные сроки и стоимость разработки. Но развития эта инициатива по понятным причинам не получила.

По мнению российского исследователя Д. Тренина, урок для российского руководства, вытекающий из опыта отношений РФ с НАТО, состоит в следующем: «Роль НАТО в сфере международной безопасности трансформируется и в целом снижается. Тем не менее вступление в НАТО стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, перспектива появления на территории этих стран пунктов базирования вооруженных сил США являются фактором риска для России. Ограниченное сотрудничество между РФ и НАТО может быть полезно, но для Москвы гораздо важнее заблаговременно узнавать о намерениях и возможностях альянса. Тесная привязка РФ к НАТО лишила бы Россию стратегической самостоятельности, подчинила бы ее интересам и политике США» [1].

Исходя из сказанного можно задать вопрос: каким должно быть отношение России к созданию системы общеевропейской безопасности и обороны, которая не соперничала бы с НАТО, но была бы ее дополнением? Нам представляется, во-первых, что с точки зрения российских национальных интересов контрпродуктивно воспринимать европейскую оборону как нечто, создающее противовес НАТО, и пытаться использовать возникающие разногласия в отношении некоторых натовских инициатив.

Во-вторых, России необходимо сотрудничать с вновь создающимися структурами ЕС, используя для этого уже имеющиеся механизмы: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС и Совместный постоянный совет Россия—НАТО. Возможно, Россия могла бы попытаться институционализировать отношения с Европой в сфере безопасности, избегая «масштабных» инициатив, которые, как показывает опыт, часто заканчиваются лишь декларациями или подписанием нереалистичных документов. Она не должна использовать те временные разногласия, которые возникают между США и их европейскими партнерами по НАТО.

В этом смысле представляется перспективным дальнейшее развитие сотрудничества Россия—НАТО в рамках созданного по инициативе Т. Блэра «совета двадцати». Этот орган позволяет исправить ситуацию, складывающуюся на заседаниях Совместного постоянного совета Россия—НАТО, где страны альянса выступали с заранее согласованной позицией, к которой РФ должна была либо присоединиться, либо отвергнуть ее.

«Появление “совета двадцати” может исправить и серьезный дефект, существующий в механизме сотрудничества между Россией и НАТО, созданном в соответствии с основополагающим актом 1997 г., где главная роль отводилась взаимодействию военных структур, а не политических. Поэтому сбои, возникшие в отношении военных структур, практически парализовали весь механизм», — считает российский ученый-международник К. Худoley [2].

Поскольку в военных структурах и РФ, и НАТО сохраняется инерция холодной войны, постольку в сотрудничестве Запада и России, в том числе и в военной сфере, Европейский союз мог бы сыграть определенную роль.

§ 2. Россия и Европейский союз

Отношения Россия—ЕС в целом осуществлялись по несколько иному «сценарию». В 1990-е гг. связи между Россией и Европейским союзом развивались в основном позитивно, хотя имеющийся потенциал партнерства использовался не в полной мере. В 1994 г. эти связи были провозглашены высшим приоритетом российской внешней политики и экономических отношений. В том году Россия и ЕС подписали «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве», однако и на этом действительно важном направлении внешней политики Россия не смогла выработать эффективную стратегию сотрудничества, так как не использовала даже существующие договоренности. Достаточно привести один пример, ярко демонстрирующий не декларативное, а действительное отношение российского руководства к данной проблеме: в течение трех лет начиная с 1994 г. Россия не могла назначить своего посла при Европейском союзе в Брюсселе. Правда, в этом отчасти виновна и европейская сторона, поскольку соглашение было ратифицировано всеми странами ЕС лишь в конце 1997 г., после чего и вступило в действие.

Анализируя российскую политику по отношению к ЕС, важно помнить, что развитие сотрудничества с этим европейским институтом, который все больше приобретает очертания супергосударства,

невозможно вне общего контекста отношений с другими европейскими и евроатлантическими институтами, такими как ОБСЕ, НАТО, Совет Европы. А стратегической задачей сотрудничества может быть создание «пространства безопасности, стабильности и сотрудничества в Европе», предполагающее политические, военные, экономические, социальные, культурные, информационные, экологические и другие изменения.

В этой связи и в России, и в государствах Европейского союза достигнут консенсус по поводу того, что без нашей страны построить подобное «пространство» невозможно.

Однако для плодотворного сотрудничества с ЕС России следует отказаться от целого ряда иллюзий и стереотипов.

Следует осознать, что:

- ◆ российская безопасность в целом не ослабевает, если число стран ЕС увеличивается и потенциал европейской интеграции усиливается;
- ◆ такие понятия традиционных международных отношений, как «баланс сил» и «сферы интересов», а также «конфликтующие союзы», устарели; в прошлом они рассматривались как стабилизирующие факторы, однако и раньше эти «стабилизаторы» регулярно приводили к войне;
- ◆ попытки сыграть на действительных и мнимых противоречиях между ЕС и США обречены на провал;
- ◆ сегодня попытки создать в противовес НАТО и ЕС военно-политические или экономические союзы с участием России, Китая, Индии или других стран Азии не более чем иллюзия;
- ◆ расчет на долговременную признательность и благодарность за односторонние шаги навстречу интересам ЕС или другим международным институтам является наивным и вполне призрачным. Декларативные обещания партнеров необходимо всегда фиксировать в виде их обязательств;
- ◆ страны Центральной и Восточной Европы не являются «неблагодарными» отступниками и что с ними надо выстраивать конструктивное политическое и экономическое сотрудничество, поскольку его отсутствие подрывает любую возможность создания системы кооперативной безопасности и стратегического партнерства в Европе.

Несмотря на то что сегодня практически все центральноевропейские страны уже являются членами НАТО и ЕС, России необходимо

предпринять решительные шаги к развитию с ними отношений на двусторонней основе и на субрегиональном уровне. Более того, Россия сама заинтересована в том, чтобы способствовать разработке взаимовыгодной «новой восточной политики стран Центральной и Восточной Европы».

Однако сегодня взаимоотношения России и объединенной Европы приблизились к критической черте. И в России, и в Европейском союзе нарастает неудовлетворенность как общим состоянием отношений, так и поведением друг друга в конкретных ситуациях.

Первым «пробным камнем» после расширения Евросоюза стала острая дискуссия вокруг проблемы наземного доступа российских граждан в Калининградскую область. Затем президент Путин подверг беспрецедентно резкой публичной критике «брюссельскую бюрократию» за ее попытки «выкручивать руки» России. Поводом послужила жесткая, бескомпромиссная позиция Еврокомиссии и стран ЕС на переговорах о вступлении РФ в ВТО. Следующим был скоротечный дипломатический конфликт по поводу урегулирования положения в Приднестровье. Европейцы, не приняв российский план решения проблемы, впервые дали понять Москве, что она уже не может действовать полностью самостоятельно на пространствах СНГ (см. главу XVIII).

После того как Россия заняла жесткую позицию по вопросу о распространении действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с ЕС от 1994 г. на вступающие в него страны ЦВЕ, а Европейская комиссия и Европарламент выступили с резко критическими заявлениями по российской тематике, стало окончательно ясно, что в двусторонних отношениях наступил сложный период. При этом несомненно, что обе стороны ответственны за возникновение этих сложностей. Россия оказалась не готова выполнять «высокие» обязательства, взятые при подписании СПС, и не создала правовых и организационных условий для работы с ЕС. Евросоюз же оказался не способен выстраивать отношения с Россией как с равноправным стратегическим партнером, имеющим собственные национальные интересы.

Сегодня в отношениях между обоими партнерами можно выделить несколько крупных узлов противоречий.

Во-первых, Россию и Европу все больше разделяют страны постсоветского пространства. Выступив с новыми проектами экономической интеграции стран СНГ и собственными планами урегулирования локальных конфликтов, Россия не встретила понимания со стороны ЕС.

Так, при обсуждении положения в Молдавии и Грузии на совещании министров ОБСЕ в Маастрихте (декабрь 2003 г.) Россия оказалась в полной изоляции. Более того, Европейский союз усилил давление на руководство Молдавии с целью осуществить «европейский план» приднестровского урегулирования без активного участия России, что вызвало вполне объяснимое недовольство и непонимание в Москве. В свою очередь, Европейский союз, получив в качестве непосредственных соседей Белоруссию, Молдавию и Украину, просто вынужден ныне активизировать политику в западной части СНГ. То обстоятельство, что именно вхождение в единую Европу привлекает большинство постсоветских элит, только обостряет соперничество России и ЕС в этом регионе. Как представляется, совершенно не случайно комиссар единого рынка ЕС Фриц Болкештейн предложил отгородиться от России, как и от Сирии, Ирана и Ирака, санитарным кордоном, состоящим из буферных государств: Белоруссии, Молдавии, Украины и Турции.

Во-вторых, усиливается различие подходов в области энергетики. Во 2-й половине 2003 г. стало ясно, что Российское государство не только намерено сохранять стратегический контроль над важнейшими энергетическими ресурсами, но и готово использовать энергетический рычаг в своей внешней политике в отношении ЕС. Российские власти вполне ясно высказались против проектов, касающихся построения региональной инфраструктуры, таких как *TRASECA* и *INOGATE* (Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу), не предполагающих участия России. В свою очередь, вопросы энергетической безопасности и диверсификации источников энергии в последние годы стали важнейшими для Евросоюза. Поэтому амбициозный многообещающий проект энергодиалога с Россией¹ пребывает сейчас в состоянии застоя. Нет никакой ясности и относительно европейских инвестиционных планов в газовой и нефтяной отраслях РФ.

¹ Речь идет о выработке и реализации крупномасштабных пилотных инвестиционных проектов в области производства и транспортировки энергии и энергоносителей из России в страны ЕС – стыковка электросетей России и ЕС, Северный трансевропейский газопровод, газопровод «Ямал—Европа» транзитом через Белоруссию и Польшу, освоение Штокмановского месторождения, интеграция нефтепроводной системы «Дружба», проходящей через Белоруссию и Украину, с нефтепроводом «Адрия». Это также вопросы внедрения энергосберегающих и природоохранных технологий в РФ, совершенствования нормативной базы энергетического сотрудничества, создания при финансовом содействии ЕС Центра энергетических технологий в России. Учитывая, что 50% российского экспорта энергоносителей приходится на страны ЕС, для России жизненно важно и сохранение практики долгосрочных контрактов на поставку энергоносителей в Европу [3].

В-третьих, можно было ожидать, что со вступлением в Евросоюз стран Центральной и Восточной Европы в политике ЕС усилятся антироссийские настроения. Часть новых членов Европейского союза постараются получить финансовые и политические дивиденды от статуса «прифронтовых» территорий или государств «санитарного пояса», раздувая тему своего положения на границе с якобы не слишком дружественным Европе государством. Можно предположить, что дополнительное недовольство России могут вызвать и попытки восточноевропейских членов ЕС выступить в роли «адвокатов» государств СНГ в «Большой Европе».

В-четвертых, политическое решение ЕС превратить «Европу-15» в «Европу-25», а также радикальная перестройка институциональной структуры Европейского союза уже приводят к тому, что, с одной стороны, все его основные финансовые и экономические ресурсы направляются на «переваривание» новых членов союза, приспособление их к европейским стандартам, с другой — политические усилия сосредоточиваются на выработке и согласовании конституционных основ «новой Европы». Поэтому интерес к России как потенциальному стратегическому партнеру ЕС неизбежно отходит на второй план.

В этой ситуации неприятной неожиданностью для Брюсселя оказалась твердая позиция Москвы по проблеме минимизации для России экономического ущерба от расширения ЕС (распространение на новых членов ЕС правил таможенной защиты европейского рынка, квотирования поставок ряда товаров из РФ (стали и текстиля), антидемпинговых процедур, правил по диверсификации источников энергоснабжения, практики ограничения поставок товаров ядерного цикла, введение визового режима для граждан РФ и др.). Европейский союз раздражают попытки Москвы увязывать воедино проблемы, которые, как им кажется, напрямую друг с другом не связаны. В результате не решаются даже относительно простые вопросы и нарастает общий конфликтный потенциал. Так, ЕС готов сегодня обсуждать лишь технический перечень проблем отношений Россия — «Большая Европа», поскольку не считает, что обязан компенсировать внешнему государству (тем более не члену ВТО) негативные следствия своих внутренних решений.

В результате в состоянии стагнации пребывают все основные интеграционные проекты: энергетический диалог ЕС—Россия, построение четырех общих пространств¹. Сложно идут переговоры о вступлении

¹ На саммите Россия—ЕС, прошедшем 6 ноября 2003 г. в Риме, было решено начать работу по формированию общего экономического пространства, общего пространства

России в ВТО. Отчасти это связано с завышенными первоначальными ожиданиями сторон, а отчасти — с объективной неготовностью нашей страны выполнять взятые на себя обязательства, что ужесточает претензии государств ЕС к России. Часто приводимым примером стало зафиксированное в ст. 55 СПС намерение России в одностороннем порядке привести внутреннее законодательство в соответствие с европейским. Полное отсутствие прогресса на этом направлении возмущает европейцев. То же самое касается открытия рынка банковских и страховых услуг, а также некоторых других вопросов.

С точки зрения Евросоюза Москва не желает учитывать его интересы и интересы стран — членов ВТО. Россия, например, не торопится снять опасения европейцев в вопросах экологии (хотя сегодня Федеральным собранием России уже ратифицирован Киотский протокол), не только не предоставляет своим регионам достаточную самостоятельность во внешнеэкономической деятельности (а именно этого добивается европейский бизнес, не желающий действовать исключительно через Москву), но и отнимает уже имеющиеся возможности, усложняет процедуры получения российских виз гражданами стран ЕС и т. д.

И наконец, на отношения с Россией проецируются внутренние неурядицы в Европейском союзе. Иракская война продемонстрировала неспособность Евросоюза проводить единую политику в отношении США, а саммит ЕС—Россия в Риме (ноябрь 2003 г.) выявил ту же проблему в отношении Москвы. Однако без формирования общей внешней политики и политики безопасности нечего говорить о какой-либо глобальной роли ЕС в мире.

Попытки преодолеть внутренний кризис и отсутствие возможностей противостоять американскому давлению вызывают у европейцев желание добиться результата на российском направлении общей политики ЕС. Незавершенность урегулирования проблем в Чечне, внутривнутриполитические процессы в России после террористического акта в Беслане, ведущие к формированию моноцентрического политического режима в стране, дают институтам ЕС все новые широкие возможности проявить себя на поприще защиты демократических норм и прав человека в РФ. ЕС и другие европейские институты не устают критиковать Россию, призывая занять по отношению к ней более жесткую позицию и даже перейти к политике санкций.

внешней безопасности, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты.

В свою очередь, Россия не без оснований опасается, что расширение ЕС на восток может привести к исключению ее из процесса европейской интеграции. По-прежнему до конца не урегулированная, трудная проблема — вопрос о Калининграде. Российское руководство пытается найти решение, по которому Калининград оставался бы неотъемлемой частью России. В то же время ЕС рассматривает его как свой анклав. Сохраняются проблемы с обеспечением прав русскоязычного населения в странах Балтии и т. д. Если обе стороны будут не в состоянии выработать общие решения по данным проблемам, это может привести к новым серьезным осложнениям в отношениях между Россией и ЕС.

На этом фоне в Евросоюзе предпринимается попытка пересмотреть основные параметры отношений с Россией.

Прежде всего высказывается общая неудовлетворенность состоянием отношений с Россией, дается критическая оценка способности Европейского союза проводить единую и согласованную внешнюю политику, а также признается необходимость продолжать курс на интеграцию России путем создания долгосрочных совместных проектов, таких как формирование четырех общих пространств.

Одновременно высказывается новое требование строить отношения с Россией на основе большего рационализма, исходя в первую очередь из собственных интересов Евросоюза. Ранее официальные органы ЕС не упоминали об интересах организации как основе своей переговорной позиции. Напротив, всегда подчеркивалась общность интересов Европейского союза и России.

Таким образом, новый подход ЕС к отношениям с Россией имеет сложный, амбивалентный характер. С одной стороны, неудовлетворенность сопровождается стремлением улучшить, развить, а не заморозить отношения. С другой — уже сейчас просматривается готовность пойти на снижение уровня взаимоотношений и даже на дипломатический конфликт, если события не будут развиваться по сценарию европейцев.

Пока сохраняется тезис о необходимости принятия Россией базовых европейских норм и ценностей для вхождения ее в «Большую Европу». Вместе с тем уже сейчас такой подход вступает в противоречие с новой установкой на отстаивание собственно европейских интересов в отношениях с РФ. В Европе на глазах слабеет никогда не доминировавшее, но присутствовавшее представление о том, что интеграция России принципиально возможна, что Россия может стать частью сообщества наций, разделяющих сходные ценности. На базе

этих общих ценностей строилось и здание общих интересов. Если же ценности различаются, ослабевает и общность интересов, что мы и наблюдаем сейчас. Усиливается настрой на то, что интеграция России невозможна и она остается естественным партнером-соперником за пределами европейского пространства [4].

Россия сама отчасти поддерживает эти настроения, требуя полной свободы действий во внешней и внутренней политике, оговаривая особые интересы в Центральной Азии, на Кавказе и определяя ЕС исключительно как партнера по безопасности на континенте.

Граница между интегрируемым и неинтегрируемым пространствами, на взгляд многих в Европе, как уже отмечалось выше, проходит по западным рубежам России. Это побуждает Европейский союз к действиям, способствующим развитию альтернативного проекта в западной части СНГ, подталкивает к тому, чтобы уменьшить влияние России в Белоруссии, Молдавии и Украине и не учитывать российские интересы в регионе. По всей вероятности, в ближайшие годы Евросоюз будет осознанно торпедировать российские интеграционные проекты в западной части СНГ.

Меняется трактовка функции общей границы. Курс на развитие трансграничного сотрудничества с Россией постепенно сменяется политикой «управления границей» (*border management*). Если раньше подчеркивалась важность интеграционного эффекта в отношениях между людьми, живущими по разные стороны границы, то сегодня граница вновь рассматривается как разделительная линия, которая сохранится довольно-таки долго. Трудности в развитии сотрудничества на этом и других направлениях объясняются и тем, что «Россия и Европейский союз находятся на разных уровнях развития. Европейский союз вступил в эпоху постиндустриального общества, Россия все еще является индустриальным обществом. Граница России и Финляндии — одна из наиболее контрастных в современном мире. Одним из следствий этого является то, что по разные стороны одни и те же проблемы воспринимаются совершенно по-иному. Поэтому инициативы одной из сторон далеко не всегда понимаются другой: Россия и Европейский союз порой говорят на совершенно разных языках» [5].

Реализация идеи введения безвизового режима между Россией и ЕС, без чего общее экономическое пространство останется не более чем декларацией, отнесена на неопределенное будущее, а по сути, снята с повестки дня. Напротив, в последнее время ЕС и США начали активно проводить политику ускоренной интеграции в Европу Украины и «отрыва» ее от РФ, что проявляется в демонстрации край-

ней заинтересованности в развитии и внутривнутриполитических процессов в стране, и к ее шагам навстречу России и СНГ. Не случайно по инициативе европейцев периодически возникает вопрос о демаркации украинско-российской границы, установлении здесь более жесткого пограничного режима. Таким образом, символическую границу между Россией и Европой пытаются «отодвинуть» еще дальше на Восток.

Возможный выход из тупика — переход к более прагматичной модели отношений как по линии Россия—ЕС, так и по линии двусторонних отношений с рядом стран Европы. Известно, что государства ЕС по-разному оценивали и оценивают Россию как партнера. Можно вспомнить, что Германия и Италия на протяжении 1990-х гг. были основными российскими инвесторами. Не случайно Россия всегда встречала и встречает наибольшее понимание у руководства именно этих стран. Германия и сегодня сохраняет свои позиции крупнейшего внешнеэкономического партнера России, ее главного кредитора и лидера по инвестициям в российскую экономику.

Видимо, сама жизнь заставляет пересмотреть идеологическую базу сотрудничества. Россия могла бы на время забыть декларации о своей европейской идентичности, поскольку они не могут быть реализованы даже в среднесрочной перспективе и оформлены вступлением в Евросоюз. ЕС со своей стороны уже частично отказался от доктрины европеизации России как основы его российской политики в предшествующие годы. Смена парадигмы — от интеграции к предметному взаимовыгодному и многовекторному сотрудничеству — позволила бы снять излишнюю политическую риторику, нивелировать целый ряд проблем в отношениях и сделать их более ориентированными на практический результат, т. е. повысить их эффективность. Россия и Запад должны находиться в состоянии интеракции, а не интеграции. Произойдет ли на деле этот поворот во взаимоотношениях, зависит только от доброй воли и гибкости политических элит ЕС и России.

Примечания

1. *Тренин Д.* Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 12.
2. *Худoley К. К.* Россия и НАТО в новой международной обстановке // Стратегическое партнерство России и Организации Североатлантического пакта: когда настанет его черед? Материалы международ-

- ной научной конференции 22 февраля 2002 г. / Под ред. К. К. Худолея. СПб., 2002. С. 20.
3. *Севастьянов И. Б.* Основные тенденции развития отношений между Россией и Европейским союзом // 50-летие европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В. Е. Морозова. СПб., 2002. С. 76.
  4. *Бордачев Т., Мошес А.* Россия: конец европеизации // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2 (март-апрель). С. 111.
  5. *Худoley К. К.* Россия и Европейский Союз: некоторые аспекты отношений // 50-летие европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В. Е. Морозова. СПб., 2002. С. 84.
  6. Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2 (март-апрель). С. 116.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы развития отношений России и НАТО в 90-е гг. XX в.
2. Как изменились отношения России и НАТО после 2001 г.?
3. Каковы, на ваш взгляд, перспективы отношений России и НАТО после очередного раунда расширения альянса?
4. С какими трудностями сталкивается Россия в отношениях с Евросоюзом?
5. Как позиция Европейского союза влияет на отношения России с другими государствами СНГ?
6. Каковы, на ваш взгляд, перспективы взаимоотношений России и ЕС в различных сферах?

Литература

- Билдт К.* Европа задает вопросы // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 1.
- Бордачев Т., Мошес А.* Россия: конец европеизации // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2.
- Европейский Союз на рубеже веков / Редколл.: Т. Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М., 2000.
- Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество Независимых Государств / Редколл.: Ю. А. Борко (отв. ред.) и др. М., 1998.
- 50-летие европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В. Е. Морозова. СПб., 2002.
- Россия и Европа: отношения на рубеже веков: Сб. статей / Ред.-сост. Ю. А. Гусаров. М., 2001.

Салмин А. М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. М., 2002. Т. 1. Исследования.

Стратегическое партнерство России и Организации Североатлантического пакта: когда настанет его черед? Материалы международной научной конференции 22 февраля 2002 г. / Под ред. К. К. Худолея. СПб., 2002.

Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3.

Христенко В. Нужна ли нам интеграция? // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 1.

Глава XVIII

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

---

§ 1. Проблемы и перспективы развития СНГ

В конце 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз и появилось новое образование — Содружество Независимых Государств. Учредителями СНГ стали одиннадцать государств — бывших республик СССР: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. В 1993 г. членом Содружества стала также и Грузия. Учредительными актами СНГ являются три документа: Соглашение о его создании от 8 декабря 1991 г., Протокол и Декларация от 21 декабря 1991 г. Двадцать второго января 1993 г. был принят Устав СНГ. Устав подписали представители семи государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. Российская Федерация ратифицировала его 15 апреля 1993 г. Устав является правовой основой СНГ, он направлен на консолидацию Содружества и должен способствовать укреплению сотрудничества в экономической, гуманитарной и других областях между его членами.

Высшим органом Содружества Независимых Государств является Совет глав государств. Он обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств в сфере их общих интересов. Совет собирается на заседания 2 раза в год. Внеочередные заседания могут созываться по инициативе одного из государств — членов СНГ. Совет глав правительств координирует сотрудничество органов исполнительной власти стран СНГ в экономической, социальной и иных сферах общих интересов. Он собирается на заседания 4 раза в год. Решения обоих советов принимаются консенсусом. Любое государство может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не должно рассматриваться как препятствие для принятия решения. Главы государств и главы правительств на заседаниях соответствующих советов председательствуют поочередно в порядке русского алфавита названий государств Содружества. В декабре 1993 г. был учрежден пост председателя уставных органов СНГ.

Совет министров иностранных дел на основе решений Совета глав государств и Совета глав правительств осуществляет координацию внешнеполитической деятельности стран СНГ, включая их деятельность в международных организациях, а также организацию консультаций по вопросам мировой политики, представляющим взаимный интерес. При Совете министров иностранных дел создана Постоянная комиссия по миротворческой деятельности.

Постоянно действует исполнительный и координирующий орган Содружества — Координационно-консультативный комитет. С 1994 г. при нем работает Комиссия Экономического союза.

В рамках СНГ действует Совет министров обороны, который является органом Совета глав государств по вопросам военной политики и военного строительства, и штаб по координации военного сотрудничества государств. Совет командующих пограничными войсками является органом Совета глав государств по вопросам охраны внешних границ стран Содружества и обеспечения стабильного положения на них.

Совет министров внутренних дел координирует деятельность по борьбе с преступностью, с ним сотрудничают и другие правоохранительные органы.

В целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках СНГ в 1995 г. был создан Экономический суд. Он должен разрешать споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, а также толковать положения соглашений и иных актов Содружества по экономическим вопросам.

За выполнением обязательств по правам человека на территории СНГ наблюдает Комиссия по правам человека.

На основе соглашений государств — членов СНГ о сотрудничестве в различных областях могут утверждаться органы отраслевого сотрудничества, которые вырабатывают принципы и правила такого сотрудничества и способствуют их практической реализации. Координирующие органы СНГ находятся в Минске.

С 1995 г. в структуру органов Содружества Независимых Государств входит Межпарламентская ассамблея. Она проводит межпарламентские консультации и разрабатывает рекомендательные законодательные акты. Ею уже разработано несколько десятков подобных актов, например Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы. Межпарламентская ассамблея работает в Санкт-Петербурге.

За время существования СНГ были приняты еще сотни других важных документов, но большинство из них так и не заработало. Ру-

ководители стран СНГ много раз говорили о необходимости активизации деятельности Содружества и его отдельных институтов, но принимаемые решения не реализовывались. Еще одна попытка реформирования СНГ была предпринята на саммите в Астане в сентябре 2004 г. Там было предложено образовать Совет безопасности СНГ; в который должны войти министры иностранных дел, секретари советов безопасности, министры обороны, руководители погранслужб государств — членов Содружества. В то же время было решено упразднить Совет министров обороны вместе с его секретариатом и штаб по координации военного сотрудничества. Были ликвидированы также Межгосударственный статистический комитет и Экономический суд СНГ, который за десять лет своего существования рассмотрел всего шестьдесят два дела, причем решения вынесли только по четырем делам.

За годы, прошедшие с момента распада СССР, различия между его бывшими республиками стали еще более существенными и заметными. Государства СНГ различаются между собой не только по размерам территории и численности населения, но и по своему экономическому потенциалу, уровню жизни населения, научно-техническому и технологическому развитию. В последние годы рельефно обозначились также социокультурные, цивилизационные различия. Различаются внешнеполитические и внутриэкономические ориентации правящих элит и лидеров стран СНГ. Следовательно, можно сделать вывод о том, что полномасштабная экономическая интеграция в рамках всего СНГ сегодня невозможна, но возможно осуществление интеграционных планов, в реализации которых будет принимать участие меньший состав участников. Пока именно такие организации могут обеспечить более высокий уровень взаимодействия, прежде всего в экономической области. Это, например, Таможенный союз или Евразийское экономическое сообщество.

26 февраля 1999 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Договор о Едином экономическом пространстве, в которых без конкретизации сроков определили следующие этапы интеграции. Первый этап — обеспечение в полном объеме режима свободной торговли, отказ от тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле, введение единой системы взимания косвенных налогов. Второй этап — создание Таможенного союза, предполагающего единую таможенную территорию, общий таможенный тариф, отмену таможенного контроля на внутренних границах. Третий этап — создание Единого эконо-

мического пространства, проведение общей экономической политики, формирование общего рынка услуг, труда и капитала, проведение согласованной социальной и научно-технологической политики.

Однако без четкой институциональной основы реализовать поставленные цели было невозможно, поэтому 10 октября 2000 г. президенты Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана подписали Договор об учреждении Евроазиатского экономического сообщества. Договор ратифицирован всеми государствами-участниками. В этой организации ведущая роль России закреплена юридически через зафиксированные в учредительном договоре механизмы «взвешенного голосования» и пропорционального финансирования. Сообщество открыто для всех государств, разделяющих его цели и принципы и готовых взять на себя соответствующие обязательства.

Впоследствии Россия совместно с Казахстаном, Белоруссией, а также Украиной выдвинула еще один интеграционный проект создания Единого экономического пространства (ЕЭП). Этот проект во многом похож на вышеперечисленные, за исключением того, что в нем намеревалась участвовать и Украина, ранее дистанцировавшаяся от активного участия в реинтеграции постсоветского пространства. Наличие нескольких близких, но не совпадающих полностью проектов интеграции отражает многообразие интересов и подходов, имеющих сегодня внутри Содружества Независимых Государств.

§ 2. Отношения России с Украиной, Белоруссией и Молдовой

На первом месте среди приоритетов внешней политики России на постсоветском пространстве должны находиться (и в значительной степени находятся) отношения с Украиной. Это определяется целым рядом факторов, в том числе и тем, что Россия и Украина представляют собой крупнейшие из бывших советских республик. Российско-украинские отношения являются наиболее сложными по своему содержанию и структуре.

На первый взгляд, если исходить из концепции С. Хантингтона (см. главу VI), речь идет о двух православных славянских государствах, между которыми существует цивилизационная близость, исключая серьезные конфликты и предполагающая самые тесные связи и постоянное взаимодействие. Однако тот же Хантингтон провел свою линию цивилизационного разлома через западные районы Украины. С его точки зрения, в основе цивилизационной дифференциации

лежит религиозный фактор, а в Западной Украины традиционно сильны позиции униатской церкви, подчиняющейся, так же как и римско-католическая, папе римскому. Давний социокультурный, даже можно сказать, цивилизационный, раскол Украины, ее сложная политическая история дает о себе знать и в наши дни.

Долгое время идея украинского национального независимого и суверенного государства создавалась и разрабатывалась только в рамках идеологии украинского национализма. Эта идеология сформировалась в XIX — начале XX в. в Галиции — западноукраинской территории, находившейся под властью Австро-Венгерской империи. С самого начала украинские националисты рассматривали Россию и русский народ в качестве своих естественных врагов, поэтому внешнеполитический курс будущей независимой Украины, с их точки зрения, должен был быть непременно антирусским. Таких же позиций наиболее радикальные представители украинского национализма придерживаются и в наши дни. Национализм на Украине имеет массовую базу на Западе страны и оказывает существенное влияние на политическую элиту.

Когда в результате распада Советского Союза возникло независимое украинское государство, ключевые позиции в его руководстве сохраняла прежняя партийная номенклатура во главе с секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины по идеологии Л. Кравчуком. Партийным бюрократам удалось остаться у власти, приспособившись к ситуации и перехватив идеи и лозунги националистической оппозиции. Существовал и союз между верхушкой украинской партийной номенклатуры и руководством главной оппозиционной организации того периода — Народным Рухом Украины. «Союз Кравчука (и кравчуковской номенклатуры) и Руха — это, конечно, брак по расчету, — отмечает российский исследователь Д. Фурман, — позволивший руховцам использовать номенклатуру для достижения независимости, а номенклатуре — удержать свои позиции. Но нельзя сказать, чтобы в этом браке уж совсем не было любви — если не друг к другу, то к Украине и ее независимости. Позиции диссидентов и “партократов” действительно совпадали в самом важном пункте — стремлении к независимости, что делало их союз относительно органичным, естественным и имеющим реальные идейные основания» [1].

Этот союз реализовал себя прежде всего в совместной деятельности по созданию и легитимации властных структур нового независимого государства. Внешняя атрибутика украинского государства была заранее изобретена националистами, и точно так же его внешняя

политика должна была, с их точки зрения, быть прозападной и по возможности антироссийской. В полной мере реальный внешнеполитический курс Украины никогда полностью не соответствовал националистическим стремлениям, но испытывал с их стороны сильное воздействие.

Это влияние выразилось в демонстративном дистанцировании от России и ее международной политики, в попытках идентифицировать Украину с государствами Центральной Европы (Польшей, Чехией, Венгрией, Словакией). Явно демонстративный характер имеют заявления отдельных украинских политиков о скорейшей интеграции Украины в западные структуры ЕС и НАТО. Такая интеграция в современных условиях представляется малореальной, но тем не менее находит поддержку у официальных лиц и институтов украинского государства.

Иллюзии относительно возможности реализации подобного сценария развития событий подпитываются и некорректными высказываниями политических деятелей и политологов Запада. Например, вот что писал об этом уже неоднократно упоминавшийся З. Бжезинский: «В связи с расширением ЕС и НАТО Украина сможет в конечном счете решить, желает ли она стать частью той или другой организации. Вероятно, для усиления своего особого статуса Украина захочет вступить в обе организации, поскольку они граничат с Украиной и поскольку вследствие происходящих на Украине внутренних перемен она получает право на членство в этих организациях. Хотя для этого потребуется определенное время, Западу не слишком рано — занимаясь дальнейшим укреплением связей в области экономики и безопасности с Киевом — приступить к указанию на десятилетний период 2005–2015 гг. как на приемлемый срок инициации постепенного включения Украины» [2]. При этом З. Бжезинский утверждает, что «если Украина хочет сохранить свою независимость, ей придется стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она хочет стать частью Центральной Европы, ей придется сполна участвовать в связях Центральной Европы с НАТО и Европейским Союзом» [3].

Националистические тенденции во внешней политике Украины проявились и в стремлении к искусственному свертыванию экономических связей с Россией и другими странами СНГ. В совокупности с другими причинами это привело в 1990-е гг. к колоссальному спаду в украинской экономике и масштабной деградации социальной сферы Украины. Об этом свидетельствуют данные отчета «1998. Украина. Человеческое развитие», подготовленного в 1999 г. украин-

скими экспертами и политиками совместно с группой специалистов Программы развития ООН. Согласно этим данным, по индексу человеческого развития Украина за 1993–1998 гг. опустилась с 54-го на 102-е место (среди 174 стран) и оказалась позади Шри-Ланки. В СНГ ее опережали Белоруссия, Россия, Грузия, Армения. В экономике Украины наблюдается устойчивая тенденция снижения валового внутреннего продукта (ВВП). В 1999 г. его объем был на 44,6% меньше, чем в 1991 г., на душу населения он составил 79% среднего ВВП по СНГ, а в 1998 г. — только 57% [4].

Производительность труда в украинской экономике в 1998 г. упала вдвое по сравнению с 1991 г. В такой же степени снизился общий объем промышленной продукции. По оценкам Государственной службы занятости, численность безработных в 2000 г. составила 2,7 млн человек, что в 1,3 раза превышала показатель предыдущего года. В 2001 г. страна должна была выплатить почти 3 млрд долл. в счет обслуживания внешнего долга при его общем объеме примерно 12,5 млрд долл. [5]. Постепенно ситуация стала улучшаться. Повысились темпы экономического роста, которые стали наивысшими в СНГ, вновь стали расти уровень и качество жизни населения. Не в последнюю очередь это связано с тем, что экономические отношения между Россией и Украиной активизировались и по-прежнему имеют важное значение для обоих государств. В структуре украинского импорта 49% составляют российские товары. В экспорте Украины в страны СНГ на долю России приходится 71%, в импорте — 79%. Россия практически полностью обеспечивает Украину энергоносителями (90%). Россия получает более 80% валютной выручки от продажи нефти и газа, экспортируемых в Европу через транспортные коммуникации Украины; 60% украинских предприятий связано с российскими [6]. Такая взаимозависимость рождает обоюдную заинтересованность в сотрудничестве.

Наряду с объективной экономической взаимозависимостью позитивными факторами для развития тесных и дружеских российско-украинских отношений являются наличие мощных групп интересов (например, украинских финансово-промышленных групп, тесно связанных с российскими) и преобладающие ориентации в массовом сознании населения Украины. По данным украинских социологов и политологов, «30% населения страны хотели бы восстановления СССР (в его изначальном виде или в какой-либо иной форме, скажем союза славянских государств), порядка 15% — максимального удаления от России, безоговорочного перехода Украины в “западный лагерь”, но большинство выступает за то, чтобы Украина оставалась незави-

симым государством, сохраняя при этом тесные дружественные связи с Россией» [7]. Таким образом, подавляющая часть населения Украины благожелательно настроена по отношению к России, хотя только меньшинство желает полного восстановления былого единства. Однако еще меньшая часть населения Украины поддерживает националистические лозунги и устремления.

В последние годы в российско-украинских отношениях наметился определенный прогресс. Они строятся на договорной основе, предусматривающей уважение государственного суверенитета обеих сторон. Россия имеет на территории Украины военно-морскую базу, на которой сосредоточены основные силы ее Черноморского флота. Нашла свое решение проблема украинского газового долга России. Намечены направления сотрудничества в важных экономических и технологических отраслях — авиастроении, исследовании космического пространства, энергетике.

Оценивая все факторы, влияющие на российско-украинские отношения, можно сделать некоторые выводы: с одной стороны, полная или даже частичная реинтеграция двух государств невозможна, с другой стороны, объективных предпосылок для конфронтации также не существует. Поэтому наиболее вероятный характер российско-украинских отношений — это двустороннее партнерство, основанное на прагматическом понимании собственных интересов. Об этом говорят и представители новой украинской власти, хотя стратегической своей целью они считают ускоренную интеграцию в западные структуры.

На постсоветском пространстве наблюдаются попытки перехода к наиболее высокому типу интеграции, превосходящему даже тот уровень, который достигнут в рамках Европейского Союза. Речь идет о проекте создания союзного государства России и Белоруссии. Второго апреля 1996 г. президенты двух этих стран подписали договор об образовании Сообщества России и Беларуси. Перед Сообществом были поставлены такие задачи: формирование единого экономического пространства, восстановление объединенной транспортной и энергетической системы, общего научно-технологического и информационного пространства, единой законодательной и нормативно-правовой базы. Второго апреля 1997 г. президентами двух стран был подписан Договор о Союзе Белоруссии и России, а 23 мая 1997 г. — Устав Союза.

Главными целями Союза стали: дальнейшее правовое закрепление отношений сотрудничества, улучшение жизни народов, ускоре-

ние социально-экономического развития государств, согласование вопросов внешней политики и обеспечение их безопасности. В конце 1998 г. Россия и Беларусь сделали еще один шаг по пути своего сближения: 25 декабря 1999 г. в Москве президенты подписали Декларацию о создании Союзного государства, Договор о равных правах граждан и Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования.

То, что именно Белоруссия первой и единственной из всех бывших советских республик встала на путь максимального слияния с Россией, вполне закономерно и объяснимо. Причины столь ярко выраженной интеграционной ориентации Белоруссии заключаются в особенностях ее исторического развития. В отличие от других советских республик в Белоруссии не было условий для возникновения сколько-нибудь массового и влиятельного националистического движения. Местная партийно-государственная номенклатура была наиболее лояльной по отношению к союзному центру по сравнению со своими коллегами из других советских республик. Белоруссию часто характеризовали как самую «советскую» из всех республик Советского Союза. Это было связано с тем, что белорусская нация и белорусское национальное самосознание не успели сложиться до 1917 г. После революции в октябре 1917 г. противоречивая политика советской власти способствовала сохранению национально-этнической неопределенности белорусов. «Очевидно, эта этническая неопределенность, — говорится в очень интересной статье, посвященной анализу национальных и политических процессов в Белоруссии, — один из источников специфически белорусской «советскости». У любого народа СССР, включая русский, досоветское, докоммунистическое прошлое было своего рода «вызовом» советской идеологии и системе, «девальвировало» их, заставляло видеть в них одну из возможных форм существования народа. Раз досоветская государственность и докоммунистическая национальная культура имелись в прошлом, значит, они «представимы» и в будущем. У белорусов же их, можно сказать, не было (богатая культура их предков эпохи Великого княжества — все же культура «донациональная», и хотя язык, на котором говорили и писали в то время, был прямым «предком» современного литературного белорусского, назывался он все-таки русским). Протеста против русского доминирования, ощущения русских как господствующего чужого народа также практически не было. Неопределенность белорусского самосознания, очевидно, прекрасно соответствовала неопределенности статуса белорусов и БССР.

К этому надо добавить еще одно важное обстоятельство. В белорусской истории не было ярких эпизодов общенародной борьбы с иноплемениками, вокруг которых «кристаллизуются» национальное сознание и национальная мифология. Но при советской власти такой эпизод возник. Им стало партизанское движение в годы Второй мировой войны в тылу немецко-фашистских войск. Самый яркий эпизод сопротивления захватчикам в белорусской истории оказался, таким образом, неразрывно связан с советским государством и коммунистической идеологией» [8].

В Белоруссии меньше проявлялась коррупция политико-государственного советского аппарата, практически отсутствовало оппозиционное коммунистическому режиму диссидентское движение. Уровень жизни населения в этой республике был выше среднего по СССР. Поэтому реформы М. Горбачева там встретили без особого энтузиазма. Напротив, как только эти реформы привели к дестабилизации обстановки и ухудшению качества жизни населения, проявилось недовольство реформами, явное или скрытое сопротивление им как «вверху», так и «внизу». В некоторых средствах массовой информации за Белоруссией закрепилось клише «Вандея перестройки», пущенное в оборот известным белорусским писателем Алесем Адамовичем.

Оппозиционный коммунистической партии белорусский Народный фронт выступал с откровенно националистических позиций и поэтому имел очень узкую социальную базу среди гуманитарной интеллигенции Минска и других крупных городов республики. Фактически к осени 1991 г. лишь незначительная часть населения Белоруссии стремилась к государственной самостоятельности, подавляющее же большинство жителей республики не желали распада СССР. Однако судьба Советского Союза решалась за пределами Белоруссии: «Независимой Белоруссии не хотели ни большинство народа, ни номенклатурная элита. Но сила национальных движений в других республиках, отказ от Союза ССР правящей верхушки самой России и чисто правовые обстоятельства, по которым распад СССР было возможно (или, во всяком случае, — наиболее просто) оформить как расторжение союзного договора теоретически равноправными и теоретически добровольно входившими в него республиками, буквально вытолкнули упирающуюся Белоруссию в независимость» [9].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что планы реинтеграции России и Белоруссии переросли в идею полного восстановления государственного единства через создание нового союзного государства. Уже несколько лет ведется работа по подготовке и принятию

нормативных документов, на основе которых можно будет реализовать данную идею. Казалось бы, серьезных препятствий для этого быть не должно, поскольку Россия и Белоруссия, как уже было отмечено, имеют много общего в своей истории и культуре. Долгое время они находились в едином экономическом, социальном, правовом и политическом пространстве. Их государственное единство разрушилось не так давно. Однако гипотетическое создание российско-белорусского государства является не таким уж простым и элементарным делом, прежде всего потому, что экономические различия между двумя этими странами успели стать весьма существенными.

Если большинство (но не все 100%) населения России и Белоруссии поддерживает идею государственного единства, то этого нельзя сказать о политических элитах этих стран. Например, в России правые партии — СПС и «Яблоко» — довольно скептически смотрят на проекты российско-белорусской реинтеграции. В Белоруссии негативное отношение к таким проектам характерно не только для националистов из белорусского Народного фронта. Белорусская правящая элита отнюдь не желает расставаться с теми привилегиями и возможностями, которыми она обладает в условиях самостоятельного суверенного государства. Даже самый горячий сторонник реинтеграции — президент Белоруссии А. Лукашенко — выступает за форму объединения, сохраняющую за его страной максимальный объем суверенных прав. Реализация подобного варианта объединения на практике весьма трудна, если вообще возможна.

В связи с рядом объективных и субъективных причин в процессе сближения России и Белоруссии в последние годы наблюдались определенные трудности, однако они вполне преодолимы.

На отношения России с Республикой Молдова после распада СССР значительное влияние оказывала проблема урегулирования конфликта вокруг Приднестровья. Этот конфликт возник в 1990 г., когда на левом берегу Днестра была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). Причиной ее создания стало опасение местного населения, большинство которого составляли русские и украинцы, перед возможным объединением Молдовы с Румынией и насильственной «румынизацией». Об этом открыто говорили молдавские националисты из Народного фронта. После распада Советского Союза противостояние между Молдовой и Приднестровьем вылилось в вооруженный конфликт. Его удалось приостановить только благодаря вмешательству 14-й российской армии, дислоцировавшейся в регионе. В дальнейшем гарантией сохранения мира оставалось присутствие в зоне конфликта российских миротворцев.

Россия с самого начала выступила за мирное решение спорных вопросов, но препятствием была непримиримая позиция конфликтующих сторон. Постепенно ситуация менялась, поскольку роль крайних националистов в Молдове стала ослабевать. С середины 1990-х гг. у власти в этом постсоветском государстве находятся ответственные политические силы, выступающие за прагматическое сотрудничество с Россией и другими странами СНГ. Однако предложенный в 2003 г. представителями России план мирного урегулирования приднестровской проблемы под давлением Евросоюза был отвергнут правительством Республики Молдова, хотя первоначально оно этот план одобрило. С тех пор ситуация вокруг Приднестровья по-прежнему остается неопределенной.

§ 3. Россия и постсоветские государства Кавказа и Центральной Азии

Наибольшее значение в этой группе стран с точки зрения российских национальных интересов имеет Казахстан. По размерам своей территории на постсоветском пространстве Казахстан уступает только России. С самого начала эта страна принимала активное участие в интеграционных процессах в рамках СНГ. Именно президент Казахстана Нурсултан Назарбаев был в свое время инициатором создания Евразийского экономического сообщества. Столь высокая интеграционная активность казахского руководства объяснялась тем обстоятельством, что в начале 90-х гг. XX в. казахи составляли меньшинство населения Казахстана. Поскольку в северных районах казахов было совсем мало, а русских и русскоязычных большинство, то казахские лидеры, стараясь не допустить развала своего государства, вынуждены были акцентировать возможность тесных отношений и дружбы с Россией в рамках реинтеграции постсоветского пространства на новой основе.

Отношения с Россией у Казахстана развивались довольно успешно. Двадцать пятого мая 1992 г. был подписан российско-казахстанский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который зафиксировал союзнический характер отношений между этими двумя государствами. В марте 1994 г. было подписано соглашение об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур». Президенты России и Казахстана 6 июля 1998 г. подписали также Декларацию о вечной дружбе, партнерстве и союзничестве, ориентированную на XXI столетие. Двенадцатого октября 1998 г. был подписан Договор об экономическом сотрудничестве сроком на де-

сять лет. Поскольку топливно-энергетический комплекс (ТЭК) играет важную роль как в экономике России, так и в экономике Казахстана, а интересы ТЭК двух стран во многом совпадают, российско-казахское сотрудничество в данной сфере получило позитивное развитие.

Россия и Казахстан первыми из прикаспийских государств урегулировали все свои проблемы, связанные с разграничением шельфа Каспийского моря. Шестого июля 1998 г. президенты обеих стран подписали соглашение о разграничении северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на природопользование. В конце 2001 г. начал действовать трубопровод, проложенный из Северного Казахстана в Новороссийск, который был построен в рамках каспийского трубопроводного консорциума (КТК). В этом консорциуме наряду с западными компаниями принимают участие правительства России и Казахстана. Благодаря реализации проекта КТК у Казахстана появился еще один путь транспортировки своей нефти на Запад через территорию России, что отвечает интересам обоих государств.

И всё же самое благоприятное развитие российско-казахстанских отношений не является полностью беспроблемным. Интересы государств (особенно экономические интересы) далеко не всегда и не во всем совпадают, хотя об этом не принято громко заявлять. России при определении стратегии своей политики по отношению к Казахстану следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. За последние десять лет ситуация в самом Казахстане и вокруг него претерпела ряд существенных изменений. Стала иной этнонациональная структура казахского общества: в ней теперь преобладают этнические казахи. Это следствие массового отъезда неказахского населения, с одной стороны, и репатриации казахов из Монголии и Китая — с другой. В результате позиции местной правящей элиты укрепились и она теперь не опасается возможности дезинтеграции своего государства.

Одновременно укрепились казахская экономика, базирующаяся на использовании природных богатств и развитии ряда отраслей промышленности, например горнодобывающей, металлургической. Казахстан сегодня в меньшей степени зависит от России, между ними установилась более симметричная взаимозависимость. Эту мысль премьер-министр Республики Казахстан К. Токаев выразил следующим образом: «Добрососедские, дружественные, стабильные отношения с Россией имеют для Казахстана исключительно важное значение. Астана, безусловно, заинтересована в развитии всестороннего сотруд-

ничества с Москвой. Российское направление совершенно справедливо относят к категории первостепенных приоритетов внешней политики Казахстана. Поэтому руководством нашей страны многое делается, чтобы укрепить это сотрудничество, поставить его на рельсы долгосрочного, устойчивого развития. В то же время принципиально важным является и то, что Москва проявляет акцентированную заинтересованность в укреплении взаимоотношений с Казахстаном. Поэтому квинтэссенция казахстанско-российских отношений может быть выражена в формуле: «Казахстан нуждается в России, но и Россия нуждается в Казахстане» [10].

Другие государства Центрально-Азиатского региона, участвующие в «евразийском» и других интеграционных проектах, менее самодостаточны и в большей степени нуждаются в помощи и поддержке России. Особенно это касается Таджикистана, который до сих пор не оправился от последствий внутреннего конфликта. Сотрудничество между Россией и этим постсоветским государством развивается прежде всего в сфере обеспечения безопасности. На территории Таджикистана дислоцируется 201-я российская дивизия, а границу республики охраняют пограничные войска Российской Федерации.

Киргизия заинтересована в тесных связях с Россией не только из соображений экономической целесообразности и военной безопасности, но и из-за того, что славяне по-прежнему составляют значительную часть населения республики. Этим обстоятельством объясняется и тот факт, что Киргизия стала одним из первых государств СНГ, где русский язык получил официальный статус.

О характере российско-киргизских отношений лучше всего говорят слова бывшего президента Киргизской Республики Аскара Акаева: «Несмотря на то что в обоих государствах качественно изменились подходы к формированию внутренней и внешней политики, определились новые внешнеполитические приоритеты, благодаря чему сформировалось их место в мировом сообществе, киргизско-российские отношения носят устойчивый характер и базируются на долгосрочной основе с координацией усилий на сближение стран. Это неоднократно подтверждалось на наших двусторонних и многосторонних встречах. Наши государства практически первыми подписали важные, перспективные, стратегические документы — Декларацию о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве, Договор об экономическом сотрудничестве с прилагаемой к нему Программой экономического сотрудничества между Россией и Киргизстаном на период 2000–2009 гг. Тем самым была задана высочайшая планка в межгосударственных

отношениях, которая оказывала и будет оказывать долгосрочное влияние, позитивно отразится на правильности и своевременности принимаемых политических решений, а соответственно и повысит результативность и эффективность отношений между Киргизской Республикой и Российской Федерацией» [11].

После произошедшей в Киргизии революции новые власти республики заявили о том, что характер киргизско-российских отношений не изменится.

Наиболее близким партнером России в Закавказье является Армения. Хотя эта страна и не участвует во всех интеграционных проектах, она сохраняет прочные связи с Российской Федерацией. Однако на пути к более тесным экономическим отношениям между двумя странами стоят серьезные геэкономические препятствия в виде перерезанных транспортных коммуникаций. Армения весьма заинтересована в России как гаранте безопасности и поэтому является главным военно-политическим союзником России в Кавказском регионе. Армения — член Договора о коллективной безопасности, на ее территории размещены российские военные базы.

В отношениях с Азербайджаном у России есть проблемы. Прежде всего это касается всего комплекса вопросов о маршрутах транспортировки каспийской нефти. Существуют также расхождения во мнениях по поводу обеспечения безопасности в регионе, в том числе в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе. Несмотря на эти проблемы, двусторонние отношения между Россией и Азербайджаном в последнее время развиваются. Во многом это оказалось возможным благодаря разумным и прагматическим действиям президента Азербайджана Гейдара Алиева, который был самым опытным из всех политических деятелей на постсоветском пространстве. После смерти Г. Алиева Азербайджан возглавил его сын Ильхам Алиев. Первые шаги нового президента свидетельствуют о том, что он стремится продолжать политический курс своего отца.

В отличие от Г. Алиева другой «патриарх» советской политики Эдуард Шеварднадзе, возглавлявший соседнюю с Азербайджаном Грузию, не смог выстроить отношения с Россией на прочной добрососедской основе. Он пытался вести сложную внешнеполитическую игру, используя внешние факторы для решения внутренних проблем Грузии. Часто в действиях грузинского руководства усматривались антироссийские мотивы, что, конечно, негативно влияло на российско-грузинские отношения.

После происшедшей в 2004 г. «революции роз» Э. Шеварднадзе на посту президента Грузии сменил Михаил Саакашвили. Этот молодой политик придерживается еще более ярко выраженной прозападной и проамериканской ориентации. В начале своего правления М. Саакашвили наряду с мерами, направленными на борьбу с коррупцией и стимулирование экономических реформ внутри страны, пытался создать видимость сближения с Россией, однако вскоре российско-грузинские двусторонние отношения вновь стали ухудшаться. При неурегулированности ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии отсутствие должного взаимопонимания между Россией и Грузией может негативно отразиться на стабильности и безопасности всего Южно-Кавказского субрегиона.

В отличие от отношений с вышеупомянутыми Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном отношения России с двумя другими государствами Центрально-Азиатского региона — Узбекистаном и Туркменией — не имеют столь же тесного характера.

В условиях независимости Узбекистан избрал особый, отличный от российского, путь развития. К объявленной стратегической цели — создание рыночной экономики — Узбекистан продвигается путем умеренных и осторожных преобразований. Экономический спад здесь был самым незначительным из всех постсоветских государств, и сегодня эта страна по общему объему ВВП занимает пятое место в Содружестве Независимых Государств. Основные особенности экономического курса следующие: достижение самодостаточности в отдельных сферах экономики, привлечение иностранных инвестиций как в добывающую, так и в перерабатывающую промышленность, использование природных и трудовых ресурсов, переход через импортозамещение к экспортно-ориентированной экономике.

Как известно, экономика советского Узбекистана имела монокультурный характер, была сориентирована на выращивание и первичную переработку хлопка, причем такая ориентация наносила ущерб другим отраслям сельского хозяйства и вела к неблагоприятным экологическим последствиям. В 1990-е гг. посевы хлопчатника сократились, а производство пшеницы и других продовольственных культур возросло. В результате Узбекистан пришел к самообеспечению продовольствием, одновременно произошла структурная перестройка сельского хозяйства на рыночной основе [12].

В советские времена Узбекистан был поставщиком природного газа, но сколько-нибудь значительных объемов нефтедобычи в республике не было. В 1990-е гг. в этой сфере произошли существенные изменения. Были разведаны большие запасы нефти, и началась про-

мышленная эксплуатация ряда месторождений, что позволило не только обеспечить внутренние потребности Узбекистана, но и приступить к экспорту этого энергоресурса. В результате произошли существенные структурные сдвиги в узбекской экономике: доля топливной отрасли, куда входила и нефтедобыча, возросла с 3,7% в 1991 г. до 13,3% в 1998 г. [13].

Но, пожалуй, самое главное то, что Узбекистан, обеспечивая себя продовольствием, обрел наряду с продовольственной и энергетическую безопасность. Повысился уровень самостоятельности всей экономики страны. Хотя 50% узбекского экспорта идет через российскую территорию, но степень зависимости его народнохозяйственного комплекса от российского — одна из наименьших на всем постсоветском пространстве.

Наращивание экспорта требует не только производственных мощностей, привлечения новых финансовых, трудовых и природных ресурсов, но и развития системы транспортных коммуникаций. Для Узбекистана последнее обстоятельство особенно важно, поскольку его выходы во внешний мир весьма ограничены. Узбекистан не имеет непосредственного выхода в Россию, а его выход в «дальнее зарубежье» идет через территорию Афганистана, внутривосточная ситуация в котором не способствует строительству надежных транспортных коммуникаций. В то же время развитие таких коммуникаций, в том числе в обход России, является одним из внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов Узбекистана. Как только хотя бы часть из них появится, степень геоэкономической независимости Узбекистана от России усилится, что может найти отражение и в политической форме — в дальнейшем обособлении Узбекистана в рамках СНГ.

Во внутривосточном плане нынешний правящий режим Узбекистана обладает многими признаками авторитарности, но это не мешает Западу видеть в нем вполне возможного партнера. Это свидетельствует о наличии «двойных стандартов» и о том, что ценности «свободы и демократии» не так уж и важны в реальной политике. Между тем наблюдавшееся в 1990-е гг. постепенное дистанцирование Узбекистана от России имеет под собой не только геоэкономическую основу, но и политические причины. В период перестройки процессы, происходившие на территории России, способствовали определенной либерализации политической ситуации в Узбекистане. После развала СССР подобное либеральное влияние стало рассматриваться узбекской элитой, имевшей советско-партийное прошлое, как вредное для сохранения их собственной власти. От такого

влияния следовало избавиться, в том числе и при помощи удаления от его источника.

Вместе с тем следует отметить, что у России и Узбекистана есть много общих интересов в области обеспечения безопасности. Обе страны сталкиваются с угрозой исламского терроризма, борьба с которым требует объединения усилий. Не случайно после серии террористических актов на территории Узбекистана его руководство продемонстрировало готовность к более тесному военно-техническому сотрудничеству с Россией. Узбекистан присоединился к Шанхайской организации сотрудничества, включающей в свой состав Россию, Китай, Казахстан, Киргизию и Таджикистан.

Схожие политические мотивы дистанцирования от России имела и правящая элита соседнего с Узбекистаном Туркменистана, причем авторитарный характер личной власти президента Сапармурата Ниязова выражен еще более ярко. Что касается экономической основы подобной стратегии, то у туркменского руководства она была еще более мощной. Дело в том, что Туркмения оказалась вторым в мире (после России) государством по объемам запасов природного газа. Согласно опубликованным данным, эти запасы составляют 23 трлн кубических метров газа, кроме этого имеются крупные месторождения нефти, которые оцениваются в 12 млрд тонн [14]. Есть реальная возможность довести добычу газа до 150 млрд кубометров в год, из которых 100 млрд могут быть направлены на экспорт. Имеются большие возможности по увеличению добычи нефти и соответственно увеличению ее экспорта.

В отличие от многих других постсоветских республик в Туркмении с самого начала появился устойчивый источник твердой валюты в виде доходов от экспорта газа. Наличие такого источника позволило реализовать несколько амбициозных проектов наподобие строительства дворцов и нового аэродрома. Доходы от экспорта газа вместе с иностранными инвестициями позволили также реализовать некоторые проекты по развитию производственной инфраструктуры республики, например строительство текстильных и швейных предприятий, что позволило повысить процент переработки хлопка в самой Туркмении с 3 до 50% [15]. Однако в основном газо- и нефтедоллары шли на обогащение местной верхушки и на подачки местному населению в виде бесплатных поставок воды и газа.

Наличие доходов от газа и нефти позволяло обходиться без кредитов, что сделало Туркмению единственной из постсоветских государств, не имевшей серьезного внешнего долга. Более того, ряд других

бывших советских республик, например Украина, стали хроническими должниками Туркменистана за поставленный газ.

Осознавая высокую степень своей независимости от внешней помощи как с Востока, так и с Запада и Юга, режим С. Ниязова попытался закрепить свой особый статус в международных делах. Эту цель преследовала акция по приданию Туркмении при помощи ООН статуса постоянно нейтрального государства.

В то же время наращивание добычи нефти и газа сдерживается ограниченными возможностями по их экспорту вследствие ограниченной мощности действующих трубопроводов, проходящих в основном через территорию России. Туркменистан стремится к тому, чтобы его газ шел в Западную Европу, где действуют мировые цены и существует стабильный и предсказуемый рынок сбыта. Россия сама заинтересована в этом рынке и пытается переадресовать туркменский газ малоплатежным партнерам по СНГ. Последнее по срокам соглашение по транзиту туркменского газа достигнуто весной 2003 г. Для России экономические условия этого соглашения выгодны, поэтому российские власти, а также некоторые российские политики, приветствуя его, стараются не замечать подлинных мотивов режима С. Ниязова и действий туркменского руководства по отношению к русскоязычному населению республики.

Перспектива российско-туркменских отношений такова: дистанцирование Туркмении от России будет продолжаться, несмотря на сделанные в последнее время Ниязовым шаги. Как только появятся реальные альтернативы российскому маршруту транспортировки туркменского газа, так сразу же не будет необходимости в торге с Москвой по газовым проблемам. Отношение туркменских властей к России начиная с 1991 г. отличается подчеркнутой утилитарностью. Когда было ясно, что без русскоязычных специалистов многие сферы экономики, культуры, государственного управления Туркмении просто не смогут функционировать, власти Ашхабада, чтобы сдержать отток таких специалистов, первыми на постсоветском пространстве подписали с Россией соглашение о признании двойного гражданства. Сегодня, когда потребность в русскоязычных специалистах снизилась, а наличие у части населения двойного гражданства стало, по мнению режима С. Ниязова, представлять угрозу его внутренней безопасности, упомянутое соглашение было расторгнуто. Точно такая же судьба может постигнуть и «газовые» соглашения, как только изменится конъюнктура.

Примечания

1. *Фурман Д.* Украина и мы. Национальное самосознание и политическое развитие // Свободная мысль. 1995. № 1. С. 75.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 164.
3. Там же. С. 147.
4. *Годин Ю.* Вступит ли Украина в славянский союз? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 4. С. 103.
5. Там же.
6. Там же. С. 104.
7. *Толтыго А. К.* Интерпретация украинских президентских выборов 1999 года // Полис. 1999. № 6. С. 134.
8. *Буховец О., Фурман Д.* Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 61–62.
9. Там же. С. 66.
10. *Токаев К.* Казахстан в мировом сообществе // Международная жизнь. 2001. № 7. С. 47.
11. *Акаев А.* Потенциал союзничества между Киргизией и Россией // Международная жизнь. 2002. № 2. С. 5.
12. *Хуррамов А.* Структурные преобразования и отношения собственности в аграрном секторе Узбекистана // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11.
13. *Расулев А., Денисов Ю.* Проблемы структурных изменений в экономике Узбекистана // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 81.
14. *Юданов Ю.* Центральная Азия — новый фаворит иностранных инвесторов // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 102.
15. Там же. С. 103.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные руководящие органы Содружества Независимых Государств.
2. Чем, на ваш взгляд, является СНГ: региональной международной организацией, интеграционной группировкой, бесформенным межгосударственным объединением или чем-либо другим?
3. Какие государства участвуют в создании Единого экономического пространства?

4. Какова, на ваш взгляд, оптимальная модель отношений между Россией и Украиной?
5. В чем отличие отношений между Россией и Белоруссией от отношений с другими государствами СНГ?
6. Существует ли реальная возможность создания союзного государства России и Белоруссии?
7. В отношениях с какими государствами Закавказья у России есть серьезные трудности и почему?
8. Какое место постсоветская Центральная Азия занимает во внешней политике современной России?
9. Какое из государств является важнейшим партнером Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе?
10. С какими трудностями встречается Россия в отношениях с бывшими советскими среднеазиатскими республиками?

Литература

- Годин Ю.* Вступит ли Украина в славянский союз? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 4.
- Зекрист Р.* Есть ли у казахстанского Барса шанс стать драконом? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 4.
- Мальшева Д.* Российская карта в Каспийском пасьянсе // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 7.
- Международная конференция «Каспий: правовые проблемы»* // *Международная жизнь.* 2002. № 4.
- Николаенко В.* Десять лет Договору о коллективной безопасности // *Международная жизнь.* 2002. № 4.
- Сафаров С.* Душанбе и Москва // *Международная жизнь.* 2002. № 5.
- Трубников В.* Десятилетие Содружества Независимых Государств // *Международная жизнь.* 2001. № 11.
- Уайт Т., Лайт М., Лоуэнхардт Дж.* Белоруссия, Молдавия, Украина: к Востоку или к Западу? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 7.
- Федулова Н.* Перспективы российско-белорусского объединения // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 7.
- Хакимов Б.* Коллективная безопасность в СНГ // *Международная жизнь.* 2001. № 7.
- Хрищев Е.* Пути развития экономики Молдовы в условиях глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 10.
- Шумский Н.* Институциональная система СНГ: направления дальнейшего совершенствования // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 10.

Глава XIX

РОССИЯ И ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

---

§ 1. Историческое наследие и современное состояние отношений России с восточноевропейскими странами

Регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в исторический период Нового времени, началом которого большинство исследователей считают Великую Французскую революцию (1789), играет одну из ключевых ролей в международных отношениях, а уровень влияния на мировую политику XIX–XX вв. процессов, происходящих в нем, весьма высок. Достаточно вспомнить, что большинство войн на континенте, включая и две мировые, начинались именно в этом регионе.

Представляется необходимым уточнить само понятие «Центральная и Восточная Европа». Традиционно принято считать, что ее западные границы совпадают с восточными границами Германии, хотя классические геополитические теории — особенно ее «континентальные» версии (Ф. Ратцель, К. Хаусхоффер) — склонны относить и Германию к данному региону (см. главу III). Подобным образом и Россию, значительная часть которой с этой позиции могла бы рассматриваться как Восточная Европа, большинство исследователей не видят сегодня в качестве органической части ЦВЕ. Таким образом, данный регион можно рассматривать как пространство, лежащее между этими двумя государствами. В отечественной политической науке в отличие от западной сложилась традиция не включать в состав ЦВЕ европейские страны СНГ: Украину, Белоруссию, Молдавию; при этом государства Балтии определяются как входящие.

Сам регион крайне неоднороден, и данное обстоятельство неоднократно порождало конфликты внутри него; в большинстве этих конфликтов принимали участие и третьи страны. Можно предложить следующую субрегиональную дифференциацию, условно разделив страны ЦВЕ на три группы по принципу сходства исторического

развития и компонентов социокультурной системы, которая оказывала решающее влияние на динамику процессов в данных странах и на региональном уровне.

1. *Юго-Восточный субрегион*. В него входит Румыния, Болгария, Сербия и Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Албания. На территории данных государств длительное время (по меньшей мере 400 лет) господствовала Османская империя, привнесшая определенное своеобразие культурного и политического развития. Кроме того, данный факт способствовал этнической пестроте земель региона и невозможности четкого национального размежевания. Во всех странах (кроме Албании и отчасти Боснии) православие является господствующей религией, что также повлияло на национальные традиции, в том числе и на политическую культуру. Все страны субрегиона, за исключением Румынии и Албании, являются славянскими по этническому составу, однако уровень этнополитической напряженности остается высоким.
2. *Центральная Европа* — это Чехия, Словакия, Словения, Хорватия, Венгрия. В странах данного региона в течение нескольких столетий господствовала Австрийская империя. В социокультурном отношении страны субрегиона находятся под сильным западноевропейским влиянием. Господствующая религия во всех странах региона — католицизм, что сказывается как на национальном менталитете, так и в политической культуре этих государств.
3. *Восточная Европа* включает Польшу, Литву, Латвию, Эстонию. Социокультурные традиции данных государств во многом оформились под влиянием западного христианства (Литва и Польша — католицизм, Эстония и в основном Латвия — лютеранство), а Эстония и Латвия — еще и под влиянием культуры Германии. Западная политическая наука в данный момент склонна относить к этому региону Украину, а также Белоруссию и Молдову.

Предложенная типология не является единственной. Например, Польшу, Венгрию, Чехию, Словакию и Словению относят к Центральной Европе по сходству экономического и политического развития. Однако для понимания специфики отношений стран ЦВЕ и России как в историческом, так и в современном контексте предложенная выше классификация представляется наиболее приемлемой.

Несомненно, что для России с точки зрения ее национальных интересов процессы, которые проходили и проходят в ЦВЕ, очень важны.

В предшествующие столетия основными направлениями российской внешней политики по отношению к данному региону были следующие:

- ◆ получение выхода к Балтийскому, Черному и Средиземному морям, что диктовалось в первую очередь жизненными потребностями развития экономики;
- ◆ обеспечение стабильных и безопасных коммуникаций со странами Западной Европы как основными источниками самых разнообразных (технических, культурных, экономических, отчасти кадровых) ресурсов, необходимых для модернизации страны, начатой еще Петром I, но так и не законченной на протяжении всей последующей истории нашей страны. Эта цель не потеряла своего значения и сейчас, особенно если учесть, что «старые» члены ЕС — основные экономические партнеры России.

Рассматривая в исторической ретроспективе отношения с государствами ЦВЕ, следует прежде всего отметить их противоречивость, а часто и непоследовательность. В наибольшей степени это характерно для отношений с Польшей. Полный суверенитет и независимость Польского государства были восстановлены только после поражения Германии и Австро-Венгрии в ноябре 1918 г.

С самого начала вновь созданная Польша стремилась к восстановлению своих границ, существовавших до ее первого раздела. Поэтому Польское государство предъявляло претензии на обширные украинские, белорусские и литовские территории. Это стало одной из причин советско-польской войны 1920 г. При этом обе стороны отнюдь не стремились к установлению справедливых и этнически обоснованных границ. Целью Польши было ее расширение «от моря до моря», целью Советской России — стимулирование революционных процессов в Западной Европе. Поэтому предложение Версальской мирной конференции провести границу по «линии Керзона» было отвергнуто как советским, так и польским правительством. Когда поход Красной армии на Варшаву провалился и надежды на европейскую революцию не оправдались, большевики легко пошли на заключение Рижского мира, по которому уступили Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Несмотря на эту уступку, отношение Польши к Советскому Союзу оставалось в межвоенный период враждебным. Санационная Польша была важным элементом «санитарного кордона», изолировавшего СССР от остальной части

европейского континента. Недоверие между двумя странами сохранялось вплоть до Второй мировой войны, что помешало им совместно противостоять агрессивным планам гитлеровской Германии. Вскоре после прихода Гитлера к власти Польша заключила с Германией договор о ненападении и в качестве своего наиболее вероятного противника видела не ее, а Советский Союз. Даже когда угроза со стороны Германии стала явной, польское правительство отказалось от военного сотрудничества с СССР.

Позиция Польши была одной из причин переориентации внешней политики Советского Союза с поиска путей обеспечения коллективной безопасности совместно с западными государствами на поиск компромисса с Германией. Итогом стало заключение Пакта о ненападении с Германией, вошедшего в историю под названием «Пакт Молотова—Риббентропа». В соответствии с секретным протоколом к этому пакту гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз договорились между собой о разделе сфер влияния в Восточной Европе, в том числе и о разделе территории Польского государства. Собственно к СССР должны были перейти земли Западной Украины и Западной Белоруссии, т. е. его граница должна была пройти по «линии Керзона», как и предлагалось еще в 1919 г. Но одним из следствий советско-германских соглашений стало нападение гитлеровской Германии на Польшу, положившее начало Второй мировой войне. Сам факт заключения «Пакта Молотова—Риббентропа» до сих пор используется и в Польше, и в других восточноевропейских странах для нападок на внешнюю политику СССР, а в более широком плане — и России.

Вскоре после начала военных действий Германии против Польши Красная армия вошла на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, а сами эти территории были включены в состав СССР. Официальные отношения СССР с Польшей были прекращены. Лишь после начала Великой Отечественной войны Советский Союз восстановил дипломатические отношения с польским правительством, находившимся в тот период в Лондоне. Однако и в военные годы советско-польские отношения складывались непросто.

В этом смысле весьма показательны события 2-й половины 1940-х гг. Двадцать пятого апреля 1943 г. польское правительство сделало заявление по поводу исчезновения польских офицеров на советской территории в 1939 г. Советское правительство восприняло заявление как клеветническую кампанию против СССР и выдвинуло ноту о раз-

рыве отношений с польским эмигрантским правительством. До сих пор идут дискуссии о том, могла ли Красная армия, стоявшая в предместьях Варшавы, оказать помощь Варшавскому восстанию (1 августа—2 октября 1944 г.). Окончание Второй мировой войны для Польши имело следующие последствия: восточные территории, занятые в 1939 г. (за исключением Белостока), остались в составе СССР. Этот факт был признан как самой Польшей, так и западными державами-победительницами. В качестве компенсации Польша получила значительные территории на западе, ценные в экономическом плане. Кроме того, Польское государство стало моноэтническим, поскольку немцы были переселены в Германию, а между Польшей и СССР произведен взаимный обмен польским, украинским и белорусским населением.

В конце 1940-х гг. в Польше, так же как и в других восточноевропейских странах, был установлен коммунистический режим. Однако власть коммунистов в этой стране никогда не была прочной. В Польше не удалось осуществить коллективизацию сельского хозяйства, хотя в 1950-х гг. такие попытки были; вплоть до конца 1980-х гг. сохранялось сильное влияние католической церкви. Даже в рабочей среде авторитет Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) оставался низким. Несколько раз Польская Народная Республика оказывалась в состоянии глубокого кризиса, вызванного массовыми рабочими волнениями. Так было в 1956, 1970 и особенно на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда возник независимый профсоюз «Солидарность», превратившийся в открыто оппозиционную коммунистическому режиму силу. Хотя после введения в декабре 1981 г. военного положения деятельность «Солидарности» была запрещена, влияние данного профобъединения сохранялось. Это стало заметно тогда, когда под воздействием перестройки в СССР в ПНР также начался процесс перемен. Итогом его стали прошедшие 4 июня 1989 г. выборы с участием оппозиции, закончившиеся ее победой. Двенадцатого сентября 1989 г. приступает к исполнению обязанностей новое правительство Польши, в котором доминируют представители профсоюза «Солидарность». Это было первое после 1940-х гг. правительство в восточноевропейских странах, не контролируемое коммунистами. Понятно, что оно приступило к ликвидации как экономической, так и военно-политической зависимости от СССР, который сам вскоре прекратил свое существование. В начале 1990-х гг. из Польши в рекордные сроки были выведены российские войска (Северная группа войск). К этому времени уже прекратили свое существование давно ставшие фор-

мальными Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи. В 1994 г. Польша объявила о своем стремлении войти в западные структуры, что ей и удалось: в 1999 г., несмотря на дипломатическое осуждение со стороны России, она становится членом НАТО, а в 2004 г. — членом Европейского союза. Надо отметить, что Польша — самое значительное по территории и населению (36 млн человек) государство региона ЦВЕ — оказалась наиболее слабым звеном социалистической системы.

Процессы, происходившие в ней, оказывали влияние и на соседей. Один из ярких примеров такого влияния мы можем наблюдать в странах Балтии. Ликвидация независимости Балтийских государств состоялась летом 1940 г., когда была разгромлена Франция, а Великобритания осталась один на один с Гитлером. В июне в Прибалтику были введены дополнительные воинские контингенты, образованы новые просоветские правительства. В июле прошли безальтернативные выборы в народные собрания, которые и приняли решение о вступлении в СССР. Юридически это решение закрепили 3–5 августа 1940 г., после чего на данных территориях была введена советская система. Довольно большое количество граждан подверглись репрессиям, в том числе депортациям. Частная собственность была ликвидирована. Это стало одной из причин возникновения партизанского движения «лесных братьев», которое просуществовало до середины 1950-х гг. В общем и целом коренное население Балтийских республик не идентифицировало себя как органическую часть «советской общности», и не случайно именно они первыми инициировали «парад суверенитетов». Общественные организации (народные фронты, в Литве — «Саюдис») создавались по образу польской «Солидарности». После выборов 1990 г. года они повсеместно пришли к власти и инициировали принятие верховными советами деклараций о восстановлении независимости. Де-юре признание таковой другими государствами произошло после августовских событий в СССР.

В 1990-е гг. отношения России и данных стран отличались высоким уровнем напряженности. По требованию Запада Россия к весне 1994 г. практически вывела свои войска из Прибалтики без какой-либо реальной компенсации связанных с этим затрат. В 1-й половине 1990-х гг. в Латвии и Эстонии громко раздавались требования возвратиться к границам 1920 г. Впоследствии об этом практически перестали говорить как в силу нереальности возврата, так и в связи со стремлением данных стран интегрироваться в европейские и транс-

атлантические структуры. Поэтому с Российской Федерацией были подписаны соответствующие договоренности. Сразу после объявления независимости правительства этих двух стран столкнулись с проблемой некоренного населения, которому в соответствии с законодательством не было предоставлено гражданство. Таковых оказалось порядка $\frac{1}{3}$ в Эстонии и около 40% в Латвии. Россия неоднократно требовала и требует решения этой проблемы. В Литве, где русскоязычное население составляет не более 12%, всем постоянным жителям безо всяких дополнительных условий гражданство было дано сразу же после обретения независимости. Но с данным государством возникла другая проблема, не решенная до сих пор, — транзит в Калининградскую область. Анализ динамики этой проблемы показывает, что на протяжении всех 1990-х гг. ситуация с пропуском людей и грузов осложнялась. Надо также отметить, что Балтийские государства ввели в отношении граждан России визовый режим гораздо раньше (1992–1993), чем бывшие страны — члены СЭВ, тогда как Польша сделала это только в 2003 г. Все три государства в 2004 г. стали членами НАТО и ЕС. В целом на данный момент уровень отношений между Россией и странами Балтии во всех сферах крайне низок.

Не менее противоречиво складывались и складываются в настоящее время отношения России со странами Юго-Восточной Европы, хотя общий алгоритм их динамики несколько отличается от того, что мы наблюдали в восточной ее части. Прежде всего следует отметить, что наиболее значимые государства данного региона обрели суверенитет при деятельной поддержке России. Это относится к Болгарии, Румынии, а также входившим в состав бывшей Югославии Сербии и Черногории. Причем Россия часто оказывала это содействие в ущерб собственным внешнеполитическим интересам, исходя из панславянского романтизма, который стал доминировать в общественном мнении со 2-й половины XIX в. и сохраняет определенное влияние и сейчас.

В годы Первой мировой войны Болгария стала союзницей стран «Оси». Болгария участвовала в агрессии против Югославии и Греции, но от участия в военных действиях против СССР болгарское правительство уклонилось, сославшись на сильные русофильские настроения среди населения. После выхода Красной армии к границам Болгарии 5 сентября 1944 г. СССР объявил ей войну, но военных действий фактически не было, поскольку болгарская армия отказа-

лась воевать, а в стране произошла смена власти. Правительство Отечественного фронта объявило войну Германии и ее союзникам, и болгарские войска на заключительном этапе войны сражались на стороне антигитлеровской коалиции. Фактически уже с 1944 г. началось установление коммунистического режима, которое окончательно завершилось в 1948 г., когда была провозглашена Народная Республика. Надо отметить, что до конца 1980-х гг. отношения между СССР и Болгарией развивались стабильно, внутри государства сколько-нибудь значимых антикоммунистических сил не было. Как и в других странах Восточной Европы, демократические изменения в Болгарии начались в конце 1989 г. При этом так же, как и в других государствах региона, практически сразу была поставлена задача интеграции в западные структуры. Позднее произошло резкое дистанцирование от России, с которой был установлен визовый режим. В настоящий момент Болгария является членом НАТО, но пока еще не принята в ЕС из-за относительно низкого уровня жизни и внутренней нестабильности.

Соседняя с Болгарией Румыния также с самого начала активно участвовала в войне против СССР, в период 1941–1944 гг. в ее состав входили в качестве провинций не только Бессарабия, но и Северное Причерноморье, включая Одессу. При этом государство пыталось сохранять контакты с Великобританией и США. В августе 1944 г. Румыния признала свое поражение и начала войну уже с Германией. Примечательно, что румынский король Кароль был удостоен высшей награды СССР — ордена Победы. Впрочем, уже в 1946 г. монархия в Румынии была упразднена, а в стране был установлен коммунистический режим, причем один из наиболее жестоких. Советско-румынские отношения с конца 1950-х гг. развивались несколько иначе, чем отношения СССР с другими восточноевропейскими странами. После прихода к власти Николае Чаушеску Румыния несколько дистанцировалась от Советского Союза. Румынское руководство негативно отнеслось к вводу войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Румыния была единственной социалистической страной, сохранившей дипломатические отношения с Израилем. Кроме того, она демонстрировала определенный уровень самостоятельности в рамках Варшавского договора и СЭВ. В декабре 1989 г. в результате вооруженного восстания режим Н. Чаушеску был свергнут. После падения коммунистического режима Румыния, так же как и другие восточноевропейские страны, взяла курс на интеграцию с За-

падом, однако крайне низкий уровень жизни (одна из самых бедных стран Европы) не позволяет осуществить цель ее политики — вступление в ЕС. Отношения с Россией находятся в состоянии стагнации, при этом в самой Румынии популярны унитаристские настроения, касающиеся объединения с Молдовой. Достаточно напряженные отношения между Румынией и Украиной, причиной чего служат спорные вопросы, касающиеся территорий в районе дельты Дуная, острова Змеиный в Черном море и утраченной Буковины.

Неоднозначна и история отношений России и Югославии (Сербии). Россия на протяжении всего XIX в. активно содействовала стремлению последней к независимости — прекращению господства Османской империи. В 1878 г. независимость Сербии была признана Стамбулом, а правитель Сербии князь Милан I Обренович провозгласил Сербию королевством и принял титул короля. Во главу угла внешней политики страны была поставлена задача объединения южных славян в единое государство. Эта цель была достигнута после Первой мировой войны, когда образовалось Королевство сербов, хорватов, словенцев (с 1929 г. — Югославия).

Во внешней политике страна сохранила ориентацию на Антанту; внутри государства с самого начала обозначились этнические противоречия, прежде всего между сербами и хорватами. Югославия была последней страной региона, которая признала СССР и установила с ним дипломатические отношения. Это произошло только в 1940 г., в условиях роста военной напряженности в Европе. Двадцать пятого марта 1941 г. Югославия присоединяется к Тройственному пакту, становясь союзницей Германии, Италии, Японии и других стран, подписавших это соглашение. Однако уже через два дня в стране происходит военный переворот; новое правительство, формально не порывая с Германией, заключает 5 апреля дружественный договор с СССР. Уже на следующий день Германия и ее союзники начинают войну против Югославии и Греции; 10 апреля Хорватия провозглашает свою независимость, а 17-го числа того же месяца Белград подписывает капитуляцию. В стране было достаточно сильное партизанское движение, однако решающую роль в освобождении Югославии сыграла Красная армия, которая в октябре 1944 г. вступила на ее территорию. Одиннадцатого апреля 1945 г. между странами был заключен договор о дружбе. Однако из-за стремления югославских коммунистов сохранить самостоятельность в принятии решений летом 1948 г. договор денонсируется, а отношения между странами прекращаются.

Они нормализовались только в 1955 г., когда вновь был подписан договор о дружеских отношениях. Тем не менее Югославия так и не стала членом Варшавского договора, а в СЭВ имела статус наблюдателя. В конце 1980-х гг. в стране, с одной стороны, прекращается монополия коммунистов на власть, с другой — происходят дезинтеграционные процессы. Последние привели к распаду страны в 1991 г.: Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, а также Македония объявили о независимости; причем только последней удалось сделать это мирным путем. В остальных случаях имел место вооруженный конфликт с центральным правительством. Россия признала их независимость, но тем не менее во всех конфликтах поддерживала сербов. Такая поддержка была обусловлена прежде всего цивилизационными факторами и привела к осложнениям в отношениях России как с другими странами данного региона, так и с другими государствами современного мира. Более всего это проявилось в 1999 г. во время Косовского кризиса, связанного с бомбардировками НАТО. Россия, поддерживая Белград, фактически оказалась на грани дипломатического конфликта с западными странами. При этом Сербия весь этот период не демонстрировала готовность к широкому экономическому сотрудничеству, а в 2000 г., практически сразу после завершения Косовского кризиса, между Союзной Республикой Югославией и Российской Федерацией был введен визовый режим.

История отношений со странами Центральной Европы менее противоречива. В результате мюнхенского сговора между западными державами и гитлеровской Германией в марте 1939 г. Чехословакия прекратила свое существование; СССР до 22 июня 1941 г. поддерживал формальные дипломатические отношения со Словакией, де-юре независимой, но реально абсолютно подконтрольной рейху. Отношения с Венгрией также были формальными вплоть до 27 июня 1941 г., когда Будапешт объявил СССР войну и направил на фронт свои войска.

Уже во время войны установились тесные отношения между чехословацким эмигрантским правительством и Москвой. В 1945 г. был подписан Договор о дружбе между Чехословакией и СССР. Тогда же Чехословакия отказалась от своих прав на Закарпатскую Украину, входившую в нее ранее. В первые послевоенные годы при наличии тесных отношений с Советским Союзом в Чехословакии сохранялись основные демократические институты. Тогдашняя популярность СССР способствовала тому, что влияние чехословацких коммуни-

стов было очень велико. В феврале 1948 г. при поддержке СССР они оттеснили другие политические силы от власти и установили в стране коммунистический режим, ничем не отличавшийся от тех, которые формировались в тот период во всем Восточно-Европейском регионе. Вплоть до конца 1960-х гг. в Чехословакии не было заметно каких-либо сильных антисоветских настроений. Ситуацию изменили события 1968 г., когда в ЧССР была сделана попытка либерализации существовавшего коммунистического режима, вызвавшая опасения и подозрения советского руководства. СССР и другие страны — участники Варшавского договора ввели на территорию Чехословакии свои войска, что привело со временем к прекращению реформ и радикальным переменам в руководстве страны и компартии. После этого на уровне массового сознания возникла реакция отчуждения от «старшего брата». В этой связи неудивительно, что сразу после «бархатной революции» 1989 г., которая положила конец коммунистическому режиму, Прага взяла курс на установление тесных отношений с западными странами. В 1992 г. из Чехословакии были выведены российские войска, а в 1993 г. само это государство распалось (без серьезных конфликтов) на Чехию и Словакию. Общее стремление обоих государств к интеграции в западные структуры сохранилось, правда, Чехия как экономически более развитая шла к этому последовательно и уже в 1999 г. стала членом НАТО. Словакия вступила в эту организацию только в 2004 г. В том же году оба государства стали членами ЕС. Словакия в течение 1990-х гг. проявляла больше заинтересованности к сотрудничеству с Россией, особенно в сфере экономики, однако дальше деклараций и заявлений дело так и не пошло.

В отличие от Чехословакии Венгрия была союзником гитлеровской Германии и вместе с ней потерпела поражение. Территория страны была занята советскими войсками, и СССР активно влиял на развитие венгерских политических процессов. К 1949 г. в Венгрии окончательно утвердился сталинистский режим во главе с лидером местной компартии Ф. Ракоши. Вопреки существовавшим национальным традициям в стране начали детально копировать советскую модель социализма, что привело к обострению социально-экономических и политических противоречий. Следствием этих противоречий стал глубокий внутривластный кризис в Венгрии, который разразился осенью 1956 г. и едва не привел к краху коммунистического режима. Лишь благодаря вооруженному вмешательству СССР «народная демокра-

тия» в Венгрии была сохранена. Эти события напомнили венграм период революции 1849 г., когда царские войска по просьбе австрийского правительства подавили национально-освободительное движение в Венгрии. Правда, следует отметить, что после 1956 г. Советский Союз санкционировал проведение в Венгрии достаточно разумной экономической политики, которая сделала страну относительно благополучной в рамках социалистического лагеря. Но, с другой стороны, произошедшие изменения в какой-то степени размыли идеологические основы существовавшего режима, поэтому Венгрия, как и Польша, раньше других восточноевропейских стран начала демонтаж социалистической системы. В отличие от других стран региона переход Венгрии к демократии и рынку проходил более эволюционным путем, но общий вектор ее движения в сторону интеграции в европейские структуры совпадал с вектором движения других посткоммунистических государств ЦВЕ.

§ 2. Проблемы формирования новой модели взаимоотношений России со странами Центральной и Восточной Европы

Основной тенденцией во внешней политике всех стран ЦВЕ после падения коммунистических режимов было стремление к интеграции в те европейские структуры, которые ассоциировались с ценностями западной демократии (Европейский союз и НАТО). Поэтому двусторонние отношения этих государств с Россией не были в числе их основных внешнеполитических приоритетов. За полтора десятилетия, прошедшие после распада мировой системы социализма, многие ранее существовавшие связи между нашей страной и ее восточноевропейскими соседями оказались полностью утраченными. Можно констатировать, что со стороны России неудачными оказались как попытки игнорировать в своей внешней политике страны ЦВЕ, так и предпринимавшиеся в последние десять лет усилия затормозить процесс их сближения и интеграции с западными институтами, особенно с НАТО. Сегодня, когда почти все страны ЦВЕ стали членами Североатлантического альянса, а многие из них — и членами Европейского союза, пришло время выработать новую модель отношений России с этими странами. Вступление большинства стран ЦВЕ в Европейский союз и НАТО создает для Российской Федерации слож-

ности как в отношениях с этими институтами, так и в отношениях с восточноевропейскими государствами.

Нельзя забывать, что у определенной части политических элит стран ЦВЕ сохраняются антироссийские настроения, имеющие исторические корни. Даже при небольшой возможности новых членов оказывать влияние на принятие решений в НАТО или Европейском союзе такие настроения способны в какой-то степени осложнить взаимодействие России с этими организациями.

На протяжении 1990-х гг. в России преобладало мнение, что более всего противоречит ее интересам расширение на восток Североатлантического альянса. Расширение же Европейского союза за счет вступления в него государств ЦВЕ иногда даже приветствовалось. Сегодня обнаруживается, что последствия расширения Европейского союза для России более негативны, чем расширение НАТО. К таким отрицательным последствиям относятся, например, усложнение транзита в Калининградскую область и введение визового режима со странами ЦВЕ, вступившими в Европейский союз. Кроме этого, возникли проблемы в области торгово-экономических отношений и других сферах межгосударственного сотрудничества. Переход на стандарты ЕС поставил под вопрос сохранение прежнего уровня этих связей. Поскольку Россия в отличие от своих восточноевропейских соседей не стремится к полноправному членству в НАТО и Европейском союзе, расширение этих альянсов на восток создает потенциальную опасность политической и экономической изоляции нашей страны, появления к западу от ее границ нового «железного занавеса».

Вместе с тем нет никаких оснований драматизировать происходящее на европейском континенте. Главный интерес России заключается в том, чтобы иметь дело с единой, а не раздробленной Европой. И хотя соблазн поиграть на противоречиях между европейскими державами велик, для России важнее стабильность и предсказуемость Европы, обеспечиваемые в первую очередь многогранными интеграционными процессами как в ЕС, так и в НАТО.

Не менее заинтересована наша страна и в том, чтобы не допустить возрождения враждебности между Россией и Западом, и в частности с Европой, найти пути приобщения России к расширяющемуся европейскому сообществу безопасности. Институционализация партнерских отношений с ЕС и НАТО должна поэтому стать одним из основных приоритетов российской политики в Европе. Специальные механизмы и институты, связывающие Россию с ЕС и НАТО, позво-

ляющие согласовывать общие интересы и политику, должны стать новым звеном в системе европейских институтов. Без этого звена новую систему отношений со странами ЦВЕ выстроить в данный момент невозможно.

Упорное стремление многих стран ЦВЕ получить членство в Европейском союзе и НАТО было связано с наличием у их политических лидеров и элит посткоммунистического синдрома. Сегодня, когда посткоммунистическая трансформация в основном завершена, пришло время освободиться от прежних комплексов. К власти в ряде стран приходит новое поколение лидеров, которые более трезво оценивают место и роль своих государств в европейских экономическом и политическом процессах. Для многих становится ясно, что само по себе членство в западных институтах не решает всех старых проблем стран Центральной и Восточной Европы, более того, иногда создает новые.

Нынешний президент Чехии Вацлав Клаус, экономист-прагматик, сменивший на этом посту бывшего диссидента Вацлава Гавела, довольно скептически оценивает последствия расширения Европейского союза как для новых, так и для старых его членов. Сам факт членства восточноевропейских государств в ЕС символизирует, что в институциональном и системном плане они уже не отличаются от стран Западной Европы, но в расширении ЕС В. Клаус не видит скольконибудь значимых положительных эффектов. «Часто говорится, — пишет он, — об эффекте открытости, либерализации передвижения людей, товаров, капиталов, а главное — идей. Но на самом деле степень открытости этих государств по отношению к странам — членам ЕС и наоборот после 1 мая 2004 года нисколько не изменилась. Эффект интенсивности взаимоотношений нарастал постепенно уже с того момента, как в ноябре 1989-го была разрушена Берлинская стена. К тому же достигнутый эффект уже исчерпал свое действие задолго до мая 2004 года» [1].

Как отмечает В. Клаус, «столь же маргинален и финансовый эффект, прежде всего для более развитых новых стран-членов. Все свидетельствует о том, что Чехии в ближайшее время уготована роль чистого плательщика, а вовсе не получателя средств ЕС, что резко контрастирует с тем положением, в котором находились при вступлении в альянс такие страны, как Греция, Ирландия, Испания или Португалия» [2]. Чешский президент не ждет «заметного эффекта и от получения новыми странами-членами возможности влиять на

процессы принятия решений в ЕС. Они для этого недостаточно подготовлены и еще долго будут оставаться в роли «младших братьев»» [3].

После того как эйфория от членства в ЕС и НАТО во всех бывших социалистических странах пройдет и имевшиеся еще недавно иллюзии рассеются, настанет время прагматического подхода и реалистической оценки перспектив отношений этих стран с Россией. Можно надеяться, что взаимные обиды и ссылки на прошлое отойдут на задний план, а главными факторами, определяющими отношения России с государствами Центральной и Восточной Европы, станут их географическая близость и экономическая взаимозависимость.

Примечания

1. *Клаус В.* Расширение Евросоюза — далеко не такое благо, как принято считать // Известия. 2004. 29 сентября.
2. Там же.
3. Там же.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое Центральная и Восточная Европа и каковы критерии определения границ данного региона?
2. Какие субрегионы можно выделить внутри ЦВЕ?
3. Каким образом историческое наследие отражалось на отношениях России и Польши в последнее десятилетие?
4. Назовите основные проблемы в отношениях между Россией и государствами Балтии.
5. Охарактеризуйте историческое прошлое и современное состояние отношений России с Чехией, Словакией и Венгрией.
6. Насколько в реальной действительности цивилизационные факторы этнической близости и религиозной общности влияли и влияют на отношения России со странами Балканского полуострова?

Литература

- Авдеев А.* Россия—Литва: некоторые итоги последних лет и взгляд в будущее // Международная жизнь. 2000. № 11.
- Афанасьевский Н.* Россия и Польша: к новым горизонтам сотрудничества // Международная жизнь. 2002. № 4.

- Глинский-Васильев Д.* Политические ограничения расширения НАТО и возможности России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 7.
- Демури М.* Россия и Латвия: как выходить на стезю добрососедства // *Международная жизнь.* 2000. № 12.
- Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 5.
- Елагин В.* От Таллина до Москвы непростой путь // *Международная жизнь.* 2001. № 4.
- Пятое расширение ЕС: судьбоносный выбор // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 9.
- Хофф Магдалене.* ЕС – Восточная Европа // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 12.

Глава XX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

---

§ 1. Россия и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе

На современном этапе Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляет собой один из основных мировых экономических и политических центров. Какие же государства и континенты входят в этот динамично развивающийся регион? Существуют различные варианты определения его географических границ. Согласно первому, к АТР относят пространство, ограниченное западным побережьем Южной и Северной Америк, восточным побережьем Азии и зоной Австралии. По второму варианту в АТР входят страны Тихоокеанской Азии, США, Канады и зоны Австралии и Новой Зеландии, однако латиноамериканские государства исключаются. Третье определение локализует зону АТР в Восточной Азии и рассматривает США, Австралию, Индию, Канаду как внерегиональные державы, оказывающие влияние на события в АТР. Мы будем придерживаться первого варианта.

В последние десятилетия наблюдается впечатляющий экономический рост Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно стран Восточной и Юго-Восточной Азии, что значительно расширяет сферу региональных экономических связей. Большинство развивающихся стран Азии прошло фазу экономической либерализации, и это облегчило им сотрудничество друг с другом. Социалистические страны Азии, прежде всего Китай и Вьетнам, строго придерживавшиеся в прошлом принципов централизованной экономики, становятся все более открытыми для внешнего мира. Такие развитые страны АТР, как Австралия и Новая Зеландия, обратили внимание на большой потенциал рынков Восточной Азии и начали менять географию своих внешнеэкономических связей, придавая все меньшее значение отношениям с США и Европой и наращивая объемы обмена товарами и капиталами со своими азиатскими соседями. Движение в сторону создания в регионе организаций экономического сотрудничества нача-

лось с учреждения Тихоокеанского экономического совета — ТЭС (*Pacific Basin Economic Council, PБЕС*) в 1967 г. В 1968 г. возникли Тихоокеанская конференция по торговле и развитию (*Pacific Trade and Development Conference, PAFTAD*), а в 1980-м — Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству — СТЭС (*Pacific Economic Cooperation Council, PECC*). Все эти организации были неправительственными. В 1967 г. была создана Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН (*Association of South East Asian Nations, ASEAN*), цель которой заключалась в содействии региональному сотрудничеству и ускорении экономического роста.

Создание субрегиональных организаций отразило возрастающее стремление наладить экономическое сотрудничество в регионе и стало надежной основой для создания АТЭС — межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (*Asian Pacific Economic Cooperation, АПЕС*), который в настоящее время является наиболее влиятельной экономической организацией в АТР. Форум АТЭС был создан в ноябре 1989 г. на первой конференции министров иностранных дел и экономики двенадцати стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Канберре по предложению премьер-министра Австралии Р. Хоука. В него вошли шесть стран — участниц АСЕАН (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур и Бруней), а также Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты и Канада. На этой встрече были определены цели и принципы работы форума. Ее участники договорились, что, во-первых, АТЭС должен поддерживать режим свободной открытой торговли и не превращаться в закрытый торговый блок. Во-вторых, АТЭС — экономический форум, который только обсуждает проблемы регионального экономического сотрудничества и связанные с ними другие вопросы с целью дальнейшей либерализации торговли. В-третьих, региональное экономическое сотрудничество должно осуществляться постепенно, путем переговоров на равноправной основе. Эти цели и принципы определили характер и направление работы АТЭС.

Значительная веха в развитии АТЭС — Сеульская встреча 1991 г., на которой членами форума стали Китайская Народная Республика, Гонконг, бывший тогда британской колонией, и Тайвань. Встреча в Сиэтле в 1993 г. стала другим поворотным моментом в процессе развития АТЭС. Лидеры АТЭС решили создать «Сообщество Азиатско-Тихоокеанских экономик» путем либерализации торговли и режима инвестиций и развития сотрудничества, которое будет способ-

ствовать устойчивому росту и уменьшению экономических различий в регионе. Богорская встреча в Индонезии в 1994 г. углубила процесс развития АТЭС. Ее наиболее важным достижением было принятие Богорской декларации, которая установила сроки для достижения торговой и инвестиционной либерализации: не позднее 2010 г. для развитых стран, на долю которых приходится 85% торговли в АТР, и 2020 г. — для развивающихся стран.

Таким образом, развитие АТЭС шло быстрыми темпами, что позитивно влияло на экономические и политические связи в регионе. Однако Россия, чья физико-географическая принадлежность к АТР неоспорима, вплоть до середины 1990-х гг. ориентировалась в своей внешней политике прежде всего на европейские страны, на сотрудничество с ЕС. И только с середины 1990-х гг. РФ все больше внимания стала уделять развитию экономических отношений с другими региональными интеграционными организациями. В начале 1990-х гг. Российская Федерация предприняла ряд шагов по сближению со странами АТР. В сентябре 1992 г. Россия вошла в состав Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС), а в мае 1994 г. — в состав Тихоокеанского экономического совета (ТЭС). В марте 1995 г. Россия заявила о своем намерении принять участие в АТЭС и направила в Секретариат форума соответствующую заявку. В 1997 г., в Ванкувере, на 5-й ежегодной встрече лидеров стран, входящих в форум АТЭС, Россия вместе с Вьетнамом и Перу стала членом данной организации. Этот шаг имел важное значение для трансформации АТЭС в универсальную организацию экономического взаимодействия в АТР.

После вступления России в АТЭС доля этой организации в мировой экономике превысила 55%, а во внешней торговле достигла 54%. С 1998 г. Россия стала участвовать в формировании рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в АТЭС. Объем российского экспорта и импорта с азиатскими странами увеличивается. Российские правительственные, деловые, научные круги участвуют в такой форме интеграционной деятельности, как разработка и осуществление многосторонних проектов. Это, например, проект ПРООН по развитию района реки Туманной на стыке границ России, Китая и КНДР и создание в ее бассейне зоны свободной торговли; проект развития экономической зоны Японского моря; проекты строительства магистральных газопроводов, линий передач и телекоммуникаций, проходящих через территории нескольких стран; уже начатое силами международных консорциумов освоение нефтегазовых ресурсов острова Сахалин и др. Для дальневосточных районов России все более

важным становится регулирование международной трудовой миграции. В перспективе Россия должна активизироваться на финансовом рынке Азиатско-Тихоокеанского региона.

Форум АТЭС, состоявшийся в 1998 г. в Куал-Лампуре, был посвящен азиатскому финансовому кризису и способам его преодоления. Несмотря на сложное финансово-экономическое положение, участники встречи высказались за дальнейшее углубление региональной интеграции и либерализацию торговли. На саммите АТЭС 1999 г. в Окленде была принята Декларация лидеров АТЭС. В декларации выделялись три основные линии сотрудничества в АТР: 1) укрепление рынков и обеспечение их открытости; 2) сохранение лидирующей роли АТЭС в мировой экономике; 3) обеспечение социальной стабильности. Работа саммита показала, что Россия постепенно утверждается в качестве участника АТЭС, располагающего обширным промышленным и ресурсным потенциалом.

Форум в Брунее, состоявшийся в 2000 г., позволил закрепить России свои позиции и почувствовать себя равноправным тихоокеанским партнером. Важным моментом стало участие в саммите президента России В. В. Путина, который в своем выступлении подчеркнул, что Россия представляет собой интеграционный узел, связывающий между собой Азию, Европу и Америку. Шанхайский форум, состоявшийся в 2001 г., был посвящен не только проблемам глобализации и дальнейшей интеграции в регионе, но также проблеме борьбы с терроризмом и вопросам международной безопасности. Таким образом, региональная экономическая организация фактически впервые выступила с политическими заявлениями, что свидетельствует о наступлении нового этапа в ее развитии. На саммите в Лос-Кабосе, состоявшемся в 2002 г., вновь основной темой переговоров стала проблема международного терроризма и национальной безопасности. Лидеры стран — участниц АТЭС взяли обязательство повысить безопасность в торговой сфере. На Бангкокской встрече 2003 г. обсуждались проблемы вступления стран — участниц АТЭС, в том числе и России, в ВТО. Таким образом, за прошедшие годы Россия укрепила свои позиции в АТЭС, стала его полноправным участником.

Интеграция России в динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион положительным образом может сказаться на экономике страны. По оценкам экспертов, в целом от участия в АТЭС, в том числе за счет либерализации торгово-экономических связей, Россия может получить эффект в несколько миллиардов долларов. Присоединение к АТЭС станет стимулом для развития Сибири и россий-

ского Дальнего Востока, которые непосредственно прилегают к АТР. Расширение экономических связей России со странами АТЭС будет способствовать развитию инфраструктуры, обрабатывающей промышленности, средств связи и коммуникаций в этих российских регионах. Несомненно, что развитие отношений РФ со странами АТР подтолкнет дальнейшую технологическую и экономическую модернизацию страны, привлечение иностранных инвестиций. Нельзя не упомянуть и тот факт, что Россия, будучи единственным членом СНГ, имеющим выход к Тихому океану, вступив в АТЭС, становится своеобразным связующим звеном между СНГ и странами АТР. В долгосрочной перспективе Россия может занять ведущую позицию в отношениях между Европейским союзом и странами — участницами АТЭС. Развитие АТЭС будет оказывать не только огромное воздействие на экономику АТР, но и способствовать укреплению мира и безопасности в регионе и в мире в целом, что наглядно продемонстрировали встречи в Шанхае, Лос-Кабосе, Бангкоке. Таким образом, интеграция России в АТР, прежде всего в АТЭС, является одним из приоритетных направлений российской внешней политики.

§ 2. Внешняя политика КНР и российско-китайские отношения

Китайская Народная Республика — одно из важнейших государств современного мира. Китай занимает территорию 9,6 млн квадратных километров и является самой многонаселенной страной мира, в которой в начале XXI в. проживает более 1 млрд 276 млн человек [1]. Еще недавно это было одно из беднейших государств, но начавшиеся в конце 1970-х гг. экономические реформы кардинально изменили ситуацию. Темпы роста китайской экономики были и остаются высокими и в среднем составляют 8–9% в год. Хотя по качественным показателям Китай экономически уступает наиболее развитым государствам, но по общему объему ВВП он вышел на одно из ведущих мест в мире. Благодаря политике открытости, емкому рынку и огромному экспортному потенциалу роль КНР в мировой экономике возрастает. Эта страна — весьма привлекательный объект для иностранных инвестиций.

Китайская экономика функционирует на рыночных началах, но основы политической системы так и не изменились: монополия на власть по-прежнему принадлежит Коммунистической партии Китая. Руководство КПК с самого начала реформ подчинило внешнюю политику

своей страны задачам экономического роста. Сохраняя полную независимость и самостоятельность во внешних делах, дистанцируясь от союзов и блоков, Китай стремится не брать на себя лишнюю ответственность за какие-либо сложные международные ситуации. Так же как и в России, в КНР была популярна идея «многополярного мира». Предполагалось, что Китай будет одним из его полюсов. Объективно Китай имеет все предпосылки для того, чтобы стать одним из важнейших центров мировой политики, поскольку кроме огромного экономического он обладает немалым политическим и военным потенциалом. После удаления представителей Тайваня КНР занимает место одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, располагает третьим в мире (вслед за американским и российским) запасом ядерного оружия. Китайская армия насчитывает 2,5 млн человек и является самой многочисленной в мире. Правда, по техническому оснащению и боевой подготовке НОАК (Народно-освободительная армия Китая) отстает от современных стандартов, поэтому с самого начала реформ была поставлена задача модернизировать вооруженные силы. Для выполнения этой задачи КНР закупает современное вооружение и боевую технику, а также налаживает их производство внутри страны.

В XIX в. и 1-й половине XX в. существовала опасность разделения Китая и утраты им национальной независимости, поэтому руководство страны очень озабочено проблемой восстановления ее территориальной целостности. В 1990-е гг. ему удалось добиться определенных успехов в этом направлении. В 1997 г. на основе формулы «Одна страна — две системы» в состав КНР был включен Гонконг, до этого 100 лет находившийся под властью Великобритании. Эта же формула предлагается для объединения с Тайванем.

Тайваньская проблема была и остается одной из наиболее острых во внешней политике КНР. В 1949 г. после поражения в гражданской войне правительство партии Гоминьдана во главе с Чан Кайши укрылось на острове Тайвань, лишь за четыре года до этого возвращенном Китаю. При поддержке США чанкайшистские власти долгое время поддерживали дипломатические отношения с большинством государств мира. Китайская Республика (официальное название страны до 1949 г.), реально представленная только одним островом, сохраняла членство в ООН. Правительство Чан Кайши считало, что его суверенная власть распространяется на территорию континентального Китая, который лишь временно охвачен «коммунистическим мятежом». В свою очередь, руководство КПК рассматривало остров

Тайвань в качестве одной из провинций КНР, где «окопались недобитые контрреволюционеры». По сути дела, и Гоминьдан, и компартия исходили из одного и того же принципа единства Китая и китайской нации.

Постепенно ситуация вокруг Тайваня менялась. По мере укрепления позиций коммунистического Китая официальные отношения с тайваньскими властями прекратили почти все государства. На Тайване также происходили серьезные изменения. Вслед за экономической модернизацией после смерти Чан Кайши в 1975 г. началась либерализация политического режима. Была принята новая конституция, предусматривавшая прямые выборы президента. Руководство КНР расценило это как шаг к провозглашению полной независимости острова и весьма нервно отреагировало на первые президентские выборы — вплоть до проведения демонстративных военных учений вблизи тайваньских берегов. Еще большее беспокойство Пекина вызвало то, что в процессе демократизации Гоминьдан лишился монополии на власть и в итоге уступил ее прежде оппозиционной Демократической прогрессивной партии. Хотя Гоминьдан был историческим противником коммунистов, он представлял старую политическую элиту, сформировавшуюся из тех, кто бежал на остров еще в конце гражданской войны. Демократическая прогрессивная партия опиралась на коренное население Тайваня, среди которого были популярны идеи полной независимости острова. Хотя лидеры ДПП, находясь у власти, ведут себя очень осторожно и не дают поводов для обвинений в сепаратизме, официальный Пекин неоднократно заявлял, что, выступая за мирное воссоединение острова с материковым Китаем, не остановится перед применением силы в случае суверенизации Тайваня.

Власти КНР очень жестко относятся к любым действиям иностранных государств, которые можно квалифицировать как официальное признание Тайваня. Вслед за установлением дипломатических отношений любой страны с Тайванем незамедлительно следует ответный ход из Пекина. Это не обязательно ответ в виде разрыва дипломатических отношений КНР с данным государством. Например, после установления официальных отношений между Тайванем и Республикой Македония представитель Китая в Совете Безопасности ООН голосовал против продления срока пребывания миротворческих сил в этой маленькой балканской стране.

Проблема Тайваня была одним из камней преткновения в отношениях между Китаем и Соединенными Штатами Америки. США

неоднократно заявляли, что не допустят вооруженного «освобождения» Тайваня со стороны КНР. Несмотря на то что Вашингтон давно разорвал официальные отношения с островом, между США и Тайванем существуют многочисленные связи, в том числе и в военной сфере. Кроме этого, американо-китайские отношения осложняли критика Соединенными Штатами китайской политики в области прав человека, разногласия по вопросам развертывания систем противоракетной обороны, а также целый ряд других внешнеполитических проблем. Правда, следует отметить, что, несмотря на все трения, до возникновения острых ситуаций дело не доходило.

США и Китай весьма взаимозависимы в экономической сфере. Дефицит платежного баланса в торговле с КНР в некоторые годы составляет для США огромную сумму в 50 млрд долларов. Американские инвестиции в китайскую экономику, заинтересованность КНР в доступе на рынок США и другие экономические факторы оказывают влияние на политику этих стран и отношения между ними. Несмотря на наличие проблем, в последнее время они взаимодействуют на международной арене, например в урегулировании кризиса вокруг северокорейской ядерной программы.

В руководстве Китая по вопросам внешней политики идет скрытая борьба между консерваторами и прагматиками. Консервативные силы видят главную угрозу в американской гегемонии и полагают, что КНР со временем должна заменить СССР в качестве сверхдержавы, уравновешивающей мощь США. Прагматики считают, что активизация внешней политики Китая должна идти не по пути усиления конфронтации, а по пути развития сотрудничества со всеми возможными партнерами, включая и Соединенные Штаты. Прошедший в 2002 г. XVI съезд Коммунистической партии Китая был отмечен усилением позиций прагматиков. Итоги съезда дают основание полагать, что экономическая и политическая конкурентоспособность КНР на мировой арене будет возрастать, а участие этой страны в решении глобальных и региональных проблем — расширяться. На съезде произошло радикальное обновление и омоложение партийного руководства, что может иметь определенные последствия для российско-китайских отношений.

Как известно, в отношениях между СССР и Китаем в 60–70-е гг. XX в. имел место конфликт, проявлявшийся в разных сферах. С началом экономических реформ в КНР и перестройки в Советском Союзе двусторонние отношения стали улучшаться. Крах КПСС и развал СССР вначале вызвали настороженность у руководства Китайской компартии, однако исчезновение идеологического фактора повлияло

благотворно на отношения между двумя странами. В 1990-е гг. отношения между Россией и Китаем развивались весьма успешно, хотя объем торговли не соответствовал и по-прежнему не соответствует их потенциальным возможностям. Российскую Федерацию и КНР связывало тесное военно-техническое сотрудничество. Поскольку страны Запада ввели санкции против Китая, Россия стала единственной страной, где КНР могла делать закупки современных образцов военной техники, решая задачу модернизации своих вооруженных сил.

Позиции России и Китая по большинству вопросов мировой политики в 1990-е гг. либо совпадали, либо были близки между собой. В целом удалось решить стоявшую ранее очень остро пограничную проблему. Вместе с постсоветскими государствами Центральной Азии — Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном — Россия и Китай начали взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества для обеспечения региональной безопасности. В 2001 г. между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором российско-китайские отношения были охарактеризованы как стратегическое партнерство.

Позитивный вклад в развитие связей между Россией и Китаем в этот период внесли личностные и эмоциональные факторы. На рубеже 1980–1990-х гг. к руководству КПК и КНР пришло новое поколение партийно-государственной элиты. Его политическая социализация и первые шаги в политической карьере пришлось на 1950-е гг. — время расцвета советско-китайской дружбы и тесного сотрудничества между двумя странами и партиями. Многие представители этого поколения учились в Советском Союзе, знали русский язык и испытывали ностальгические чувства, связанные с воспоминаниями об их молодости. Например, Ли Пен, занимавший долгое время пост премьер-министра Госсовета (главы правительства) КНР, получил высшее образование в Московском энергетическом институте, а Цзянь Цзэминь, вплоть до XVI съезда КПК бывший Генеральным секретарем ее Центрального Комитета и председателем Китайской Народной Республики, в 1950-е гг. проходил стажировку в Москве на автозаводе имени Лихачева.

В результате кадровых изменений, происшедших на XVI съезде, высшие руководящие должности заняли молодые люди, не испытывающие личной привязанности к России. Их подход к отношениям с нашей страной, так же как и к международным отношениям в целом, будет отличаться прагматизмом. На этом фоне в отношениях между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой наме-

тились некоторые проблемы субъективного и объективного характера. Так, руководство Китая выразило недовольство в связи с тем, что Россия заблаговременно не поставила в известность своих стратегических партнеров об изменении российских позиций по поводу сотрудничества с НАТО и американских планов развертывания нестратегических систем противоракетной обороны, а также по некоторым другим вопросам.

Меняется положение дел и в области военно-технического взаимодействия двух стран. Сегодня Китай занимает первое место среди зарубежных покупателей российского вооружения, но вскоре ситуация может стать иной. Страны Евросоюза готовы снять ограничения на продажу Китаю военной техники, а в перспективе такой шаг могут предпринять и США. В этом случае у российского военно-промышленного комплекса появятся серьезные конкуренты.

В свою очередь, между Китаем, Японией и другими странами Дальневосточного региона разворачивается конкуренция за доступ к энергетическим ресурсам России. Быстро растущая и энергоемкая экономика Китая испытывает острую потребность в нефти и газе. Одним из вариантов решения энергетической проблемы Китая могло бы стать строительство нефте- и газопроводов из России, в частности нефтепровода из российского города Ангарска в центр китайской нефтедобычи и нефтепереработки Дацин. Альтернативный вариант — прокладка трубопровода в порт Находка, откуда нефть могла бы поступать в Японию. Позиция России по поводу возможных маршрутов транспортировки нефти и газа пока не определилась, что вызывает недовольство китайских партнеров. Российские предприятия также не получили тех заказов на поставку энергетического оборудования в Китай, на которые они рассчитывали. КНР, сама лишь недавно ставшая членом ВТО и предпринимавшая значительные усилия для получения этого членства, теперь ставит перед Россией жесткие условия присоединения к этой организации.

Таким образом, российской дипломатии предстоит выстраивать диалог с новым китайским руководством для решения этих проблем и продолжения сотрудничества и партнерства с крупнейшим из всех соседних с Россией государств.

§ 3. Россия и Япония

Среди соседей Российской Федерации на ее дальневосточных рубежах особое место принадлежит Японии. Эта страна, как и Россия, относится к числу важнейших государств современного мира. При на-

селении, чуть превышающем 125 млн человек, Япония занимает второе место в мире после США по объему ВВП. Сегодня этот показатель составил 4 трлн долл. [2]. Долгое время Япония демонстрировала впечатляющие успехи в экономическом и технологическом развитии. В последние годы эта страна столкнулась с определенными трудностями и проблемами, хотя и является одним из центров экономической силы.

Политический вес Японии после окончания Второй мировой войны долго оставался низким. О ней часто говорили как об «экономическом гиганте и политическом карлике». После поражения в войне и американской оккупации внешняя политика Японии была полностью переориентирована на США. С Соединенными Штатами была связана японская политика в области обороны и безопасности, на японской территории разместились американские военные базы. Сама же Япония в соответствии с «мирными» статьями своей конституции отказалась от армии. Вместо нее были созданы так называемые силы самообороны. Правда, сегодня они не уступают по своей оснащенности и подготовке армиям многих государств мира. Еще в 1967 г. Япония сформулировала три безъядерных принципа, в соответствии с которыми взяла на себя обязательство не иметь, не производить и не экспортировать ядерное оружие. Долгое время не допускалось направление японских военнослужащих за пределы страны, единственным исключением была отправка сорока пяти человек с миссией наблюдателей от ООН на границу между Сирией и Израилем.

Оставаясь союзником США и других западных стран, Япония предпочитала дистанцироваться от каких-либо совместных силовых действий, ограничиваясь финансовой помощью. Так было, например, в 1991 г. во время проведения операции «Буря в пустыне». Некоторые перемены произошли во внешней политике Японии в начале XXI в. Правительство добилось от парламента принятия решений, которые позволили активизировать Японии свою внешнюю политику, в том числе и по линии участия в миротворческой деятельности ООН. Японские воинские контингенты были направлены сначала в Афганистан, а затем и в Ирак. Эти события можно оценить как начало нового этапа во внешней политике Японии и, возможно, нового этапа в российско-японских отношениях.

Российско-японские отношения в последнее десятилетие осложнены проблемой, получившей название проблемы так называемых северных территорий. Ее следует рассматривать в контексте всего процесса территориального размежевания России и Японии. Начался

этот процесс в 1-й половине XIX в., когда русские и японцы встретились друг с другом в районе Курильских островов. Эти острова представляли интерес как зона промысла морских животных для русских промышленников, двигавшихся с Камчатки. А для японцев, живших на острове Хоккайдо, они были зоной рыболовства. В 1855 г. между Россией и Японией был заключен первый договор о границах. По этому договору северная часть Курил закреплялась за Россией, а южная — за Японией. Точкой размежевания был выбран остров Итуруп. При этом Сахалин, где к этому времени уже проживали и русские, и японцы, объявлялся неразделенной территорией, на которую имели права оба договаривавшихся государства. Через два десятилетия ситуация изменилась. После продажи в 1867 г. Аляски Соединенным Штатам прекратила свое существование российско-американская компания, занимавшаяся также и освоением Курильских островов. Вследствие этого практическое значение островов для России резко снизилось, в то время как значение Сахалина увеличилось. Кроме того, возрос интерес к угольным копям, расположенным на Сахалине, поскольку морской флот уже использовал паровые двигатели.

В 1875 г. был заключен новый русско-японский пограничный договор, в соответствии с которым совершили территориальный обмен: весь Сахалин отошел к России, а северная часть Курильских островов — к Японии. Достигнутый баланс был нарушен через тридцать лет. В ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония вначале оккупировала весь Сахалин, а затем по Портсмутскому мирному договору получила его южную часть. Но и после этого Япония не оставила попыток расширить свою территорию за счет дальневосточных владений России. Поэтому отношения между двумя странами как до революции 1917 г., так и после нее складываются весьма непросто.

В 1941 г. между СССР и Японией был подписан Пакт о нейтралитете. Данный документ позволил избежать втягивания Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке в самый разгар Великой Отечественной войны. Однако обстановка на советско-японской границе весь период войны была сложной. С японской стороны совершались вооруженные провокации, японские военные корабли топили советские торговые суда. Западные союзники СССР — США и Великобритания, боровшиеся против японской агрессии в Тихоокеанском регионе, были заинтересованы в участии Советского Союза в войне с Японией. Но Сталин долгое время воздерживался от такого шага. После наступления перелома в войне с гитлеровской Германией позиция советского руководства стала меняться. В ходе переговоров

с западными партнерами по антигитлеровской коалиции — Черчиллем, Рузвельтом, а после смерти последнего — с Трумэнном — Сталин на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях обусловил вступление СССР в войну с Японией рядом требований. Он потребовал возвращения СССР южной части Сахалина и восстановления утраченного после поражения в Русско-японской войне права аренды Ляодунского полуострова с городами Порт-Артуром и Дальним. Кроме того, в качестве компенсации были затребованы Курильские острова и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), проданная Японии в 1935 г.

На Потсдамской конференции в июне 1945 г. было достигнуто окончательное политическое соглашение, которое обязывало СССР через три месяца после окончания военных действий в Европе вступить в войну с Японией. Взамен СССР получал все то, что просил Сталин. Пятого апреля 1945 г. советское правительство заявило о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией. Сделано это было на законных основаниях, поскольку возможность денонсации через четыре года предусматривалась в тексте документа, а причины заключались в недружественной и агрессивной политике Японии по отношению к Советскому Союзу в предшествующие годы. В августе 1945 г. после объявления войны Японии советская армия разгромила японскую Квантунскую армию в Маньчжурии и на прилегающих к ней территориях. В ходе военных операций среди прочих территорий были освобождены Южный Сахалин и Курильские острова. В 1946 г. эти территории были включены в состав Сахалинской области РСФСР. Эти территориальные изменения следовало оформить международно-правовым путем.

Города Порт-Артур, Дальний и КВЖД СССР получил по договору с Китаем, а затем возвратил их последнему после победы китайских коммунистов в гражданской войне.

Вокруг Южного Сахалина и Курильских островов ситуация развивалась сложнее. Второго сентября 1945 г. Япония подписала Пакт о безоговорочной капитуляции. Ее территория была оккупирована американскими войсками, и на определенное время Япония лишилась суверенитета. Предстояло выработать мирный договор, в котором были бы подведены итоги войны и в том числе зафиксированы территориальные изменения. Между тем, пока шла подготовка к подписанию этого мирного договора, в международных отношениях также происходили перемены. Советский Союз и США, бывшие союзники во Второй мировой войне, быстро превращались в основных сопер-

ников на международной арене. Менялась ситуация в Восточной Азии, в том числе и вокруг Японии. В годы войны в Корею (1950–1952) отношения между СССР и США еще более обострились, а Япония фактически стала ближайшим тылом американских войск, действовавших на Корейском полуострове.

В 1951 г., в разгар Корейской войны, в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией, но Советского Союза среди государств, подписавших этот договор, не было. В тексте документа был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, но не указывалось, кому переходят данные территории. Кроме того, отмечалось, что Советский Союз должен урегулировать свои отношения с Японией отдельно. Вскоре после подписания Сан-Францисского договора японская сторона выдвинула территориальные претензии к СССР. Основанием для этого стало то обстоятельство, что южная часть Курильских островов входила в одну административную единицу с островом Хоккайдо и считалась его северными территориями. Остальная часть Курильских островов представляла собой отдельную административную единицу. Положения Сан-Францисского договора стали трактоваться как отказ именно от этой части Курильской гряды, а не от «северных территорий». Соединенные Штаты поощряли подобные выпады, оказывая поддержку Японии, которая теперь стала главным союзником США в Восточно-Азиатском регионе.

В отношениях между Советским Союзом и Японией в 1-й половине 1950-х гг. сложилась довольно нелепая ситуация. Между этими соседними государствами не было дипломатических отношений, более того, сохранялось состояние войны. Если до 1951 г. Япония оставалась побежденным оккупированным государством, а представитель Советского Союза участвовал в работе союзной контрольной комиссии, то после подписания Сан-Францисского договора режим оккупации прекратился, а контрольная комиссия была упразднена. Таким образом, СССР потерял официальные каналы связи с японскими властями, а отсутствие официальных контактов затрудняло развитие отношений. Для Японии, как и для СССР, сложившаяся ситуация была неудобной, ведь на территории Советского Союза еще находилось несколько сотен тысяч японских военнопленных.

После смерти Сталина в советской внешней политике стали происходить изменения, коснулись они и отношений с Японией. В 1956 г. состоялся визит в Москву тогдашнего японского премьера Хатоямы, который вел переговоры с советскими лидерами – Хрущевым и Булганиным. В результате переговоров 19 октября 1956 г. была подписана

«Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии». В этом документе объявлялось о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических и консульских отношений между двумя государствами. Стороны зафиксировали намерение активно развивать экономическое сотрудничество и вести подготовку к подписанию мирного договора. В текст декларации было включено и положение о том, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского народа, готов передать Японии часть южнокурильских островов, а именно остров Шикотан и островную гряду Хабомаи, после того как мирный договор будет подписан. Очевидно, делая такое заявление, советское руководство рассчитывало на сближение с Японией и улучшение двусторонних отношений, что в условиях холодной войны имело большое значение.

Однако Япония продолжала оставаться в сфере влияния США и в 1960 г. подписала с последними договор о безопасности, узаконивший дальнейшее пребывание американских военных баз на японской территории. В ответ на это советское руководство в лице Н. Хрущева заявило об отказе от положений Московской декларации 1956 г. Таким образом, несмотря на нормализацию советско-японских отношений, мирный договор между двумя странами так и не был подписан, тем не менее японская сторона настаивала на возвращении «северных территорий». Хотя обещание советского руководства о возвращении «северных территорий» было дезавуировано, оно не могло остаться без последствий, поскольку существует международно-правовой принцип выполнения принятых обязательств.

С 1960 г. и до начала 1990-х гг. ситуация вокруг мирного договора была заморожена. Советский Союз отрицал наличие территориальных проблем, а в Японии большинство политических сил выступали за возвращение «северных территорий», увязывая этот вопрос со всеми остальными вопросами развития отношений с СССР. В 1990-е гг., уже после распада Советского Союза, российское руководство предпринимало усилия активизировать диалог с Японией, но они так и не дали ощутимого результата.

Новый этап в отношениях с Японией начался после того, как президентом РФ стал В. Путин. Во время визита японского премьер-министра Дз. Коидзуми в Россию им и В. Путиным был подписан Российско-японский план действий [3] с целью придания нового качества двусторонним отношениям, которые должны соответствовать потенциальным возможностям обоих государств. План предусматривает комплекс мер в политической, экономической, культурной облас-

тях и, что является новым в отношениях двух стран, в сфере обороны и безопасности. По поводу заключения мирного договора и связанных с этим территориальных проблем стороны в рамках принятого плана определили для себя следующие задачи:

- 1) активизировать переговоры в целях скорейшего решения еще остающихся проблем;
- 2) продолжать усилия «по разъяснению общественности двух стран важности заключения мирного договора»;
- 3) прилагать усилия для дальнейшего развития безвизовых обменов между жителями островов и японскими гражданами;
- 4) продолжить на взаимовыгодной основе сотрудничество в области промысла морских биоресурсов;
- 5) искать устраивающие обе страны формы совместной хозяйственной деятельности в районе островов в рамках функционирования подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности.

Однако быстрого решения спорных вопросов, очевидно, не будет. Серьезным препятствием является бескомпромиссная позиция японских властей, которые увязывают вопрос заключения мирного договора с передачей всех южнокурильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи) Японии и не согласны даже обсуждать условия Московской декларации 1956 г. Очевидно, что стремление к решению политических проблем было бы ярче выражено с японской стороны, если бы между двумя странами существовала большая экономическая зависимость. Но сегодня это не так. Доля России во внешнеторговом обороте Японии составляет всего около 1%. По этому показателю наша страна находится на 18-м месте, уступая даже Малайзии и Таиланду, не говоря о США или Китае, и роль России как источника сырья для не имеющей своих сырьевых ресурсов Японии остается минимальной. Без активизации экономических отношений вряд ли можно будет ожидать продвижения отношений в политической сфере, но, в свою очередь, нерешенность политических проблем мешает развитию экономических связей.

§ 4. Россия и проблемы Корейского полуострова

Стратегически и геополитически Корейский полуостров всегда входил в сферу интересов России. Любой конфликт на территории Корейского полуострова создает для российского Дальнего Востока прямую угрозу — военную, политическую, экономическую. Однако на протяжении уже более полувека на территории полуострова сохра-

няется очаг напряженности, обусловленный существованием двух антагонистических государств.

Официальной датой создания Республики Корея (расположена к югу от 38-й параллели) считается 15 августа 1948 г. Корейская Народная Демократическая Республика (расположена к северу от 38-й параллели) была провозглашена 9 сентября 1948 г. Фактическое разделение полуострова на две части произошло в сентябре-октябре 1945 г. в ходе совместной советско-американской операции по освобождению Дальнего Востока.

Первоначально предполагалось осуществить объединение полуострова путем дипломатических переговоров, однако формирование биполярной системы международных отношений и начало холодной войны препятствовали этому. Корейская война 1950–1953 гг., одна из наиболее кровопролитных войн XX в., окончательно закрепила раскол полуострова на две части. (Следует отметить, что между двумя государствами до сих пор не подписан мирный договор, существует лишь временное Соглашение о перемирии.) Вплоть до начала 90-х гг. XX в. на территории Корейского полуострова существовал баланс отношений крупнейших держав: военным, экономическим и политическим союзником Республики Корея стали США, а впоследствии и Япония. Корейской Народной Демократической Республике оказывали поддержку СССР и Китай.

С середины 1980-х гг. происходили изменения в политике СССР в отношении двух корейских государств. Наблюдалось постепенное отдаление Советского Союза от КНДР, хотя отношения между этими странами уже с 1960-х гг. в силу определенных идеологических противоречий были непростыми. В отношениях с Южной Кореей появились тенденции к нормализации, прежде всего в экономической и культурной сферах. Дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея были установлены 30 сентября 1990 г.

После распада СССР внешняя политика России претерпела серьезные изменения. В частности, продолжилась ее деидеологизация, что привело к демонтажу отношений с традиционными партнерами СССР, в том числе и на Дальнем Востоке. В связи с началом экономических реформ Россия испытывала большую потребность в иностранных инвестициях. Южная Корея, в начале 1990-х гг. находившаяся на пике своего экономического развития, представляла для России значительный интерес как предполагаемый инвестор, а также как рынок сбыта военной техники и сырья.

Таким образом, 1-я половина 1990-х гг. характеризуется форсированным развитием сотрудничества с Республикой Корея и свертыванием политических, экономических и военных отношений с КНДР. Отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея развивались на самом высоком межгосударственном уровне. В ноябре 1992 г. президент РФ Б. Ельцин и президент Республики Корея Ро Дэу подписали Договор об основах отношений между двумя странами. Напротив, межгосударственные контакты между РФ и КНДР фактически сошли на нет. В 1995 г. Москва отказалась продлевать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, заключенный в 1961 г. Пхеньяну предложили обсудить проект нового договора, однако вплоть до конца 1990-х гг. этот проект находился в стадии разработки. Одновременно российская сторона прекратила оказывать экономическую и военную помощь КНДР. Такая политика ослабила позиции России на Корейском полуострове в целом, а это, в свою очередь, привело к вытеснению России из группы государств, активно участвующих в процессе мирного урегулирования Корейской проблемы и объединения полуострова.

«Ядерный кризис» 1993–1994 гг., связанный с давлением на КНДР в целях прекращения ее плутониевой ядерной программы, еще более ослабил позиции РФ на Корейском полуострове. История создания северокорейской ядерной программы началась с середины 1950-х гг. при активной поддержке СССР. В период с 1956 г. до начала 1990-х гг. в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне прошли подготовку 250 северокорейских специалистов. В 1959 г. было заключено соглашение о сотрудничестве в области ядерных исследований между СССР и КНДР, а впоследствии — и между КНР и КНДР. В 1965 г. при содействии Китая и Советского Союза в местечке Енбен был запущен первый исследовательский ядерный реактор, там же был создан Научно-исследовательский институт ядерной физики. СССР и Китай не были заинтересованы в создании еще одной ядерной державы, поэтому стремились контролировать процесс развития ядерных исследований в КНДР. Под давлением Москвы с 1977 г. Пхеньян дал согласие на проверки ядерных объектов наблюдателями из МАГАТЭ, а в 1985 г. Северная Корея присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. Тем не менее уже к концу 1980-х гг., по всей вероятности, в Северной Корее было создано первое примитивное ядерное устройство. Несмотря на полное отсутствие средств доставки, оно могло представлять серьезную угрозу.

Развал Советского Союза и системы мирового социализма привели к тому, что северокорейский режим фактически оказался в полной изоляции. В этих условиях Северная Корея в целях обеспечения собственной безопасности решила разыграть ядерную карту: через агентурные сети стала просачиваться дозированная информация о наличии в КНДР ядерного оружия, а в 1993 г. Северная Корея объявила о своем выходе из ДНЯО. Это привело к первому ядерному кризису, в урегулировании которого Россия фактически поддержала позицию стран, объединившихся по инициативе США для оказания давления на Северную Корею. В результате конструктивных дипломатических контактов США и КНДР при поддержке КНР кризис был разрешен. В 1994 г. было заключено соглашение о замораживании ядерной программы КНДР в обмен на строительство АЭС силами международного консорциума «КЕДО» во главе с США. Благодаря успешной дипломатической деятельности США и КНР их роль в корейских делах значительно возросла, тогда как авторитет России снизился еще больше.

Изменения внешней политики России по отношению к Корее начались со 2-й половины 1990-х гг. Это было связано прежде всего со сменой элиты во внешнеполитическом ведомстве, назначением на пост министра иностранных дел Е. Примакова. С 1996 г. начинается постепенное восстановление дипломатических обменов с КНДР, что позитивно сказалось на двусторонних отношениях. Напротив, отношения с Южной Кореей вошли в полосу стагнации. Финансовый кризис 1997 г. в Юго-Восточной Азии и дефолт 1998 г. в России фактически заморозили экономические отношения двух стран. В отношениях с корейскими государствами появилась определенная сбалансированность.

Новый этап в отношениях Российской Федерации с двумя Кореями можно соотнести и со сменой политических элит в обоих государствах. В 1994 г. умер Ким Ир Сен, Генеральный секретарь ЦК ТПК, президент КНДР, руководивший страной с момента ее основания. Вплоть до 1997 г. в стране соблюдался траур и фактический руководитель страны сын вождя Ким Чен Ир оставался в тени. Только с середины 1997 г., после окончания траура по отцу, деятельность нового руководителя активизировалась. В то же время в Южной Корее в конце 1997 г. был избран новый президент — Ким Тэчжун, знаменитый борец за демократию и правозащитник. Его политика «солнечного тепла», направленная на нормализацию отношений с КНДР и последующее объединение, позитивным образом сказалась на отно-

шениях не только с КНДР, но и с Россией. Ким Тэчжун подчеркивал важность участия России в процессе урегулирования корейской проблемы. Таким образом, в конце 1990-х гг. началось постепенное восстановление баланса в отношениях России с двумя Кореями.

Нельзя не отметить, что положительным фактором в нормализации отношений с КНДР стал приход к власти В. Путина. Новый президент неоднократно подчеркивал важность установления добрососедских отношений с Северной Кореей. Спустя пять лет после отказа от прежнего договора, в 2000 г., между Россией и КНДР был наконец-то подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В том же 2000 г. В. Путин совершил официальный визит в Северную Корею, в ходе которого была подписана Совместная декларация. Ответный визит лидера КНДР Ким Чен Ира в РФ летом 2001 г. и подписание Московской декларации стали важной вехой в отношениях двух государств. С 2000 г. начинается восстановление экономического и военного сотрудничества между двумя странами.

Одновременно продолжается укрепление отношений с Республикой Корея. В 2000 г. состоялись две встречи президентов РФ и Республики Корея, а в феврале 2001 г. президент В. Путин посетил с официальным визитом Республику Корея. В рамках состоявшихся переговоров обсуждались перспективы трехстороннего (РФ — Республика Корея — КНДР) сотрудничества в экономической области, что стало фактическим подтверждением установления баланса в отношениях РФ с Южной и Северной Кореей. В 2000–2001 гг. наблюдалась общая стабилизация положения на Корейском полуострове, были сделаны значительные шаги на пути мирного урегулирования.

Но в октябре 2002 г. США обвинили КНДР в том, что она разрабатывает вторую ядерную программу, параллельную той, что была «заморожена» рамочным договором 1994 г., в то время как США соблюдают все обязательства по этому договору. Фактически же «КЕДО» во главе с США так и не закончил строительства АЭС, однако КНДР сохраняла указанные в договоре объекты «замороженными» вплоть до конца 2002 г. Однако имеются сведения, что Северная Корея продолжила ядерные исследования, более того, даже и не собиралась их прекращать, несмотря на подписание рамочного договора. КНДР была включена в «ось зла» и список стран, по которым возможно нанесение превентивных ядерных ударов. Данные заявления привели к началу второго «ядерного кризиса», но этот раз официальная Москва приняла активное участие в его разрешении, сформулировав основополагающие подходы к решению проблемы. На этой основе

развернулась активная дипломатическая деятельность России в ее контактах с КНДР, США, Южной Кореей, Японией, в рамках «Большой восьмерки», ООН и МАГАТЭ. Окончательное урегулирование проблемы должно состояться в ходе шестисторонних переговоров, в которых принимают участие РФ, США, КНДР, РК, КНР и Япония.

§ 5. Отношения России со странами Юго-Восточной и Южной Азии

К субрегиону Южной Азии относятся государства, расположенные на полуострове Индостан и в непосредственной близости от него. Это Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка. Среди них особое место принадлежит Индии как крупнейшей в субрегионе и одной из крупнейших стран мира, занимающей второе место по численности населения. На рубеже столетий численность ее населения составляла 1 млрд человек, а к середине XXI в., по прогнозам, в Индии будет жить уже 1,5 млрд, и она станет самой многонаселенной страной на планете. Индийская экономика растет довольно высокими темпами — 7–10% в год, сегодня ВВП Индии превышает 1 трлн долл. [4]. В некоторых современных наукоемких отраслях, например в производстве компьютерной техники и ее программном обеспечении, Индия способна конкурировать с наиболее развитыми странами мира. Можно отметить успехи Индии в промышленности и сельском хозяйстве, ядерных и космических исследованиях, подготовке научных и инженерно-технических кадров. Есть в этой стране и социально-экономические проблемы, требующие решения, например крайне низкий уровень жизни большей части населения, высокие темпы роста которого «съедают» часть результатов экономического прогресса. Несмотря на это, здесь сохраняется стабильная политическая система, основанная на демократических принципах. Индию часто называют «самой большой демократией мира».

С момента обретения Индией независимости в 1947 г. ее отношения с Советским Союзом развивались самым благоприятным образом. Индия была важнейшим партнером и другом СССР в третьем мире. Советское руководство приветствовало независимый внешнеполитический курс Индии, ее роль в создании Движения неприсоединившихся стран. На начальных этапах индустриализации СССР оказал существенную помощь Индии, при его участии были построены многие промышленные предприятия и объекты инфраструктуры. Успешно развивались советско-индийские торгово-экономические от-

ношения, которые строились на выгодной в тот период обеим странам клиринговой основе. Позиции СССР и Индии по важнейшим международным проблемам, как правило, совпадали или были близки.

Распад СССР негативно отразился на российско-индийских экономических связях, поскольку рухнул прежний механизм торгового обмена. Но со временем возникшие трудности были преодолены, российско-индийские отношения, основывающиеся на прочных традициях сотрудничества СССР и Индии, стали активно развиваться. В 2000–2003 гг. состоялись два визита российского президента в Индию и два визита индийского премьер-министра, регулярно проходят встречи руководителей ведущих министерств и ведомств двух стран, работают две межправительственные комиссии: одна — по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному, а другая — по военно-техническому сотрудничеству. В ноябре 2003 г. президент В. В. Путин и премьер-министр А. Б. Ваджпай подписали Декларацию Российской Федерации и Республики Индия о глобальных вызовах и угрозах международной безопасности и стабильности. В декларации Россия и Индия как две крупнейшие и влиятельные демократии мира выразили решимость привести демократические начала и в международных дела. Они отметили, что создание будущего международного порядка, основанного на многополярности, должно определяться не односторонними волевыми действиями, а коллективными и многосторонними процессами, подчеркнули ключевую роль ООН в решении международных проблем и урегулировании конфликтов. Россия неизменно подтверждает свою поддержку Индии как достойного кандидата в постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в случае его расширения. Важным направлением сотрудничества двух стран в сфере обеспечения безопасности сегодня является противодействие терроризму, поскольку и в России, и в Индии существует угроза террористических акций. В целом в последние годы позиции России и Индии по многим вопросам международных отношений совпадали.

В последние годы растут объемы взаимной торговли между Индией и Россией. Если в 2002 г. товарооборот между этими двумя странами составлял 2,1 млрд долл., то в 2003 г он увеличился до 3,3 млрд. Хотя пока не удалось достичь объемов советско-индийской торговли начала 1990-х гг., структура торгово-экономических связей сегодня выглядит лучше. Реальные возможности увеличения объемов российского экспорта машинотехнической и наукоемкой продукции открываются в связи с принятием Индией ряда крупномасштабных дол-

госрочных программ, в частности разведки, добычи и транспортировки углеводородов (капиталовложения — 150 млрд долл. на 15 лет); строительства и модернизации ТЭС (34 станции на 10 тыс. МВт), ГЭС (14 проектов на 20–30 тыс. МВт), строительства металлургических заводов; строительства шоссейных дорог (13 тыс. км с капиталовложениями 12,8 млрд долл.); очистки и опреснения воды (до 1 млрд долл.); развития электроники, информатики, телекоммуникаций, биотехнологий. Продолжается сотрудничество ОАО «Газпром» и ЗАО «Зарубежнефтегаз» с индийскими партнерами в рамках российско-индийского консорциума по разведке и добыче углеводородного сырья на шельфе в Бенгальском заливе. Осуществляются крупные проекты в энергетике (ГЭС «Тери», ГЭС «Котешвар», ТЭС «Кобра»), металлургии (заводы в Бхилаи, Роуркеле, Дургапуре, Бокаро, Висакхапатнаме), строительстве газопроводов, автодорог и других областях. В области научно-технического сотрудничества осуществлено более 200 проектов, охватывающих как фундаментальные, так и прикладные исследования [5].

Индия, так же как и Китай, является основным партнером России в области военно-технического сотрудничества. Индийские заказы на поставку военных кораблей и боевых самолетов помогли многим предприятиям российского ВПК компенсировать сокращение заказов со стороны собственного Министерства обороны. В 2003 г. был заключен контракт стоимостью свыше 1,5 млрд долл. по продаже Индии авианосца «Адмирал Горшков». Контракт предусматривает модернизацию корабля и поставку новой авиатехники и радиотехнических средств. На военных предприятиях Индии начинается производство ряда образцов современной военной техники по российским лицензиям. Однако представляется вероятным, что в области военно-технического сотрудничества с Индией могут возникнуть проблемы, обусловленные возрастанием иностранной конкуренции.

В последние годы в отношениях со странами Южно-Азиатского региона в целом и с Индией в частности большое значение приобрела проблема распространения ядерного оружия. Еще в 1974 г. Индия осуществила взрыв своего первого ядерного устройства. В 1998 г. в ответ на создание ядерного оружия в Пакистане в Индии были проведены испытательные взрывы пяти ядерных бомб. Хотя с тех пор ядерных испытаний не проводилось, ситуация остается опасной, поскольку обе страны так и не присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия. Российская Федерация последовательно выступает за присоединение Индии и Пакистана к данному

договору в качестве безъядерных государств. Добиться безъядерного статуса полуострова Индостан для России и других государств важно и потому, что в отношениях между Индией и Пакистаном существует территориальный спор вокруг индийского штата Джамму и Кашмир.

Истоки этого спора уходят в 1947–1949 гг., когда происходил раздел Британской Индии на два государства. Территория этого штата была включена в состав Индии по просьбе местного правителя — махараджи, тогда как мнение населения не было выявлено и учтено. В Кашмир вторглись пакистанские войска, и их столкновения с индийской армией прекратились только после вмешательства ООН. С 1949 г. сохраняется перемирие на линии, сформировавшейся в ходе вооруженного конфликта. Пакистан объявил западную часть Кашмира собственной территорией, впоследствии передав ее часть Китаю для строительства стратегической автомобильной дороги. Плебисцит среди населения как в индийской, так и в пакистанской зоне контроля в Кашмире так никогда и не проводился, несмотря на неоднократные заявления представителей обоих государств. Перемирие несколько раз нарушалось, приводя к вооруженным конфликтам с участием регулярных армий и пограничных войск Индии и Пакистана. Наиболее крупные столкновения произошли в 1965 г. Тогда военные действия удалось остановить благодаря посредническим усилиям Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина.

Очередное обострение индо-пакистанских отношений произошло в конце 2001 г., когда экстремисты, проникшие из находящейся под пакистанским контролем части Кашмира, совершили ряд террористических актов на территории Индии, в том числе напали на здание парламента в столице страны — Нью-Дели. Дело чуть было не дошло до крупномасштабной войны, что представляло не только региональную, но и глобальную угрозу, так как конфликтующие стороны владеют ракетно-ядерным оружием.

Российская Федерация приложила немало усилий для стабилизации ситуации. В июне 2002 г. в Алма-Ате по инициативе президента РФ В. Путина состоялись его встречи с премьер-министром Индии А. Б. Ваджпай и президентом Пакистана А. Мушарафом. После этих встреч диалог между Индией и Пакистаном возобновился. Сегодня эти страны ведут переговоры на различных уровнях не только по кашмирской проблеме, но и по вопросам развития торгово-экономических связей, сотрудничеству в создании новых транспортных маршрутов, возобновлению и расширению обмена в спортивной, куль-

турной и других областях. Есть надежда на то, что более тесное взаимодействие сторон будет способствовать урегулированию всего комплекса отношений между Индией и Пакистаном.

Индо-пакистанский конфликт, приоритет отношений с Индией традиционно отодвигал на второй план сначала для СССР, а затем и для РФ отношения с Пакистаном. В годы холодной войны развитие двусторонних связей осложнялось военно-политическим союзом Пакистана с США и его тесным военным сотрудничеством с КНР в период советско-китайского конфликта. Пакистан активно поддерживал афганских моджахедов и стоял у истоков движения «Талибан», которое создавало угрозу российским интересам в постсоветской Центральной Азии.

Сегодня открываются возможности для преодоления наследия прошлого. Существуют неплохие перспективы для двустороннего сотрудничества в области экономических отношений. Геоэкономическое положение Пакистана позволяет ему стать мостом, соединяющим нуждающуюся в энергоресурсах Индию с источниками нефти и газа в Центрально-Азиатском регионе и в зоне Персидского залива. Российские компании проявляют заинтересованность в проектах, связанных с прокладкой трубопроводов по территории Пакистана. В частности, «Газпром» готов участвовать в прокладке газопровода от месторождения «Южный Парс» в Иране до Индии по континентальному шельфу или сухопутной территории Пакистана. Россия приветствовала бы политическую стабильность в Пакистане, сохранение там светского режима, поскольку победа исламских фундаменталистов могла бы резко усложнить обстановку в Южной Азии и прилегающих территориях.

К числу регионов, потенциальные возможности развития связей с которыми в современной России используются недостаточно, относится Юго-Восточная Азия. В прошлом отношения со странами этого региона определялись политико-идеологическими факторами. С государствами, обладающими статусом «социалистических» (Вьетнам, Лаос) или «социалистической ориентации» (Камбоджа), у СССР были очень тесные связи в самых различных областях. С государствами, входившими в орбиту влияния Запада, контакты были сведены к минимуму. В 1990-е гг. ситуация изменилась, поскольку распался Советский Союз, а его бывшие союзники в регионе существенно скорректировали свою внутреннюю и внешнюю политику. Правящие партии Лаоса и Камбоджи отказались от марксистской идеологии.

Компартия Вьетнама пошла по китайскому пути, совмещая рыночные реформы с сохранением основ прежней политической системы.

В 1970–1980-е гг. Вьетнам был главным союзником СССР в Юго-Восточной Азии. Созданный в тот период фундамент до сих пор является основой современных российско-вьетнамских отношений. Так, успешно действует совместное предприятие «Совьетпетро», ведущее добычу нефти на вьетнамском шельфе. Это предприятие приносит российскому бюджету 500 млн долл. ежегодно. Вьетнамская народная армия вооружена советским оружием и военной техникой, поэтому и сегодня Вьетнам заинтересован в сохранении и развитии военно-технических связей с Российской Федерацией. Однако Россия ни на государственном, ни на частнопредпринимательском уровне не пользуется широкими возможностями, которые открываются в связи с бурным ростом вьетнамской экономики в последние годы. Между тем во Вьетнаме почти вся промышленная и транспортная инфраструктура была построена при помощи и участии Советского Союза, значительная часть инженерно-технических кадров получила образование в СССР. Политические отношения между Российской Федерацией и Вьетнамом развиваются успешно, осуществляются контакты на самом высоком уровне, позиции двух государств по большинству международных вопросов близки или совпадают.

Нет сегодня политических препятствий для развития взаимоотношений с другими ведущими странами Юго-Восточной Азии — Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Филиппинами, Таиландом и другими государствами региона. Эти взаимосвязи развиваются и в рамках АТЭС, и по линии сотрудничества России с АСЕАН как ведущей региональной организацией. Но торгово-экономическое, научно-техническое и военно-техническое сотрудничество пока не соответствует достигнутому уровню политического доверия. Отчасти это объясняется закономерными трудностями, которые переживали как Россия, так и страны региона, в частности последствиями азиатского финансового кризиса 1997 г. По мере преодоления этих трудностей следует ожидать и изменений в динамике отношений России и государств Юго-Восточной Азии.

Примечания

1. *Давыдов Ю. П.* Норма против силы. Проблемы мирорегулирования. М., 2002. С. 250.
2. Там же. С. 262.

3. Российско-японский план действий // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2.
4. *Давыдов Ю. П.* Указ. соч. С. 265.
5. *Ивашенцов Г.* Россия—Индия: стратегическое партнерство в действии // Международная жизнь. 2004. № 4–5. С. 138–141.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое Азиатско-Тихоокеанский регион и какие государства в него входят?
2. Когда Россия присоединилась к АТЭС и какое значение имеет участие в деятельности этой организации для нашей страны?
3. Какое место занимает КНР в современной мировой политике и экономике и как, на ваш взгляд, это место может измениться в обозримом будущем?
4. В чем причина успешного развития российско-китайских отношений в последнее десятилетие?
5. Что такое «северные территории» и как вопрос об их принадлежности влияет на отношения между Россией и Японией?
6. Охарактеризуйте развитие отношений России с двумя корейскими государствами и ее отношение к путям решения современных проблем Корейского полуострова.
7. Какое место российско-индийские отношения занимают во внешней политике современной России и почему?
8. Каковы перспективы развития отношений Российской Федерации со странами Юго-Восточной Азии?

Литература

- Азимов А.* Москва и Дели в многополярной системе // Международная жизнь. 2000. № 4.
- Болятко А.* Угрозы и вызовы России в АТР // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3.
- Воронцов А.* Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3.
- Галузин М.* Необходим откровенный диалог с Японией // Международная жизнь 2001. № 6.
- Данилов В.* Торгово-экономическое сотрудничество России со странами АСЕАН // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2.
- Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5.

- Карпов М.* Индия — среди наших внешнеполитических приоритетов // *Международная жизнь.* 2001. № 8.
- Ларин А.* Китайская политика России при президенте В. В. Путине // *Проблемы Дальнего Востока.* 2001. № 3.
- Луцев С. И.* Дипломатия в Южной Азии. М., 1997.
- Михеев В.* Корейская проблема в свете событий 11 сентября // *Проблемы Дальнего Востока.* 2002. № 3.
- Михеев В.* Треугольник Россия—США—Китай после 11 сентября // *Проблемы Дальнего Востока.* 2002. № 1.
- Павлятенко В., Шлындов А.* Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI столетия // *Проблемы Дальнего Востока.* 2000. № 4.
- Петровский В. Е.* Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после холодной войны. М., 1998.
- Семи́н А.* Внешнеполитические ориентиры Японии 90-х гг. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2000. № 2.
- Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова.* М., 1999.
- Титаренко М.* Россия в Азии // *Международная жизнь.* 2000. № 2.
- Титаренко М.* Россия, Китай, Индия в глобальном мире // *Международная жизнь.* 2002. № 6.
- Титаренко М., Михеев В.* Стратегия соразвития России и АТР // *Международная жизнь.* 2001. № 4.
- Ткаченко В. П.* Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.

Глава XXI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

---

§ 1. Россия и проблемы ближневосточного урегулирования

Ближневосточный конфликт является самым длительным из всех неурегулированных конфликтов в мире. Его начало относится к 40-м гг. XX в. и связано с проблемой создания в Палестине еврейского и арабского государств. Такое решение было принято Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 г. Однако это решение изначально было отвергнуто и соседними арабскими государствами, и арабским населением самой Палестины. Арабы принципиально не признавали идею возвращения евреев на их историческую родину Палестину, считая эту территорию своей. К концу XIX в., т. е. к моменту зарождения сионистского движения, в Палестине проживало всего 24 тыс. евреев и 426 тыс. арабов. В результате деятельности сионистов число евреев здесь увеличивалось, но и к 1947 г. их было вдвое меньше, чем арабов.

Провозглашение 15 мая 1948 г. государства Израиль повлекло за собой вторжение на территорию Палестины армий пяти арабских стран. Первая арабо-израильская война завершилась победой Израиля, который к территории, предназначенной ООН для его создания, добавил территории Палестины (Галилею, Негев и большую часть побережья Средиземного моря). Территория Палестины к западу от реки Иордан, не занятая израильскими войсками, оказалась под контролем Трансиордании, которая, присоединив эту территорию к себе в апреле 1950 г., получила современное название — Иордания. Город Иерусалим поделили на две части: западная досталась Израилю, а восточная отошла Иордании. В восточной части оказался Старый город с Храмовой горой — святым местом трех мировых религий: христианства, ислама и иудаизма. Сектор Газа на берегу Средиземного моря остался под контролем Египта, а палестинское арабское государство так и не было создано. Ряд арабских государств офици-

ально провозгласили свою цель — уничтожение Израиля. Это привело к эскалации конфликта.

Вторая война — тройственная агрессия Великобритании, Франции и Израиля против Египта после национализации Суэцкого канала — не внесла существенных изменений в палестинскую проблему. Третья, «шестидневная», война 1967 г., привела к тому, что под контроль Израиля перешли оставшиеся палестинские территории: сектор Газа, западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим. В результате к миллиону палестинских беженцев, покинувших аннексированные Израилем территории, прибавилось еще 300 тыс. человек.

Среди палестинцев, проживавших в самом Израиле, на оккупированных территориях и в соседних государствах, стало набирать силу антиизраильское сопротивление. В 1940–1950-е гг. палестинцы были плохо организованы, а непосредственными участниками конфликта выступали такие арабские страны, как Египет, Сирия и Иордания, но в 1960-е гг. ситуация стала меняться. В 1964 г. по инициативе египетского президента Г. А. Насера была создана Организация освобождения Палестины (ООП). В программном документе ООП — Национальной Хартии — говорилось, что разделение Палестины и создание там еврейского государства незаконно. Ставилась задача полного освобождения территории своей родины, причем палестинцами называли арабов и евреев, постоянно проживавших на территории Палестины, а также их прямых потомков. ООП создавалась как прообраз палестинского государства, поэтому ее структура включала подразделения, призванные заниматься политическими, экономическими, социальными, культурными, образовательными и военными вопросами.

Арабские государства и Египет с помощью ООП стремились установить контроль над палестинским движением, которое все активнее вставало на путь партизанской вооруженной борьбы. Палестинские партизаны — фedaины — стали создавать собственные военно-политические группировки радикального характера. Крупнейшая из них — ФАТХ (Движение освобождения Палестины), с 1965 г. начала проводить вооруженные акции против Израиля, а ее лидер Ясир Арафат был избран в 1969 г. председателем исполкома ООП, т. е. занял пост официального палестинского лидера. В 1970–1980-е гг. в ООП доминировали организации левого толка: уже упоминавшийся ФАТХ, НФОП — Народный фронт освобождения Палестины (лидер — Ж. Хабаш), ДФОП — Демократический фронт освобождения Палестины (лидер — Н. Хаватма). Долгое время ООП предпочитала вести прямую

вооруженную борьбу, которая сводилась к партизанским рейдам и отдельным террористическим актам на территории Израиля и оккупированных им территориях. Первоначально вооруженные формирования и организационные структуры ООП базировались в Иордании, но после конфликта с иорданскими властями («черный сентябрь» 1970 г.) вынуждены были переместиться в Ливан. Здесь палестинцы имели большое влияние и принимали участие в гражданской войне на стороне местных мусульман. Вторжение израильской армии в Ливан и поражение палестинских формирований привели к тому, что в 1982 г. штаб-квартира ООП была переведена в Тунис.

Во 2-й половине 1980-х гг. у ООП уже не было возможности использовать прежние методы борьбы и тогда были найдены новые. Девятого декабря 1987 г. на палестинских территориях началась знаменитая интифада (арабск. — восстание). Интифада представляет собой массовые беспорядки, в ходе которых их участники оказывали активное сопротивление израильским властям, но без применения огнестрельного оружия. В восстании участвовали даже дети и подростки: они забрасывали израильтян камнями, стреляли из рогаток. Интифада началась стихийно, но затем стала направляться руководством ООП. Интифада не предусматривала применения со стороны палестинцев вооруженного насилия, но вызвала ответные действия израильтян и, следовательно, человеческие жертвы. С конца 1987 г. до начала 1990-х гг. погибло около 800 и ранено более 13 тыс. палестинцев. Получили ранения 2,5 тыс. израильских военнослужащих и более тысячи гражданских лиц.

Пока в мире шла холодная война, ООП придерживалась просоветской ориентации. Право Израиля на существование полностью отвергалось, официальные связи с США не поддерживались. В свою очередь, Израиль и США рассматривали ООП как террористическую организацию. По мере завершения холодной войны ситуация стала меняться, и в конце 1980-х гг. появились возможности мирного урегулирования конфликта. В ноябре 1988 г. в Алжире на Чрезвычайной сессии Национального совета Палестины (высший орган ООП, выполнявший функции палестинского парламента) было заявлено о предстоящем провозглашении Палестинского государства, пересмотрены положения Национальной хартии, отказывающие Израилю в праве на существование. Одновременно от Израиля потребовали освобождения всех арабских и палестинских территорий, захваченных после 1967 г., включая восточную часть Иерусалима. Кроме того, палестинцы требовали ликвидации израильских поселений на этих территориях,

но о территориях, предназначавшихся для арабского государства и включенных в состав Израиля после войны 1948–1949 гг., ничего не говорилось. Все это создавало почву для дальнейших переговоров. Такие же возможности открывало сближение позиций США и СССР, а также властей Израиля, пытавшихся найти пути нейтрализации нового для себя вызова в виде интифады. В 1991 г. состоялась Мадридская конференция, в которой приняли участие США, СССР, делегации палестинцев и Израиля. На этой конференции был утвержден принцип: «Земля в обмен на мир». Советский Союз и Соединенные Штаты стали «конспонсорами» мирного процесса, правда, Россия, ставшая правопреемницей СССР, на долгое время дистанцировалась от проблем ближневосточного урегулирования.

В 1993 г. в Осло было достигнуто соглашение о взаимном признании ООП и Израиля как партнеров по переговорам. Руководство ООП официально объявило о своем отказе от терроризма. В том же году состоялась встреча Я. Арафата с израильским премьером-министром Ицхаком Рабином. В 1994 г. было заключено соглашение о первой фазе установления самоуправления на части палестинских территорий. В 1995 г. в Осло подписано очередное соглашение о принципах самоуправления в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан и о выводе израильских войск из нескольких палестинских городов. Израильско-палестинские договоренности вызвали резкое неприятие наиболее непримиримой части населения как среди палестинцев, так и среди израильтян. Четвертого ноября 1995 г. израильский премьер-министр И. Рабин был убит членом еврейской правозкстремистской организации И. Амиром. Вскоре к власти в Израиле пришел правый блок «Ликуд», и процесс мирного урегулирования затормозился.

В 1999 г. делаются новые шаги в решении арабо-израильского конфликта. На территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа создается Палестинская национальная автономия, над частью которой палестинцы получили полный контроль. Здесь были сформированы вооруженный корпус палестинской полиции и палестинская администрация. В городе Газа обосновался Ясир Арафат. Но на пути создания суверенного Палестинского государства и установления между ним, другими арабскими странами и Израилем стабильных добрососедских отношений стоит целый ряд препятствий.

Между палестинцами и израильтянами существуют разногласия по вопросу статуса Иерусалима, проблемам беженцев и еврейских поселений. Обе стороны считают, что Иерусалим должен быть их

столицей, и те и другие претендуют на Храмовую гору и другие священные места города.

Помимо палестинцев, постоянно проживающих на территории Израиля и Палестинской автономии, есть еще беженцы, находящиеся в специальных лагерях. Большинство из этих 3 млн человек — выходцы с территорий, которые включены в состав Израиля. Палестинцы настаивают на их возвращении, но израильтяне согласны в лучшем случае принять на принципах «воссоединения семей» не более 100 тыс. человек.

Наконец, после 1967 г. на территории западного берега реки Иордан возникло более сотни еврейских поселений, где проживает около 200 тыс. человек. Израиль настаивает на сохранении большинства из них под своей юрисдикцией.

Простых и легких решений для обеих сторон по всем этим проблемам не существует. Кроме них есть и еще ряд обстоятельств, усложняющих мирное урегулирование проблем. В Израиле в последнее десятилетие усилились позиции правых партий, проводящих жесткий и непримиримый курс в отношении арабов. Блок правых партий «Ликуд», который часто находится у власти, делает ставку на силовые методы решения конфликта. Среди палестинцев резко возросло влияние и активность исламских экстремистских организаций — «Хамас», «Исламский джихад» и т. д. Эти организации используют террористические методы и занимают непримиримую позицию по отношению к Израилю. Действия экстремистов с обеих сторон, выразившиеся в террористических акциях на территории Израиля и вводе израильских войск и сил безопасности на территорию Палестинской автономии, осложняют обстановку и затрудняют мирное решение арабо-израильского конфликта. Такое решение остается возможным, но требует полного отказа от терроризма и насилия и активного участия международных посредников в лице США, России, Европейского союза и Организации Объединенных Наций.

§ 2. Отношения России с арабскими странами

Отношения с арабским миром вплоть до 2-й половины XX в. не входило в число приоритетных направлений внешней политики дореволюционной и постреволюционной России. Хотя отдельные контакты имели место, устойчивые связи не сформировались, к тому же большинство арабских стран находились в зависимости от иностранных государств. Советский Союз поначалу также не уделял данному региону какого-либо особого внимания. Ситуация начала меняться

после Второй мировой войны, когда СССР начал превращаться в глобальную мировую сверхдержаву.

16 апреля 1955 г. Советский Союз провозгласил свою доктрину противостояния политике США и Великобритании на юге: «Советский Союз не может оставаться безразличным к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, с тех пор как создание блоков в регионе стало напрямую угрожать безопасности СССР». Советское правительство в личных нотах, направленных странам региона, призвало не принимать участия в военных блоках. Теперь главной задачей в ближневосточной политике СССР стало противодействие усилиям США и Великобритании в создании подконтрольной им системы военной безопасности в регионе.

Для проведения гибкой политики СССР должен был изменить отношение к режимам, которые, не будучи коммунистическими, имели антизападную ориентацию. Внешнеполитические действия США и Великобритании на Ближнем Востоке, приведшие к заключению военно-политических соглашений со странами региона, подтолкнули советское руководство к изменению подхода к «некоммунистическим» режимам.

Официально новый курс СССР был провозглашен только на XX съезде КПСС в 1956 г., что нашло отражение на страницах советской научной печати: «Большой вред востоковедению нанесло непонимание характера и глубины противоречий между силами империализма и внутренней реакцией и силами национального прогресса в несоциалистических странах... Недооценка объективных процессов самостоятельного экономического развития стран Востока проистекала из схоластического представления о том, что общая тенденция к загниванию капитализма механически распространяется также и на все страны несоциалистического Востока и исключают возможность развития их производительных сил» [1].

После XX съезда советская внешняя политика претерпела серьезные изменения, так как было необходимо гибко реагировать на перемены в мире. Ради обеспечения собственной безопасности и расширения зоны своего влияния следовало найти общий язык с теми силами, которые потенциально или прямо выступали против Великобритании и США. При этом основным принцип — поддержка коммунистических партий, раньше ограничивавший свободу действий (но, надо признать, не всегда соблюдавшийся), впервые был изменен. 1955 г. стал годом налаживания отношений со странами, так или иначе противопоставлявшими себя Западу. Главными стимулами были результаты

Бандунгской конференции и создание Движения неприсоединения, рост влияния Китая на Востоке, итоги визитов тогдашних советских руководителей Хрущева и Булганина в Афганистан, Бирму и Индию. Свою роль сыграли и обращения государств Востока к СССР за помощью. Египет, испытывавший сложности со сбытом хлопка, обратился весной 1954 г. к СССР и заключил торговый договор о поставках хлопка. Позже торговый договор был заключен с Сирией.

Огромное значение для позиции СССР имела Тройственная агрессия, или Суэцкий кризис 1956 г., когда Египет подвергся нападению со стороны Израиля, Великобритании и Франции. Двадцать шестого июля 1956 г. Гамаль Абдель Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала, что вызвало недовольство Великобритании и Франции — основных держателей акций компании. Последовало военное вторжение Израиля, Англии и Франции в зону Суэцкого канала. Это привело к активному политическому вмешательству СССР, в ультимативной форме предложившему вывести войска агрессоров с территории Египта.

Для Франции и Англии это вторжение стало последним вмешательством в дела Египта. Англия выбыла из ближневосточной политики; по крайней мере уже никогда не играла больше значительной роли, оставив США и СССР единственными серьезными игроками на геополитическом пространстве Ближнего Востока, которое они стремились разделить на зоны своего влияния.

Советский Союз при этом оказался в выигрышной ситуации. Не связанный никакими обязательствами с Англией и Францией, как США, СССР поддержал Египет и, не рискуя ничего потерять, получил доверие арабских стран. Позиция СССР не была случайной и определялась не столько идеологическими лозунгами, такими как стремление к миру и защите «слабых» государств от империализма, сколько стратегическими и экономическими расчетами. Поскольку Египет был крупнейшим и наиболее влиятельным среди арабских государств, понятно, почему СССР так активно вмешался в Суэцкий кризис. Исходя из принятых в годы холодной войны подходов можно констатировать, что последствия Суэцкого кризиса оказались для СССР благоприятными. Геополитически СССР расширял сферу своего влияния, впервые создал в Ближневосточном регионе стратегический плацдарм и тем самым сорвал планы США по окружению Союза кольцом недружественных государств.

Десятилетие, последовавшее после Суэцкого кризиса, можно охарактеризовать как успешное для советско-арабских отношений. В 1958 г.

в Ираке происходит революция, положившая конец Хашимитской королевской династии. Вскоре страна выходит из Организации Багдадского пакта. Между СССР и Ираком начинают развиваться торгово-экономические отношения, завязывается политический диалог. Советский Союз оказывает помощь в реализации грандиозного проекта — строительстве Ассуанской плотины в Египте, имевшей большое значение для экономики этой страны. На торжественном открытии первой очереди плотины, состоявшемся в 1964 г., присутствовал сам Н. С. Хрущев.

На рубеже 60–70-х гг. XX в. в арабских странах продолжались социально-политические изменения. В Ираке в 1968 г. к власти вновь приходит Партия арабского социалистического возрождения (Баас). Новый президент Ирака Аль-Бакр провозглашает своими приоритетами антиимпериализм и возобновление сотрудничества с СССР. В 1972 г. между Ираком и СССР был подписан договор о дружбе и сотрудничестве.

Революция в Ливии в 1969 г. привела к власти военных во главе с капитаном Муаммаром Каддафи, провозгласившим антизападные, прежде всего антиамериканские, лозунги. Его действия, направленные на ликвидацию американских военных баз, а также национализация нефтяной промышленности вызвали симпатию и одобрение советского руководства. Вскоре Каддафи был принят в Москве, и между двумя странами были заключены договоры о поставке различных видов товаров и оказании услуг.

После смерти Гамалы Абдель Насера в 1970 г. к власти в Египте приходит Анвар Садат. Следствием его политики стало ухудшение отношений между СССР и Египтом. Война «6 октября», или «Судного дня», начавшаяся 6 октября 1973 г., продемонстрировала возросшую мощь арабских армий и, несмотря на неоднозначные результаты, привела лидеров враждующих сторон к необходимости решать спорные вопросы мирным путем. При активном посредничестве США Египет заключает Кэмп-Дэвидские мирные соглашения с Израилем, в результате которых он получил обратно территорию Синайского полуострова (см. § 1). Это событие стало важной победой американской дипломатии, на протяжении многих лет пытавшейся решить вопрос арабо-израильских отношений в свою пользу. Выступив арбитром в споре между Египтом и Израилем, США без участия СССР взяли на себя решение вопроса арабо-израильского урегулирования. Мир с Египтом — страной с самой многочисленной и боеспособной армией — по сей день обеспечивает Израилю безопасность на западе

страны. Однако в арабском мире действия Египта были расценены как предательство общего арабского дела освобождения Палестины. Помощь СССР теперь была направлена в другие страны региона — в первую очередь Сирию и Ирак.

К моменту распада СССР на арабские страны приходилось около 30% объема советского товарооборота со всеми государствами третьего мира и не менее 20% объема советского технико-экономического содействия последним. Торговля и технико-экономическое сотрудничество с арабскими странами составляло в среднем ежегодно 6,5–7 млрд долл.

СССР превратился в одного из главных экспортеров вооружения в Арабский регион, которое шло в основном в Ирак, Сирию, Египет, Йемен, Алжир и Ливию. По некоторым данным, только за 1983–1990 гг. СССР поставил арабским странам оружия на сумму более 55 млрд долл., из которых на Ирак пришлось около 24 млрд долл., Сирию — 11 млрд долл.

Следует отметить, что развитие советско-арабских торгово-экономических связей сопровождалось нарастанием внешней задолженности арабских государств, которая к 1991 г. достигла около 35 млрд долл., при этом Ирак был должен Советскому Союзу около 8 млрд долл., Сирия — примерно 11 млрд долл., Алжир — более 4 млрд долл., Египет — 3 млрд долл. и т. д.

После распада СССР внешнеполитическая активность России в арабском мире снизилась. Во времена правления Б. Ельцина была сделана ставка на развитие отношений в первую очередь со странами Запада, что зачастую происходило в ущерб сотрудничеству России с Востоком, в том числе и с арабскими странами. Развал СССР привел к распаду прежнего механизма торгово-экономического и военно-технического сотрудничества. Переход на торговлю по мировым ценам и за твердую валюту сделал невозможным сотрудничество с рядом прежних партнеров СССР в арабском мире. Ирак и Ливия, на долю которых приходилась значительная часть российского оборонного экспорта и которые были в принципе платежеспособными, оказались в 90-е гг. XX в. под действием режима международных санкций. В ряде стран, входивших прежде в число государств социалистической ориентации, после распада СССР также произошли серьезные внутренние изменения. Так, Алжир отказался от однопартийной системы (едва не закончившийся приходом исламистов к власти), Южный Йемен, отказавшись от марксистско-ленинской идеологии, объединил-

ся с Северным. Потеряв прежних партнеров на арабском Востоке, Россия не сумела приобрести новых.

Кроме того, параллельно шли активный процесс нормализации российско-израильских отношений и рост потока эмигрантов из бывшего СССР в Израиль, что было воспринято рядом арабских политических лидеров как «предательство новой Россией справедливых интересов арабов в их борьбе с сионизмом». Небывалый упадок российско-арабских экономических связей в 1991–1995 гг. не мог не сказаться на нарушении регионального баланса сил, на ослаблении позиций и престижа России в арабском мире. Однако многие арабские режимы, в годы холодной войны использовавшие противостояние двух сверхдержав в своих интересах, стали активно добиваться возвращения России, чтобы противопоставить ее авторитет возросшему американскому влиянию. Среди них были и старые партнеры СССР: Ирак, Сирия, Ливия и Алжир. Например, Ирак в 1995 г. подписал с Россией межправительственное соглашение, согласно которому предусматривалось российское содействие в освоении нефтяных месторождений в районе Западной Курны, завершение обустройства аналогичных месторождений в Северной Румейле, проведение буровых работ на общую сумму 15 млрд долл. В результате в 2000 г. двусторонний товарооборот превысил 1,2 млрд долл. Кроме того, Россия в рамках Программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» вывезла за последние 5 лет иракской нефти на сумму 5,5 млрд долл. Появилась информация о достигнутом между Москвой и Дамаском соглашении о поставках в Сирию российских вооружений на общую сумму в 2 млрд долл., о закупках Кувейтом российских систем противовоздушной обороны на сумму 760 млн долл., а ОАЭ — бронетехники в количестве свыше 300 единиц и т. д.

Результатом стал рост торгово-экономических связей между Россией и арабскими странами, и перед Москвой открылись широкие перспективы развития хозяйственного сотрудничества с Арабским регионом, которые, однако, неизбежно будут сопровождаться различными сложностями, связанными с политикой западных государств, не заинтересованных в появлении на арабских рынках сильного конкурента.

При определении наиболее перспективных сфер взаимодействия российской и арабских экономик следует исходить из реально складывающейся ныне ситуации и учитывать специфику современного этапа развития взаимных связей. Например, многие обозреватели отмечают, что при нынешнем президенте политика России на Ближ-

нем Востоке стала более сбалансированной. Отличие заключается в активизации отношения России с Израилем, Турцией, Ираном, ОАЭ, Кувейтом и Саудовской Аравией. При этом отличительной чертой современной внешнеэкономической политики России является понимание того факта, что защита национальных интересов в арабском регионе не обязательно должна сводиться к политической конфронтации с местными режимами или с другими активными игроками мировой сцены, с другими силами, действующими в этом районе мира, в первую очередь с США и Европейским союзом.

Иракский кризис стал серьезным испытанием для внешней политики современной России. Изначально РФ выступала против применения военной силы против Ирака. Доводы, которые приводились российским правительством, как показала практика, были правильными. Ведь до сих пор доказательств наличия у режима Саддама Хусейна ОМУ не представлено. Американские аргументы о том, что Ирак представляет угрозу как источник и спонсор международного терроризма, опровергается нынешней ситуацией, когда почти каждый день на иракской территории происходят многочисленные террористические акты. Если раньше террористическая сеть «Аль-Каида» не имела в этой стране каких-либо серьезных позиций, то теперь она активно действует там. Накануне военной операции США против Ирака российское руководство через Е. М. Примакова, имевшего давние контакты с Саддамом Хусейном, пыталось убедить последнего уйти в отставку и объявить свободные выборы, но тот не внял разумным предложениям российских дипломатов. Война против Ирака и последующая оккупация его территории поставили под угрозу продолжение российско-иракских торговых отношений. На сегодняшний день многие российские компании в Ираке вынуждены приостановить или прекратить работу, чтобы не оказаться объектом провокационных действий со стороны боевиков. Позиция России в ходе всей военной акции и после ее окончания была и остается твердой. Президент В. В. Путин неоднократно заявлял о необходимости более активной роли ООН в вопросе о стабилизации ситуации в Ираке и о том, что Россия заинтересована в послевоенном восстановлении этой страны.

§ 3. Россия и Турция

Российско-турецкие отношения имеют многовековую историю. Длительное время Россия и Турция вели между собой борьбу на Балканах, Кавказе, в Черноморском и Средиземноморском бассейнах. После Первой мировой войны между пришедшими в России к власти

большевиками и возглавившим Турецкую республику Кемалем Ататюрком установились тесные, почти союзнические отношения. Советская Россия оказала Турции поддержку в конфликте с западными державами, более того, пошла на определенные территориальные уступки Турции, рассматривая ее как возможного союзника в «антиимпериалистической борьбе». Однако расчеты советского руководства не оправдались. Кемалистская Турция, взявшая курс на модернизацию по западному образцу, уже в 1920-е гг. нормализовала отношения с ведущими европейскими странами. Советско-турецкие отношения начали ухудшаться. Хотя Турция и уклонилась от участия в войне против СССР, ее позиция в 1941–1945 гг. не была дружественной по отношению к нашей стране.

После 1945 г. началось сближение Турции с Соединенными Штатами Америки. В первые три года после войны (1945–1948) Турция получила американскую помощь в объеме 81 млн долл. С 1949 по 1952 г. по «плану Маршалла» — 778 млн долл., из которых свыше 500 млн составляла военная помощь. Достигнув соглашения с Турцией в вопросе оказания ей финансовой и военной помощи, США предприняли шаги с целью регламентации и формализации отношений между странами. В сентябре 1947 г. вступает в силу турецко-американское соглашение об обороне. Оно было оформлено в духе военных соглашений колониального периода с созданием американской военной миссии и получением американцами контроля над военными программами Турции. Подписав соглашение, Турция разрешила также построить на своей территории 26 военных баз США. Шестнадцатого февраля 1952 г. Турция стала членом НАТО, что еще больше ухудшило советско-турецкие отношения.

После смерти И. В. Сталина во внешней политике СССР произошли изменения. Советский Союз официально отказался от каких-либо территориальных претензий к Турции. Вопрос пересмотра Конвенции Монтрё продолжал беспокоить советское руководство, которое болезненно реагировало на появление кораблей НАТО в черноморских проливах. В 1955 г. Турция становится членом Организации Багдадского пакта — военно-политического блока, направленного против СССР. В конце 1950-х гг. советское правительство пытается улучшить отношения с Турцией. Однако в политике последней наблюдается осторожность в отношении к северному соседу.

В начале 1960-х гг. поводом для улучшения советско-турецких отношений была позиция СССР относительно Кипра. Москва выступала за независимость Кипра, что отвечало турецким интересам. В 1967 г. между СССР и Турцией было подписано «Соглашение о по-

ставках оборудования, материалов и оказания услуг Советским Союзом для строительства некоторых промышленных предприятий и об условиях их оплаты», согласно которому СССР принял участие в создании металлургического, нефтеперерабатывающего, алюминиевого заводов и других предприятий тяжелой промышленности на территории Турции. В 1974 г. под предлогом защиты турок-киприотов Турция оккупирует часть острова Кипр. Сложившаяся ситуация не только привела к конфликту между Грецией и Турцией, но и испортила турецко-американские отношения.

После распада СССР отношения России и Турции начали строиться в ситуации, когда у стран исчезла общая граница, но осталось много общих экономических и геополитических интересов, хотя в ряде вопросов эти интересы не совпадали.

К середине 1990-х гг. между Россией и Турцией возникли разногласия из-за введения Турцией с 1994 г. Регламента судоходства в зоне проливов Босфор и Дарданеллы, который ужесточил правила прохода транспортных судов через проливы. Разногласия между двумя странами были вызваны вопросами транспортировки нефти из Азербайджана и Казахстана. Чтобы разгрузить проливы, Турция ориентировалась на трубопровод, проходящий по ее территории к Средиземному морю (Баку—Джейхан). Россия, в свою очередь, предпочитала транспортировать нефть по трубопроводам до Новороссийска, а далее — танкерами через проливы. Кипрская проблема является одним из основных политических препятствий на пути вступления Турции в Евросоюз и одновременно сказывается на российско-турецких отношениях, поскольку Россия в этом вопросе поддерживает позиции Греции и Республики Кипр.

Политика России, направленная на восстановление своего влияния в бывших советских республиках, воспринималась Турцией как угроза ее интересам. Турция выступала против размещения российских вооруженных сил в Армении и Грузии, против сохранения российских военных баз в Закавказье, против одностороннего осуществления Россией миротворческой акции в Нагорном Карабахе. Позиции России и Турции по кипрскому вопросу также различаются. Для Турции неприемлемо предложение о демилитаризации Кипра, которое поддерживается российским руководством.

В вопросах, касающихся проблемы курдского и чеченского сепаратизма, обе страны выступают за территориальную целостность друг друга. Россия считает курдский вопрос внутренним вопросом Турции, Турция же официально признает Чеченскую Республику частью России. Однако российская сторона более последовательна в своем

неприятии сепаратизма. Так, лидер Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан не получил право убежища на территории России и был вынужден покинуть ее, после чего был арестован турецкими спецслужбами в Кении. В то же время многие чеченские террористы укрывались и лечились на территории Турции. В этой стране действуют многочисленные организации, оказывающие помощь чеченским сепаратистам. Турецкие граждане принимали участие в военных действиях против российской армии на стороне боевиков. Власти Турции далеко не всегда последовательно выполняют международные обязательства в области борьбы с терроризмом.

Экономические отношения между двумя странами в течение 1990-х гг. продолжали улучшаться. Несмотря на то что в 1995 г. доля России в турецкой торговле не превышала 5%, а после экономического кризиса в России (1998) ситуация ухудшилась, на сегодняшний день страны активно сотрудничают в различных сферах. Программа экспорта российского газа в Турцию была начата в 1984 г. и на сегодняшний день представляет собой самый крупный российский проект в Турции («Голубой поток»). В рамках заключенных соглашений начиная с 2007 г. Турция будет закупать из России 30 млрд кубометров газа. Однако реализация проекта вызывает определенные трудности, поскольку Турция пытается шантажировать «Газпром» по вопросам объемов транзита и цен на российский газ.

§ 4. Россия и Иран

История российско-иранских отношений уходит в далекое прошлое. В этой истории было немало конфликтов и войн, в ходе которых Россия расширила свои территориальные владения в Закавказье и в Прикаспийском регионе. На рубеже XIX–XX вв. Россия и Великобритания разделили Иран на сферы влияния, навязав ему целый ряд неравноправных договоров. После Октябрьской революции советское правительство отказалось от условий этих договоров и начало выстраивать взаимоотношения с соседней страной на новой основе. Однако в годы холодной войны Иран оказался на стороне противников СССР.

В 1950-е гг. Иран налаживает военно-техническое сотрудничество с США, получает крупные кредиты из стран Запада, принимает участие в военно-политических блоках, организованных США и Великобританией, являясь опорой «Северного яруса» обороны от советского военного вторжения.

В 1960–1970 гг. во внешней политике Ирана произошли существенные изменения и появились принципиально новые направления. Иран расширил масштабы экономического сотрудничества с социалистическими странами. Это было обусловлено отказом Запада содействовать строительству базовых отраслей промышленности Ирана, более выгодными условиями внешнеэкономического сотрудничества с СЭВ. Сюда следует добавить стремление Тегерана к выгодному балансированию между двумя противоборствующими системами, позволяющему проводить более самостоятельную внешнюю политику, и надежду нейтрализовать влияние Багдада на формирование советской политики на Среднем Востоке.

Основным объектом советско-иранского сотрудничества стал Исфаханский металлургический комбинат. Важное значение для обеих стран имела «делка века» — поставка по Трансиранскому газопроводу иранского газа в Закавказье и равного по объему количества сибирского газа в Западную Европу по ирано-европейским контрактам, что, по сути, открыло Тегерану «окно в Европу». Параллельно советско-иранскому сотрудничеству развивались связи Ирана со странами Восточной Европы, особенно с Румынией, имевшей излишки для нее мощности по производству нефтедобывающего оборудования.

Основным событием новейшей истории Ирана стала революция 1979 г., которая привела к свержению шаха и установлению исламского режима в стране. Лидер исламской революции имам Хомейни в первую очередь считал врагами Ирана и всего исламского мира Запад и США, которых он называл «Большим Сатаной». Но исламская революция 1979 г. привела к осложнению политических и ослаблению экономических связей также и с Советским Союзом. После уменьшения угрозы американского вмешательства Хомейни заговорил о недействительности Советско-Иранского договора 1921 г. и о необходимости борьбы не только с империализмом, но и с коммунизмом, т. е. с СССР, который он называл «Малым Сатаной». Под предлогом необходимости повышения цен на иранский газ была прекращена его поставка в Закавказье, а Трансиранский газопровод был практически разобран под предлогом его «ненужности». Однако к концу 1980-х гг. Хомейни начал пересматривать свои взгляды на отношения с СССР. Между Ираном и Советским Союзом вновь стали оживать экономические связи, а после окончания ирано-иракского вооруженного конфликта начало налаживаться военно-техническое сотрудничество.

Распад СССР создал для Ирана новую геополитическую ситуацию: вдоль его северных границ образовалась тюркская дуга (Турция, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан), потенциально ориентирующаяся на Анкару. Только Армения разрывает эту «дугу», поэтому Тегеран оказал поддержку христианской Армении, а не мусульманскому Азербайджану в Карабахском вопросе. Поскольку от стабильности в зоне тюркской дуги зависит этнополитическая стабильность в таких многонациональных государствах, как Иран и Россия, постольку этим странам необходимо сотрудничать, чтобы поддерживать мир в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии.

Истекшее десятилетие характеризовалось активизацией российско-иранских отношений в сферах политики, экономики, военно-технического сотрудничества и культуры, что отвечает национально-государственным интересам обеих стран. Однако ряд аспектов деловых связей между Москвой и Тегераном, прежде всего в сфере атомной энергетики и продажи оружия, вызывает недовольство и даже резкую критику со стороны США. Вашингтон, безусловно, недоволен решением Москвы о выходе в 2000 г. из секретного приложения к итоговому протоколу комиссии «Гор—Черномырдин», содержащему обязательство России не заключать контракты о поставках оружия Тегерану. Между тем в концепции российской внешней политики, обнародованной в 2000 г., особо подчеркивалась важность конструктивных отношений России с Ираном (см. главу XV).

Подписанный в марте 2001 г. президентом РФ В. В. Путиным и президентом ИРИ Хатами «Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран» открыл широкие перспективы для двустороннего сотрудничества в различных областях. Например, предусмотрено развитие долгосрочных связей для реализации совместных проектов в области транспорта и энергетики, включая мирное использование атомной энергии и строительство атомных электростанций, науки, сельского хозяйства и здравоохранения.

Важную роль играет экспорт российских вооружений в Иран. В Иране была разработана новая, 25-летняя программа перевооружения с опорой на технику российского производства. В первую очередь это относится к созданию комплексной системы ПВО, реализации планов освоения космоса. Тегеран намерен приобрести лицензии на производство различных систем вооружений. Военно-техническое сотрудничество с РФ предусматривает и подготовку иранских воен-

ных специалистов, поставку запасных частей к бронетехнике, средствам связи, боевым самолетам и вертолетам. В октябре 2001 г. главы оборонных ведомств России и Ирана — Сергей Иванов и Али Шамхани — подписали договор о продаже Ирану комплектующих к военной технике и собственно оружия. В целом же только военно-техническое сотрудничество с Тегераном может приносить нашей стране свыше 300 млн долл. в год.

Важное место в отношениях двух стран занимает сотрудничество в сфере ядерных технологий. Общая стоимость проекта строительства АЭС в Бушере составила 800 млн долл. Ведутся переговоры о реализации проекта «Бушер-2», о сооружении в Иране легководородного реактора мощностью 40 МВт. Значительные экономические перспективы (увеличение транзитного потенциала и расширение торговых связей) открывает перед Россией воплощение в жизнь международного транспортного проекта «Север—Юг», предусматривающего создание транспортного коридора от российско-финской границы до иранского порта Бендер-Аббас в Персидском заливе.

Совпадение стратегических интересов России и Ирана проявляется в противостоянии попыткам ограничить их влияние в Каспийском регионе, который исторически был зоной жизненных интересов обеих стран, в стремлении поставить заслон наркотрафику, превратившемуся в настоящее время в серьезную угрозу национальной безопасности соседних с Афганистаном государств.

Примечание

1. XX съезд КПСС и задачи изучения современного Востока // Советское востоковедение. 1956. № 1. С. 7.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем причины ближневосточного конфликта?
2. Как менялось отношение Советского Союза к проблемам ближневосточного урегулирования?
3. Какую роль может сыграть современная Россия в процессе урегулирования ближневосточного конфликта?
4. Как изменились отношения России с арабскими странами после распада СССР?
5. Охарактеризуйте современное состояние российско-турецких отношений.

6. Проследите эволюцию отношений Советского Союза и России с Ираном после победы исламской революции.

Литература

- Алибейли Г. Д.* Иран и сопредельные страны Востока. 1946–1978 гг. М., 1989.
- Алиев С. М.* Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.
- Васильев А. Г.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993.
- Иванов М. С.* История Ирана. М., 1977.
- Косач Г., Мелкумян Е.* Ближний Восток в российской внешней политике // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9.
- Мелихов И.* Исламский мир // Международная жизнь. 2001. № 3.
- Мельянцев В.* Арабо-исламский мир: характеристики в глобальном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 8.
- Мирский Г.* Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3, 4.
- Середин В. В.* Россия на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2000. № 3.
- Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.
- Чистяков А., Якушев М.* Мир на Ближнем Востоке только снится? // Международная жизнь. 2001. № 4.

Глава XXII

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

---

§ 1. Россия и Африка

Африка долгое время находилась под колониальным господством европейских стран. На Берлинской конференции 1885 г. Англия, Бельгия, Испания, Португалия и Франция договорились о «дружеском дележе» между ними территории Западной Африки. В 1890 г. аналогичным образом Англия, Италия и Германия поделили между собой земли Восточной Африки. Россия непосредственно в этих дележах, а также в эксплуатации Африки не участвовала, разве лишь дипломатически поддерживая притязания той или иной дружественной ей в данный момент страны. Однако интерес русского народа к Африке, ее географии и культуре всегда был высоким. Российские исследователи путешествовали по Африке, изучая ее природу и культуру, русские врачи оказывали помощь в борьбе с болезнями.

Интерес России к судьбам колониальных и зависимых народов усилился после Октябрьской революции 1917 г., которая оказала огромное влияние на национально-освободительную борьбу во многих регионах мира. Этому в значительной степени способствовали уже первые правовые акты новой власти, в частности Декларация прав народов России, принятая 2 (15) ноября 1917 г. Этот документ провозглашал равенство и суверенитет всех народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, а также свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Декларация провозглашала также свободу и равенство всех народов мира.

В 20–30-х гг. XX в. перед СССР стояли прежде всего задачи внутреннего социально-экономического развития, а внешнеполитическая деятельность ограничивалась в основном евразийским континентом. В то же время советские дипломаты обращали внимание на процессы, происходящие в других частях мира, включая и Африку. Когда Италия вторглась в Абиссинию (ныне Эфиопия) в октябре 1935 г.,

Советский Союз как постоянный член Совета Лиги Наций потребовал принудить правительство Муссолини положить конец агрессии против государства — члена Лиги Наций, применив против него экономические санкции. В ноте итальянскому правительству от 22 ноября 1935 г. советское правительство решительно осудило агрессию и потребовало прекратить ее. Лига Наций ввела некоторые санкции против агрессора. Однако не все страны мира присоединились к этим санкциям. Италия не прекратила агрессию, и Абиссиния была оккупирована ею.

После Второй мировой войны политика СССР на африканском континенте значительно активизировалась. Еще на Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся в 1943 г., по инициативе СССР был провозглашен принцип суверенного равенства всех народов, включенный позже в Устав ООН. Народы Азии уже завоевали независимость, и Африка оставалась последним колониальным континентом. Но в конце 1950-х гг. движение за политическую независимость усилилось и здесь. Вслед за Эфиопией, Египтом, Либерией и ЮАР, восстановившими свой суверенитет и получившими его ранее, государственную независимость обрели Ливия (1951), Судан (1956), Тунис (1956), Марокко (1956), Гана (1957), Гвинея (1958). В течение только 1960 г. независимость обрели еще 17 государств Африки.

СССР заключил договоры и соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве с Египтом (ОАР), Эфиопией, Ганой, Гвинеей, Мали, Сомали, Алжиром, Танзанией, Мадагаскаром (Малагасийской Республикой) и другими странами континента. Сотни промышленных предприятий в этих странах были построены с участием СССР. Тысячи ученых, педагогов, врачей, строителей помогали народам, остальным не только экономически, но и в других областях, налаживать системы образования и здравоохранения, готовить свои национальные кадры. Тысячи африканцев получили возможность учиться в советских вузах. Особо тесные отношения складывались между СССР и странами, лидеры которых выступали с позиций panaфриканизма и антиколониализма (Гана, Мали, Гвинея, Сомали, Эфиопия и др.). Однако почти во всех этих странах так называемые национально-демократические режимы свергались их противниками, после чего менялась и внешнеполитическая ориентация новых властей. Вчерашние друзья превращались в недругов, и дипломатические и иные отношения с ними прерывались или сводились к минимуму. Такие же государственные перевороты происходили и в странах с политическими

режимами, ориентированными на Запад. В этих случаях СССР из вчерашнего недруга превращался в друга. Поскольку в 1960–1970-х гг. государственные перевороты были частым явлением в молодых государствах, и СССР, и страны Запада стремились извлекать из происходящих процессов определенные политические и идеологические выгоды для себя. Под эти процессы подводилась и соответствующая теоретическая база. Школы исследователей так называемых некапиталистического и демократического путей развития, сложившиеся в СССР и на Западе, «направляли» почти каждую страну после свержения в ней прозападного или ориентированного на СССР режима по соответствующему пути, хотя они при этом продолжали оставаться не только диктаторскими, но и нередко антикоммунистическими и антидемократическими. Принципиальность и последовательность при этом приносились в жертву сиюминутным тактическим интересам. Исходили из принципа: «Враг моего врага — мой друг», но нередко друзья оказывались весьма сомнительными. Так советское руководство поступило, скажем, когда сотрудничало с кровавым диктаторским режимом Иди Амина в Уганде, а страны Запада — с режимом Бокасса в Центрально-Африканской империи, который, как выяснилось после его свержения, был людоедом. В холодильнике «императора» обнаружили еще не съеденные части тел его политических противников.

Не вполне последовательной была политика СССР и в районе Восточного Рога Африки. Долгое время он активно сотрудничал с Эфиопией, а еще активнее — с Сомали. Однако после свержения в Эфиопии монархии отношения с новым режимом стали более тесными. Это позволяло СССР выступить эффективным посредником в урегулировании пограничных споров между Эфиопией и Сомали и не допустить дело до кровопролитного конфликта между его друзьями. Однако сделать этого СССР не удалось, а когда между двумя дружественными ему странами началась война, ведшаяся с обеих сторон с использованием советской военной техники, симпатии советских властей оказались на стороне Эфиопии. Это тем более странно, что правительство Эфиопии вело продолжительную борьбу с населением тогда еще собственной провинции Эритреи, боровшимся за реализацию своего, провозглашенного в Декларации ООН 1960 г., права на самоопределение. В конце концов Эритрея стала самостоятельным государством, в Эфиопии произошел очередной государственный переворот, а влияние СССР и затем России в регионе свелось к нулю.

Более позитивной и эффективной была политика Советского Союза в области борьбы с апартеидом и расизмом на континенте.

Оплотами расизма в Африке были ЮАР, Южная Родезия (ныне Зимбабве) и Юго-Западная Африка (ныне Намибия), оккупированная в то время Южно-Африканской Республикой. Власть в этих странах оказалась в руках белых поселенцев, которые установили расистские режимы. Вопрос о необходимости прекращения расистской политики в этих странах, а также в отношении всего цветного населения неоднократно поднимался лидерами освободительного движения и Организацией африканского единства (ОАЕ) в ООН и в ее комитетах. СССР не только поддерживал борьбу с расизмом, но и сам неоднократно выступал инициатором разработки и обсуждения в ООН деклараций и резолюций, осуждающих расизм и апартеид.

Наиболее уродливым проявлением расизма являлся апартеид (от слова языка африкаанс *apartheid* — раздельное проживание, т. е. изоляция чернокожего населения от светлокожего). По инициативе африканских и социалистических стран Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1973 г. международную конвенцию «О подавлении и наказании преступлений апартеида». В ней апартеид квалифицирован как преступление против человечности, составляющее серьезную угрозу международному миру и безопасности. Объявлены преступными все организации, учреждения и индивидуумы, которые совершают преступление апартеида. К преступлению апартеида конвенция относит все бесчеловечные действия, совершаемые с целью установить и поддержать господство одной расовой группы над любой другой расовой группой, систематически угнетая их. Ими являются:

- а) отрицание за членами расовой группы права на жизнь и свободу человека путем убийства участников расовой группы или групп, причинения участникам расовой группы серьезного физического или умственного вреда, посягательства на их свободы или достоинство, произвольного задержания и незаконного ареста участников расовой группы или групп;
- б) преднамеренное создание группе условий существования, направленных на ее физическое уничтожение целиком или частично;
- в) любые законодательные и другие меры с целью исключения расовой группы из политической, социальной, экономической и культурной жизни страны и создания условий, лишаящих ее членов основных прав и свобод человека, в том числе права на работу, на образование, права на ассоциации, права на свободное перемещение и выбор местожительства и др.

Расовая дискриминация и апартеид пагубно сказались во всех областях общественной жизни. С целью преодоления их последствий по инициативе африканских стран и СССР Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла 27 ноября 1978 г. декларацию «О расах и расовых предрассудках».

К сожалению, ни международные соглашения, ни всемирные конференции против расизма и расовой дискриминации не изменили сколько-нибудь серьезно положение дел в данной области. Даже Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции 52/111 вынуждена была выразить сожаление о том, что, несмотря на усилия, предпринятые международным сообществом на различных уровнях, проявления расизма, расовой дискриминации, ненависти ко всему иностранному и связанная с ними нетерпимость не только не были уничтожены, но даже усилились. Более того, появились новые их проявления в форме пропаганды расизма и ксенофобии через Интернет.

Общественный прогресс, интернационализация международной жизни, рост образованности населения мира и его жизненного уровня не только не ведут автоматически к исчезновению расовых предрассудков и расовой дискриминации, но и нередко порождают новые формы их проявления. Вопросы об эффективных путях борьбы с ними обсуждались на Международной конференции ООН «Против расизма, расовой дискриминации, ненависти к иностранному и связанной с ними нетерпимости» (Дурбан, 31 августа — 7 сентября 2001 г.). «Расизм — это болезнь ума и души, которая убила намного больше людей, чем некоторые болезни тела, и дегуманизировала все, к чему она коснулось», — не без оснований сказал видный деятель освободительного движения в Африке и экс-президент ЮАР Нельсон Мандела при открытии этой конференции 31 августа 2001 г.

СССР и его союзники оказали определяющее влияние и на борьбу за независимость народов Анголы, Мозамбика, Зимбабве, Намибии, а также на формирование их политических режимов.

Противостояние Запада и Востока, США и СССР во всем мире своеобразно повторялось и на африканском континенте. Это имело как негативные, так и позитивные последствия для самой Африки и ее народов. Ускорились не только поляризация африканских обществ, но и их экономическое развитие, рост жизненного уровня населения. Народы Африки впервые получили возможность стать активными участниками мировой политики. Независимые государства Африки стали ядром движения неприсоединения и Группы 77, сыгравших важную роль в определении политики ООН и других международ-

ных институтов в последующие годы. Это они сформулировали пять принципов мирного сосуществования, стали инициаторами принятия в мае 1974 г. Программы действий по установлению нового экономического порядка. Это они требовали расширения возможностей развития отсталых стран путем увеличения процента от национального дохода развитых стран, выделяемого в помощь развивающимся странам, расширения их представительства в специализированных учреждениях ООН, защиты окружающей среды и многого другого.

После распада СССР переживающая глубокий внутренний кризис Россия снизила уровень активности своей политики на других континентах. Соответственно прекратилось соперничество великих держав, а вместе с тем и необходимость привлечения развивающихся стран на сторону того или иного блока. Как отмечал Генеральный секретарь ООН, Африку после окончания холодной войны практически бросили на произвол судьбы, прекратилась или сократилась экономическая и финансовая помощь африканским странам. Но даже та помощь, которая была оказана, не привела к позитивным сдвигам на континенте.

По оценке ООН, «техническая помощь» странам Африки в 1960–1980-х гг. оказалась не только не эффективной, но даже вредной для Африки. Первоначально она была задумана «как средство уменьшения разрыва в техническом потенциале промышленно развитых и развивающихся стран путем ускорения процесса передачи знаний, навыков и опыта, а тем самым и развития национального потенциала. В некоторых случаях эта цель была достигнута, однако во многих других случаях оказание технической помощи имело диаметрально противоположный эффект: не раскрывало национальный потенциал, а, напротив, сдержало его развитие. В результате этого более чем 40 лет спустя после начала осуществления программ технической помощи, 90% из 12 млрд долл. США, ежегодно расходуемых на оказание технической помощи странам континента, по-прежнему тратятся на привлечение иностранных специалистов, несмотря на то что сейчас в них имеются собственные национальные эксперты во многих областях» [1].

В итоге экономика современной Африки осталась примерно на том же самом уровне, что и 40 лет назад, а численность населения резко возросла. Так, экономический рост в 1990-х гг. в Африке составлял в среднем 2,1% в год, в то время как прирост населения — 2,8%. За период с 1977 по 2002 г. среднедушевое потребление здесь сократилось на 20% [2]. К началу XXI в. внешняя задолженность стран Африки превышала в общей сложности 500 млрд долл. США. Только лишь обслуживание этого долга в полном объеме потребовало бы

от африканских стран перечисления донорам и внешним коммерческим кредиторам более 60% (86,3 млрд долл. США) получаемых ими экспортных поступлений в объеме примерно 142–145 млрд долл. США [3].

После распада СССР новая Россия, проводя внешнюю политику, уделяла недостаточно внимания африканскому направлению. Было ограничено даже дипломатическое присутствие на этом континенте. Многие посольства и консульства закрылись, а российские дипломаты перешли на так называемый кустовой метод работы, когда одно дипломатическое представительство обслуживает несколько соседних государств. Резко сократились торгово-экономические и другие связи со странами африканского континента. Со временем ситуация стала меняться. Активизировалось сотрудничество по политическим вопросам. Россия приветствовала создание на основе Организации африканского единства Африканского союза, призванного вывести взаимодействие африканских государств на более высокий уровень. В последние годы с официальными визитами Россию посетили лидеры таких африканских стран, как Нигерия, Габон, Гвинея, Эфиопия. В 2002 г. состоялся первый в истории России визит председателя российского правительства на африканский континент, в ходе которого он посетил Эфиопию, ЮАР и Танзанию.

В Африке у России есть серьезные экономические интересы. Это перспективный рынок сбыта для российских товаров, источник ценного и редкого сырья для промышленности. Африка потенциально привлекательна и для инвестиционного сотрудничества. Если в советское время экономические отношения с Африкой строились исключительно по государственным каналам, то сегодня в них активно участвуют крупные частные российские компании. Акционерная компания «Алроса» участвует, например, в разработке алмазного месторождения «Катока» в Анголе, ОАО «Русский алюминий» разрабатывает месторождение бокситов в Гвинеи, ОАО «Норильский никель» приобрел крупный пакет акций южноафриканской золотодобывающей компании «Голд Филдз». Общий объем торговли России со странами Африки превысил 800 млн долл. в год, хотя эта цифра невелика, если принимать во внимание потенциальные возможности сторон.

Кроме традиционных торгово-экономических связей между Россией и Африкой существуют и иные отношения. В последние годы развивается сотрудничество с Нигерией и Южно-Африканской республикой в исследовании космического пространства. Россия принимает участие в миротворческих операциях, осуществляющихся под эгидой ООН, в Демократической Республике Конго, Западной Сахаре,

Сьерра-Леоне, Эфиопии, Эритреи, Кот-д'Ивуаре и других странах. Российская Федерация оказывает гуманитарную помощь жертвам стихийных бедствий и вооруженных конфликтов на африканском континенте. В ряде стран Африки работают российские врачи. Продолжается сотрудничество между Россией и африканскими странами в области образования. В российских вузах кроме африканских студентов, обучающихся на контрактной основе, учатся и те студенты из Африки, кто получают стипендии от российского государства. В африканских же странах продолжают работать преподаватели из России.

Учитывая бедственное положение большинства африканских стран, Россия вместе с другими странами «Большой восьмерки» приняла решение об облегчении их долгового бремени. Выполняя эти решения, российское правительство в 1998–2002 гг. списало задолженность беднейших государств Африки на сумму более 11 млрд долл. Хотя африканское направление и не относится сегодня к числу приоритетов российской внешней политики, отношения России с государствами Африки имеют немаловажное значение как для нашей страны, так и для этих государств.

§ 2. Россия и Латинская Америка

Народы Латинской Америки в течение более трех веков находились в колониальной зависимости от Испании и Португалии, к которым позже присоединились Англия, Голландия и Франция. Самостоятельными субъектами международной политики они становятся только в начале XIX в., после начала войны за независимость и образования здесь суверенных государств. Первоначально отношения России со странами Латинской Америки складывались не вполне успешно. Верная принципам легитимизма, провозглашенным Священным союзом в 1815 г., Россия отказывалась признавать независимость молодых американских республик, «восставших против своих монархов», и даже принимать их дипломатические миссии. Священный союз, душой которого являлся русский император, планировал помочь монарху Испании восстановить его власть над восставшими колониальными владениями путем организации интервенции. Но этому воспрепятствовали США, решительно потребовав от европейских держав не вмешиваться в дела стран Западного полушария (доктрина Монро). Однако демократическая общественность России, особенно интеллигенция, живо интересовалась событиями на далеком континенте. Некоторые контакты были установлены с Бразилией, где сохранял-

сы монархический режим правления во главе с сыном короля Португалии Педро.

Постепенно дипломатические и экономические отношения начали складываться и с другими странами. Мексика приняла участие в работе Международной конференции в Гааге в 1899 г., собравшейся по приглашению министра иностранных дел России М. Муравьева. В работе Гаагской конференции 1907 г. участвовало уже больше латиноамериканских государств.

Вторая мировая война способствовала сближению России и стран Латинской Америки. Девять государств континента (Коста-Рика, Куба, Доминиканская Республика, Эль-Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа и Панама) с самого начала стали участниками антигитлеровской коалиции и подписали Декларацию Объединенных Наций 1 января 1942 г. Позже к ним присоединились еще десять государств Латинской Америки (Мексика, Бразилия, Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу, Чили, Парагвай, Венесуэла, Уругвай). После окончания войны активные экономические отношения начали складываться между СССР, с одной стороны, и Аргентиной, Бразилией, Мексикой, Чили — с другой. А Уругвай стал первой страной, с которой СССР подписал договор о дружбе, торговле и мореплавании (1946).

Начало холодной войны не могло не сказаться на отношениях между странами Латинской Америки с СССР. В 1947 г. представители 18 американских государств подписали в Рио-де-Жанейро так называемый Межамериканский пакт, или Межамериканский договор о взаимной помощи, а еще через год была учреждена Организация американских государств (ОАГ). Среди множества целей и Межамериканского пакта, и ОАГ числилась совместная борьба с коммунистической угрозой на континенте. В ряде стран Латинской Америки в результате государственных переворотов демократические режимы были заменены реакционными диктатурами (Чили, Никарагуа, Перу, Венесуэла, Колумбия). Новые диктаторские режимы, к которым в 1952 г. присоединилась и Куба после прихода там к власти генерала Ф. Батисты, разорвали дипломатические отношения с СССР. Все эти обстоятельства, доминирующая роль американских монополистических компаний в экономике большинства стран Латинской Америки, а также отдаленность континента от СССР сдерживали расширение взаимовыгодных отношений между ними. Незначительное влияние на жизнь континента СССР оказывал своими позициями в ООН, где он непременно выступал за соблюдение всеми государствами Устава этой универсальной организации, в том числе и права

народов на выбор путей социально-экономического и политического развития своих стран.

Новая страница в отношениях между Советским Союзом и странами Западного полушария началась после победы Кубинской революции и начала преобразований в этой стране. Важно отметить, что к партизанскому движению против диктатуры Батисты на Кубе СССР не имел никакого отношения. Между этими государствами не были установлены даже дипломатические отношения. Все, что там происходило, было результатом внутреннего развития этой страны. Преобразования революционного правительства Кубы встретили сопротивление со стороны господствовавших здесь на протяжении более полувека США, которые полагали, что на Кубе произошла очередная смена власти. Было сделано несколько предупреждений новым кубинским властям в традиционном для США тоне, выражено несколько протестов по поводу городской и аграрной реформ, ущемления интересов «Юнайтед фрут компании», владевшей на острове более 3 млн гектаров земли. Но впервые на Кубе к власти пришли люди, которые не прислушивались к голосу Вашингтона. Поняв это, США изменили тактику, стали создавать трудности правительству Кубы, сократили, а затем полностью отменили квоты на кубинский сахар, а также отказались поставить на Кубу необходимые для страны энергоносители.

СССР, естественно, внимательнейшим образом следил за всем происходящим на Кубе и не мог не поддерживать Кубинскую революцию. К этому его руководство толкали не только обязательство поддерживать любое революционное движение, но и симпатии к Кубе со стороны многих народов мира, включая советский. Правительство СССР предложило революционному правительству Кубы восстановить дипломатические отношения между двумя странами, разорванные в 1952 г., выразило готовность купить оставшийся без рынка кубинский сахар, а также поставить Кубе необходимое ей количество нефти и товары массового потребления. Дипломатические отношения были восстановлены в феврале 1960 г., т. е. 14 месяцев спустя после победы революции. После начала советских поставок на Кубу США заявили об отказе перерабатывать на принадлежащих их гражданам кубинских предприятиях советскую нефть. Кубинское правительство вынуждено было национализировать эти предприятия. Один из лидеров Кубинской революции Э. Че Гевара справедливо писал позже, что сами США толкали правительство Кубы на ответные дей-

ствия и таким образом помогали радикализации Кубинской революции.

Когда все эти меры оказались бесплодными, власти США решили повторить на Кубе оказавшийся успешным в Гватемале в 1954 г. опыт свержения национально-демократического правительства. Лидер республиканцев в американском Сенате Пол Уокер после встречи с Д. Кеннеди, только что вступившим в должность президента, заявил, что «Соединенные Штаты не могут позволить, чтобы коммунистическая страна существовала так близко от их берегов», и что он «рекомендует открытое вооруженное вмешательство в дела Кубы, если все остальные меры потерпят провал» [4].

США откровенно поддерживают на Кубе антикастровские силы, снабжают их оружием, собирают бежавших из Кубы сторонников свергнутого диктатора Батисты и организуют вооруженную интервенцию. Но правительство Ф. Кастро своевременно принимает меры по обеспечению Народной армии необходимым вооружением (его поставляли СССР и другие социалистические страны) и организует народ к борьбе с агрессией. Интервенты высадились на Кубу в районе Плайя-Хирон 17 апреля 1961 г. (опять с территории Никарагуа, где правил семейный клан Сомосы), но встретили достойное сопротивление со стороны кубинского народа, который разгромил их в течение 72 часов. В первый же день были потоплены 4 корабля с находившимися на них наемниками, сбиты пять самолетов. Многие из интервентов погибли, остальные были взяты в плен.

Особая страница отношений России и стран Латинской Америки — это события, приведшие к Карибскому кризису, поставившему весь мир на край ракетно-ядерной войны (см. главу VIII). Несмотря на совершенные советским руководством накануне и в период урегулирования Карибского кризиса ошибки, несмотря на то что Ф. Кастро и его соратники были недовольны поведением Н. Хрущева, не поставившего их в известность относительно своих договоренностей с американцами, СССР добился гарантий безопасности для Кубы. После завершения Карибского кризиса США, продолжая политику изоляции и экономической блокады Острова Свободы, воздерживались от применения военной силы против неугодного им режима Ф. Кастро.

После вывода основной части советских войск, ракет и другой военной техники на Кубе сохранялось военное присутствие СССР. На острове дислоцировалась советская учебная мотострелковая бригада, которая сыграла существенную роль в создании регулярных во-

оруженных сил Кубы, одновременно являясь гарантом ее военной безопасности. К середине 1960-х гг. на Кубе окончательно сложилась политическая и экономическая система коммунистического типа, а сама страна стала составной частью «социалистического лагеря». Куба была важнейшим союзником СССР не только в Южно-Американском регионе, но и за его пределами. Например, кубинское военное присутствие сыграло решающую роль в сохранении просоветских режимов в Анголе и Эфиопии. Как в этих странах, так и в других регионах третьего мира Куба и СССР действовали согласованно и сообща.

Столь же тесными, как в политической сфере, были советско-кубинские отношения в сфере экономики. Советский Союз оказывал Кубе огромную помощь в социально-экономическом развитии. За годы сотрудничества с СССР Куба смогла преодолеть монокультурную экономику, которая была связана с выращиванием сахарного тростника. Были построены новые предприятия и созданы целые отрасли экономики, например горнорудная и металлургическая промышленность. Советский Союз занимал первое место во внешнеторговом обороте Кубы, на его долю приходилось более 80% кубинского экспорта. В советских учебных заведениях были подготовлены десятки тысяч кубинских специалистов. Промышленные предприятия, сельское хозяйство, транспорт Кубы были оснащены оборудованием и техникой преимущественно советского производства. Хотя Куба по мировым стандартам и оставалась отнюдь не высокоразвитой в экономическом отношении страной, ее успехи в социальной сфере были весьма заметны. Созданные на Кубе системы здравоохранения и образования стали не только лучшими в Латинской Америке, но и не уступали аналогичным системам в наиболее развитых странах мира.

Плодотворное советско-кубинское сотрудничество стало нарушаться еще в период перестройки. Переход на расчеты в свободно конвертируемой валюте, выход на внешний рынок отдельных советских предприятий разрушили отлаженный механизм двусторонней торговли. Развал Советского Союза сопровождался обвальным свертыванием экономических отношений с Кубой. Возникли разногласия по политическим и идеологическим аспектам. Особенно болезненным для кубинской экономики стало сокращение импорта российских энергоносителей. «Срыв поставок нефти, — отмечает один из современных российских специалистов по кубинской экономике, — парализовал транспорт, промышленность и сельское хозяйство. Производство сахара-сырца, основы кубинского экспорта, упало более чем в 2 раза из-за прекращения ввоза из России запчастей для сель-

хозтехники и сахароперерабатывающих предприятий. Катастрофически вырос дефицит госбюджета (до 30% ВВП в 1993 г.), стремительно раскручивалась инфляционная спираль. Следствием стало быстрое обнищание населения, тотальная карточная система (по карточкам распределялись не только продукты питания, но и одежда), возникновение черных рынков. Норма выдачи хлеба была урезана вдвое, а на свободном рынке цены на хлеб взлетели более чем в 3 раза» [5].

Катастрофическая ситуация заставила кубинское руководство принять жесткие меры. В стране объявили «особый период», ввели режим тотальной экономии. В 1990-е гг. на Кубе была осуществлена серьезная коррекция экономического механизма, направленная в перспективе на создание модели, похожей на китайскую (экономические реформы при сохранении коммунистической политической системы). Принятые меры дали результаты. К началу XXI в. экономическое положение на Кубе стабилизировалось, в страну пошли иностранные инвестиции, сумма которых сегодня на душу населения превышает аналогичный российский показатель. Несмотря на продолжающуюся экономическую блокаду со стороны США, многие страны успешно развивают с Кубой торговые отношения. Осуществляют активный торговый обмен с Кубой Китай, Канада, Мексика, а из стран — членов Евросоюза — Испания. Это государство занимает первое место среди торговых партнеров Кубы, на ее долю приходится 15,3% кубинского товарооборота, в то время как Россия отодвинулась на пятое место и на ее долю приходится всего 7,4% [6].

Свертывание прежних экономических связей негативно сказалось не только на Кубе, но и на России. Дело доходит до того, что многие товары кубинского экспорта, например сахар, никель и кобальт, попадают в нашу страну через посредников по завышенным ценам. С конца 1990-х гг. стали предприниматься попытки повысить уровень российско-кубинских отношений, в том числе усилить и экономическое сотрудничество. Этому должен был способствовать визит на Кубу В. Путина, состоявшийся вскоре после его избрания на первый президентский срок. В ходе этого визита и после него были достигнуты важные договоренности о возобновлении и углублении сотрудничества в ряде областей, например в атомной энергетике. Однако неопределенность в экономических отношениях России с Кубой сохраняется.

Такая же неопределенность и колебания отличают российскую позицию по другим направлениям сотрудничества с Кубой. После вывода учебной мотострелковой бригады с Кубы там оставался россий-

ский центр радиотехнической разведки в Лурдесе. В 1999 г. он был модернизирован, а во время визита В. Путина говорилось о том, что этот центр будет работать и в дальнейшем. Однако через несколько месяцев, осенью 2001 г., по инициативе российского Генштаба и под предлогом экономии 100 млн долл. в год, необходимых для увеличения числа разведывательных спутников, было принято решение о закрытии разведцентра в Лурдесе. Это решение вызвало непонимание и раздражение кубинского руководства, считавшего, что Россия приняла его под давлением США, давно добивавшихся прекращения работы Лурдесского центра. Тем не менее российско-кубинское военное сотрудничество продолжается и сегодня, в его основе лежат поставки запасных частей для военной техники советского производства, находящейся на вооружении кубинской армии. В перспективе речь может идти и о поставках современных образцов российской военной техники, а также модернизации устаревших систем вооружения.

Военно-техническое сотрудничество может быть важным направлением развития отношений и с другими странами латиноамериканского региона. В разное время советское и российское оружие и боевая техника поставлялись и поставляются в Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Никарагуа, Перу. Российский ВПК заинтересован в том, чтобы число его партнеров в Южной Америке как перспективном рынке увеличивалось. Причем речь идет не только о поставках военной продукции, но и о продаже авиационной техники гражданского назначения. Перспективным для России направлением сотрудничества с латиноамериканскими странами может стать и электроэнергетика, поскольку потребности экономического роста региона требуют увеличения энергетических мощностей.

Для нашей страны Латинская Америка в последнее время представляет интерес и с точки зрения сопоставимости и схожести латиноамериканских государств и России по основным показателям социально-экономического развития, уровню и качеству жизни населения. Перед латиноамериканскими странами и Россией часто стоят одни и те же проблемы, причем в Латинской Америке эти проблемы возникли раньше. Россия заинтересована в изучении подобного опыта, в том числе и для того, чтобы не повторять очевидных ошибок. Хотя механическое копирование решений, принимавшихся все же в несколько иных условиях, вряд ли может быть продуктивным. Так, после августовского кризиса 1998 г. у нас едва ли не воспроизвели аргентинскую модель «валютного управления», которая позже в самой

Аргентине привела к серьезным социально-экономическим и социально-политическим потрясениям.

В начале XXI в. проявилась тенденция активизации сотрудничества России и стран Латинской Америки как на уровне межгосударственных контактов, так и на уровне взаимодействия частных экономических структур и общественных движений. При укреплении этих тенденций Россия и государства Латинской Америки смогут более успешно реализовывать свои интересы в современном глобализирующемся мире.

Примечания

1. Transforming Africa's Economies. Economic Commission for Africa. 2001. Africa's Fragile Recovery. P. 1.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Цит. по: Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978. С. 386.
5. Мазин А. Куба: пророчества и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 69.
6. Там же. С. 73.

Контрольные вопросы и задания

1. Какую роль сыграл Советский Союз в крушении колониальной системы?
2. Изложите содержание принятой по инициативе СССР Декларации ООН «О предоставлении независимости колониальным и зависимым странам».
3. Расскажите о сотрудничестве африканских стран и СССР в борьбе с расизмом и апартеидом.
4. Как ООН оценивает современную ситуацию в Африке?
5. Как складывается сотрудничество России и стран Африки?
6. Какие факторы влияли и влияют на политику СССР и России в Латинской Америке?
7. Охарактеризуйте развитие советско-кубинских отношений в 60–80-е гг. XX столетия.
8. Какие последствия разрыв прежних экономических связей имел для Кубы и для современной России?

9. Какой интерес представляет опыт Латинской Америки для нашей страны?

Литература

- Африка. Региональные аспекты глобальных проблем / Отв. ред. С. А. Бессонов. М., 1996.
- Бурляй Я.* Интеграционные процессы в Западном полушарии // *Международная жизнь*. 2002. № 8.
- Документы и материалы Организации африканского единства. М., 1990.
- Лебедева Э., Эльянов А.* Тропическая Африка: вечный маргинал // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 6.
- Лопатов В.* Возможности России в Африке // *Международная жизнь*. 2000. № 5.
- Мутагиров Д. З.* Международные политические институты: Актуальные проблемы истории и теории. М., 2004.
- Проблемы Латинской Америки и международное право: В 2 кн. М., 1995.
- Россия и Латинская Америка: сходные проблемы зависимого развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 2, 3, 5.
- Салтанов А.* Африканский месяц май // *Международная жизнь*. 2004. № 4–5.
- Сизоненко А.* Россия—Бразилия: масштабные партнеры // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 2.
- Сизоненко А.* От Горчакова до Примакова (200 лет российского МИДа и отношения с Латинской Америкой) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 9.
- Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова. М., 1999.
- Средин В.* Россия и Африка // *Международная жизнь*. 2001. № 7.
- Сударев В. П.* Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М., 2000.
- Френкель М. М.* Африка: взаимодействие цивилизаций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 5.
- Эльянов А.* Глобализация и расслоение развивающихся стран // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 6.

НБ ПНУС

718505

Учебное издание

Мировая политика и международные отношения

Серия «Учебное пособие»

Под редакцией С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова

Заведующий редакцией	<i>П. Алесов</i>
Руководитель проекта	<i>М. Трофимова</i>
Выпускающий редактор	<i>А. Борин</i>
Литературный редактор	<i>Н. Иванова</i>
Художественный редактор	<i>Е. Дьяченко</i>
Корректоры	<i>М. Одинокова, Н. Сулейманова</i>
Верстка	<i>А. Борин</i>

ООО «Питер Пресс», Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Подписано в печать 25.01.07. Формат 60 × 90/16. Усл. п. л. 28.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3109.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2.
Тел.: (812) 531-20-00, 531-25-55.